

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

Журнал
социально-политических исследований

Издается с 1998 года

Том 14
Выпуск 3
2011

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ

ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ И
КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Номер регистрации: 620720-0459
Государственная администрация
патентов и регистрации
Швеции

ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАВКАЗА

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции
Азербайджанской
Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

CA&CC Press®. ШВЕЦИЯ

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 22 339
Государственная администрация патентов и регистрации Швеции

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ	Председатель редакционного совета Тел/факс: (994 - 12) 497 12 22 E-mail: elis@tdb.baku.az
Мурад ЭСЕНОВ	Главный редактор Тел/факс: (46) 920 62016 E-mail: m.esenov@gmail.com
Джаннатхан ЭЙВАЗОВ	Заместитель главного редактора Тел/факс: (994 - 12) 596 11 73 E-mail: jeyvazov@gmail.com
Тимур ШАЙМЕРГЕНОВ	Представитель журнала в Казахстане (Астана) Тел/факс: (+7 - 701) 531 61 46 E-mail: timur-cac@mail.ru
Леонид БОНДАРЕЦ	Представитель журнала в Кыргызстане (Бишкек) Тел.: (+996 - 312) 65-48-33 E-mail: lbondarets@mail.ru
Джамилия МАДЖИДОВА	Представитель журнала в Таджикистане (Душанбе) Тел.: (992 - 917) 72 81 79 E-mail: madzamila@mail.ru
Фархад ТОЛИПОВ	Представитель журнала в Узбекистане (Ташкент) Тел.: (998 - 71) 125 43 22 E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com
Зия КЕНГЕРЛИ	Представитель журнала в Азербайджане (Баку) Тел: (+994 - 50) 3006694 E-mail: ziken12@yahoo.co.uk
Арутюн ХАЧАТРЯН	Представитель журнала в Армении (Ереван) Тел: (374 - 10) 56 59 65 E-mail: haroutiun@gmail.com
Кахабер ЕРАДЗЕ	Представитель журнала в Грузии (Тбилиси) Тел.: (+995 - 95) 45 82 88 E-mail: kakha_ae@yahoo.com
Владимир МЕСАМЕД	Представитель журнала на Ближнем Востоке (Иерусалим) Тел.: (972) 2 5882332 E-mail: mssamed@olive.mssc.huji.ac.il
Конрад ШАФФЛЕР	Представитель журнала в Германии (Мюнхен) Тел.: (49 - 89) 3003132 E-mail: GA-infoservice@s.m.isar.de
Сунь ЧЖУАНЧЖИ	Представитель журнала в Китае (Пекин) Тел.: (86) 10-64039088 E-mail: sunzhzh@isc.cass.net.cn
Ирина ЕГОРОВА	Представитель журнала в Российской Федерации (Москва) Тел. (7 - 495) 3163146 E-mail: egorova@mosinfo.ru
Роберт ГУАН ТЯНЬ	Представитель журнала в США (Буффало, Нью-Йорк) Тел.: (716) 880-2104 E-mail: robert.g.tian@medaille.edu
Рустем ДЖАНГУЖИН	Представитель журнала в Украине (Киев) Тел.: (380-44) 524 79 13 E-mail: zhangozha@yahoo.co.uk

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гиули АЛАСАНИЯ	Доктор исторических наук, профессор, проректор Международного университета Черного моря (Грузия)
Бюлент АРАЗ	Доктор, заведующий кафедрой международных отношений Университета Фатих (Турция)
Марьям АРУНОВА	Доктор политологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук (Российская Федерация)
Гарник АСАТРЯН	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранских исследований Ереванского государственного университета (Армения)
Бакыт БЕШИМОВ	Доктор исторических наук, профессор, вице-президент американского университета в Центральной Азии (Кыргызстан)
Пол ГОБЛ	Главный консультант радиостанции «Голос Америки» (США)
Сергей ГРЕЦКИЙ	Доктор, заведующий кафедрой Центральной Азии Института Заграничной службы Государственного департамента США (США)
Син ГУАНЧЭН	Доктор политических наук, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук (Китай)
Александр ИГНАТЕНКО	Президент Института религии и политики, доктор философских наук, исламовед, главный эксперт Института социальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация)
Ашурбой ИМОМОВ	Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Таджикского национального университета (Таджикистан)
Лена ЙОНСОН	Доктор, старший научный сотрудник Института международных отношений Швеции (Швеция)
Ариель КОЭН	Доктор, ведущий аналитик Фонда «Наследие» США (США)
Яков М. ЛАНДАУ	Профессор политологии Еврейского университета (Израиль)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Аффилированный ведущий аналитик Датского института международных исследований, Копенгаген (Дания)
МАКФАРЛЕН	Профессор, директор Центра международных исследований Оксфордского университета (Великобритания)
Алексей МАЛАШЕНКО	Доктор исторических наук, член научного совета и Сопредседатель программы «Этничность и нации-строительство» Московского центра Карнеги (Российская Федерация)
Аббас МАЛЕКИ	Доктор, генеральный директор Международного института по исследованию Каспийского региона (Иран)
Акира МАТСУНАГА	Доктор, эксперт по истории Центральной Азии и Кавказа, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Виталий НАУМКИН	Доктор исторических наук, профессор, Директор Центра стратегических и международных исследований РФ (Российская Федерация)
Еренгаип ОМАРОВ	Профессор, ректор университета Кайнар, президент Академии естественных наук Республики Казахстан (Казахстан)
Владимир ПАПАВА	Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Грузии, эксперт Фонда стратегических и международных исследований Грузии (Грузия)
Фредерик СТАРП	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Уильям ФИЕРМАН	Доктор политических наук, профессор Индианского университета (США)
Клара ХАФИЗОВА	Доктор исторических наук, директор Центра стратегических и международных исследований, профессор факультета международных отношений и внешней политики Университета «Кайнар» (Казахстан)

Материалы, публикуемые в журнале,
не обязательно отражают точку зрения Редакции и Редколлегии

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
CA&CC Press AB
Hubertusstigen 9. 97455 Luleå
SWEDEN

ВЕБ АДРЕС: www.ca-c.org

© «Центральная Азия и Кавказ», 2011
© CA&CC Press®, 2011

**«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
И
КАВКАЗ»**

Журнал социально-политических исследований

**Том 14
Выпуск 3
2011**

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Н. Мегоран,* ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
Дж. Хезершоу. БЕЗОПАСНОСТЬ И ОПАСНОСТИ 7
- Э. Габдуллин,* ТРАНСФОРМАЦИЯ
А. Абирова. АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
В АФГАНИСТАНЕ:
РИСКИ БЕЗОПАСНОСТИ
ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 21
- А. Фараджирад,*
Дж. Хансари, АФГАНСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И
З. Радмехр, НЕСТАБИЛЬНОСТЬ
М. Дархор. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 33
- Л. Овсепян.* ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРЕЦКО-РОССИЙСКОГО
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА 46

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

- К. Смагулов.** СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ
В КАЗАХСТАНЕ 53
- Е. Бурова.** КАЗАХСТАН:
ФЕНОМЕН «НАВЯЗАННОЙ» ИДЕНТИЧНОСТИ 73
- В. Иванов.** РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ
В АДЖАРИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ГРУЗИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 90
- В. Акаев.** ИСТОРИЯ И СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО
ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 104

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- Б. Эргашев.** ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ
В НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ 120
- А. Алексанян.** ЦИВИЛИАРХИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА
В АРМЕНИИ 132

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Л. Розмарин.** КОНВЕРГЕНЦИЯ И КОНФЛИКТ:
ВЛИЯНИЕ «СТРУКТУРЫ» И ПОЛИТИКИ
НА ОТНОШЕНИЯ РОССИИ, КИТАЯ И
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ 146
- Е. Габер.** ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ И
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 159
- Ф. Толипов.** К ВОПРОСУ О «БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ»
УЗБЕКИСТАНА 171

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

- Р. Махмудов.** ОЦЕНКА НЕФТЕГАЗОВЫХ ЗАПАСОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И
ПЕРСПЕКТИВНЫХ РЫНКОВ ИХ СБЫТА
(ЕС И КИТАЙ) 183
- С. Саруханян.** ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АРМЕНИИ:
ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ 197

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- А. Маркосян,** ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
М. Петросян. НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН 207

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

**В последующих рубриках «Темы номера»
будут рассмотрены:**

- **Энергетическая политика и энергетические проекты
в странах Центральной Евразии**
- **Региональные центры силы и их политика
в Центральной Евразии**
- **Современный политический процесс в странах
Центральной Евразии**

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ****ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
БЕЗОПАСНОСТЬ И ОПАСНОСТИ¹****Д-р Ник МЕГОРАН**

*старший преподаватель политической географии
Университета Ньюкасла
(Ньюкасл, Великобритания)*

Д-р Джон ХЕЗЕРШОУ

*старший преподаватель международных отношений
Университета Эксетера
(Эксетер, Великобритания)*

В в е д е н и е.***Эта опасная Центральная Азия?***

Центральная Азия (ЦА) — это арена и источник неких особых и особенных опасностей. По крайней мере, такова расхожая мудрость политического и журналистского сообществ Запада, индуст-

рии развлечений, да и немалой части академической регионалистики. Мы же категорически не согласны с этим и убеждены, что пора развеять недоразумения и предрассудки, на которых держится этот «дискурс опасности».

¹ Настоящая публикация представляет собой переработанную версию статьи авторов «Contesting Danger: A New Agenda for Policy and Scholarship on Central Asia» // *International Affairs* (London), May 2011, Vol. 87, No. 3. P. 589—612. Воспроизводится с разрешения правообладателей.

В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос: «Как и почему Центральную Азию воспринимают и изображают каким-то особо опасным местом и к каким последствиям это приводит?» Ответ позволит очертить и рассмотреть тот «дискурс опасности», в рамках которого западные политические функционеры, представители академического сообщества, журналисты и широкая общественность интеллектуально осваивают все происходящее в регионе. Под «дискурсом» мы понимаем глубинные, универсальные и, казалось бы, само собой разумеющиеся исходные допущения, задающие основу и контекст для осмысления мира. Мы утверждаем, что содержание едва ли не большей части материалов по мировой политике и международным отношениям, новостных сообщений и репортажей, политических комментариев, фильмов, документальных сюжетов и даже академических публикаций по проблемам безопасности, конфликтов и международных отношений в Центральной Азии строится в соответствии с основанным на предубеждениях «дискурсом опасности». Этот дискурс акцентирует угрозы Западу и одновременно игнорирует те опасности, которые вызывают тревогу в самих центральноазиатских обществах. Его-то мы и раскрываем и критически рассматриваем в нашей статье.

Подобный геополитический анализ необходим по двум причинам.

- Во-первых, то, как политик оценивает те или иные географичес-

кие территории, влияет на то, как он действует. И в этом смысле западный дискурс опасности несет в себе угрозу для самой Центральной Азии.

- Во-вторых, исходное допущение опасности региона серьезно влияет на то, какие именно региональные исследования получают финансирование и публикуются.

Таким образом, до известной степени оно заранее формирует западные исследования Центральной Азии. Это западное геополитическое видение Центральной Азии и будет оспорено в данной статье.

В первой части статьи мы наметим общие контуры теории критической геополитики, на которую мы опираемся; затем охарактеризуем в общем виде картину опасности, вырисовывающуюся из западных исследований Центральной Азии. Далее будут рассмотрены три аспекта дискурса опасности: Центральная Азия как нечто *непонятное и непостижимое*, нечто *сугубо ориентальное* и нечто *непредсказуемо-взрывоопасное*. Заканчивается статья призывом к академическому сообществу оспорить западный дискурс опасности, уделив больше внимания альтернативным, исходящим из самой Центральной Азии нарративам опасности и более широкому контексту глобальных экономических процессов, преобразующих общество и экономику стран Центральной Азии.

Критическая геополитика и дискурс опасности

Отвечая на сформулированный выше вопрос, мы опираемся на теоретический конструкт критической геополитики. Геополитика, если воспользоваться определением Дж. Агню, — это изучение того, «как в реальности политические географы, другие ученые и политические лидеры пространственно представляют, дробят и классифицируют мир и упорядочивают его в виде иерархии более и менее «важных» мест»². *Классическая геополитика*

² Agnew J. Geopolitics: Re-Visioning World Politics. London: Routledge, 2003. P. 3.

тика исходит из того, что весь ход человеческой истории в значительной мере предопределен физической географией мира. Ведущий представитель геополитики этого типа — британский империалист Х. Маккиндер (1861—1947). *Критическая геополитика*, напротив, отрицает прямую зависимость мирового порядка от его природного субстрата и рассматривает этот порядок как социально и исторически выстраиваемый. Для этого она «самым пристальным образом изучает географические допущения, обозначения и конвенции, участвующие в формировании мировой политики»³, стремясь понять, как именно в рамках господствующих представлений «сшивают» друг с другом описания мест и людей в попытке изложить и «объяснить» ход событий»⁴. Критическая геополитика вовсе не отрицает, что мир — место для многих опасное. Она просто пытается в первую очередь разобраться в том, как и почему те или иные места рассматриваются как опасные и к каким последствиям это ведет.

Критическая геополитика утверждает, что геополитика не сводится к «ученым» трудам специалистов по геополитике вроде Маккиндера. Геополитика — это еще и практический геополитический дискурс различных органов, таких как внешнеполитические мозговые центры и правительственные бюрократические машины, а также различные популярные геополитические идеи, которые можно встретить в СМИ, фильмах, романах, телевизионных документальных сюжетах и т.п. Как замечают Дж. О’Туатейл и С. Долби, «геополитика пронизывает повседневную жизнь народов»⁵. В настоящей статье с помощью этого подхода мы рассмотрим, как именно Центральную Азию вписывают в глобальное пространство в виде объекта множественных и пересекающихся научных, практических и популярных дискурсов, изображающих ее как особо опасное место. Такого рода геополитический анализ весьма важен: ведь то, каким образом люди — и сами по себе, и как элементы различных организационных структур — мыслят о тех или иных географических территориях, влияет на их образ действий по отношению к этим территориям.

Опасности в западных исследованиях Центральной Азии

Долгое время «опасность» была одной из самых важных призм, сквозь которые европейцы и североамериканцы могли рассматривать и «осваивать» Центральную Азию, основываясь на западных, прежде всего британских и американских, исследованиях. Во времена «большой игры» XIX века в неизвестной и не союзной Британии Центральной Азии видели потенциальную угрозу для власти Британской империи. В период холодной войны в преобладающей массе западных работ по Центральной Азии повторялась мысль, что регион таит постоянную угрозу для Москвы. Ученые считали прямо не проявляющуюся тюркскую национальную гордость «самым прочным и надежным убежищем» от попыток Советов преобразовать регион»⁶. Из-за того, что советская Средняя Азия

³ Ibid. P. 5.

⁴ Dodds K. Geopolitics in the Foreign Office: British Representations of Argentina 1945—1961 // Transactions of the Institute of British Geographers, 1994, Vol. 19, No. 3. P. 276.

⁵ Ó Tuathail G., Dalby S. Introduction: Rethinking Geopolitics: Towards a Critical Geopolitics. В кн.: Rethinking Geopolitics / Ed. by G. Ó Tuathail, S. Dalby. London: Routledge, 1998. P. 5.

⁶ Hambly G., Bennigsen A., Bivar D., Carrère d’Encausse H., Hajianpur M., Lamb A., Lemerrier-Quelquejey Ch., Pierce R. Central Asia. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. P. 241—242.

испытала «неудавшуюся трансформацию»⁷, регион якобы постоянно сохранял органический антагонизм по отношению к Москве и был источником «исламской угрозы Советскому государству»⁸.

С распадом СССР место знаний о Центральной Азии времен холодной войны заняла «транзитология» 1990-х годов. Согласно этой парадигме, новые независимые республики Центральной Азии совершали «транзит» к демократическому рыночному капитализму западного типа. Однако при этом приверженцев транзитологии постоянно преследовал страх, что этому нормативному сдвигу в сторону западной модели что-то угрожает. Так, Г. Фуллер писал, что США обеспокоены возможностью превращения региона в «рассадник гражданских войн, распространения ядерного оружия, радикальных исламистских движений, в поле боя азиатской геополитики, в экологическую пустошь, экономического калеку, в объект возрождающихся российских имперских планов»⁹. Вспышки межэтнического насилия в регионе на закате Советского Союза и гражданской война в Таджикистане, казалось, полностью подтверждали эти опасения и еще больше побуждали анализировать ситуацию в регионе в терминах миротворческих действий и предотвращения конфликтов. Эти тенденции были подытожены в исследовании Барнетта Рубина и Нэнси Любин «Calming the Ferghana Valley» (Умиротворение Ферганской долины)¹⁰, выполненном в 1999 году для американской неправительственной организации «Совет по международным отношениям». Таким образом, за последние полтора столетия в западном геополитическом воображении регион постоянно позиционировался как связанный с теми или иными опасностями.

Впервые подобное восприятие Центральной Азии было оспорено в критических исследованиях международных отношений и геополитики. В опубликованной в 2000 году рецензии на упоминавшийся доклад «Calming the Ferghana Valley» Н. Мегоран критиковал проект Центра превентивных действий (Center for Preventive Action) за поверхностный характер анализа и за методологические недостатки¹¹. В 2005 году к дискуссии присоединились и другие ученые, выступившие на страницах подготовленного Джоном Хезершоу и Стиной Торьесен специального выпуска журнала «Central Asian Survey» (Обзор Центральной Азии) под общим заглавием «Дискурсы опасности в Центральной Азии»¹². Авторы опубликованных в нем работ обращали внимание на то, что утверждения различных региональных и международных миротворцев и специалистов по предотвращению конфликтов об особой опасности региона не подтверждаются эмпирическими данными.

В 2007 году профессиональное сообщество специалистов по предотвращению конфликтов отреагировало на критику в тематическом номере журнала «Communist and Post-Communist Studies» (Исследования коммунистического и посткоммунистического периодов) под редакцией Д. Сандоула и К. Коростелиной под общим заглавием «Conflict and Conflict Resolution in Central Asia: Dimensions and Challenges» (Конфлик-

⁷ Soviet Central Asia: The Failed Transformation / Ed. by W. Fierman. Boulder, Westview, 1991.

⁸ Bennigsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. London: Croom Helm, 1983.

⁹ Fuller G. Central Asia: The Quest for Identity // Current History, 1994, Vol. 93, No. 582. P. 149.

¹⁰ См.: Rubin B., Lubin N. Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia. Report of the Ferghana Valley Working Group of the Center for Preventive Action. New York: Century Foundation, 1999.

¹¹ См.: Megoran N. Calming the Ferghana Valley Experts. A Review Essay of «Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia» by Nancy Lubin, Barnett Rubin, and the Center for Preventive Action. New York: The Century Foundation Press, 1999 // Central Asia Monitor, Vol. 2000, No. 5. P. 20—25.

¹² Discourses of Danger in Central Asia / Ed. by J. Heathershaw, S. Torjesen // Central Asian Survey, 2005, Vol. 24, No. 1. P. 1—96.

ты и их урегулирование в Центральной Азии: масштабы и вызовы). Во многих статьях номера рассматривался потенциал насилия в регионе в парадигме анализа конфликтов. В заключительном редакционном материале Д. Сандоул утверждал, что на страницах выпуска с успехом опровергается «дискурс опасности», но отметил также ряд проблем региона, вызывающих опасения и требующих специальных усилий от соответствующих акторов в пяти странах региона, от ближайших соседей этих стран и от «той части международного сообщества, которую затрагивает или беспокоит сложившаяся ситуация»¹³.

В анализе Д. Сандоула механизм возникновения конфликтов толкуется в духе детерминизма: плохое образование стимулирует миграцию, а та, в свою очередь, порождает социальные беспорядки; мигранты пополняют ряды приверженцев «неофициального» политического ислама, стремящихся свергнуть укрепившиеся в этих странах авторитарные режимы, и тем самым превращаются в один из факторов принятия решений в «большой игре» вокруг Центральной Азии; это само по себе обостряет мятежи и конфликты.

В рассуждениях Д. Сандоула совершенно не учитывается роль субъективных интерпретаций, в том числе и его собственных исходных посылок. Вследствие этого он извлекает выводы о конфликтном потенциале Центральной Азии не из эмпирических данных о реальных конфликтах, а из проблем региона.

Мы в нашем споре с «дискурсом опасности» вовсе не утверждаем, что Центральная Азия не сталкивается с трудностями и угрозами. Просто мы пытаемся показать, что утверждения, подобные аргументам Д. Сандоула, выводятся из самого дискурса опасности, основанного на предубеждениях, замкнутого на самом себе и отражающего лишь те угрозы, которых страшится Запад, но не те, что испытывают и воспринимают в качестве актуальных сами жители Центральной Азии. А эти последние угрозы могут быть гораздо больше связаны с нынешней капиталистической перестройкой или с возведением разного рода националистических барьеров и границ¹⁴. Мы вовсе не утверждаем, будто исламизм, организованная преступность или терроризм не являются реальными чертами социальной жизни Центральной Азии — все это присутствует в регионе, как и во многих других частях мира. Мы говорим о другом — о том, что явно преувеличенные заявления отдельных аналитиков о «несостоявшихся государствах» в Центральной Азии не основываются на фактах. К тому же такой анализ далеко не всегда позволяет разглядеть подлинное социальное и политическое значение действий, которые помещают под рубрику «угроз», и понять, как эти действия влияют на другие социальные процессы и какое влияние они сами испытывают со стороны таких процессов. Факты не подтверждают детерминистский подход Д. Сандоула, в соответствии с которым слаборазвитость сама собой автоматически порождает конфликты. Многие другие аналитики подчеркивают относительную слабость исламизма в регионе¹⁵ и относительно невысокую интенсивность конфликта между великими державами в так называемой «новой большой игре»¹⁶. Основой для аргументов Д. Сандоула служат вовсе не факты, а априорный геополитический дискурс опасности, к трем основным аспектам которого мы и перейдем.

¹³ Sandole D. Central Asia: Managing the Delicate Balance between the «Discourse of Danger», the «Great Game» and Regional Problem Solving // Communist and Post-Communist Studies, 2007, Vol. 40, No. 2. P. 260—261.

¹⁴ См.: Megoran N. The Critical Geopolitics of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Ferghana Valley Boundary Dispute, 1999—2000 // Political Geography, 2004, Vol. 23, No. 6. P. 731—764.

¹⁵ См.: Lewis D. The Temptations of Tyranny in Central Asia. London: Hurst and Company, 2008.

¹⁶ Collins K., Wohlforth W. Central Asia: Defying «Great Game» Expectations. В кн.: Strategic Asia 2003—2004: Fragility and Crisis / Ed. by R.J. Ellings, A.L. Friedberg. Seattle, Washington: National Bureau of Asian Research, 2003. P. 291—317.

Первый аспект:**Центральная Азия как нечто непонятное**

Возможно, самый яркий из отмеченных выше элементов западного геополитического взгляда — тема «непонятности» Центральной Азии. Для западного геополитического анализа Центральная Азия — это что-то очень далекое, малоизвестное и недоступное пониманию, и уже в силу этого она таит для Запада угрозу, от которой следует оберегаться. Эта тема сегодня оказывается особенно актуальна в связи с «большой игрой», особенно когда в нынешних рассуждениях о «новой большой игре» встречаешь фрагменты из переизданий давних отчетов и рассуждений британских и американских исследователей¹⁷.

В 1996—2006 годах на американском телевидении шел очень популярный и получивший отличную прессу сериал Аарона Соркина «Западное крыло». Действие его разворачивалось в Белом доме при вымышленном президенте Джеде Бартлете (его играл Мартин Шин). На пике популярности аудитория сериала достигала 15—20 млн зрителей, по большей части состоятельных, высококвалифицированных людей, городских жителей и «либералов»¹⁸. Сам Соркин утверждал, что, создавая сериал, он стремился представить несколько идеализированную картину вашингтонской политики, предназначенную для образованной, компетентной аудитории¹⁹. Нарисованная им картина американских властных структур пусть и не списана с натуры, но выглядит вполне достоверной — и тем лучше выполняет свои функции по формированию общественного мнения. Как писал автор одной из рецензий на этот сериал, «роль массовой культуры и расхожих мнений велика, они составляют фундамент того, что многие люди думают о мире, в котором живут»²⁰.

В «Западном крыле» было три сюжета, связанных с событиями в постсоветской Центральной Азии. Два — не более чем эпизоды, зато третий — развернутое повествование о масштабном международном вооруженном конфликте в Казахстане, растянувшееся на весь заключительный сезон демонстрации сериала. И помимо этих трех сюжетов по ходу действия несколько раз упоминались те или иные страны Центральной Азии. Все такие случаи — без единого исключения — полностью согласуются с общей линией на изображение Центральной Азии в «Западном крыле»: перед нами нечто непонятное, неопределенное и потому таящее опасности.

В первый раз тема Центральной Азии в сериале возникает в сцене «Завтрак руководства» (второй сезон, 11 серия, демонстрировалась 10 января 2001 г.). В этой сцене один из персонажей, Сэм Сиборн (в исполнении Роба Лоу), человек в остальных отношениях в высшей степени эрудированный, в беседе с влиятельным журналистом путает Казахстан с Кыргызстаном (а речь идет о подозрениях относительно обладания ядерным оружием), что затем приводит к ряду проблем. Позже в разговоре с коллегой, Донной Мосс, Сэм осознает допущенную ошибку и очень расстраивается:

Сэм: Кыргызстан — он на том склоне горки, что обращен к Китаю, там же одни козевники и овцы.

¹⁷ См.: *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997; *Starr S.F.* Making Eurasia Stable // *Foreign Affairs*, 1996, Vol. 75, No. 1. P. 80—92 (см. также: *Edwards M.* The New Great Game and the New Great Gamers: Disciples of Kipling and Mackinder // *Central Asian Survey*, 2003, Vol. 22, No. 1. P. 83—102).

¹⁸ *Elber L.* «West Wing» at Ratings Crossroads // *Associated Press*, 22 October 2002 [http://b4a.healthinterest.net/news/000172.html], 31 July 2009.

¹⁹ См.: Интервью с Аароном Соркиным (дивиди диск).

²⁰ *Philpott S., Mutimer D.* Inscripting the American Body Politic: Martin Sheen and Two American Decades // *Geopolitics*, 2005, Vol. 10. P. 338.

Донна: Ну, может, в Кыргызстане все-таки есть ядерное оружие...

Сэм: Да там и кастрюлю-то не сразу найдешь!

Недоразумение приобретает совсем уж комический характер в одной из следующих серий, где Сэм упрощает Донну, чтобы та, когда через несколько дней она встретится с журналистом в картинной галерее, каким-то образом в разговоре дала понять, что Сэм, конечно же, имел в виду Казахстан.

Думается, неслучайно именно Центральная Азия оказалась не по зубам даже Сэму Сиборну со всей его эрудицией. Журналисты, комментаторы, авторы путевых заметок, создатели фильмов постоянно представляют нам Центральную Азию как что-то «затерянное», «неисследованное», «далекое». Подобный геополитический образ Центральной Азии в массовом сознании играет огромную роль. Непонятая или неверно понимаемая, Центральная Азия не укладывается в современные дискурсы геополитики и международных отношений, предполагающие для любого геополитического объекта понятные и фиксированные границы, возможность четко определить, что является его элементом, а что лежит за его пределами. А раз «непонятная» Центральная Азия не желает отвечать диктуемому новым временем условию жесткой определенности, то ее акторов и институты можно не принимать в расчет. Центральная Азия предстает каким-то «антонимом» нашим идеалам — но таким, чья природа не ясна. Это обстоятельство вытесняет регион куда-то на обочину — «на склон горки», где «и кастрюлю не сразу найдешь», — а значит, делает его геостратегически неважным.

Куда более длинная сюжетная линия разворачивается на протяжении большей части последнего сезона демонстрации сериала в 2005/2006 году. В нескольких сериях развивается сюжет о заговоре с целью убить вымышленного президента Казахстана (который персонажи сначала снова путают с другой страной — теперь уже с Узбекистаном) Исатова и главу региональной нефтяной компании. За всем этим следуют сфальсифицированные выборы, гражданские волнения («народ Казахстана вышел на улицы, потому что у него украли выборы!») и вторжение в страну российских и китайских войск («война за нефть»). Лишь массивная интервенция США, которые ввели в страну 150-тысячный воинский контингент, позволяет развести противостоящие силы двух великих держав. Пресс-секретарь Белого дома С.Дж. Крегг (Элисон Дженни) комментирует ситуацию следующим образом: «Я пытаюсь не дать Китаю и России уничтожить из-за казахстанской нефти все Северное полушарие».

Эта сюжетная линия в духе «новой большой игры» выглядит для исследователя поистине захватывающей: ее пример ясно показывает, каким образом непонятную и неизвестную Центральную Азию делают понятной и известной, описывая события в терминах устоявшихся геополитических и внешнеполитических стереотипов национальной безопасности и разрешения конфликтов. В этой картине Китай и Россия обречены на конфликт в своем неизбежном соперничестве за ограниченные ресурсы, а Соединенные Штаты выступают в роли благостного нейтрального миротворца. Национальные элиты региона — коррумпированные, полностью контролируемые великими державами и абсолютно безразличные к правам и благополучию своих народов — так и не выходят на сцену. Наконец, и сами народы Центральной Азии скрыты из виду: им отводится лишь роль носителей универсального человеческого стремления к демократическому транзиту. Подобное распределение ролей не слишком отличается от того, что рисовала западная пресса в геополитических описаниях происходящего в регионе, особенно во время двух наиболее заметных политических событий 2005 года: «революции тюльпанов» в Кыргызстане и «андижанской бойни» в Узбекистане. Оба события массивно и не слишком адекватно интерпретировались прессой как борьба народов за демократию, подавляемая авторитарными правительствами при полной политической безучастности великих дер-

жав, несмотря на определенное давление в пользу реформ со стороны Запада. Будучи местом непонятым и непредсказуемым, Центральная Азия является источником опасностей. Западные державы по понятным причинам относятся к этим опасностям с безразличием — но себе же на беду.

Второй аспект:

Центральная Азия как нечто сугубо ориентальное

Второй характерный мотив западного геополитического дискурса о Центральной Азии — восприятие региона как места сугубо «восточного», ориентального. Ориентализм неразрывно связан с колониальным опытом на Ближнем Востоке²¹. Майер показал, как западные работы времен холодной войны, посвященные Центральной Азии, ориентализируют свой объект — прежде всего тем, что рассуждают о нем в терминах, применяемых по отношению к колониальным народам Востока²². Сегодня «азиатскость» Центральной Азии присутствует в мировом восприятии в контексте ее описаний с точки зрения борьбы с терроризмом, борьбы с наркотиками и практических аспектов продолжающейся западной операции в Афганистане. После того как государства Центральной Азии стали независимыми от Советского Союза, о них все чаще и чаще упоминают в одном контексте не с их прежними европейскими соотечественниками по Советскому Союзу, а с их южными соседями, прежде всего с Афганистаном и Пакистаном. Рассуждения о пяти постсоветских государствах региона в терминах дискурса безопасности ориентализируют эти страны, представляют их территориями, подверженными угрозе опасной «афганизации», продолжением Ближнего Востока и/или Азии.

Значение региона для международной безопасности конструируется на основе такого пространственного воображения и таких географических рассуждений, которые позиционируют Центральную Азию «на рубежах» Афганистана и даже относят ее к одному с Афганистаном региону²³. Подобное отношение заставляет смотреть на ЦА как на один из самых опасных и проницаемых для угроз регионов мира. Глава Института стратегических исследований Военного колледжа сухопутных войск США описывает ее как «ключевой театр военных действий в войне с терроризмом»²⁴, который, по мнению Р. Гирагосяна, сегодня «приобрел новое стратегическое значение»²⁵.

То, что США в своей внешнеполитической концепции стремятся увязать в рамках единой структуры Центральную Азию с Южной, — это не просто следствие их вовлеченности в Афганистане и того, что для обеспечения афганских операций используются военные базы в Кыргызстане и Узбекистане. Здесь на взрыв активности после событий 11 сентября 2001 года наложились прежние представления о Центральной Азии как о регионе преимущественно ориентально-азиатском и антисоветски настроенном. Все это вместе и породило американские попытки интегрировать Центральную Азию с Афганистаном в единой внешнеполитической и военно-политической структуре. По сло-

²¹ См.: *Said E.* Orientalism. New York: Vintage, 1979.

²² См.: *Myer W.* Islam and Colonialism: Western Perspectives on Soviet Asia. London: Routledge/Curzon, 2002.

²³ См.: *MacFarlane S.N.* The United States and Regionalism in Central Asia // *International Affairs*, 2004, Vol. 80, No. 3. P. 447—461.

²⁴ *Lovelace D.* Foreword. В кн.: *Strategic Consequences of the Iraq War: US Security Interests in Central Asia Reassessed* / Ed. by E. Wishnick. US Army War College: SSI. P. iii.

²⁵ *Giragosian R.* The Strategic Central Asian Arena // *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2006, Vol. 4, No. 1. P. 133.

вам помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Элизабет Джоунс, «после 11 сентября стратегические интересы США в регионе сосредоточились на борьбе с терроризмом, и прежде всего на ликвидации террористов и других подрывных группировок»²⁶. Благодаря этому стратегическое присутствие США в регионе после 11 сентября резко возросло. Были развернуты военные базы «Ганси» («Манас») и «Карши-Ханабад», получено право пролета через воздушное пространство Таджикистана и Туркменистана. Как отмечает Ф. Хилл, «основные интересы Америки лежат в сфере безопасности, и состоят они в том, чтобы не допустить «афганизации» Центральной Азии, ее «заселения» новыми террористическими группировками, способными угрожать стабильности близлежащих регионов и наносить удары по Соединенным Штатам»²⁷.

Такая логика повлияла даже на внутреннюю реорганизацию Госдепартамента США. К концу 2005 года Центральная Азия была выведена из компетенции руководимого Э. Джоунс отдела Европы и Евразии и передана в ведение вновь созданного Бюро по делам Южной и Центральной Азии (см. рис. 1). Предвестником этой перемены стала передача региона в октябре 1999 года из зоны ответственности Атлантического командования Министерства обороны США в зону ответственности его Центрального командования (Центкома). Эта бюрократическая реорганизация уже сама по себе показывала, что США воспринимают регион в отрыве от славянских постсоветских государств. Такое понимание отражается на общей политике в регионе. Например, если, как считают американцы, Центральная Азия политически и культурно ближе к Пакистану и Афганистану, чем к Беларуси или Грузии, — это позволяет понять, почему вашингтонский аналитик может утверждать, что роль России в регионе периферийная и постоянно уменьшается²⁸.

Вашингтонские специалисты по анализу проблем безопасности добавляют к аргументам о культурно-исторической близости еще и соображения о современной ситуации в сфере безопасности. Профессору анализа боевых действий Военно-морского колледжа США Т. Барнету Центральная Азия представляется частью «неинтегрированного провала» (включающего также большую часть Африки, Ближний Восток, Южную Америку и Пакистан/Афганистан, но не Россию или Европу), который в силу его «изолированности» таит опасность для «ядра» глобализации²⁹. Крис Сайпл, директор мозгового центра «Институт глобального взаимодействия» видит Центральную Азию «на самой вершине дуги кризиса, поднимающейся из Северной Африки к Центральной Азии, перед тем как спуститься в Южную Азию»³⁰. Бывший министр обороны США Дональд Рамсфельд отмечает «широкую дугу нестабильности, протянувшуюся от Ближнего Востока до Северо-Восточной Азии», которая несет угрозу жизненно важным интересам Соединенных Штатов³¹. Служебная принадлежность всех этих авторов позволяет судить, какими именно идеями обмениваются между собой правительственные учреждения и неправительственные организации. Отделяя Центральную Азию от постсоветского пространства, к кото-

²⁶ Paraphrasing of Jones' Testimony. В кн.: Strategic Consequences of the Iraq War: US Security Interests in Central Asia Reassessed. P. 4.

²⁷ Hill F. The United States and Russia in Central Asia: Uzbekistan, Tajikistan, Afghanistan, Pakistan, and Iran, 15 August 2002 // Brookings, 13 July 2001 [http://www.brookings.edu/speeches/2002/0815russia_hill.aspx].

²⁸ См.: Plater-Zyberk H. Tajikistan: Waiting for a Storm? // Central Asia Series, Conflict Studies Research Centre, London, May 2004, Vol. 4, No. 13.

²⁹ Barnett Th. The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century. New York: Berkeley Books, 2004. Русский перевод см.: Барнет Т. Новая карта Пентагона // Россия в глобальной политике, 2004, № 3 [http://globalaffairs.ru/number/n_3225].

³⁰ Seiple Ch. Uzbekistan: Civil Society in the Heartland // Orbis, Spring 2005. P. 246.

³¹ См.: Rumsfeld D. Annual Report to the President and to Congress. Washington: Department of Defense, 2002 [http://www.nti.org/e_research/official_docs/dod/2002/81502DOD.pdf], July 2009. P. 11.

Рисунок 1

Зона ответственности Бюро по делам Южной и Центральной Азии
Госдепартамента США

рому она принадлежит, и связывая ее вместо этого с Азией, эти авторы одновременно рисуют республики Центральной Азии как «место опасности».

Вразрез с этой концепцией идут дискуссии местных элит и местной общественности. Связи региона с Китаем в экономической сфере и в сфере безопасности растут по экспоненте, но и среди элит, и среди широкой общественности многие смотрят на эти связи с подозрением. К удивлению многих западных наблюдателей, опросы общественного мнения в странах Центральной Азии постоянно демонстрируют большее доверие к России, чем к США. В XXI веке потоки трудовой миграции воссоединили Центральную Азию с РФ, и именно в Россию бежали из Кыргызстана тысячи проживавших там узбеков, когда в 2010 году на юге страны разразилась вспышка насилия. К тому же многие представители элиты в странах Центральной Азии разделяют идею о своей близости Европе, и потому кое-кто из местных аналитиков отзывается о предпринятой в 2005 году реорганизации американского Госдепартамента с недоумением и насмешкой³². То, что постсоветские режимы Центральной Азии сегодня чаще сравнивают не с Беларусью, а с Афганистаном, — это не отражение реальных обстоятельств, а продукт дискурса опасности.

Т р е т и й а с п е к т:

Центральная Азия как нечто непредсказуемо-взрывоопасное

В качестве третьего элемента дискурса опасности мы выделили изображение Центральной Азии как чего-то *непредсказуемо-взрывоопасного* и, соответственно, одновременно и таящего угрозу для Запада, и нуждающегося в серьезной перестройке. Этими представлениями окрашены и западные работы, посвященные опасностям межэтнических конфликтов и межгосударственных пограничных споров в Ферганской долине.

В 1990-х годах после событий в Ферганской долине транзитологи часто тревожились, что межэтнические конфликты разорвут регион на части. Априорно установив «этническую основу новых государств Центральной Азии»³³, они исходили из утверждения, что «частота и напряженность кровопролитных межэтнических столкновений, по всей вероятности, будет нарастать»³⁴. Взгляд этот основывался на предположении, что «этничность» — это какая-то очевидная, реальная сила и ее воздействие более значимо, чем любой другой социальный процесс. За такого рода определениями не было ни каких-то серьезных попыток теоретического анализа «этничности», ни какой-то серьезной эмпирической исследовательской базы. Все, на чем они основывались, — весьма небесспорные истолкования вспышек насилия в советской Средней Азии в последние годы существования СССР. Наиболее масштабными вспышками такого рода были столкновения между узбеками и кыргызами в Узгенской и Ошской областях на юге тогдашней Киргизии (Кыргызстана)³⁵. Эти случаи выставлялись как пример «межэтнических противоречий», которые, по мнению авторов, «всегда составляли характерную черту положения дел в

³² См.: Интервью с Рашидом Абдулло, независимым политическим обозревателем. Таджикистан — Душанбе, июнь 2005.

³³ Clem R.S. The New Central Asia: Prospects for Development. В кн.: Geography and Transition in the Post-Soviet Republics / Ed. by M.J. Bradshaw. Chichester: John Wiley and Sons, 1997. P. 171—172.

³⁴ Kaiser R. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 370—371.

³⁵ См.: Asankanov A. Ethnic Conflict in the Osh Region in Summer 1990: Reasons and Lessons. В кн.: Ethnicity and Power in the Contemporary World / Ed. by K. Rupasinghe, V. Tishkov. Paris: United Nations University, 1996.

Центральной Азии»³⁶. Что еще важнее, было широко распространено мнение, что «это напряжение будет и далее нарастать»³⁷, а потому и в дальнейшем также станет основной характерной чертой региона. Такое детерминистское толкование межэтнических конфликтов вновь ожило в ходе весьма односторонней интерпретации вспышки насилия в Оше и Джелалабаде в 2010 году (см. ниже).

Восприятие Центральной Азии в терминах «межэтнических конфликтов» как «непредсказуемого и взрывоопасного региона» подпитывалось и соответствующим истолкованием пограничных споров конца 1990-х — начала 2000-х годов. В то время в Центральной Азии начался или ускорился процесс делимитации и демаркации межгосударственных границ. Со второй половины 1998 года Узбекистан стал строже контролировать перемещение людей и товаров через свои границы. Было закрыто множество мелких контрольно-пропускных пунктов, основные потоки транспорта были перенаправлены подальше от мест трансграничного перехода, усилен таможенный и пограничный контроль и даже возведено двухметровое ограждение из колючей проволоки на большом протяжении вдоль границ в Ферганской долине, а другие участки границы были заминированы. Эти предпринятые в одностороннем порядке шаги создали огромные неудобства для множества жителей приграничных районов, стали причиной вспышек отчаяния и ярости в пограничных пунктах, столкновений жителей с военнослужащими, гибели контрабандистов от огня пограничников, гибели скота, смертей и увечий людей, подрывавшихся на минах. Э. Макглинчи объединил все эти разнообразные процессы и споры и присвоил им общий ярлык «пограничной войны низкого уровня интенсивности»³⁸. В некоторых академических кругах разговоры об «этой взрывоопасной и непредсказуемой Ферганской долине» стали общим местом.

Но не только в научных кругах формируется представление об угрозах, которые таит Ферганская долина из-за ее непредсказуемой взрывоопасности. К тому же языку и той же логике прибегают журналисты³⁹, специалисты по проблемам развития⁴⁰, авторы документальных телепрограмм⁴¹. Изображаемая ими картина как бы утверждает, что вспышки насилия там вполне возможны просто потому, что межэтнические конфликты уже случались в прошлом. Тем самым практически не остается места для учета политических факторов, для анализа роли этнического предпринимательства как стимула к насилию или возможной роли государственных органов и негосударственных организаций в смягчении напряженности. Здесь как раз весьма показательна вспышка насилия в Оше в 2010 году. Вовсе не случайность, что в период правления президента Акаева (1991—2005 гг.) подобных вспышек не было: Акаев гораздо эффективнее регулировал межэтнические взаимоотношения, вступая в союзы с узбекскими лидерами на юге республики. При президенте Бакиеве (2005—2010 гг.) отношения ухудшились, поскольку тот опирался на союзников из числа крайних националистов, и, когда после его ухода образовался вакуум власти, разгорелось насилие. Все это вопросы политики, но дискурс опасности не располагает вдаваться в тонкости местной политической игры.

Бесхитростные утверждения о том, что межэтнические конфликты неизбежны уже в силу того, что они случались в прошлом и что сам регион взрывоопасен, поддерживаются игнорированием более строгих исследований, опровергающих их исходные посылы и выводы. Дж. Шоберлайн, например, показывает, что «этническая самоидентификация» в

³⁶ Haghayeghi M. Islam and Politics in Central Asia. New York: St Martin's Press, 1995. P. 186.

³⁷ Fane D. Ethnicity and Regionalism in Uzbekistan. В кн.: Ethnic Conflict in the Post-Soviet World: Case Studies and Analysis / Ed. by L. Drobizheva, R. Gottmoeller, C. McArdle Kelleher, L. Walker. London: M.E. Sharpe, 1996. P. 275.

³⁸ McGlinchey E. Powerless in Kyrgyzstan // RFE/RL Newline, 13 July 2000.

³⁹ См.: Caryl Ch. Declining Democracy // Newsweek Web Exclusive, 21 January 2001 [www.newsweek.com].

⁴⁰ См.: Rubin B., Lubin N. Op. cit.

⁴¹ См.: Holidays in the Danger Zone: Meet the Stans // BBC, 2002—2003.

Центральной Азии — это весьма зыбкий и подвижный социальный процесс, из которого не так-то просто вывести сценарии конфликтов⁴². Г. Смит отнюдь не одинок в утверждении, что «если проследить все случаи межэтнического насилия за постсоветский переходный период, то станет очевидно, что число новых вспышек насилия на почве межэтнических конфликтов существенно сократилось по сравнению с началом 1990-х годов»⁴³. Н. Мегоран показал, что «пограничные споры» — это не простой политический факт, но более сложный процесс: он осознается и оформляется в виде пограничных споров лишь в контексте соответствующих внутривосточных реалий и не обязательно связан с межэтническими противоречиями⁴⁴. Н. Полат в своем исследовании пограничных проблем в Центральной Азии отметил, что государства региона «благодаря усилиям, не прекращающимся с момента обретения независимости, по большей части сумели разрешить эти проблемы практически на всех направлениях»⁴⁵. Да, физическая опасность и системное насилие — существенный элемент повседневной жизни региона, но содержащаяся в дискурсе опасности специфическая картина конфликтов и опасностей, представляющая Центральную Азию как непонятную, ориентальную и непредсказуемо-взрывоопасную, — не соответствует действительности. Здесь необходим более сложный нарратив современного социального и политического конфликта, обращающий внимание на новые, каждый раз особые и обусловленные прежде всего политическими факторами причины конфликтов. И причины эти следует искать в процессах государственного строительства, национального строительства и формирования рыночных экономик с крайним социальным неравенством.

С л е д с т в и я :

Новая повестка дня для исследований Центральной Азии

Представляя Центральную Азию чем-то принципиально непонятным, ориентальным и непредсказуемо-взрывоопасным, западный геополитический дискурс формирует принципиально неверное понимание региона как опасного по самой своей природе. Воспроизводясь в академических работах, журналистских материалах, документальных телевизионных сюжетах, программах международной помощи, эти представления взаимно подкрепляют друг друга и получают широкое распространение. Данный «дискурс опасности» во многом определяет и сам язык, на котором формулируют и транслируют знание о регионе, — язык, с помощью которого западная аудитория оказывается способна мысленно освоить этот регион, включить его в систему своих представлений.

Этот дискурс опасности представляет далеко не чисто академический интерес — у него есть и вполне практические следствия. Так, после вспышки насилия в Оше в 2010 году международные организации и СМИ широко распространяли нарратив об узбеках, которым угрожает кыргызское государство и общество; в некоторых описаниях фигурировали такие выражения, как «погром» (Международная группа по предотвращению кризисов — ICG, 2010 г.) и «геноцид»⁴⁶. Кыргызская общественность, узнавая о подобных сообщениях через Интернет, чувствовала себя уязвленной и трактовала их как непо-

⁴² См.: Schoeberlein-Engel J. Identity in Central Asia: Construction and Contention in the Conceptions of «Ozbek», «Tajik», «Muslim», «Samarqandi» and Other Groups. Ph.D. thesis. Harvard, 1994.

⁴³ Smith G. The Post-Soviet States: Mapping the Politics of Transition. London: ArNo.lid, 1999. P. 227.

⁴⁴ См.: Megoran N. The Critical Geopolitics of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Ferghana Valley Boundary Dispute, 1999—2000.

⁴⁵ Polat N. Boundary Issues in Central Asia. Ardsley: Transnational Publishers, 2002. P. 167.

⁴⁶ Harding L. Kyrgyzstan Killings are Attempted Genocide, Say Ethnic Uzbeks // The Guardian, 17 June 2010. P. 1.

нимание ситуации, как нежелание замечать страдания самих кыргызов и то, что самим кыргызам представлялось угрозой кыргызскому государству. Повсеместным ответом на это был отказ признавать кыргызстанских узбеков жертвами и оправдание направленной против них «ответной реакции». То, как мы толкуем опасности Центральной Азии, самым реальным образом воздействует на местные реалии.

Аналогичным образом дискурс опасности создает информационную основу для выработки внешней политики Запада. В работе Н. Мегорана и др. обсуждаются западные программы содействия организации пограничного контроля в странах Центральной Азии. Эти исполненные благих намерений схемы полностью упускают из виду часто наблюдающееся сотрудничество сетей контрабандистов с коррумпированными правоохранительными органами. В результате предлагаемые схемы оборачиваются тяжелейшими затруднениями для челноков и мелких контрабандистов или полным их искоренением, но практически никак не препятствуют крупномасштабной организованной преступной деятельности⁴⁷. К. Бичсел, рассматривая международные усилия по разрешению водных споров в Ферганской долине⁴⁸, показывает, как дискурс опасности, которым проникнуты эти инициативы, рождает упрощенное и ошибочное понимание межэтнических конфликтов⁴⁹ и потому лишь увеличивает мощь местных элит, борющихся за контроль над государственным механизмом и над ресурсами. Аналогичным образом Дж. Хезершоу показывает, как применительно к ситуации постконфликтного Таджикистана дискурс опасности заставляет видеть источник угрозы в исламизированном и расколоте по этническому признаку таджикском обществе и в наличии слабого или даже несостоявшегося государства. Такое понимание угроз стимулирует международные попытки помочь Таджикистану в государственном строительстве, которые, в свою очередь, лишь усиливают авторитарный режим, закрепляют его полное преобладание в экономической и политической сфере и, как можно показать, только обостряют проблемы, которые пытаются решить⁵⁰. Меры международной помощи, к которым подталкивает дискурс опасности, не решают проблемы, а создают их. В этом смысле он сам составляет опасность для Центральной Азии.

Западный дискурс опасности вызывает возражения и своей наивностью и неточностью, и той реальной опасностью, которую он несет самой Центральной Азии. Мы убеждены, что опровержение этого дискурса должно стать важнейшей задачей и даже задать новую повестку дня для центральноазиатских исследований.

Задача не ограничивается критикой одной лишь западной картины событий. Дискурс опасности применительно к Центральной Азии можно встретить и в русскоязычных материалах, и в материалах на других языках. Нередко они при этом опираются на англоязычную литературу. Так, в России направление, называемое «исследование конфликтов» («конфликтология»), широко использует западную теорию и методологию разрешения конфликтов⁵¹. В самой ЦА представители научного сообщества воспроизводят дискурс опасности в работах, которые пишут в соавторстве с западными учеными, в материалах, которые они готовят в качестве экспертов и консультантов, в докладах, выполняемых по поручению международных организаций. То, как неравенство позиций и асимметрия в распределении силы и власти ведут к воспроизведению дискурса опасности, заслуживает самого пристального изучения.

⁴⁷ См.: *Megoran N., Raballand G., Bouyjou J.* Performance, Representation, and the Economics of Border Control in Uzbekistan // *Geopolitics*, 2005, Vol. 10, No. 4. P. 712–742.

⁴⁸ См.: *Bichsel Ch.* Conflict Transformation in Central Asia. London: Routledge, 2009.

⁴⁹ См.: *Bichsel Ch.* In Search of Harmony: Repairing Infrastructure and Social Relations in the Ferghana Valley // *Central Asian Survey*, 2005, Vol. 24, No. 1. P. 53–66.

⁵⁰ См.: *Heathershaw J.* Post-Conflict Tajikistan. London: Routledge, 2009.

⁵¹ См.: *Reeves M.* Locating Danger: *Konfliktologija* and the Search for Fixity in the Ferghana Valley Borderlands // *Central Asian Survey*, 2005, Vol. 24, No. 1. P. 67–81.

Бороться со всем этим непросто: слишком сильно укоренен дискурс опасности в существующих сетях и структурах власти. Другие подходы существуют и формулируются, но слишком часто их просто не воспринимают. Они не так удобны и плохо согласуются с некоторыми укоренившимися предубеждениями; чтобы понять их, нужно куда лучше знать и понимать Центральную Азию. Как утверждает Майер, необходимо «политически приходиться ко двору» — это условие по-прежнему определяет, какие именно интерпретации политической и социальной динамики Центральной Азии возобладают»⁵².

Контрнарратив, способный противостоять дискурсу опасности, должен раскрывать какие-то опасности из того широкого спектра угроз, который ощущают сами люди, семьи и сообщества в Центральной Азии перед лицом национализма, капиталистической перестройки и новых режимов управления территориями. Он поможет нам по-другому взглянуть на место Центральной Азии в глобальной политике и тем самым опровергнуть исходные геополитические допущения, на которых основывается дискурс опасности. А когда мы уменьшим те опасности, что сами создаем для Центральной Азии в роли ее исследователей, мы, возможно, сумеем ослабить и множество других опасностей для ее жителей.

⁵² Myer W. Op. cit. P. 269.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В АФГАНИСТАНЕ: РИСКИ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эльдар ГАБДУЛЛИН

*кандидат философских наук,
эксперт Центра современной политики (ЦЕСОП)
(Алматы, Казахстан)*

Аида АБИРОВА

*эксперт Центра современной политики (ЦЕСОП)
(Алматы, Казахстан)*

Введение

Сегодня Исламская Республика Афганистан (ИРА) — одна из горячих точек планеты: там пролегает фронт борьбы с международным терроризмом, апеллирующим к радикальному исламу; там сосредоточены многообразные экстремист-

кие группировки, процветает транснациональная преступность. Кроме того, Афганистан был и остается крупнейшим в мире производителем и поставщиком наркотиков.

Географически Афганистан «подпирает» Центральную Азию (ЦА) и не просто граничит со странами региона, но и связан с ними тесными этническими, культурными и религиозными узами; таджики, узбеки и туркмены живут по обе стороны бывшей советско-афганской границы.

Трансграничные этнические связи, нарушенные в советский период, сегодня постепенно восстанавливаются, и от этого влияние ситуации в Афганистане на ЦА усиливается.

Существование террористической организации «Талибан», против которой

США уже 10 лет ведут военную кампанию, по-прежнему самым существенным образом влияет на развитие Афганистана и во многом определяет расклад сил в зоне «АфПак» (в этой аббревиатуре американские эксперты и политики объединяют Афганистан и Пакистан).

Исход борьбы с талибами так или иначе отразится не только на безопасности центральноазиатских стран, но и, в немалой степени, на положении дел в Европе, Южной и Восточной Азии (не в последнюю очередь в России и Китае).

События 2010—2011 годов показывают, что американская политика в Афганистане вошла в новую фазу, требующую новой тактики, что может серьезно повлиять на ситуацию в ЦА.

Афганские риски для «хартленда»

Сегодня государства ЦА подвержены множеству потенциальных вызовов и угроз, часть из которых связана с сугубо внутренними проблемами, другие же приобретают новую динамику под воздействием внешних импульсов. Наиболее реальными угрозами безопасности региона являются терроризм, религиозный экстремизм и наркотрафик.

Распространению радикальных идей во многом способствуют экономические проблемы и низкий уровень жизни населения стран ЦА. Угроза терроризма и религиозного экстремизма тесно связана с ситуацией в Афганистане, а также соседством с другими «горячими точками» мира, формирующими «исламскую дугу» нестабильности: Северным Кавказом, китайским СУАР и Кашмиром. Следует также отметить, что для расширения своего влияния в регионе международные исламистские силы активно используют этнокультурный фактор.

Наличие достаточно разветвленной и скоординированной сети исламских экстремистских организаций представляет собой реальную угрозу светским режимам региона. Ужесточение уголовного наказания за причастность к деятельности подобных организаций заставило исламистов изменить методы мобилизационной и пропагандистской работы и усилить конспирацию; они широко используют всякого рода экстремистскую литературу, а также видеоролики в Интернете.

Наблюдаются изменения и в тактике пропагандистской деятельности экстремистских организаций, направленной на привлечение новых членов и популяризацию своих идей: вместо прямых призывов к свержению конституционного строя все чаще применяется критика принципов демократии и западного стиля жизни. В целях вербовки новых членов используется также социальная база открыто действующих исламских организаций и движений, которые противопоставляют себя каноническому духовенству и пропагандируют «экзотические» направления ислама. Причем подходы в работе с разными целевыми группами определяются конкретно для каждой страны.

Расширение религиозной инфраструктуры в странах региона оказалось тесно связанным с деятельностью различных террористических групп. Рост численности мелких

мечетей существенно затрудняет контроль религиозной ситуации и способствует эффективной идеологической работе экстремистов с небольшими группами населения. Одним из каналов влияния выступают молодые граждане стран ЦА, обученные и определенным образом «зомбированные» в исламских центрах Пакистана и Египта. Они становятся эмиссарами террористических групп и продвигают радикальные идеологии в свои родные сообщества.

С неконтролируемой военно-стратегической ситуацией в Афганистане напрямую связаны экстремистское Исламское движение Узбекистана (имеющее связи с афганскими террористами) и боевые вылазки исламистов в Таджикистане осенью 2010 года¹; имеется информация о появлении и развитии Исламского движения Кыргызстана², а также о прозвучавших в СМИ угрозах талибов в адрес Казахстана в мае 2010 года³. Таким образом, угрозы для безопасности ЦА становятся все более осязаемыми, так как США и НАТО все еще не в силах решить проблему Афганистана.

Положение осложняется еще и тем, что грузы, предназначенные для обеспечения военной кампании США и НАТО, доставляются через территории России и стран Центрально-Азиатского региона (ЦАР), что вполне может вызвать рецидивы терроризма.

Несмотря на присутствие в ИРА войск западной коалиции, остановить афганские наркопотоки не удастся, а близость стран ЦА к крупнейшему в мире центру производства наркотиков обрекает их на участь транзитного звена в международном наркотрафике. Кроме того, обостряется наркоситуация и в самих этих странах.

По данным ООН, общемировой возможный объем производства опия за период с 1998-го по 2009 год вырос на 78% (с 4 346 до 7 754 т). Однако увеличение объема производства не сопровождается аналогичным ростом потребления, и, судя по имеющимся данным, в последние годы значительное количество опия попадало в складские запасы. Даже если удастся полностью ликвидировать производство опия, его запасов будет достаточно для удовлетворения спроса потребителей в течение по меньшей мере двух лет.

По информации Управления ООН по наркотикам и преступности, в 2009—2010 годах на Афганистан приходилось 89% всего произведенного в мире опиума и героина (с 2002 г. опиумное производство в стране увеличилось в 2,5 раза); выращиванием мака занято в общей сложности 14,3% населения страны.

Эксперты объясняют рост производства наркотиков, в частности, общей дестабилизацией и отсутствием должного контроля, а также попытками афганских поставщиков повысить доходы от продажи героина. Согласно оценкам ООН, афганские крестьяне, торговцы и боевики, участвующие в наркотрафике, получают около 5% всех доходов мирового героинового рынка, при этом около 70% прибыли остается у наркдилеров среднего звена в странах потребления, а оставшиеся 25% уходят на затраты по транзиту.

В настоящее время наблюдается сращивание транснациональных преступных группировок, контролирующих поставки наркотиков, с террористическими и экстремистскими сетями, существующими в ЦА. Интерес первых заключается в использовании мощной сетевой инфраструктуры и деятельности экстремистов для обеспечения гарантированного транзита наркотиков, а цель вторых — получение доходов для финансирования своей деятельности.

---

¹ См.: Исламисты взяли на себя нападение на таджикских военных [<http://www.lenta.ru/news/2010/09/23/claim/>].

² См.: Спецслужбы предупредили о создании «Исламского движения Киргизии» [<http://www.rosbalt.ru/main/2011/05/03/845310.html>].

³ См.: Талибы пригрозили Казахстану терактами за связи с НАТО [<http://vz.ru/news/2011/5/22/493403.html>].

Не исключено, что через какое-то время исламистские террористические группы попытаются взять центральноазиатский наркотрафик под свой полный контроль. Сотрудничество террористов с криминальными структурами и с афганскими исламистскими группировками помогает им лучше изучить логистику наркотрафика.

Схемы движения центральноазиатского наркотрафика продолжают изменяться и усложняться; со временем он может приобрести идеологическую окраску, что значительно усилит его воздействие на безопасность государств региона. Наркопреступность в ЦАР уже приобрела устойчивый транснациональный характер, и одних лишь национальных мер борьбы с ней уже недостаточно.

Осознание серьезности ситуации привело к тому, что в октябре 2010 года спецслужбы России и США впервые в истории провели в Афганистане совместную операцию по уничтожению четырех нарколабораторий, находившихся примерно в 5 км от границы с Пакистаном. В ходе операции было уничтожено 932 кг героина (около 200 млн доз стоимостью 250 млн долл.), предположительно предназначавшихся для отправки через ЦА⁴.

Сложность и неустойчивость ситуации в Кыргызстане и Таджикистане способствуют неконтролируемому росту потоков наркотрафика из Афганистана в Европу по «северному маршруту» — через Казахстан и Россию. По имеющимся данным, наркотики поступают в основном через Таджикистан и Узбекистан в кыргызстанский город Ош (т.н. «Ошский узел»), после чего перевозятся через Казахстан в Россию, а затем следуют в Европу, являющуюся на сегодняшний день крупнейшим в мире рынком для сбыта афганских опиатов. 85 т наркотиков (из которых изымается около 7,6 т), потребляемых в Европе, доставляются сюда по нескольким маршрутам, пролегающим через Балканы, Иран, Турцию, ЦА и Россию.

Только по «северному маршруту» ежегодно переправляется около 95 т наркотиков, большая часть которых «оседает» в России, являющейся вторым по размеру героиновым рынком мира (здесь потребляется около 70 т наркотиков, из которых изымается не более 3,4 т).

Объем потребления героина в странах региона, через которые осуществляется его транзит, составляет около 11 т: в Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане — по 1 т, в Узбекистане — 5 т, и в Казахстане — 3 т. Объем изъятия составляет не более 5,2 т: в Кыргызстане — 0,5 т (в 2008 г.), в Таджикистане — 1,6 т, в Узбекистане 1,5 т, в Казахстане — 1,6 т⁵.

Таким образом, из общего объема транзита героина, транспортируемого по «северному маршруту», на территории стран региона ежегодно изымается только 5,4%, а 12% потребляется местным населением. Следует отметить, что увеличение поставок наркотиков по «северному маршруту» связано с ростом производства героина и опиума в Афганистане и нестабильной обстановкой в ЦА. Расположение ЦА между крупнейшими рынками производства и потребления героина способствует превращению стран региона из транзитных в потребляющие.

Наркоторговля стала одной из ключевых угроз безопасности ЦАР; наркобизнес стимулирует коррупцию, которая системно ослабляет государство, а растущее потребление наркотиков ведет к социальной деградации населения.

Вопреки версии экспертов США истоки террористической угрозы для ЦА следует искать скорее внутри самого региона, нежели в ситуации вокруг Афганистана.

Следует отметить, что прогнозы некоторых американских стратегов, касающиеся прямой афганской военной или террористической угрозы для Центрально-Азиатского региона, не совсем корректны. Пуштунское движение и террористические группировки

⁴ Россия и США впервые провели совместную операцию в Афганистане [<http://www.newsru.com/world/29oct2010/fsknafghan.html>].

⁵ По данным World Drug Report 2010, U.N.

Афганистана не представляют собой прямой военной угрозы для ЦА, так как они в первую очередь заинтересованы в контроле своей собственной территории.

Однако тесные связи пуштунов с региональными экстремистскими организациями, распространение их идеологии на территории от прикаспийского Кавказа до китайского Синьцзяна, а также продвижение наркотрафика по центральноазиатскому маршруту крайне негативно отражаются на безопасности ЦАР. В поддержании связей с талибами заинтересованы и сами центральноазиатские экстремистские группы, так как подобное взаимодействие дает им возможность обучать кадры и периодически скрываться на афганской территории; проблема же наркотрафика напрямую связана с коррупцией в системе служб национальной безопасности стран региона⁶.

Военная кампания США в Афганистане лишь усиливает существующие в ЦА деструктивные тенденции, а их реальные триггеры следует искать внутри самого региона.

Смена тактики США в Афганистане

За 10 лет афганской кампании политика Белого дома претерпела множество изменений; американцы пробовали разные варианты решения проблемы, неоднократно меняли стратегию и разрабатывали всевозможные концепции (например, такие, как БЦА и «Аф-Пак»), но все равно несли крупные военные потери.

С конца 2010 года началась очередная кардинальная модификация политики США в Афганистане. Стабильное ухудшение ситуации в ИРА, во многом связанное с негативными тенденциями внутривнутриполитического и социально-экономического развития страны, а также неудачная попытка передать ответственность за обеспечение безопасности афганской стороне вынудили администрацию Б. Обамы практически «на ходу» корректировать свои подходы к проблеме.

Идеи смены стратегии продавливаются и со стороны усилившей свои позиции в Конгрессе США Республиканской партии, которая требует от президентской администрации и Пентагона большей активности в Афганистане. Основная задача «обновляемой» американской стратегии в Афганистане — определить принципиально новые ориентиры и подходы в реализации долгосрочных интересов США в регионе.

В настоящее время наблюдаются следующие изменения в афганской политике США.

- **Первое.** Ключевым элементом модификации стратегии США в Афганистане стал перенос акцента с силовой составляющей на обеспечение примирения с вооруженной оппозицией. Увеличение численности американских войск и силовое давление на вооруженную оппозицию до сих пор лишь выдавливало боевиков в те провинции Афганистана, которые ранее были относительно стабильными.

Изменение стратегии США обусловлено также проблемами современного развития политической системы ИРА, которые со всей остротой проявились в период президентских (2009 г.) и парламентских (2010 г.) выборов. Внутриафганскому примирению и стабилизации обстановки существенно препятствует противостояние депутатов не приступившего к работе нового парламента с президентом Х. Карзаем.

Смена акцентов американской стратегии привела к изменению тактики военной кампании; она становится более наступательной и предполагает расширение географического ареала и усиление адресности боевых операций против руководя-

---

⁶ При этом, по данным ООН, транзит афганского героина через Центральную Азию значительно меньше, нежели через Иран и Турцию.

шего состава «Талибана» и «Аль-Каиды» (как при помощи беспилотников, так и при помощи спецназа), которые, согласно новым планам Пентагона, активно проводятся на территории Исламской Республики Пакистан (ИРП).

Недавние операции по устранению У. бен Ладена (якобы являвшегося главой «Аль-Каиды») и Муллы Омара (лидера движения «Талибан») ⁷ демонстрируют усиление наступательного элемента в тактике США. Однако официальный Исламабад расценивает подобные акции как вторжение; налицо резкое ухудшение американо-пакистанских отношений.

Некоторые эксперты, выдвигавшие предложения по уничтожению верхушки террористов, понимали, что подобная идея может встретить жесткое неприятие со стороны пакистанского руководства; своим присутствием американцы могли разворошить «осиное гнездо» и спровоцировать активизацию донныне «нейтральных» племенных вождей, а также правительственный кризис в стране, которая, как известно, обладает ядерным оружием ⁸.

Однако, несмотря на все опасения, Б. Обама все-таки решился на проведение боевых операций на территории Пакистана (весной 2011 г.), так как сейчас, в преддверии борьбы за второй президентский срок, он как никогда нуждается в громком внешнеполитическом успехе.

- **Второе.** Американский истеблишмент в конце концов уяснил, что афганская проблема не имеет военного решения; для стабилизации обстановки в ИРА необходимы развитие экономики, привлечение инвестиций, восстановление инфраструктуры и формирование цивилизованных социальных условий жизни населения. После 10 лет военной кампании для США стало вполне очевидно, что существующие проблемы невозможно решить только собственными силами. Исходя из прагматических соображений, Белый дом стремится максимально вовлечь в экономические процессы приграничные с Афганистаном Пакистан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан.

Кроме того, в Афганистан были «допущены» геополитические конкуренты США: Китай, Индия, Россия и даже Иран, которые не только диверсифицируют бремя американской экономической ответственности, но и способствуют стабилизации обстановки благодаря восстановлению экономики и строительству инфраструктуры.

Каждая из перечисленных стран имеет собственные мотивы для участия в решении афганской проблемы.

Китай беспокоит возможный переход уйгурского сепаратистского движения под контроль исламистов, что может серьезно усилить потенциал организации «Исламское движение Восточного Туркестана» и превратить СУАР в форпост террористической активности в регионе. Возможная радикализация СУАР может привести к переходу Китая от наблюдательной позиции к активным действиям, предусматривающим, в частности, экономическое вмешательство в афганский конфликт в целях ослабления «Талибана»; немаловажным для страны является и вопрос об участии в разработке разведанных природных ресурсов на территории Афганистана.

Индия максимально заинтересована в выстраивании собственных механизмов влияния на афганскую ситуацию. Однако, как считают некоторые эксперты, Исламабад намеренно стремится сохранить сложную обстановку в пуштунской среде, которая может быть задействована в случае нового индийско-пакистанского военного конфликта.

⁷ Хотя по некоторым сообщениям, ликвидация главы «Талибана» не подтверждается (см., например [http://vz.ru/news/2011/5/23/493608.html]).

⁸ См.: *Кирсанов Е.* О возможном изменении стратегии США в Афганистане // Институт Ближнего Востока, 27 декабря 2010 [http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-26913.html].

С другой стороны, растущая индийская экономика нуждается в нефти и газе и весьма заинтересована в строительстве трубопровода из Каспийского энергетического бассейна (равно как и в других крупных ресурсных проектах). А для участия в различных проектах Индии необходимы соответствующие гарантии безопасности.

Россия стремится «вернуться» в Афганистан по разным причинам.

- Во-первых, это связано с вопросами безопасности и геополитики, то есть с необходимостью участвовать в решении проблем наркопроизводства и непосредственно наблюдать за действиями Вашингтона.
- Во-вторых, налаживая отношения с Кабулом, Россия, так же как и все остальные «игроки», преследует чисто экономические интересы; она, в первую очередь, нуждается в рынке сбыта своей военной продукции, а также в дополнительном источнике природных ресурсов.

Каких-либо значительных позитивных результатов деятельности стран, вовлеченных в решение «афганского вопроса», пока нет, но, думается, их можно ожидать в будущем.

- **Третье.** Очевидно, что США в любом случае будут стремиться удержать свое положение «главного оператора» событий вокруг Афганистана, и в долгосрочной перспективе их военное присутствие здесь, скорее всего, сохранится. Вашингтону стратегически выгодно держать под своим контролем территорию, где сконцентрированы геополитические и экономические интересы таких крупнейших евразийских игроков, как Россия, Китай, Индия, Пакистан и Иран; кроме того, именно Афганистан является ключом к ЦА.

Совершенно очевидно, что Соединенные Штаты пытаются оттянуть вывод своих воинских контингентов из Афганистана, начало которого планировалось на 2011 год. Однако сегодня ситуация изменилась и звучат заявления, что армия США покинет ИРА только после того, как будут подготовлены афганские вооруженные силы и полиция, способные обеспечить безопасность своей страны.

Между тем практически во всех регионах Афганистана ежедневно происходят террористические акты, причем методы их проведения постоянно «совершенствуются». В последнее время объектом деятельности боевиков стала система безопасности; террористы-смертники все чаще используют военную форму сил афганской национальной армии и ИСАФ (Международных сил содействия безопасности) и поддельные документы. Кроме того, участились случаи внедрения боевиков в силовые структуры ИРА с целью уничтожения иностранных военных.

Зимой 2010—2011 годов среднемесячный показатель проведения различных террористических актов достиг максимума и составил 650; ничего подобного за весь период антитеррористической кампании еще не было. Увеличение числа террористических актов в указанный период свидетельствует об отходе талибов от сложившейся практики снижения боевой активности в зимнее время.

В I квартале 2011 года было зафиксировано наибольшее по сравнению с аналогичными периодами, начиная с 2002 года, число инцидентов, связанных с террористической активностью. Максимальное их количество (1 102) пришлось на март. (Для сравнения: в I квартале 2009 г. имели место около 1 300 инцидентов, в 2010-м — более 1 790, в 2011 г. — 2 700⁹.)

В связи с известием о ликвидации лидера «Аль-Каиды» ожидается дальнейшее обострение ситуации. Правоохранительные органы и спецслужбы ИРА ожидают

---

⁹ На основе анализа данных [www.antiterror.ru].

ответных мер со стороны террористических организаций в отношении сил международной коалиции и ее военных баз и предупреждают о необходимости ограничить передвижения в крупных городах (включая столицу).

Более того, теракты угрожают и безопасности Пакистана; буквально через несколько дней после ликвидации «террориста № 1» на северо-востоке страны в результате двойного теракта погибло 83 человека и более 115 получили ранения. Взрывы произошли около Центра подготовки пограничных кадров в Чарсадда (в 30 км от Пешавара — столицы провинции Хайбер-Пахтунхва); ответственность за происшедшее взяла на себя группировка «Техрик-и-Талибан Пакистан», представители которой заявили, что это месть за смерть У. бен Ладена и что следует ожидать дальнейших атак во внутренних районах страны, а также нападений на коалиционные силы в Афганистане¹⁰.

- **Четвертое.** Возможный ввод американских войск на территорию Пакистана является камнем преткновения в отношениях между Вашингтоном и Исламабадом, причем руководство ИРП заранее обговорило «полное исключение этого варианта». Напомним, что удары беспилотников по талибам и аль-каидовцам (с которыми пакистанский режим якобы воюет) официально квалифицируются в руководстве Пакистана «как вторжение неизвестных аппаратов на пакистанскую территорию»; подобную оценку властей следует воспринимать как «реверанс» в сторону тех могущественных вождей в «зоне племен», которые пока держат «нейтралитет».

В случае если пакистанское общество решит, что присутствие на территории страны иностранных вооруженных «безбожников» противоречит мусульманской вере, ситуация в «зоне племен» и по всему периметру афгано-пакистанской границы серьезно осложнится. В качестве ответных мер пакистанцы вновь могут применить не так давно апробированный ими метод «воздействия» — нападение на конвои войск коалиции, проходящие через их территорию; в этом случае американцы и их союзники фактически ничего не смогут предпринять в ответ¹¹.

В мае 2011 года ситуация неожиданно приобрела новый поворот. Ликвидация американскими военными У. бен Ладена в Пакистане вызвала неоднозначную реакцию; по оценкам экспертов, не только произошло обострение отношений между Исламабадом и Вашингтоном, но и крайне осложнилась внутривнутриполитическая обстановка в самой ИРП. Пакистанская общественность была возмущена просчетами своих военных и спецслужб, позволивших американскому спецназу действовать в глубине территории страны. Кроме того, убийство лидера «Аль-Каиды» стало мощным раздражителем для радикальных религиозных кругов Пакистана.

Однако, анализируя ситуацию, можно сделать вывод, что, скорее всего, США и ИРП сохранят партнерские связи, так как Вашингтон нуждается в помощи Исламабада для обнаружения оставшихся в живых заместителя У. бен Ладена аль-Завахири и других руководителей ячеек «Аль-Каиды».

В свою очередь, официальный Исламабад, скорее всего, осознаёт, что в случае отказа Пакистана от сотрудничества с США американская сторона помимо сокращения финансовой помощи может не только спровоцировать волнения в пакистанской «зоне племен», но и начать проводить более агрессивную военную тактику по отношению к талибам по обе стороны границы, что чревато внутривнутриполитическими осложнениями.

В целом, как представляется, все действия сил коалиции, связанные с этим событием, являются одним из радикальных геополитических шагов США, и, несмотря на сделанные

¹⁰ См.: *Замараева Н.* Пакистан: первый крупный теракт после ликвидации Усамы Бен Ладена [http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/14-05-11.htm].

¹¹ См.: *Кирсанов Е.* Указ. соч.

ранее официальные заявления, уничтожение «террориста № 1», скорее всего, не станет поводом для кардинального сворачивания американского военного присутствия в Афганистане.

Подобные выводы вполне обоснованны. Так, в преддверии начала вывода своих войск США предложили Афганистану проект соглашения о долгосрочном стратегическом партнерстве (он, в целом, находит поддержку у афганского руководства), предполагающий размещение на афганской территории постоянных американских военных баз. Следует отметить, что США еще в 2009 году пересмотрели свою стратегию в отношении Афганистана и Пакистана, причем статус последнего был изменен с «передового бойца с терроризмом» на «прибежище для террористов».

Кроме того, о возрастающем значении «афгано-пакистанского фактора» в геостратегии Вашингтона свидетельствуют кадровые перестановки в силовых ведомствах США. Так, пост директора ЦРУ занял генерал Д. Петреус, возглавлявший боевые операции в Афганистане и известный в экспертных кругах как вдохновитель стратегии «АфПак». Как представляется, устранение У. бен Ладена поможет Вашингтону решить и ряд других тактико-стратегических задач, а также «оправдаться» перед мировой общественностью по поводу затянувшейся антитеррористической кампании в Афганистане. В этой связи следует упомянуть, что генсек НАТО А. Расмуссен и госсекретарь США Х. Клинтон заявили, что НАТО, несмотря на ликвидацию У. бен Ладена, продолжит свою миссию в Афганистане.

В случае дальнейшего ухудшения отношений с Пакистаном Вашингтон сможет продемонстрировать свою правоту в оценке террористической угрозы с территории этого государства и приобретет моральное право продолжать антитеррористические операции. Не исключено также, что сообщение об уничтожении лидера радикальных исламистов сознательно было призвано спровоцировать ответную террористическую активность, чтобы доказать необходимость пребывания США в регионе.

Еще одним предлогом для затягивания военной миссии США являются медленные темпы создания дееспособных сил национальной армии и правоохранительных структур ИРА — те все еще не способны самостоятельно вести военные операции. В вооруженные силы набрали достаточно много людей, однако ввиду недостаточной идеологической и финансовой мотивации там весьма высок уровень дезертирства. Попытки создания афганской армии по западным стандартам осложняются еще и тем, что рекрутированные из числа нацменьшинств на севере страны бойцы направляются в районы, населенные пуштунами, где чужаков воспринимают весьма враждебно.

На пользу Вашингтону идет и неспособность официального Кабула наладить диалог с лидерами движения «Талибан», которые, вопреки требованиям афганского правительства отказаться от вооруженной борьбы и прекратить все контакты с террористическими организациями, заявляют о возможности диалога только в случае полного вывода военных сил коалиции с территории страны. Вполне понятно, что отсутствие внутриафганского диалога является главной причиной сохранения нестабильности в стране.

Военное командование Пакистана обладает инструментами воздействия на талибских лидеров и могло бы сыграть заметную роль в диалоге Карзая с движением, а также в осуществлении стратегии натовской коалиции по разрешению афганского конфликта. Однако в условиях очередного ухудшения отношений между США и Пакистаном готовность Исламабада активно помогать Белому дому представляется весьма сомнительной, по крайней мере в ближайшее время.

С другой стороны, ухудшение американско-пакистанских отношений таит в себе риск множества осложнений. Как уже отмечалось, Пакистан может применить меры противодействия, которые осложнят поставку американских грузов через его территорию, и прецеденты уже есть. Так, по сообщениям СМИ, в середине мая 2011 года регулярная армия Пакистана обстреляла два американских военных вертолета на границе с Северным Вазиристаном.

Еще одним тревожным фактом является то, что всего через сутки после того, как сенатор Д. Керри (председатель сенатского Комитета по международным отношениям) встретился в Исламабаде с президентом А. Зардари, премьер-министром Ю. Гилани и командующим армией генералом А. Кайани (16 мая 2011 г.), произошло боевое столкновение американцев и пакистанцев. Как сообщалось, участники встречи договорились о «перезагрузке» отношений; в своем выступлении на пресс-конференции сенатор заявил, что пакистанские военные даже согласились вернуть хвостовую часть сверхсекретного вертолета-невидимки, потерянного американцами в имени У. бен Ладена¹².

21 мая 2011 года на северо-западе Пакистана произошел взрыв бензовоза, перевозившего горючее для сил НАТО; в результате погибло не менее 16 человек. Еще 11 бензовозов были подорваны на границе с Афганистаном.

Принимая во внимание ухудшение отношений с Пакистаном, США намерены увеличить объем невоенных грузов (до 75%), направляемых американским войскам в Афганистан по железной дороге через Россию и страны ЦА¹³.

По всей вероятности, Пентагон готовится к самому худшему сценарию развития отношений с Пакистаном. По словам американских военных, даже если экстремистам в Пакистане удастся полностью перекрыть автотранспортные пути, по которым невоенные грузы для войск США (в частности, бензин) перебрасываются из порта Карачи в Афганистан, то это «лишь создаст определенные трудности», но не приведет «к прекращению афганской операции». Военная операция войск коалиции продолжится и в том случае, если правительство Пакистана по какой-то причине отзовет свое согласие на транзит грузов в Афганистан. В качестве резервных вариантов (пусть и более дорогостоящих) предусмотрены доставка грузов по воздуху и наращивание их потока через ЦА¹⁴.

Таким образом, вполне очевидно, что США еще долго не намерены сворачивать военное присутствие в Афганистане; принимая во внимание новые риски и вызовы своей операции и геополитическую конъюнктуру, они выстраивают альтернативные каналы регионального сотрудничества, стремясь использовать в своих целях всех и вся.

Афганистан 10 лет спустя: некоторые выводы и прогнозы

Как представляется, Вашингтон будет стремиться использовать в своей афганской стратегии двухтрековый подход, предусматривающий сочетание наступательных и адресных военных операций с мерами по содействию внутриафганскому примирению и экономическому восстановлению ИРА. Создание боеспособной афганской национальной армии поможет США переложить на ее плечи ответственность за безопасность страны и переключиться на получение экономических выгод посредством освоения мощного природоресурсного потенциала Афганистана (по сведениям крупных американских корпораций, он составляет до 3,6 млрд барр. нефти и до 36,5 трлн куб. м газа¹⁵).

Стремлению Вашингтона активизировать процесс государственного строительства в ИРА препятствуют множество системных проблем в сфере безопасности, а также полностью разрушенная экономика страны. До сих пор не выработана долгосрочная концепция

¹² См.: Осама бен Ладен расшатал отношения США и Пакистана [<http://kommersant.ru/doc/1642887/print>].

¹³ [<http://www.rosbalt.ru/main/2011/05/23/851121.html>].

¹⁴ См.: США будут направлять больше грузов в Афганистан через Россию [<http://vz.ru/news/2011/5/23/493429.html>].

¹⁵ [http://www.lukoil-overseas.ru/upload/iblock/3c7/oil_news_06z77r.pdf].

развития Афганистана как государства и не определено его место в региональной системе политических отношений; в стране идет поиск единой национальной идентичности.

Кроме того, в ИРА отсутствуют подготовленные человеческие ресурсы, без которых невозможны обучение и профессионализация государственного аппарата и национальной армии, что также выступает серьезным барьером для создания устойчивого «каркаса» государственности.

Хотелось бы также упомянуть об успехах, достигнутых на военном поприще: прямые бои в ряде северных провинций, навязанные талибами силам коалиции (имеющим очевидное превосходство в авиации и бронетехнике), весной 2011 года завершились уничтожением значительной части боевиков. Даже минная война и использование террористов-смертников не позволяют оппозиции нанести ощутимый удар вооруженным силам афганского правительства и ИСАФ.

Если в ближайшие один-два года ход боевых действий не изменится, то не исключено, что вооруженной оппозиции в Афганистане будет нанесен невосполнимый урон. Это приведет к сокращению числа контролируемых боевиками районов и резко сократит влияние «Талибана» на политическую жизнь ИРА¹⁶.

Ситуация осложняется еще и тем, что Афганистан находится в сильной зависимости от внешних сил (прежде всего, США, Пакистана и Ирана), каждая из которых стремится продвигать собственные сценарии и модели развития ИРА. При этом ставка внешних акторов на различные афганские клановые группы негативно влияет на становление Афганистана как единого государства и лишь подогревает внутриафганские противоречия, сохраняя существующие риски и угрозы для соседних стран.

Поддерживаемая Вашингтоном Индия, являющаяся одним из крупнейших доноров Афганистана (ее инвестиции составляют 2,1 млрд долл.), рассчитывает усилить свое политическое влияние на Кабул.

Набирает обороты активность Китая, который за счет проникновения в Афганистан стремится не только решить целый комплекс своих геополитических и военно-стратегических задач, но и извлечь выгоду из участия в крупных проектах по разработке месторождений полезных ископаемых.

По мнению Исламабада, Афганистан является сферой его особого влияния, своего рода «задним двором», и пакистанский истеблишмент приложит все усилия для сохранения этого положения, всячески препятствуя проникновению сюда других политических игроков.

Что касается военной элиты Пакистана, то она рассматривает Афганистан в качестве своего геополитического ресурса и прежде всего как пространство, где могут размещаться неправительственные формирования и террористические группы, действующие в пакистанских интересах. Кроме того, лояльный Исламабаду правящий режим Афганистана может не только предоставить Пакистану пространство для маневра и перегруппировки сил в случае возможного конфликта с Индией, но и мобилизовать многомиллионную армию¹⁷.

Эффективность новой политики США в Афганистане будет зависеть как от уровня и характера их отношений с Пакистаном, так и от способности администрации Б. Обамы поддерживать ровный «прагматичный» тон в диалоге с другими игроками, которых активно вовлекают в «афганский котел», сулящий пока еще виртуальные экономические выгоды.

С другой стороны, правительство Х. Карзая, пытаясь вести самостоятельную «игру», стремится максимально расширить пространство для внешнеполитических маневров и извлечь выгоду из заинтересованности США, Пакистана, Ирана, Индии и России в усилении политического влияния на Кабул.

¹⁶ См.: Мендкович Н. «Талибан» теряет позиции в Афганистане [<http://www.afghanistan.ru/doc/19906.html>].

¹⁷ См.: Савченко Д. Пакистан и Индия в борьбе за Афганистан [<http://www.afghanistan.ru/doc/19737.html>].

В настоящее время разворачивается новый виток геополитической борьбы за влияние в Афганистане. Ее главной целью помимо стремления решить проблемы безопасности являются попытки получить экономическую выгоду.

З а к л ю ч е н и е

«Быстрая война», начатая США и их союзниками 7 октября 2001 года, превратилась в долгую кампанию; в настоящее время войска НАТО, насчитывающие около 100 тыс. человек, наряду с попытками поддержать и культивировать демократию, ведут борьбу с нарастающим мятежом¹⁸.

В афганскую кампанию оказались вовлечены не только США и европейских державы, но и все страны, окружающие ИРА. Расположив в ЦА воинские контингенты, Вашингтон получил целый набор ключей к евразийской геополитике. Кроме того, усилению позиций США в регионе во многом способствовало уничтожение У. Бен Ладена и его сподвижника М. Омара.

Присутствие США в Афганистане обеспечивает им долгосрочное сохранение военно-стратегических позиций в ЦА и обладание «ключом к геополитике «хартленда». И, скорее всего, в ближайшие 10—20 лет американские войска вряд ли уйдут из ИРА: в «афганском узле безопасности» тесно переплелись интересы многих стран, а если Вашингтон свернет свое присутствие, ситуация в Афганистане полностью выйдет из-под контроля.

Прагматическая гибкость американской стратегии проявляется в «заигрываниях» Вашингтона с Индией, Китаем, Россией и странами ЦА, без сотрудничества с которыми эффективность американского военного присутствия в ИРА будет крайне низкой. Страны, демонстрирующие активную заинтересованность в афганских делах и преследующие свои интересы, в любом случае (вольно или невольно) содействуют осуществлению планов США.

Сегодня США диверсифицировали доступ в Афганистан и, по всей вероятности, настолько уверены в своих действиях, что их даже не слишком беспокоит серьезное охлаждение отношений со своим бывшим союзником — Пакистаном. Своей нынешней относительной независимостью от Исламабада США в значительной мере обязаны ЦА и России, с которыми Белый дом заблаговременно «оптимизировал» отношения.

Не исключено, что в целях легитимизации своего военного присутствия в Афганистане Вашингтон порой намеренно создает очаги напряженности на центральноазиатско-афганской границе, «закрывая глаза» на усиление активности террористов в северных районах. Надо признать, что подобная тактика действует весьма эффективно: существование афганской угрозы вызывает постоянное беспокойство местных правительств, и эта проблема раздута в лучших традициях информационной войны.

В настоящее время даже те страны, которые отрицательно относятся к присутствию американцев в регионе, понимают, что резкий уход США из Афганистана недопустим; вслух об этом, конечно же, не говорится. Несмотря на значительные потери и стратегические промахи, США весьма верно рассчитали перспективу.

Однако возникает справедливый вопрос: «Каковы же перспективы афганской государственности и региональной безопасности стран ЦА?»

---

¹⁸ См.: Дело в Афганистане у США идет к повтору того, что случилось с СССР [<http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1290759240>].

АФГАНСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Абдолреза ФАРАДЖИРАД

*доцент кафедры политической географии
отделения естественных наук и исследований
Исламского университета Азад
(Тегеран, Иран)*

Джавад ХАНСАРИ

*магистрант исследований Центральной Азии и Кавказа
Университета Алламеха Табатабая
(Тегеран, Иран)*

Захра РАДМЕХР

*магистрант исследований Центральной Азии и Кавказа
Университета Алламеха Табатабая
(Тегеран, Иран)*

Мохамад ДАРХОР

*аспирант кафедры политической географии
отделения естественных наук и исследований
Исламского университета Азад
(Тегеран, Иран)*

Введение

История человечества знает немало ситуаций, создававших угрозу безопасности стран и народов. Такие угрозы оборачивались гибелью большого числа людей, уничтожением материальных ценностей, массовыми болезнями и увечьями, масштабным вынужденным переселением людей из родных мест, опустошительными экономическими потерями. Современные достижения науки и техники, а

также непрекращающиеся беспорядки в мире порождают неизвестные прежде угрозы безопасности¹.

Терроризм в качестве одной из таких угроз безопасности человека означает (согласно определению, данному Федеральным агентством по чрезвычайным ситуа-

¹ См.: Borum R. Psychology of Terrorism // Tampa: USF (University of South Florida), 2004. P. 145.

циям США. — *Ред.*) «использование силы или насилия в отношении лиц или имущества, противоречащее уголовному законодательству Соединенных Штатов, для целей запугивания, принуждения или получения выкупа».

Чаще всего с помощью террористических угроз стремятся

- породить атмосферу страха в обществе;
- убедить граждан в том, что их правительства неспособны предотвратить террористические акты;
- добиться широкого общественного внимания к своим требованиям².

Изучение более чем ста определений терроризма, содержащихся в дипломатических документах и академических текстах, позволяет обнаружить, что большинство из них содержат один общий для них элемент: «использование насилия для достижения политических, идеологических и/или социальных целей»³.

Появление в Центральной Азии в 1991 году пяти новых независимых мусульманских республик принципиально изменило положение дел на геополитической

арене. Привлекали внимание две возникшие в результате этого угрозы безопасности: опасность появления неподконтрольного ядерного арсенала и опасность импорта радикального ислама.

С момента возникновения движения «Талибан» в 1994 году и последующего захвата им 90% территории Афганистана эта страна воспринимается в качестве главного источника угроз безопасности южной части Центральной Азии. Такое ощущение усилилось из-за крупномасштабной контрабанды наркотиков из Афганистана. Нестабильность и беспорядки в Афганистане превратили его в безопасное убежище для сил, выступающих против господствующих режимов центральноазиатских республик. Наиболее яркий пример этого — Исламское движение Узбекистана (ИДУ), которое, по некоторым данным, имеет более тысячи своих боевиков всего в нескольких километрах от границ с Узбекистаном и Таджикистаном.

Это обстоятельство вдохнуло новую жизнь в теорию домино, в соответствии с которой радикальный ислам подрывает региональную стабильность и угрожает светским режимам. Однако в высшей степени сомнительно, что сам «Талибан» когда-нибудь ставил перед собой задачу распространять радикальный ислам за пределами страны. Его цель в другом: сплотить Афганистан на базе единой политической ориентации.

² *Borum R.* Op. cit. P. 148.

³ См.: *Perl R.* Terrorism, the Future and U.S. Foreign Policy. Foreign Affairs. Defense and Trade Division. Congressional Research Service. The Library of Congress, 2003. P. 15.

Афганистан до начала подъема исламского радикализма

Сильнейший отпечаток на всю историю Афганистана наложило его геополитическое положение, прежде всего местоположение, превратившее страну в арену борьбы между Российской империей (затем СССР) и Великобританией (а позже Западом в целом). Афганистан появился на мировой арене в 1747 году после убийства Надир-шаха — правителя Ирана, провинцией которого тогда был Афганистан. Полководец Надир-шаха по имени Ахмад-хан воспользовался представившейся возможностью, объединил вокруг себя пуштунские племена и основал независимое княжество со столицей в Кандагаре, где и правил до 1773 года. Ахмад-хан стал основателем династии афганских правителей. Он принял титул Ахмад-шаха Дур-Дуррани, или сокращенно Дуррани — по названию воз-

главлявшегося им союза племен. Это имя и стало именем династии, правившей в Афганистане до 1973 года⁴.

Консолидация пуштунского меньшинства и растущее участие России в делах Афганистана обеспокоили Британию, озабоченную угрозами для стабильности британского правления, прежде всего в тех частях Индии, где проживали пуштуны. В 1838 году британские силы вторглись в Афганистан и началась первая англо-афганская война.

Другой важной вехой в истории Афганистана стал 1919 год, когда занявший трон Аманулла-хан понял, что теперь имеет возможность добиться полной независимости страны. 13 апреля 1919 года он провозгласил независимость Афганистана, и началась третья англо-афганская война. В ходе этой войны Афганистан потерпел немало неудач на поле боя, однако в конце концов Британия была вынуждена, в основном по политическим соображениям, признать независимость Афганистана⁵.

Однако первой страной, признавшей независимость Афганистана и установившей с ним дипломатические отношения, был СССР. Дружественные отношения между СССР и режимом Аманулла-хана стали причиной советской военной интервенции в Афганистан в 1929 году, когда Сталин в попытке спасти режим послал туда войска.

Последующие афганские правители накрепко выучили важный урок, которым стал провал реформ Аманулла-хана, и неукоснительно учитывали его. Центральное правительство всеми силами стремилось избежать каких бы то ни было осложнений с традиционными правящими группами и племенными структурами в провинциях. Соответственно, влияние и контроль центрального правительства над периферией были сведены к минимуму, а обширная автономия, которой пользовались регионы, помогала сохранять в неприкосновенности господство племенных структур и местных вождей. Независимость провинции от центрального правительства не способствовала развитию сервисной инфраструктуры и современной экономики, и большая часть афганского общества была прикована к патриархальной племенной системе, основанной на традиционных источниках дохода: земледелии, овцеводстве, ковроткачестве и т.п.⁶

Дальнейшая история Афганистана отмечена несколькими важнейшими вехами:

- взлет и падение республиканского режима в стране и последующее появление просоветского режима;
- гражданская война и советское вторжение в Афганистан;
- приход в Афганистан сил джихада, неспособность советских войск справиться с ними и их вынужденный уход из страны;
- победа моджахедов, за которой последовал новый раунд гражданской войны в Афганистане.

Важные факторы возникновения афганского терроризма

Движение афганских моджахедов отличалось крайней неоднородностью, что было обусловлено этническими, религиозными (сунниты/шииты), политическими и

---

⁴ См.: *Shay Sh.* The Endless Jihad. Herzliya, Israel: International Policy Institute for Counter-Terrorism, 2002. P. 27.

⁵ См.: *Farhang M.S.* Afghanistan in the Last Five Centuries // Ismaeliyan press (Qom), 1992. P. 30—32.

⁶ См.: *Heller M.* The Soviet Invasion of Afghanistan // C.C.S. Memorandum, 1982, No. 2. P. 1—2.

идеологическими различиями и противоречиями между его участниками и отсутствием единого авторитетного руководства, движимого общими целями. Единственным «общим знаменателем» для исламских фундаменталистских групп и организаций было стремление изгнать правивший в Кабуле марксистский режим и вторгшиеся в страну советские силы. Однако этой общей цели было недостаточно, чтобы предотвратить соперничество и яростную борьбу за власть между различными фракциями, из-за чего они время от времени попадали под мощные удары их общего противника. Большинство группировок моджахедов объединялись вокруг традиционных религиозных лидеров по этническому и региональному признаку, хотя некоторые были достаточно разнородными и их сторонники и активные члены могли принадлежать к различным этническим группам⁷.

Поэтому, когда моджахеды захватили контроль над страной, они не смогли действовать как организованный альтернативный режим. У афганских моджахедов не было харизматического лидера, способного сплотить их ряды. Их военные и политические вожди происходили из различных группировок, но никакой общей объединяющей структуры, приемлемой для всех, у них так и не возникло.

Отсутствие политической стабильности и непрекращающийся конфликт с оппозицией не позволили правящему режиму и населению заняться восстановлением разрушенных за годы войны инфраструктуры и экономики. После падения коммунистического режима борьба за контроль над Афганистаном уже не была идеологическим конфликтом или битвой за национальное освобождение: она превратилась в схватку за власть и контроль между лидерами группировок, подпитываемую также этническими и региональными интересами. Бесконечные столкновения повергли Афганистан в состояние полной анархии. Центральное правительство контролировало Кабул, но по всей остальной стране командиры военизированных формирований и лидеры моджахедских группировок могли делать на контролируемых ими территориях все, что им было угодно. Так постепенно в Афганистане создалась благоприятная почва для роста терроризма и других форм организованной преступности⁸.

После того как моджахеды вошли в Кабул и стали там править, международное сообщество больше не проявляло прежнего единства взглядов и прежней симпатии в отношении к их правительству. Былые друзья за рубежом, особенно на Западе, утратили всякий интерес к переходному правительству президента Раббани. Первой ласточкой был отзыв из Афганистана американского посла Томпсона, которому была поручена другая миссия⁹.

Проблема ясно вырисовывается из высказываний самого Раббани в его интервью еженедельнику «Пайаме-Моджахед». Он, в частности, утверждал: «Помощь, которую разные страны оказывали джихаду, не вытекала из какой-то общей постоянной стратегии. Каждая страна преследовала свои собственные цели. США, например, на тот момент руководствовались двумя соображениями: с одной стороны, задачами холодной войны с СССР, которую они вели, не считаясь с расходами, с другой — печальным опытом вьетнамской войны, не выходящим из головы американцев»¹⁰. В стране, лишенной помощи Запада, складывалась благоприятная обстановка для роста терроризма и других форм организованной преступности.

⁷ См.: *Shay Sh*. Op. cit. P. 55.

⁸ См.: *Ibid*. P. 65—67.

⁹ См.: *The Middle East*, February 1990.

¹⁰ An Interview with Borhaneddin Rabbani // *Newspaper of Payame Mujahid* (Kabul), 8 March 2005.

Возникновение движения «Талибан» в Афганистане

Движение «Талибан» зародилось в мусульманских духовных школах на территории Пакистана. Слово «талиб» и по-арабски, и на фарси означает «изучающий ислам». В отличие от большинства моджахедских движений, возникших в Афганистане и Пакистане на почве войны (джихада) против коммунистического режима в Кабуле и его советских союзников, «Талибан» был основан в начале 1990-х годов, когда в Афганистане правили уже моджахедские группировки.

Движение возникло как результат разочарования и горечи от той гражданской войны, которую различные группировки моджахедов начали между собой после изгнания коммунистического режима. Эту горечь и разочарование разделяла немалая часть афганцев как в самом Афганистане, так и в лагерях беженцев на территории Пакистана. Правительство Раббани не сумело распространить свою власть на большую часть афганской территории. Страна оставалась расколотой, разделенной и контролировалась самыми разными группировками моджахедов, так что командиры военизированных формирований могли делать на контролируемых ими территориях все, что им было угодно¹¹.

Сторонники «Талибана» были убеждены, что правительство Раббани и большая часть соперничавших моджахедских группировок в Афганистане не исполняют должным образом законы ислама (в духе шариата) и созданное ими имеет мало общего с исламским государством, построить которое они клялись в ходе войны с коммунистами. «Талибан», таким образом, возник как социальное и религиозное движение, ставившее целью покончить с анархией в Афганистане и превратить его в подлинно исламское государство, как это понимали и толковали основатели ислама¹².

Талибы ведут жизнь аскетов, целиком погрузившись в религиозные штудии, начиная день с утренней молитвы и заканчивая вечерней, лишь ненадолго отрываясь днем на еду и молитвы. Талибы строго придерживаются интерпретации ханафитской школы и, как и деобанди, целиком привержены борьбе за установление в Афганистане порядка, который, как они считают, соответствует «подлинному исламу».

Талибы яростно отрицают утверждения, что «Талибан» не возник стихийно и естественно как исламское реформистское движение, а был создан разведывательными службами Пакистана для продвижения пакистанских интересов в Афганистане.

«Талибан» начал с создания религиозных групп для борьбы на военном и политическом фронте. Вскоре эти группы заняли 90% территории Афганистана и установили над ними свой контроль.

Под властью «Талибана» мусульманские законы утверждались устрашением, наказаниями и террором, что вызвало острую критику международных правозащитных организаций. На контролируемых ими территориях талибы заставляли строжайшим образом соблюдать законы ислама во всех сферах жизни, однако мир обратил на них внимание в основном после того, как они заняли Кабул и навязали строгие мусульманские нормы в городе, который прежде был больше открыт западному образу жизни и насчитывал больше иностранцев, чем другие территории страны. Сразу после того, как талибы заняли Кабул, они запретили женщинам работать вне дома, а девочкам ходить в школу. Запрет на работу для женщин был тяжелейшим ударом по доходам множества

¹¹ См.: Dow Jones News, 21 September 1997.

¹² См.: Ibidem.

семей в Кабуле. Особенно тяжело пришлось тем 25 000 вдов, которые были единственными кормильцами в семье¹³.

Возникновение «Аль-Каиды» и ее роль в афганских событиях

Едва ли не самым ярким и знаменитым порождением афганского джихада стал Усама бен Ладен — один из 53 сыновей Мухаммеда Авада бен Ладена, преуспевающего саудовского бизнесмена йеменского происхождения, владельца одной из крупнейших строительных компаний на Ближнем Востоке¹⁴.

После советского вторжения в Афганистан и призыва афганских моджахедов к своим братьям в мусульманском мире развернуть джихад Усама бен Ладен, как и многие в Саудовской Аравии, вместе с группой единомышленников и партией тяжелого строительного оборудования выехал в Пакистан и присоединился к борьбе афганских моджахедов. Поначалу Бен Ладен занимался организацией системы вербовки арабских добровольцев, желавших участвовать в джихаде против неверных.

В конце 1980-х годов Бен Ладен вернулся в Саудовскую Аравию и был встречен в радикальных исламских кругах как герой. Очень скоро он стал призывать к борьбе против саудитского режима, который считал коррумпированным и вероотступническим. Отношения Бен Ладена с властями Саудовской Аравии предельно осложнились во время войны в Заливе, когда он обрушился на правительство, позволившее развернуть на территории страны военные силы США и коалиции. В этой ситуации Бен Ладен вместе с группой других «арабских афганцев» бежал из Саудовской Аравии в Судан, откуда и управлял своим бизнесом и подрывными операциями. В 1994 году власти Саудовской Аравии лишили его гражданства и объявили за его голову награду¹⁵.

В Судане он создал целую экономическую империю, включавшую кожевенные фабрики, строительные фирмы, банк, сельскохозяйственные предприятия и импортно-экспортные компании. Эта система обеспечивала работой его друзей из числа «арабских афганцев» и давала источник дохода для финансирования подрывных операций, включая создание и содержание учебных лагерей для исламских террористов со всего мира¹⁶.

Вернувшись в Афганистан, где тогда еще правил режим моджахедов в Кабуле во главе с Раббани и Масудом, Бен Ладен обосновался в контролировавшемся «Талибаном» Джелалабаде. Спустя всего несколько месяцев после его возвращения в Афганистан силы «Талибана» взяли под контроль Кабул и большую часть территории страны и Бен Ладен получил возможность свободно перемещаться по Афганистану. В феврале 1997 года «Талибан» отверг предложение американцев, обещавших в обмен на экстрадицию Бен Ладена признание его режима международным сообществом. В марте 1997 года Бен Ладен пережил еще одно покушение, в ходе которого были взорваны две бомбы, пятьдесят человек погибли и сто пятьдесят были ранены. Сам Бен Ладен при этом не пострадал.

¹³ См.: *Pahlavan Ch.* Afghanistan: Era of the Mujahidin and the Taliban // Qatreh Press (Tehran), 1998, Vol. 1. P. 212.

¹⁴ См.: *Pohly M., Dowran Kh.* Who is Bin Laden?. Transl. by M. Mirmoezzi. Tehran: Rozaneh Press, 2001. P. 44.

¹⁵ См.: *Khosravi K.* Osama Ibn Mohammed Bin Laden // Simindoxt Press (Tehran), 1996. P. 90—95.

¹⁶ См.: *Ibid.* P. 97.

После этого покушения Бен Ладен перебрался в Кандагар — средоточие власти талибов. Официально «Талибан» утверждал, что Бен Ладена перевели туда, чтобы следить за его передвижениями и действиями и не допускать участия в каких-либо террористических актах. Однако тот продолжал руководить работой учебных лагерей в Афганистане, где проходили подготовку сотни исламских террористов, рассылавшихся затем по всему миру для организации новых террористических ячеек «Аль-Каиды»¹⁷.

Впоследствии в крайне агрессивных интервью в «Тайм», «Ньюсвик» и на Би-би-си Бен Ладен призывал своих братьев-мусульман к новому походу против врагов ислама. Он провозгласил обретение оружия массового поражения религиозным долгом и объявил, что любой мусульманин, пытающийся помешать этому, совершает тем самым страшный грех против религии¹⁸.

Чтобы убедить «Талибан» экстрадировать Бен Ладена (с целью его последующего ареста), США направили в Афганистан своего посла. Но, несмотря на данные обещания, руководство «Талибана» не сделало ничего, чтобы остановить деятельность Бен Ладена. Ответа на требование США экстрадировать террориста не последовало, а угрозы с его стороны осуществить террористические акты против Америки продолжались.

После террористических атак на башни-близнецы и Пентагон США обвинили Бен Ладена в том, что он спланировал эти нападения и непосредственно руководил ими с территории Афганистана, и потребовали его немедленной экстрадиции. После отказа правительства «Талибана» выдать Бен Ладена Соединенные Штаты объявили Бен Ладену и режиму «Талибана» войну. Это знаменовало собой новую эпоху в противостоянии радикального ислама, олицетворяемого «Талибаном» и Бен Ладеном, Соединенным Штатам и Западной цивилизации¹⁹.

Нападения 11 сентября и их последствия

Атака 11 сентября представляла собой скоординированные нападения на Соединенные Штаты террористов-самоубийц организации «Аль-Каида», предпринятые 11 сентября 2001 года²⁰.

Утром этого дня 19 террористов «Аль-Каиды» захватили четыре самолета пассажирских авиалиний. Два из захваченных самолетов террористы направили на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, что повлекло за собой гибель всех находившихся на борту и множества людей, работавших в этих зданиях. Оба здания рухнули в течение двух часов, разрушив близлежащие строения и повредив множество других домов. Третий самолет похитители направили на Пентагон в Арлингтоне (Вирджиния), непосредственно примыкающем к Вашингтону. Четвертый самолет, который захватчики пытались направить на Вашингтон, упал на поле близ Шенксвилла в сельской местности в Пенсильвании, после того как ряд пассажиров и экипаж попытались вернуть контроль над лайнером. Ни на одном из самолетов не было выживших²¹.

¹⁷ См.: *Veisi Z.* In the Search of Bin Laden // Internet site of Bashgahe Andishe (Tehran), 2003. P. 20—21.

¹⁸ См.: *Bodansky Y.* Bin Laden, The Man Who Declared War on America. California: Roseville Forum, 1999. P. 346—347.

¹⁹ См.: Al Hayat, 12 February, 2002.

²⁰ См.: *Kepple G., Milelli J.-P., Ghazaleh P.* Al Qaeda in Its Own Words // Harvard University Press, 2008. P. 48.

²¹ См.: *Holmes St.* Al Qaeda, 11 September 2001. В кн.: *Gambetta D.* Making Sense of Suicide Missions. Oxford University Press, 2006. P. 21.

Совет НАТО заявил, что Альянс рассматривает нападение на США как нападение на все страны НАТО, поступив тем самым в полном соответствии со статьей 5 Устава НАТО. Непосредственным ответом на нападение было объявление администрацией Буша войны с терроризмом. Целью провозглашалось привлечение Усамы бен Ладена и «Аль-Каиды» к ответственности и предотвращение создания новых террористических сетей. Этих целей собирались достичь путем экономических и военных санкций против государств, которые, как считалось, предоставляют убежище террористам, а также путем усиления международного слежения и обмена разведывательной информацией²².

По всему миру средства массовой информации и правительства осудили террористические акты; страны и народы всей планеты выражали Соединенным Штатам поддержку и солидарность. Лидеры большинства ближневосточных государств, как и афганские лидеры, осудили террористические акты. Примечательным исключением был Ирак, чьи власти немедленно заявили, что «американские ковбои пожинают плоды своих собственных преступлений против человечности»²³.

Множество стран, включая Канаду, Китай, Соединенное Королевство, Францию, Россию, Германию, Индию и Пакистан, приняли законы против терроризма и заморозили банковские счета физических и юридических лиц, подозревавшихся в связях с Аль-Каидой²⁴.

Развитие международной ситуации и реакция представителей международного сообщества сразу после террористических атак отразились на непосредственном восприятии и воздействии результатов Всемирной конференции против расизма. Конференция завершилась всего за три дня до этих событий, не приведя, по сути, ни к чему, кроме раздоров и взаимных обвинений участников. И в США, и во многих других странах результатом нападений стало усиление межрасовой напряженности в отношениях с мусульманами²⁵.

Основные причины возникновения и роста «радикализма» в Центральной Азии

С крахом коммунизма и открытием государственных границ у мусульман Центральной Азии появилась возможность не только исповедовать свою религию и исполнять ее предписания, но и заимствовать за рубежом и развивать у себя радикальные формы ислама. Хотя большинство мусульман Центральной Азии не поддерживают радикальный ислам, радикальные исламистские движения привлекают немало последователей среди постоянно расширяющейся части населения, хотя пока еще и не большинства. Рост поддержки радикального ислама в Центральной Азии в последнем десятилетии объясняют зарубежным влиянием на фоне коррумпированности властей, подавления оппозиции и ухудшения экономического положения. Радикальные исламистские группы, активно действующие в Центральной Азии, подпитываются растущим общественным недовольством и доносят голос оппозиции до светских авторитарных властей.

---

²² См.: *Borger J.* Blogger Bares Rumsfeld's Post 9/11 Orders // Guardian News and Media Limited (London) [http://www.guardian.co.uk/world/2006/feb/24/freedom_of_information], 11 September 2006.

²³ См.: *Holmes St.* Op. cit. P. 80.

²⁴ См.: *Ibid.* P. 80—82.

²⁵ См.: *Thayil J.* 645 Racial Incidents Reported in Week After September 11 // India Abroad [<http://www.Highbeam.com/doc/1p1-79281024.html>], 2001.

В ответ правители региона объявили вне закона любую религиозную исламскую деятельность, осуществляемую без одобрения властей, и обрушились с репрессиями на сами исламские организации и на их последователей²⁶.

Социально-экономические и политические условия в Центральной Азии благоприятствуют росту радикальных исламистских группировок, способных серьезно дестабилизировать обстановку в регионе. Скверное недобросовестное управление, бедность, отсутствие возможностей для роста, коррупция и преступность способны превратить регион в базу для терроризма и в арену постоянной нестабильности межэтнических отношений.

Хотя радикальные исламистские группировки привлекают людей самого разного происхождения, до сих пор исламистам было труднее распространять свое влияние среди коренных народностей Кыргызстана, Казахстана и Туркменистана. Значительно быстрее они сумели снискать поддержку у узбекских и таджикских этнических меньшинств в странах Центральной Азии²⁷. Распространению радикальных идей и успеху экстремизма среди узбекских и таджикских этнических меньшинств способствовали три фактора:

- 1) исламизация узбекского и таджикского населения;
- 2) непрекращающаяся дискриминация и религиозные преследования этнических меньшинств;
- 3) нарастание авторитарных тенденций узбекских властей: эти тенденции привели к постоянным репрессиям властей против исламских групп и организаций, что добавило масла в огонь недовольства, толкающего узбеков и таджиков в радикальные исламистские группировки²⁸.

Радикализации Центральной Азии способствовал ряд обстоятельств:

- появление сетевых структур радикального исламизма (в частности «Аль-Каиды»);
- популярность, которую приобретают в Центральной Азии такие формы ислама, как ваххабизм и некоторые другие;
- формирование в постсоветскую эпоху организационной базы радикального исламизма в виде сетевых структур, осуществляющих подготовку радикально настроенных мулл и строительство мечетей радикального толка;
- расширение «склонного к радикализации» сегмента населения под влиянием роста бедности и маргинализации традиционных мусульманских слоев;
- растущее негодование и чувство обиды мусульманского населения в связи с наблюдающимся социальным расслоением, когда узкий слой элиты пользуется всеми благами, а остальной народ терпит тяжелые лишения. Здесь дело в том, что, как справедливо утверждает д-р Шоберлайн, мусульмане уверены: такое расслоение несправедливо и противно Закону, а источником его является коррупция;
- неспособность и нежелание властей провести необходимые реформы и предоставить народу возможность участвовать в обсуждении и решении проблем, так что

²⁶ См.: *Tiffany P.* Islam in Central Asia: The Emergence and Growth of Radicalism in the Post-Communist Era // Center for Technology and National Security Policy (CTNSP), 2003.

²⁷ См.: *Omelicheva M. Y.* Ethnic Dimension of Religious Extremism and Terrorism in Central Asia. Chicago: International Studies Association, 2007.

²⁸ См.: *Ibidem.*

единственной жизнеспособной формой оппозиции оказываются подпольные исламистские движения. Общество воспринимает подполье не как разрушительную силу, но как нечто, чему оно доверяет больше, чем своим политическим лидерам²⁹.

Внешние факторы и роль Афганистана в распространении исламского радикализма в Центральной Азии

Еще один источник подъема радикального политического ислама в странах Центральной Азии лежит за пределами региона. В начале 1990-х годов власти и жители региональных стран стали устанавливать официальные и неофициальные контакты с мусульманскими государствами Ближнего Востока. Оттуда прибывали многочисленные эмиссары, завозившие в регион радикальный исламизм. С другой стороны, из самой Центральной Азии люди отправлялись изучать религию в Египет, Саудовскую Аравию и Турцию, проникались там идеями радикального политического ислама и по возвращении домой вставали на путь исламского активизма. Некоторых направляли для подготовки в учебные лагеря террористов, откуда они возвращались готовыми «воинами джихада».

Говоря о внешних факторах, следует отметить и географическую близость Центральной Азии ко многим зонам конфликтов и нестабильности, в которых сильны позиции радикального политического ислама: Афганистану, Чечне и, в меньшей степени, китайскому Синьцзяну. Эти районы являются не только источником экспорта радикальных исламистских идей: отсюда в Центральную Азию хлынул поток живых носителей радикального ислама. Некоторые приезжают на вполне законных основаниях: по частным приглашениям, как туристы или студенты; другие прибывают как нелегальные иммигранты или беженцы³⁰.

Многие авторы считают подъем радикализма в Центральной Азии и вспышку гражданской войны в Таджикистане продолжением происходившего в Афганистане. Между Афганистаном и странами Центральной Азии нет четких этнических, культурных или религиозных границ. Таджики — вторая по численности после пуштунов народность в Афганистане: таджиков там четыре миллиона — больше, чем в любой центральноазиатской стране. Узбеки и туркмены занимают соответственно третье и четвертое место по численности. Душанбе расположен всего в 100 километрах от афганской границы.

Связи между религиозными партиями в Афганистане и в Центральной Азии поддерживаются с 1980-х годов. По некоторым данным, что именно в ходе афганского «джихада» началась политизация ислама и возникли первые радикалистские движения в Центральной Азии, особенно в Таджикистане. Таджики в Афганистане более религиозны, чем узбеки, и у них больше возможностей распространять влияние исламизма среди своих братьев по ту сторону государственной границы, поэтому вдоль границы с Таджикистаном ощущается сильное присутствие афганских радикальных партий. Афганские моджахеды установили связи с таджиками и переходили через границу в Таджикистан. Формированию тесных связей способствовала общность языка, культуры, религии, наличие общих предков³¹.

²⁹ См.: A Conference on the «Islamization of Central Asia: Politics, Economics and Society» // Woodrow Wilson Internal Center for Scholars, 5th floor Conference Room, 11 June, 2003.

³⁰ См.: Ibidem.

³¹ См.: *Warikoo K.* Central Asia Emerging New Order. New Delhi: Haranand Publication, 1996. P. 211.

Стремительный подъем «Талибана», склонного толковать ислам в духе школы деобанди, угроза роста исламского радикализма и боязнь существования путей и маршрутов, по которым группы боевиков «Талибана» могли проникать в глубь Центральной Азии, — все это требовало конкретных шагов от лидеров центральноазиатских стран и России³².

Воздействие афганского терроризма на ситуацию с безопасностью в Центральной Азии (до событий 11 сентября 2001 г.)

В 1990-х годах в Центральной Азии быстрыми темпами росли преступность и терроризм. Вызвано это было главным образом двумя факторами: во-первых, стремительным увеличением производства опиатов в Афганистане, во-вторых, распадом Советского Союза и возникновением на его бывших южных окраинах новых слабых государств³³.

В Центральной Азии их действие проявилось прежде всего в тесной связи между распространением радикального ислама, с одной стороны, и ростом наркоторговли в регионе и контрабанды наркотиков через территорию региона — с другой. На рубеже 1990-х—2000-х годов тесная связь между терроризмом и преступностью составляла едва ли не главную угрозу безопасности Центральной Азии.

В 1979—1989 годах, в период сопротивления советской оккупации, производство опиума в Афганистане стремительно росло. Первоначально, насколько известно, повстанческие группировки не были замешаны в производство наркотиков — их действия финансировались за счет зарубежной помощи. Однако «Хезб-е-Ислами» Гульбедин Хекматъяра — возможно, самая сильная и организованная из всех моджахедских группировок, получавшая львиную долю американских и пакистанских средств на поддержку сопротивления, — в стремлении уменьшить зависимость от распределявшей денежные средства разведывательной службы Пакистана постепенно втянулась в производство опиума и изготовление героина³⁴.

Развитие ситуации в Центральной Азии после событий 11 сентября

Считается, что террористические нападения 11 сентября 2001 года изменили очень многое в мировой политике. Их последствия сильно повлияли и на положение дел с организованной преступностью, и на состояние безопасности в Большой Центральной Азии.

---

³² См.: *Mognus R.H., Eden N.* Afghanistan: Mullah, Marx and Mujahid. Pakistan: Pak Book Corporation, 1998. P. 87.

³³ См.: *Cornell S.E.* The Narcotics Threat in Greater Central Asia: From Crime-Terror Nexus to State Infiltration // Central Asia-Caucasus Institute, Silk Road Studies Program, *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2006, Vol. 4, No. 1. P. 36—67.

³⁴ См.: *Cooley J.* Unholy Wars: Afghanistan, America and International Terrorism // Pluto Press (London), 2002. P. 58.

Какие же последствия имела операция «Несокрушимая свобода» для Афганистана и Центральной Азии?

Операция, которая привела к падению режима «Талибана», резко изменила всю политическую ситуацию в Афганистане и Центральной Азии. Для организованной преступности и наркоторговли последствия этих перемен оказались двоякими: с одной стороны, был нанесен решительный удар по узлу, связывавшему преступность и терроризм в регионе; но, с другой — преступным элементам оказался открыт путь для растущего проникновения в политическую жизнь Афганистана³⁵.

Присутствие Запада в Афганистане не привело к сокращению производства опиума — напротив, вскоре его объемы вновь выросли до уровня, предшествовавшего кампании по уничтожению посевов, а затем постепенно достигли новых рекордных значений. Но в результате этой операции Афганистан больше не мог служить убежищем для разного рода террористических группировок, включая «Аль-Каиду», ИДУ и группы из Китая [СУАР] и Пакистана. Что особенно важно, силы ИДУ сильно сократились после тяжелых потерь, которые они понесли в сражении за Кундуз в ноябре 2001 года, защищая последний оплот «Талибана» на севере страны. Там была уничтожена большая часть боевиков ИДУ, и в бою с американцами погиб Джума Намангани (хотя и имела место впоследствии неподтвердившаяся информация о том, что он остался жив). Однако инфраструктура ИДУ в самой Центральной Азии во многом уцелела. Насколько можно судить по последним данным, в Афганистане остаются два отряда ИДУ: один в провинциях Пактия и Кунар — районах, где достаточно мощны выступающие против американцев силы Гульбедин Хекматяра, другой по-прежнему держит несколько горных баз в граничащей с Таджикистаном провинции Бадахшан.

Таким образом, операция «Несокрушимая свобода» привела к невиданному всплеску производства опиатов в Афганистане и постоянному росту их контрабанды через территорию Центральной Азии. Этому не приходится удивляться, учитывая «опиумные наклонности» Северного альянса — ведь во временном правительстве Афганистана, которое пришло к власти после смещения «Талибана», в качестве доминирующей силы утвердилась Шура-е-Назар (политическая и военная группировка Мохаммада Касема Фахима — министра обороны во временном правительстве Карзая, считавшаяся главной военной опорой его режима. — *Ред.*). В 2002 году государственный департамент США утверждал, что «Северный альянс не предпринимает никаких мер для борьбы с выращиванием [опиумного мака] и наркоторговлей в районах, находящихся под его контролем», — формулировка явно слишком мягкая, если учесть, что площади [под опиумным маком] в Бадахшане повсеместно увеличились³⁶.

Вскоре после террористических нападений на Америку, совершенных 11 сентября 2001 года возглавляемой Бен Ладеном террористической сетью «Аль-Каида», все страны Центральной Азии предоставили возглавляемой США коалиции, созданной для борьбы с террористами в Афганистане, право пролета через свое воздушное пространство и другие формы поддержки.

Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан разместили у себя войска коалиции и разрешили им доступ к своим военным базам. В 2003 году Казахстан и Узбекистан поддерживали также военную операцию сил коалиции в Ираке, а Казахстан предоставил также больше двух десятков военнослужащих для участия в восстановительных работах. Политика, провозглашенная Соединенными Штатами, делала упор на защиту безопасности

³⁵ См.: Drug Trade in Eurasia Database // Silk Road Studies Program, Uppsala, 24 August 2005 [http://www.Silk Road Studies. Org.drug data base. Htm].

³⁶ См.: Cornell S.E. Narcotics, Radicalism and Armed Conflict in Central Asia: The Islamic Movement of Uzbekistan // Terrorism and Political Violence, 2005, Vol. 17, No. 4. P. 619—639.

«прифронтовых» государств Центральной Азии, которым коалиция помогала бороться с терроризмом, с распространением оружия массового уничтожения, производством и контрабандой наркотиков³⁷.

Таким образом, воздействие начавшейся после событий 11 сентября 2001 года всемирной военной мобилизации на борьбу с терроризмом особенно сильно ощущалось странами Центральной Азии — самыми уязвимыми соседями афганского центра глобального терроризма. Все эти страны с готовностью предоставили в распоряжение сил коалиции для действий в Афганистане свои воздушные базы.

Террористические действия почти всех исламских экстремистских сил в регионе были, по крайней мере временно, подорваны операциями возглавляемой США коалиции. Однако, по утверждениям многих наблюдателей, террористические ячейки в Центральной Азии сегодня перегруппировываются и переформируются, и туда же из Афганистана и других мест просачиваются уцелевшие террористические группы ИДУ, «Аль-Каиды» и других группировок³⁸.

З а к л ю ч е н и е

На протяжении 1980-х годов Афганистан как магнит притягивал к себе добровольцев из различных мусульманских, в том числе и арабских стран. Они спешили на помощь моджахедам, сражавшимся против просоветского режима в Кабуле и вторгшихся в страну советских войск. В Афганистане добровольцы получали военную подготовку и приобретали богатый боевой опыт партизанской войны.

Обучение моджахедов и добровольцев обычно проходило в Пакистане. Центром и средоточием деятельности моджахедов был расположенный на границе с Афганистаном город Пешавар и его окрестности.

Среди сотен добровольцев, принявших близко к сердцу беду Афганистана, были и мусульмане из бывшей советской Средней Азии. Они также присоединились к священной войне (джихаду) и плечом к плечу с афганскими моджахедами сражались против советских войск и просоветского режима в Кабуле до полной победы. После этого добровольцы оказались больше не нужны в Афганистане и стали возвращаться домой.

После распада СССР и создания независимых мусульманских республик в Афганистан из Центральной Азии отправились множество радикальных исламистов. Там в различных группировках моджахедов они обучались ведению партизанской войны и осуществлению террористических актов и получали религиозное образование в мусульманских школах (медресе). Основной идеологией, которую им там прививали, был «фундаментализм» и «исламизм», подвигавший их на борьбу с коррумпированными светскими режимами за создание исламского государства, построенного на началах шариата. Впоследствии в регионе, особенно в Узбекистане, сформировались различные исламистские партии и радикальные движения, чьи руководители прошли обучение в медресе Афганистана — главным заповеднике террористических экстремистских групп, подобных «Аль-Каиде» Бен Ладена.

Их четкая идеология и экстремистские действия вызывали озабоченность тоталитарных светских режимов и создавали угрозу положению правящих элит. Так в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане возникла почва для непримиримого противостояния сторон.

Сегодня в радикальные исламистские группы в регионе, находящиеся под сильным влиянием афганских экстремистов, приходят множество новобранцев. У каждого из

---

³⁷ См.: *Nichol J.* Central Asia: Security, Internal Affairs & U.S. Interests. New York: Nova Science Publishers 2008. P. viii (Soft cover).

³⁸ См.: *Ibid.* P. 6.

них для такого шага свои мотивы: бедность, этническая и социальная принадлежность, солидарность со «своими», идеология, идентичность. Однако диктатура и жестокий полицейский контроль со стороны светских режимов не позволяют этим группам проводить в жизнь их планы и осуществлять насильственные действия — по крайней мере, на какое-то время.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРЕЦКО-РОССИЙСКОГО ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Левон ОВСЕПЯН

*научный сотрудник Института востоковедения
Национальной академии наук Республики Армения
(Ереван, Армения)*

Введение

В последние годы турецко-российские отношения вступили в качественно новый этап: от политического диалога высокого уровня страны перешли к развитию экономического и энергетического сотрудничества, которое зачастую достигает уровня «стратегического партнерства».

Для Турции, а она входит в НАТО, ближайшими партнерами в сфере военно-технического сотрудничества остаются США и другие члены Североатлантического альянса. Кроме того, в 1990-х годах активно рас-

ширялись ее связи с Израилем. В последние годы к этому списку добавилась и Россия.

Большой интерес политических кругов Турции к новейшим российским вооружениям и военной технике можно в определенной степени связать с общей активизацией «российского направления» во внешней политике Анкары. Можно сказать, что в Турции все более склонны рассматривать Россию в качестве «альтернативного партнера», важно-го для балансирования отношений страны с Западом (в первую очередь с США).

Договорно-правовая база двустороннего сотрудничества в военно-технической сфере

Отношения России и Турции в начале 1990-х годов трудно охарактеризовать как добрососедские, что объясняется их традиционной геополитической конкуренцией и

взаимоисключающими военно-политическими интересами. Тем не менее в 1992 году был подписан Договор об основах отношений России и Турции.

Понятие «добрососедства» в отношениях двух стран постепенно начинает приобретать свой истинный смысл только со второй половины 1990-х годов: именно тогда появились общие подходы и наметились новые элементы сотрудничества, прежде всего в энергетике и в борьбе с терроризмом. Соглашения о сотрудничестве в этих областях были подписаны в 1996—1997 годах¹. С этого периода российско-турецкие отношения сместились из поля противодействия в поле сотрудничества — во многом потому, что страны перестали видеть друг в друге угрозу².

Новую страницу в политических отношениях между двумя странами открыл подписанный ими в ноябре 2001 года «План действий по развитию сотрудничества между Россией и Турцией в Евразии». В этом документе были намечены перспективы и взаимные интересы сотрудничества³.

Важным шагом в развитии российско-турецких военно-политических отношений стало создание в 2001 году по инициативе Турции Черноморской группы военно-морского сотрудничества («Blackseafor») с участием шести черноморских стран (лидирующее положение среди них занимают Россия и Турция)⁴. В 2003 году вступил в силу «Документ о мерах укрепления доверия и безопасности в военно-морской области на Черном море» (в рамках проекта «Blackseafor»). В 2006 году впервые в рамках «Blackseafor» были проведены российско-турецкие военно-морские учения, в связи с чем в Стамбул прибыла группа кораблей военно-морских сил России⁵.

Турция первой из стран НАТО установила военно-техническое сотрудничество с Россией. Еще в начале 1990-х годов Россия продала Турции вооружений на общую сумму примерно в 110 млн долл., в том числе 110 единиц бронетранспортеров (БТР-60/80), военно-транспортные вертолеты Ми-8 и Ми-17, боевые машины, приборы ночного видения, легкое вооружение и др.⁶

Согласно российским источникам, в мае 1992 года было достигнуто соглашение о продаже Россией Турции вооружений и боевой техники (вертолетов Ми-17, бронетранспортеров, пулеметов, гранатометов и снайперских винтовок) на сумму 300 млн долл.⁷ Для турецкой жандармерии и сил особого назначения были приобретены огнестрельное оружие, снайперские винтовки, противотанковые минометы и артиллерийские реактивные системы залпового огня российского производства⁸.

В апреле 1994 года Россия и Турция подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в военно-технической и военно-промышленной областях, которое стало

---

¹ См.: *Зиганшин М.* Россия — Турция: от двустороннего сотрудничества к многоплановому сотрудничеству. Бишкек, 2007. С. 28.

² См.: *Torbakov I.* Making Sense of the Current Phase of Turkish-Russian Relations // The Jamestown Foundation, October 2007.

³ См.: *Зиганшин М.* Указ. соч. С. 31—32.

⁴ Создание подобной группы Турция инициировала еще в 1998 году, однако соглашение о ее создании было подписано в 2001-м. Согласно учредительным документам «Blackseafor», его основными функциями являются поисково-спасательные и гуманитарные операции, противоминные мероприятия, охрана окружающей среды, осуществление совместных учений и т.д. [<http://www.blackseafor.org/english/operational.php>].

⁵ См.: *Зиганшин М.* Указ. соч. С. 54—56.

⁶ См.: Weapons Transfers and Violations of Laws of War in Turkey // Human Rights Watch Arms Project. USA, 1995. P. 36—37; *Kandaurov S.* Russian Arms Exports to Greece, Cyprus and Turkey, Moscow Defense Brief [<http://mdb.cast.ru/mdb/2-2001/at/raegct/>].

⁷ См.: Россия — Турция: от поставок газа до военно-технического сотрудничества /Справка/ [http://www.itar-tass.ru/details/rossiya_turtsiya_ot_postavok_gaza_do_voenno_tekhnicheskogo_sotrudnichestva_spravka.html], 15 марта 2011.

⁸ См.: *Litovkin V.* The Future of Russian-Turkish Military-Technical Cooperation // RIA Novosti, 26 June 2006.

первым документом такого рода. Соглашение предусматривало выполнение российской стороной работ по снабжению и модернизации вооружения турецких ВС⁹.

В настоящее время военно-техническое сотрудничество между Россией и Турцией осуществляется в рамках ряда межправительственных соглашений, которые регулируют двусторонние отношения по разработке, производству и снабжению военной продукцией.

Для придания военно-техническому сотрудничеству большей стабильности и долгосрочности в мае 2001 года была создана Смешанная российско-турецкая комиссия по военно-техническим вопросам. В сентябре 2002 года и ноябре 2003-го прошли заседания комиссии соответственно в Анкаре и Москве¹⁰.

В январе 2002 года во время визита в Турцию начальника Генерального штаба ВС РФ А. Квашнина были подписаны «Рамочный документ о сотрудничестве в военной сфере» и российско-турецкий договор «О сотрудничестве в области подготовки и обучения военного контингента». В том же году начальник Генерального штаба ВС Турции Х. Киврикоглу с ответным визитом посетил Москву¹¹.

Важным шагом по созданию договорной базы для развития военно-технического сотрудничества стало подписание в декабре 2004 года (во время первого официального визита президента России В. Путина в Турцию) двух значимых документов — межправительственных соглашений о «Взаимном сохранении интеллектуальной собственности в военно-технической сфере» и «Взаимном сохранении информационной секретности в военно-технической сфере».

С точки зрения развития сотрудничества между двумя странами в военной сфере следует упомянуть о визите командующего Военно-воздушных сил (ВВС) Турции Ф. Джемерта в Россию в июне 2007 года. В ноябре 2008 года Турцию посетил министр обороны России А. Сердюков, а в 2009 году — директор Федеральной пограничной службы (ФПС) России, командующий погранвойсками стран СНГ В. Проничев (первый заместитель директора ФСБ РФ). Кроме того, в июле 2010 года официальный визит в Турцию нанес главнокомандующий ВМФ России В. Высоцкий.

13 февраля 2009 года в ходе официального визита президента Турции А. Гюля в Москву была подписана декларация «О продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства», направленная прежде всего на дальнейшее развитие двустороннего взаимовыгодного сотрудничества в военно-технической и военно-промышленной сферах. В Декларации подчеркивалась особая важность работы Смешанной межправительственной российско-турецкой комиссии по военно-техническим вопросам; отмечалось, что она и в дальнейшем будет способствовать развитию сотрудничества в этих областях¹².

Достижения, возможности и перспективы российско-турецкого военно-технического сотрудничества

В июне 2006 года на заседании Исполнительного комитета оборонной промышленности Турции было принято решение начать выполнение широкомасштабной програм-

⁹ См.: *Litovkin V.* Op. cit.

¹⁰ См.: *Задонский С.М.* Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России и Турции // ИИИиБВ, 26 сентября 2008.

¹¹ См.: *Rusya ile askeri anlaşma yapıldı* [http://gbulten.ssm.gov.tr/arsiv/2002/01/15/01_2.htm].

¹² Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнерства, 13 февраля 2009 года [<http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/02/212886.shtml>].

мы по модернизации системы противовоздушной обороны (ПВО). В связи с этим был объявлен тендер на приобретение комплексов ПВО/ПРО дальнего действия, в котором участвовали системы американского («Patriot»), российского (С-300 ПМУ-2 «Фаворит») и совместного американо-израильского («Arrow-2») производства¹³. Однако проведение тендера затянулось; в 2008 года после долгих обсуждений Главное управление оборонной промышленности Турции вновь подтвердило необходимость приобретения систем ПВО. Кроме того, к тендеру присоединилась китайская компания СРМЕС: ее системы HQ-9 (или FD-2000) являются копиями российских комплексов С-300 ПМУ-2 «Фаворит». В 2009 году участницей тендера стала также франко-итальянская компания «Eurosam» с комплексами SAMP-T¹⁴.

На пути к созданию развитой ПВО Турция стоит перед серьезным выбором между американскими и российскими комплексами. Согласно турецким источникам, некоторое предпочтение отдается российским системам, однако вопрос пока окончательно не решен. Следует отметить, что посредством своих новейших вооружений Россия пытается позиционировать себя как надежного партнера Турции, которая, в свою очередь, посредством переговоров с российской стороны стремится ослабить свою зависимость от США в данной сфере.

В ходе состоявшегося в конце 2008 года визита в Турцию министра обороны России А. Сердюкова обсуждался ряд вопросов, касающихся двустороннего военного сотрудничества. Были озвучены намерения вести совместную работу по ряду военно-технических проектов, в том числе и по внедрению в Турции систем ПВО. В 2008 году объемы российских поставок вооружений и военной техники (в основном, боеприпасов, а также комплектующих и запасных частей) в Турцию составили около 200 млн долл. По мнению экспертов, в настоящее время перспективным направлением военно-технического сотрудничества России с Турцией может стать взаимодействие в космической области¹⁵.

По данным российских и турецких источников, ведутся переговоры о возможной продаже Турции российских систем ПВО С-400; эту информацию подтвердил и представитель «Рособоронэкспорта». Согласно сообщениям российских СМИ, в апреле 2009 года на Международной выставке военной промышленности (IDEF 2009) состоялась встреча между главой российской военной делегации А. Аксеновым и руководителем секретариата оборонной промышленности Турции М. Баяром. Обсуждались вопросы, касающиеся возможной продажи комплексов С-400. Следует отметить, что Россия представила на выставке 120 наименований военной продукции¹⁶.

Однако, как уже отмечалось, Турция, отдавая некоторое предпочтение российским комплексам, пока окончательно не определилась по вопросу приобретения систем ПВО/ПРО.

В январе 2007 года Исполнительный комитет оборонной промышленности Турции объявил тендер на приобретение противотанковых ракетных комплексов дальнего действия для усиления вооружения сухопутных сил, в котором участвовали как местные, так и иностранные компании (в том числе американский консорциум «Lockheed Martin/Raytheon» и израильская военно-промышленная компания «Rafael»). В конечном счете

¹³ Необходимо отметить, что до сих пор на боевом дежурстве турецких ВС нет комплексов ПВО большой дальности, а воздушное пространство охраняется ЗРК малой дальности — «Rapier», «Stinger», «Atılgan» и модернизированными «I-Hawk» средней дальности.

¹⁴ См.: Türkiye'nin füzesi hangisi olacak // Hürriyet, 15 февраля 2010; F-35'te aslan payı Türk şirketlerinin, 2 февраля 2010 [http://www.ihlas.net.tr].

¹⁵ См.: Россия — Турция: от поставок газа до военно-технического сотрудничества /Справка/.

¹⁶ См.: Turkey Hopes to Buy S-400 Air Defense Systems from Russia // RIA Novosti, 27 April 2009.

турецкие военные отдали предпочтение российскому комплексу «Корнет-Э»; согласно договору Россия продала Турции 80 единиц указанной техники и 800 ракет к ним¹⁷.

Доставку вооружений планировалось начать в 2009 году и уже в конце 2009-го ВС Турции получили 40 единиц «Корнет-Э». Стоимость данной сделки между Министерством обороны Турции и Тульским конструкторским бюро составила 100 млн долл.¹⁸ Согласно российским источникам, подписанный документ дает Турции возможность в последующем приобрести еще 72 единицы указанных комплексов¹⁹.

Как отмечает эксперт С. Холяпин, приобретение Турцией противотанковых ракетных комплексов российского производства придаст новый импульс развитию военно-технического сотрудничества между двумя странами. Вполне возможно, что Турция заинтересуется и российскими комплексами ПВО, которые хотя и не соответствуют стандартам НАТО, но уже использовались Грецией (страной — участницей НАТО), закупаящей, в основном, вооружения западного производства.

По мнению российских экспертов, не исключено, что российская сторона предложит совместно изготавливать российские танки Т-80 и Т-90 и построить на территории Турции завод для их производства²⁰. Турецкая сторона заинтересована в заключении подобного контракта, так как он отвечает интересам ее стратегии развития военно-промышленного комплекса страны.

Турция также изъявила готовность приобрести у России как минимум 12 ударных вертолетов Ми-28 «Навос»; для уточнения условий сделки в 2009 году в Москву должна была направиться специальная военная делегация²¹. Решение было принято после того, как США отказали Турции в приобретении своих вертолетов «Собра» и «Super Cobra», которые она намеревалась применить в борьбе с курдскими вооруженными формированиями в восточных районах страны и в Северном Ираке.

Однако приобретение новых вертолетов рассматривается как краткосрочное, промежуточное решение, поскольку в 2013 году Турция получит на вооружение ударно-разведывательные вертолеты Т-129 совместного итало-турецкого производства²².

Еще в конце 1997 года правительство Турции объявило тендер на сумму 2 млрд долл. (названный программой «АТАК»), который предусматривал совместное производство и закупку 145 ударно-разведывательных вертолетов.

На участие в тендере подали заявки американская компания «Bell Textron», производящая вертолеты «Super Cobra», и российские предприятия «Рособоронэкспорт» и завод «Камов»; вертолеты Ка-50-2 «Erdogan», выпускаемые последним, оснащены бортовыми навигационными системами израильского производства. Кроме того, российская сторона предложила более выгодные условия для создания в Турции производства подобных вертолетов и их дальнейшего экспорта в другие страны.

Однако в мае 2004 года турецкая сторона приостановила тендер, из которого, после долгих проволочек, выбыли франко-немецкая компания «EADS Eurocopter (Tiger)» и российская «Ка-50-2»²³.

¹⁷ См.: İsrail yerine Ruslardan füze alıyoruz // Hürriyet, 11 апреля 2008, Türk Silahlı Kuvvetlerinde Rus silahları dönemi [http://www.nethaber.com], 11 апреля 2008. Ракеты «Корнет-Э» достаточно эффективно использовались со стороны «Хезболла» против израильских танков «Merkava» Mk4, а также иракской армией против американских танков M1 «Abrams».

¹⁸ См.: «Kornet-E» Rus füze kompleksi Türk askerleri tarafından teslim alındı [http://turkish.ruvr.ru/2009/12/17/3155702.html].

¹⁹ См.: Kerimov T. Russia Eyes Turkish Arms Market [http://english.ruvr.ru/2010/07/15/12424622.html], 15 July 2010.

²⁰ См.: Cetinkaya O. Russia and Turkey: Military Aspects of a Joint Responsibility for the Region [http://www.eurasiacritic.com/articles/russia-and-turkey-military-aspects-joint-responsibility-region], July 2009.

²¹ См.: Sariibrahimoğlu L. Turkey Sends Delegation to Russia for Mi-28 Attack Helicopters // Today's Zaman, 8 June 2009.

²² См.: АТАК Projesi nadir [http://www.hurriyet.com.tr/gundem/9263677.asp?gid=233&sz=31569], 24 июня 2008.

²³ См.: Turkey Shortlists 2 Attack Helicopters [http://www.xairforces.com/newsd.asp?newsid=236&newst=4].

Хотя положительные тенденции в развитии военно-технического сотрудничества между двумя странами очевидны, Турция все еще не определилась в вопросе развития своей системы ПВО. Российская сторона уже несколько лет участвует в тендере развития ПВО Турции, однако реальных результатов пока нет. Кроме того, Турция ведет аналогичные переговоры и с США. По-видимому, Анкара пытается выбрать предложение, максимально выгодное в политическом и в военно-техническом отношениях.

От США Турция ожидает, в первую очередь, четких и определенных действий по решению курдской проблемы, а также согласия на продолжение поставок новейшего вооружения. Что же касается России, то Турция попытается достичь максимального эффекта от сотрудничества с ней в области реализации совместных производственных программ в некоторых важнейших военно-технических областях. Как уже отмечалось, главная проблема заключается в том, чье предложение в адрес Турции окажется «максимально эффективным».

На Лиссабонском саммите НАТО 19—20 ноября 2010 года была принята новая стратегия Альянса, предусматривающая создание объединенной системы ПРО для защиты стран-участниц на территории Европы²⁴.

Турция, выдвинувшая некоторые возражения, в целом согласилась на участие в объединенной системе ПРО НАТО, что, впрочем, не исключает возможность приобретения ею российских комплексов. Однако для надежной защиты всей территории страны необходимо не менее 10—15 ЗРК дальнего действия, и не исключено, что лишь небольшое количество комплексов будут приобретены в России (прежде всего по политическим соображениям). Подобным образом строится система ПВО Греции, которая, приобретя несколько ЗРК в России, основную их часть закупила у США.

В ближайшие годы Турция приобретет 100—120 американских истребителей F-35²⁵, которые будут включены в единое поле ПВО и ПРО страны, и это обстоятельство может серьезно повлиять на ее окончательный выбор в отношении систем ПВО.

З а к л ю ч е н и е

В 2000-х годах Турция начала пересмотр своей военно-политической стратегии. Анкара стремится к большей самостоятельности в военно-технической сфере: политическая элита страны пытается продемонстрировать большую независимость от единой стратегии Североатлантического альянса.

Турция уделяет постоянное внимание совершенствованию национального ВПК, расширению потенциала для производства военной продукции различного назначения, освоению новых зарубежных и созданию собственных современных военных технологий. В рамках официального курса на большую самостоятельность реализуется стратегический план, призванный уменьшить зависимость от зарубежных поставщиков военной продукции. В 2010 году намечалось обеспечить за счет собственного производства 50% потребностей турецких ВС в вооружениях, военной технике и снаряжении. Согласно турецким официальным источникам, в 2010 году этот показатель составил 52,1%²⁶.

²⁴ См.: Allied Leaders Agree on NATO Missile Defense System [http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_68439.htm], 20 November 2010.

²⁵ Турция приобретет 100—120 единиц самолетов F-35, общая стоимость которых составит 10—12 млрд долл. По проекту первые самолеты будут доставлены в Турцию в 2014 году, заменив собой находящиеся в настоящее время на вооружении страны устаревшие F-16 и известные еще со времен вьетнамской войны истребители-бомбардировщики F-4 (см.: Turkey to Possibly Buy 20 More F-35 Fighters // *Hürriyet Daily News*, 7 October 2009).

²⁶ См.: Savunma sanayinde hedefler aşıldı, 26 Nisan 2011 [http://ekonomi.milliyet.com.tr/savunma-sanayinde-hedefler-asildi/ekonomi/ekonomidetay/26.04.2011/1382547/default.htm; http://www.sasad.org.tr/en/turkiye-savunma-sanayiinin-2010-yili-verileri-aciklandi.html].

Турция пытается также диверсифицировать направления сотрудничества в военно-технической сфере: страна ищет новых партнеров и выгодные сделки. В этих условиях Россия выступает для Турции в качестве оптимальной альтернативы: Анкара как бы шлет сигнал своим традиционным партнерам на Западе, давая понять, что ее северный сосед в какой-то степени может заменить их.

Для России выход на турецкий военно-технический рынок также имеет важное значение как в политическом и экономическом, так и непосредственно в военно-техническом отношении.

Сегодняшнюю динамику военно-технического сотрудничества между Турцией и Россией трудно назвать постоянной: расширение взаимодействия двух стран в этой области во многом зависит от дальнейшего развития их отношений в экономической и энергетической сферах.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

СОВРЕМЕННАЯ
РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ
В КАЗАХСТАНЕ

Кадыржан СМАГУЛОВ

*магистр политологии, докторант PhD
Казахского национального университета им. аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)*

Введение

События конца весны — начала лета 2011 года в Казахстане (самоподрыв смертника в Актобе, нападение группы экстремистов на полицейских в поселке Шубарши, угрозы талибов произвести террористические акты в Казахстане, в случае если власти страны примут решение отправить казахстанских военных на территорию Афганистана) привлекли внимание общественности к религиозной ситуации в республике.

На протяжении всех 20 лет независимости Республики Казахстан (РК) высшее руководство страны неустанно твердило о необходимости стабилизировать и гармонизировать межконфессиональные и межэтнические отношения. Однако на деле религиозная сфера оставалась за бортом государственной политики: основные при-

оритеты отдавались экономическому развитию и укреплению позиций правящего режима.

Из-за того что религиозная сфера была пущена на самотек, республику заполнили миссионеры из различных государств, причем деятельность некоторых из них носила явно экстремистский характер. Подобное развитие ситуации стало возможно по нескольким причинам.

После распада СССР «постсоветские» люди, убедившиеся в утопичности идеи коммунизма, утратили морально-нравственные ориентиры. Канули в Лету такие культивировавшиеся в СССР этические нормы, как добропорядочность, честность, дисциплинированность и т.п.; «дикие» 1990-е годы выдвинули на первый план силу, связи, телефонное право, блат и

другие пороки, присущие деградирующему обществу. Лишившись прежних идеалов, люди стали искать новые опоры для своего мировоззрения; идей, заполнявших образовавшийся вакуум, становилось все больше, чему во многом способствовало либеральное законодательство. В непростой период построения независимого государства появились большое количество нечистых на руку и совесть граждан,

пытавшихся коммерциализировать сферу общественного сознания.

В первые годы независимости государство практически не уделяло внимания религиозной сфере, так как было занято решением экономических вопросов и выстраиванием политической конструкции, однако последние события в РК продемонстрировали ошибочность этой стратегии.

Традиционные религии в Казахстане: ислам и православие

Исторически сложилось так, что в Казахстане преобладают две традиционные конфессии: ислам суннитского толка и православное христианство.

В свое время ислам распространялся среди кочевых племен Казахстана не без проблем — значительно сложнее, чем, к примеру, среди оседлого населения Мавераннахра. Тем не менее казахские племена придерживались ислама. Наиболее глубоко он укоренился в среде оседлых казахов в городах вдоль Сырдарьи и Амударьи. Но некоторые правила ислама соблюдали и казахи, занимавшиеся кочевым хозяйством. Так, женщины этих племен надевали традиционные головные уборы (*саукеле*), закрывавшие волосы и шею, и одежды, прикрывавшие руки и ноги.

С давних времен среди населения степей был весьма распространен суфизм, проповедовавшийся Ходжа Ахмедом Яссауи. Однако мусульмане, исповедующие традиционный ислам, суфизма не признают.

Так же, как и их средневековые предки, большинство современных казахов придерживаются своеобразного синтеза традиционного ислама с элементами тенгрианства. Подобное соединение предполагает, например, поклонение духам предков (*аруах*), приготовление семи лепешек (*жетти нан*) и другое, что противоречит традиционному исламу.

Именно в силу того, что в Казахстане издревле отсутствовала практика строгого соблюдения канонов традиционной мусульманской веры, в период позднего СССР и после обретения республикой независимости было модно говорить об «особом пути ислама» в Казахстане. Однако приверженцы традиционного ислама, в том числе и казахстанская молодежь, получившая религиозное образование в учебных заведениях стран Ближнего Востока, подобный «синтез» отрицают. Из-за этого нарастает непонимание между мусульманами среднего возраста и мусульманской молодежью. И если первые, которые образуют костяк Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК), призывают исповедовать «традиционный казахский ислам», то «новые мусульмане» (в основном, молодежь) требуют строго соблюдать традиционные каноны и догматы, не признавая никаких «течений».

Православие в Казахстане стало распространяться с вхождением Казахского ханства в состав Российской империи и началом колонизации ею казахских земель. Однако этой религии придерживалось лишь славянское население, прибывшее сюда вместе с русскими войсками. Впоследствии здесь нашли убежище русские старообрядцы, скрывавшиеся от религиозных преследований; переселяясь в отдаленные уголки ханства, они создавали свои закрытые общины.

Несмотря на то что православие существует на территории современного Казахстана уже более 250 лет, широкого распространения в среде казахов оно не получило; это было связано с сопротивлением казахов русской колонизации и, соответственно, новой религии. С приходом же к власти большевиков и установлением советской власти на всей территории бывшей Российской империи религия, в том числе и православие, была фактически поставлена вне закона. Если европейские колонизаторы, чтобы вовлечь в сферу своего влияния то или иное государство или народ, активно использовали религиозное миссионерство (в частности, навязывали свои религиозные убеждения правителям), то коммунисты СССР, отвергшие религию, применяли другие методы. Так, в период существования СССР были широко распространены межэтнические браки, особенно в среде высшего руководства национальных республик: его представители для успешного карьерного роста женились на русских девушках, тем самым демонстрируя лояльность Москве.

После обретения страной независимости в среде казахов получило известное распространение протестантство; эксперты объясняют это тем, что деятельность протестантских миссионеров щедро спонсируется не только западными религиозными организациями, но и целыми государствами.

Активная миссионерская деятельность западных проповедников привела к появлению в РК новых протестантских церквей: в республике их насчитывается более 500¹. Кроме того, значительно расширились и укрепились позиции протестантских религиозных объединений и общин, количество которых уже составляет около 1 000.

После обретения независимости Казахстан, согласно Конституции, был объявлен светским государством, в котором свобода совести признавалась одним из важнейших прав человека. Кроме того, в Конституции провозглашались принципы равенства религиозных объединений и невмешательства государства в их внутреннюю деятельность.

В 1992 году был принят Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», явившийся законодательно-правовой базой межконфессиональных отношений; он носил либеральный характер и был признан соответствующим международным стандартам.

Как отмечают многие исследователи, современная религиозная ситуация в РК во многом определяется специфической полиэтнической структурой населения. В конце 1980-х годов в большинстве постсоветских государств с преобладающим мусульманским населением (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Азербайджан) доля этнических групп, традиционно исповедующих христианство, не превышала 11—13%. В Казахстане же удельный вес мусульманских этносов начиная с середины 1930-х годов всегда составлял менее 50% и лишь к 1993 году их численность превысила половину населения (вследствие массовой эмиграции европейцев). Но и в 1998 году удельный вес немусульманских народов страны намного превышал соответствующий показатель по другим «мусульманским» республикам СНГ. Почти в половине областей Казахстана мусульманские этносы являются этноконфессиональным меньшинством.

Демографический фактор вынуждает казахстанские власти балансировать между православием и исламом, не отдавая явного предпочтения ни одной из двух религий².

Согласно социологическим исследованиям, в современном Казахстане к числу верующих относят себя от 60 до 70% населения; около 80% казахов причисляют себя к мусуль-

¹ См.: Мухашов А. Религиозная палитра современного Казахстана (обзор конфессий) // Казахстанская правда, 1 июля 2003.

² См.: Верховский А., Джукеева С., Пономарев В. Религиозный фактор в политике и в идеологии национальных движений в России и Казахстане. 1989—1997 [http://www.panorama.ru/works/rk/index.html], 1 августа 2011.

манам, а около 60% русских и других представителей славянских народов — к православным христианам. Однако если применять более объективные критерии принадлежности к религии (регулярное посещение молитвенных собраний, постоянное соблюдение религиозных обрядов, жизнь в соответствии с нормами веры, знание основных религиозных текстов и т.д.), то реальное количество верующих составляет 10—20% населения³.

Руководят двумя крупнейшими конфессиями Казахстана ДУМК и Митрополичий округ Русской Православной Церкви (РПЦ) в РК соответственно.

И ДУМК, и руководители епархий РПЦ придерживаются единой платформы по вопросам сохранения мира и стабильности в стране и постоянно подчеркивают существующие между ними добрые отношения, что не мешает им бороться за сохранение своего «религиозного поля» друг с другом, а также с миссионерами новых религиозных направлений, ранее не имевших в республике своих последователей.

В условиях борьбы между ДУМК и РПЦ, в которую оказались втянуты общественность и СМИ, идет открытое лоббирование интересов двух конфессий на государственном уровне; подобное положение дел в перспективе может привести к обострению религиозных процессов⁴.

Курбан-Байрам (мусульманский праздник жертвоприношения) и Рождество Христово (по православному календарю) объявлены в Казахстане государственными праздниками, что идет вразрез с Конституцией страны и ущемляет права других религиозных течений.

Что касается скрытого противостояния между ДУМК и РПЦ, то здесь уместно привести один пример. В конце 2010 года в Казахстане произошел скандал с участием руководства упомянутых крупнейших конфессий. Причиной стала идея, озвученная главой Митрополичьего округа РПЦ в РК митрополитом Астанайским и Казахстанским Александром: использовать в богослужении и произнесении проповедей в храмах республики наряду с привычным церковнославянским казахский язык⁵. Митрополит пообещал, что на казахском языке будут издаваться духовная литература, работать официальный сайт митрополии и произноситься проповеди.

Это заявление было воспринято ДУМК как подготовка к обращению в православие казахов, традиционно исповедующих ислам. Заместитель верховного муфтия Казахстана Мухаммад Хусейн-кажи Алсабеков заявил: «Если представители других религий будут проводить проповеди на казахском языке, то это будет неправильно. Проповеди представителей других религий на казахском языке среди казахского народа, верой которого является ислам, будут носить агитационный характер»⁶.

Таким образом, по поводу сложившейся в РК религиозной ситуации можно сделать следующие выводы.

- Во-первых, между РПЦ и ДУМК продолжается скрытое противостояние, сдерживаемое «установленными правилами», в соответствии с которыми ни одна из сторон не имеет права вторгаться в зону влияния другой.
- Во-вторых, недовольство ДУМК по поводу предложения об использовании в православном богослужении казахского языка продемонстрировало тот факт, что религия в Казахстане официально носит этнический оттенок: казахи придерживаются ислама, русские и представители других славянских этносов — православия.

³ См.: *Артельев А.И., Подопригора Р.А., Цепкова И.Б.* Концепция государственной политики Республики Казахстан в сфере религии и деятельности религиозных организаций // Информационно-аналитический бюллетень. Специальный выпуск, 2005, № 11.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: *Мальцев В.* Астана бьет в колокола // Независимая газета, 3 декабря 2010. С. 2.

⁶ Там же.

Тот факт, что религия выступает сегодня в качестве прежде всего этнокультурного идентификатора, подтверждается и результатами опроса, проведенного казахстанским исследователем Г. Балаевой. 63% опрошенных отнесли себя к исламу, 24,2% — к православию, 1,4% — к католицизму и 0,2% — к протестантизму. Соотношение приверженцев ислама и православия примерно соответствовало соотношению казахов и представителей славянских этносов. При этом речь идет об общей численности людей, отмечавших свою «близость» к той или иной религии, что означает для многих из них именно культурную либо этническую идентификацию (в том числе и для тех, кто уважает соответствующие духовные ценности, не участвуя активно в религиозной жизни).

Анализ показал, что среди «неатеистов» доля соблюдающих все религиозные установления составляет примерно 18%; верующих, но активно не участвующих в религиозной жизни — около 47%, традиционно соблюдающих религиозные обряды — около 20% и «просто» уважающих религиозные ценности — примерно 15%⁷.

Имеет значение и давность исповедания религии. 47,2% опрошенных ответили, что религия, к которой они себя относят, исповедуется ими с рождения. По сути дела, религия выступает элементом национальной культуры, преемственности поколений, уважения к предкам и их духовному наследию⁸.

- В-третьих, государство всемерно поддерживает позиции ДУМК и РПЦ, так как они объединяют большинство жителей страны.

Тем не менее в сфере деятельности как ДУМК, так и РПЦ далеко не все гладко. Для полноты картины следует обратиться к истории создания этих духовных организаций в Казахстане.

ДУМК было создано в 1990 году по инициативе имама Р. Нисанбаева (который его и возглавил) на базе казахстанского казиата, на протяжении 40 лет входившего в состав Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) со штаб-квартирой в Ташкенте⁹. До образования ДУМК вопросы кадровой политики, формирования списка паломников, выезжающих в хадж, религиозного обучения и издательской деятельности находились в исключительном ведении Ташкента. Предложение об отделении казахстанского казиата от САДУМ было с самого начала поддержано властями республики: они добивались того, чтобы основные проблемы общественной жизни решались внутри республики.

Дальнейшая история ДУМК состояла из нескольких этапов, однако главным ее «трендом» было усиление власти верховного муфтия РК Р. Нисанбаева, который проводил политику замещения авторитетных исламских лидеров страны (большинство которых были представителями неказахских этнических групп) казахами, несмотря на то что у последних отсутствовало как религиозное образование, так и практический опыт работы в мечетях. Создание ДУМК совпало по времени с началом широкой волны религиозного ренессанса: в несколько раз выросло число участников мусульманских мероприятий, началось массовое строительство новых мечетей. Однако из-за отсутствия в Казахстане развитой исламской традиции лишь небольшую часть новых мечетей удалось обеспечить образованными имамами¹⁰.

⁷ См.: Балаева А.Г. Этно-религиозная идентификация молодежи Казахстана: социологический аспект: Автореферат дисс. к. соц. н. Астана: Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, 2010.

⁸ См.: Телебаев Г. Религиозная идентификация населения и религиозная ситуация в Республике Казахстан // Социологические исследования, 2003. С. 101—106.

⁹ См.: Верховский А., Джукеева С., Пономарев В. Указ. соч.

¹⁰ См.: Там же.

В силу огромных трудностей, с которыми столкнулось ДУМК в первые годы своего существования, было сложно организовать собственную систему подготовки имамов, направление паломников в хадж и др. Кроме того, на первых этапах становления ДУМК его не признавали за рубежом. Большую роль в преодолении этого «барьера» сыграло руководство Казахстана. Так, в феврале 1993 года, во время своего визита в Египет, Н. Назарбаев озвучил просьбу о принятии в исламский университет «Аль-Азхар» 25 студентов из Казахстана. Подобное «ходатайство» президента страны было связано с тем, что этнократические госорганы Казахстана после получения независимости оказывали явное предпочтение исламу как религии, традиционной для казахов¹¹.

Кроме того, государство с целью этнической консолидации казахской нации нередко оказывало прямую финансовую помощь в строительстве мечетей. Однако в последующем эта поддержка прекратилась, что было связано как с определенными изменениями в конфессиональной политике, так и с быстрым ухудшением экономической ситуации.

Несмотря на проводимую государством политику поддержки ДУМК и развития ислама в Казахстане, не все имамы республики поддерживали Духовное управление страны. Так, среди духовенства распространялись слухи о коррумпированности верховного муфтия и о вытеснении им с ключевых должностей образованных имамов неказахского происхождения.

Положение о пожизненном руководстве муфтиятом, вошедшее в Устав ДУМК, не давало возможности влиять на ситуацию даже членам его Президиума. Это позволяет говорить о том, что ДУМК присущ авторитарный стиль управления.

В последующем это противостояние росло, тем самым ставя под угрозу политику государства в религиозной сфере; с другой стороны, между мусульманами, поддерживающими политику ДУМК, и теми, кто был недоволен ею, обозначилась некая невидимая разделительная грань.

Таким образом, с самого начала существования ДУМК в среде мусульман республики не было единства. Так, в 1997 году в Казахстане действовало более 5 000 мечетей, из которых были зарегистрированы не более 15—20%, хотя муфтият достаточно жестко требует от них пройти регистрацию в государственных органах. Из этого можно сделать вывод, что большинство мусульманских общин Казахстана не контролируются ДУМК¹².

В итоге в 2000 году Р. Нисанбаев был смещен с поста верховного муфтия Казахстана, а на его место был избран Абсаттар-кажы Дербисали. Непосредственное участие в этом «перевороте» приняли госорганы. Так, в интервью газете «Жас Алаш» Дербисали сказал: «Не буду выворачиваться. В смещении первого главного муфтия Ратбека-кажы принимал самое прямое участие. Да для смещения главного муфтия пришлось вмешаться государственным органам»¹³.

Таким образом, государство, посадив на главный пост в ДУМК лояльного себе имама, в очередной раз вмешалось во внутренние дела мусульман. В результате раскол между властями и мусульманами страны еще больше увеличился, так как последние желают сами выдвигать кандидатов на главный пост в ДУМК. Несмотря на это, Абсаттар-кажы Дербисали уже в третий раз переизбирается на пост верховного муфтия Казахстана (последний раз в 2010 г. сроком на пять лет).

¹¹ См.: Верховский А., Джукеева С., Пономарев В. Указ. соч.

¹² См.: Там же.

¹³ Сапар Али Б.Т., Елдесбай Т.Ж. Особенности религиозной ситуации в Казахстане: структурное реформирование ДУМК не терпит [<http://www.ia-centr.ru/publications/7463/>], 1 августа 2011.

Следует отметить, что государство вмешивалось не только в дела мусульман, но и в сферу деятельности РПЦ. Так, когда в 1991 году решением Священного синода на территории Казахстана были образованы самостоятельные Алма-Атинская, Чимкентская и Уральская епархии (вместо существовавшей ранее одной Алма-Атинско-Казахстанской), официальные лица страны заявили, что существование на территории независимого государства трех епархий, не объединенных в одну церковную иерархическую структуру, является «дестабилизирующим началом» с точки зрения интересов сохранения и укрепления межнационального согласия¹⁴.

В итоге 16 июля 1995 года на заседании Священного Синода по просьбе архиереев, несущих послушание на территории Казахстана, была образована православная меж-епархиальная комиссия (ПМК), в которую вошли епископы (архиепископы) Уральский, Чимкентский и Алма-Атинский. Председателем комиссии стал архиепископ Алма-Атинский и Семипалатинский Алексей. Фактически ПМК стала специфическим централизованным органом РПЦ в Казахстане.

Впрочем, по данным авторов коллективного труда «Религиозный фактор в политике и в идеологии национальных движений в России и Казахстане. 1989—1997», архиепископ Алексей, поддерживавший дружеские связи с членами семьи Н. Назарбаева, рассматривался казахстанскими властями в качестве «главного представителя» РПЦ и до образования ПМК. В декабре 1994 года специальным Указом президента Казахстана ему было предоставлено казахстанское гражданство¹⁵.

В 1999 году была создана Астанайская и Алма-Атинская епархия. Желание верующих и государственных органов объединить православные церкви в единое Казахстанское управление длительное время не получало поддержки Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Только в мае 2003 года Синод РПЦ решил создать на территории республики Митрополичий округ, главой которого был назначен Преосвященный митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий¹⁶.

Назначение неказахстанца на высшую должность православной организации Казахстана демонстрирует слабость влияния госорганов на политику, проводимую РПЦ в стране (на политику ДУМК они влияют намного больше).

5 марта 2010 года Священный синод освободил митрополита Мефодия от управления Астанайской и Алма-Атинской епархией, и на его место был избран архиепископ Костромской и Галичской епархии Александр. Более того, по решению Священного синода от 26 июля 2010 года Митрополичий округ в составе Астанайской и Алма-Атинской епархий был переименован в «Митрополичий округ Русской Православной Церкви в Республике Казахстан». Глава Митрополичьего округа РПЦ в РК стал отныне называться Преосвященным Астанайским и Казахстанским.

Тем не менее позиции РПЦ в Казахстане в последнее время несколько ослабли, что обусловлено оттоком русскоязычного населения, сложностью богослужений, отсутствием соответствующей материальной базы, а также повышением привлекательности других христианских церквей: за последние годы многие из тех, кто составлял каноническую базу русского православия, ушли в протестантские конфессии и деноминации¹⁷.

С другой стороны, ослабление позиций православия в Казахстане стало следствием переориентации внимания и сил государства на ислам из-за появления различных мусульманских течений экстремистского характера.

¹⁴ См.: Верховский А., Джукеева С., Пономарев В. Указ. соч.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: Трофимов Я. Геополитические аспекты динамики изменения религиозной ситуации в Республике Казахстан [http://www.religare.ru/article6503], 1 августа 2011.

¹⁷ См.: Артемьев А.И., Подопригора Р.А., Цепкова И.Б. Указ. соч.

Власти Казахстана пытаются найти «рецепт» налаживания отношений внутри мусульманской общины, однако действуют нерационально и часто перегибают палку. Так, в конце июня председатель Агентства по делам религий К.Л. Шариф провел встречу с Абсаттаром-кажы Дербисали, на которой верховный муфтий выразил поддержку инициативе «Одна нация — одна религия»¹⁸. В ходе встречи обсуждались и вопросы укрепления роли мусульманского духовенства в Казахстане и дальнейшего повышения статуса традиционного ислама ханафитского мазхаба суннитского толка.

Таким образом, очевидно, что последние события в стране застали власти врасплох и теперь они пытаются педалировать разрешение ситуации в мусульманской общине, полагая, что этому помогут новые уступки.

Однако инициатива К.Л. Шарифа «Одна нация — одна религия», несомненно, является утопией и несет в себе еще более опасный заряд негативных последствий, так как в многоконфессиональном обществе Казахстана априори невозможно насадить одну религию. При этом следует учесть, что главным приоритетом госполитики РК является создание так называемой казахстанской нации и, если отталкиваться от инициативы К.Л. Шарифа, ее религией будет ислам умеренного толка.

Несмотря на это, следует признать, что государство будет и дальше стремиться увеличить свое влияние на религиозные процессы, так как автономное развитие данной сферы стало одной из наиболее опасных угроз правящему режиму и властной элите. Так, представляя коллективу Агентства по делам религий нового главы, премьер-министр РК К. Масимов заявил, что «регулирование в этой сфере пойдет в том русле, которое необходимо».

Процесс исламизации в современном Казахстане

Эксперты утверждают, что на сегодня основной тенденцией в развитии религиозной ситуации в Казахстане является очередная волна исламизации¹⁹. При этом они отмечают, что к исламу приходят люди, проживающие в более тяжелых социально-экономических условиях, и в вере они черпают новые силы. Более того, если законы человеческие перестают действовать (в силу роста коррупции, разгула криминалитета и т.п.), то общество начинает организовываться на тех законах, которые прошли апробацию веками — на Законах Божьих²⁰.

В казахстанском обществе заметно угасает интерес к партийной политической тематике и, как следствие, растет неверие в то, что партии и государство будут решать насущные проблемы общества. Из-за тесной связи партии «Нур Отан» с госорганами возрастает опасность того, что население предпочтет открытому конструктивному диалогу с властями уход в подполье или даже использование каких-либо насильственных методов.

Следует также учесть, что, по замерам социологов, 39% населения страны живут на сумму, равную месячному расчетному показателю (МРП) на человека; порядка 40% живут на 2 МРП. То есть 80% населения страны живет, имея минимальный доход, что, конечно же, усиливает напряженность в обществе.

¹⁸ Новый глава Агентства по делам религий встретился с муфтием Казахстана [<http://www.islamsng.com/kaz/news/2139/>], 1 августа 2011.

¹⁹ См.: Сейдахметова Б. Ислам в Казахстане. Интервью с политологом Адилем Каукуеновым [quorum.kz/6123/], 1 августа 2011.

²⁰ См.: Там же.

Таким образом, власти в Казахстане уже получают отдачу от того, что они делали на протяжении 20 лет, когда искореняли думающую часть населения, интеллигенцию, отдавали приоритет в госорганах и в силовых структурах недалеким людям и т.п. Население продолжает деградировать, и большинство людей сегодня — это необразованные и аполитичные личности, которые не знакомы с иными методами борьбы кроме крайних форм протеста. Так, в конце июня 2011 года в здании партии «Нур Отан» женщина произвела акт самосожжения в знак протеста против приговора ее сыну, осужденному на 10 лет за хранение наркотиков. Как видим, в Казахстане зарождается плохая традиция осуществлять акции протеста против несправедливости и произвола властей в виде самобичевания или даже самоубийства. И если в «местах не столь отдаленных» подобные методы являются инструментом «выбивания» лучших условий, то для простых граждан — это единственный возможный способ доказать свою позицию.

Подобная ситуация сложилась в республике в силу безысходности, которая стала результатом процветания коррупции, блата и телефонного права. В итоге уровень народного раздражения растет, что создает явную угрозу для правящей элиты и относительной стабильности социально-политической обстановки в стране. Зачастую потеря близкого человека может привести к тому, что разгневанные люди просто выплеснут свои эмоции на тех, кого считают в этом повинными.

17 мая 2011 года в Актобе 25-летний Р. Махатов подорвал себя в здании ДКНБ по Актюбинской области. В результате взрыва бомбы были ранены 3 человека, а сам Махатов погиб на месте. Согласно официальной информации, он осуществил самоподрыв «с целью уклонения от ответственности за уголовные преступления, совершенные им в составе организованной преступной группировки»²¹. Однако, как утверждают родственники и знакомые погибшего, он не совершал никаких преступлений, но был вовлечен в одно из религиозных течений.

Взрыв в Актобе не вписывается в рамки протестного действия против современных пороков общества, и эта акция, скорее всего, была призвана продемонстрировать властям всю хрупкость «межнационального и межконфессионального согласия», которым так гордятся отечественные государственные деятели.

Следует отметить, что в России также обостряется противоборство новых теологов и их последователей с официальным духовенством; примером может служить убийство в Ингушетии ректора Института теологии М. Садикова²². Можно предположить, что после закрытия всех таможенных постов на российско-казахстанской границе будет гораздо сложнее контролировать проникновение в страну книг религиозного содержания. К тому же квалификация и подготовка тех, кто поставлен бороться с этим, остается на довольно низком уровне; они не способны не только предотвратить возможный теракт, но и «обработать» потенциальный контингент будущих последователей экстремистской идеологии. Неслучайно в списке наиболее опасных террористов Северного Кавказа, состоящем из 52 человек, оказался и один казахстанец — 35-летний А. Жекебаев²³.

Тем не менее власти отдают приоритет не решению насущных проблем населения, а укреплению силовых ведомств; сразу вслед за актюбинским терактом в июне 2011 года внутренние войска МВД РК (при участии спецподразделения «Буркит») провели учения²⁴.

²¹ Рысалиев А. Влияние исламских религиозных идей в Западном Казахстане (интервью с Азаматом Майтановым) [www.ipwr.com.], 1 августа 2011.

²² См.: Теологу не простили критику ваххабитов [www.gazeta.ru/social/2011/06/08/3656953.shtml], 1 августа 2011.

²³ См.: Казахстанец оказался в списке подготовленных для терактов в России смертников [tengrinews.kz/kazakhstan_news/190102/], 1 августа 2011.

²⁴ См.: Внутренние войска готовы к ликвидации внутренних конфликтов [www.tv7.kz], 1 августа 2011.

В последние годы представители титульной нации Казахстана стали проявлять больший интерес к исламу; если раньше эта религия была распространена преимущественно в сельской местности (колыбели сохранения казахских традиций и обычаев, в том числе и религиозных), то теперь процесс исламизации наиболее широко продвигается в крупных городах.

Своеобразным показателем религиозной индифферентности казахского общества на первых порах государственной независимости являлось то, что, по данным на 1 января 1989 года, из 671 религиозной общины Казахстана, мусульманских было только 46 (2 из которых были незарегистрированы). Большинство имамов мечетей относились к неказахским этносам (узбеки, татары, уйгуры, балкарцы, чеченцы и дунгане); имелись также 1 232 незарегистрированных муллы²⁵.

Между тем уже в 2003 году в Казахстане действовали 1 652 исламских объединения, подавляющее большинство которых (1 642) — суннитского толка²⁶.

Согласно данным ДУМК, в 2000 году на территории Казахстана действовало более 5 000 мечетей. Однако в 2009 году Духовному управлению были организационно подчинены только около 2 500 из них. Большое количество мечетей, неподотчетных ДУМК, указывает на несогласие части мусульман со стратегией и тактикой его руководства²⁷.

Наиболее важной тенденцией является то, что «эстафета» развития религии в РК перешла от аулов к большим городам. Казахский аул в том виде, в каком он существовал раньше, неумолимо уходит в прошлое. На наших глазах постепенно создается фактически новая городская культура, в которой религия, судя по всему, займет более важное место, чем прежде; по данным социологических исследований, наиболее интенсивный рост исламской религиозности наблюдается на данный момент именно у казахов²⁸.

Тот факт, что крупные города, становясь местом активного привлечения людей к религии, обеспечивают прирост числа убежденно верующих, означает, что речь идет о глубокой тенденции, имеющей долгосрочные перспективы. Именно большой город определяет основные направления развития современного общества²⁹.

Как отмечает Т. Козырев, «в этот переломный момент крайне желательно, чтобы в роли «чистого ислама», приходящего на смену «традиционно-казахскому», оказалась именно традиционная для Центральной Азии форма суннизма, основанная на традициях ханафитского мазхаба, а не радикальный ваххабизм и сопутствующий ему ханбалитский мазхаб (наиболее жесткий из четырех существующих)»³⁰.

Прав эксперт и в том, что для государства наиболее опасным сценарием развития событий в религиозной сфере является превращение ислама в «религию низов»: в этом случае социальные разломы совпадут с идеологическими и мировоззренческими различиями. Подобной ситуацией могут воспользоваться деструктивные силы, прежде всего религиозные экстремисты. На фоне довольно серьезного социального расслоения, существующего в казахстанском обществе, полностью исключать такой вариант нельзя. Особенно тревожная ситуация складывается сейчас в западном регионе³¹.

²⁵ См.: Религиозный фактор в политической жизни и в идеологии национальных движений Казахстана [<http://www.panorama.ru/works/rk/indexk.html>], 1 августа 2011.

²⁶ См.: Джалилов А. Религиозная ситуация в Казахстане: терпимость населения и поголовная безграмотность СМИ // Панорама, 16 мая 2003.

²⁷ См.: Сапар Али Б.Т., Елдесбай Т.Ж. Указ. соч.

²⁸ См.: Козырев Т. Казахстан между Востоком и Западом // Мысль, 2011, № 4.

²⁹ См.: Там же.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Там же.

Так, в период 1—9 июля 2011 года в поселке Шубарши (Актюбинская область) были уничтожены девять человек, подозреваемых в убийстве троих полицейских. Как заявили в полиции, данная ОПГ, прикрываясь религиозными идеями, занималась кражей нефти из трубопровода, расположенного вблизи поселков Шубарши и Кенкияк, а также совершала другие преступления корыстно-насильственного характера³².

Это была уже далеко не первая стычка силовиков с исламистами. В последние 10—15 лет властям приходилось иметь дело с чеченцами и дагестанцами, стремившимися культивировать крайние формы ислама, а также с салафитами из числа узбеков и уйгуров, нередко являвшимися членами Исламского движения Восточного Туркестана, «Хизб ут-Тахрир» и прочих военизированных сект. Но в вышеупомянутом инциденте, произошедшем в Шубарши, участвовали именно этнические казахи³³.

Кроме того, весной 2011 года в Алматы произошло столкновение группы религиозных экстремистов со спецотрядом МВД, обе стороны понесли потери. Лидером боевиков оказался казах. Произошедшее вновь подтверждает, что казахи, прежде отличавшиеся толерантным отношением к различным религиям, все больше вовлекаются во всякого рода крайние религиозные течения.

Сразу после инцидента в Шубарши в адрес госорганов посыпались упреки со стороны общественности, так как за короткое время на территории одной и той же Актюбинской области произошло два шокировавших республику события. В связи с трагическими событиями в селе Шубарши Союз мусульман Казахстана (СМК) потребовал незамедлительной отставки акима Актюбинской области Е. Сагиндикова. Так, глава СМК М. Телибеков заявил, что трагедия в Шубарши возникла из-за неблагоприятной экономической ситуации в регионе: «Это была своеобразная форма протеста. Ваххабизм — это сублимация экономических требований и нетерпимость к произволу местной власти, отсутствие идеологии и социальная несправедливость... К сожалению, ДУМК не мог предоставить им другую идеологию. К сожалению, мы начинаем терять электорат, который подпадает под влияние чужой идеологии... Люди искали свою идеологию, чтобы выразить свой протест, и религиозный экстремизм идеально подошел для этих протестных настроений»³⁴.

По мнению же Н. Еримбетова, большинство получившей образование в Казахстане молодежи не востребовано в собственной стране. Он также отметил: «Мы допустим самую большую ошибку, если будем рассматривать вопрос этих столкновений и стычек как проблему религиозного характера. Там такого ничего нет. Он вступает в партию ваххабитов как в партию, и он готов будет выйти, если будут решены его проблемы»³⁵.

Таким образом, молодежь, потеряв веру в способность политических партий улучшить ее экономическое положение, начинает надеяться на религиозную общину, предполагая, что именно она сможет добиться от государства решения существующих проблем. Тем самым в казахстанском обществе формируется целый социальный слой, уверенный, что вести диалог с властями возможно только таким, «религиозным» способом.

Как отмечает Д. Сатпаев, никто не предлагает никаких механизмов решения экономических проблем и ослабления социальной напряженности в регионах. «Большое количество людей, особенно молодежь, на самом деле считают, что у них нет будущего в рамках существующей политической и экономической системы. Следовательно, и терять им

³² См.: Завершилась спецоперация по обезвреживанию подозреваемых в убийстве полицейских в Актюбинской области [www.kt.kz], 1 августа 2011.

³³ См.: Александров М., Ядуха В. И ты, Казахстан... [www.rosbalt.ru], 1 августа 2011.

³⁴ Религиозный экстремизм — порождение Акорды [http://www.guljan.org/ru/news/komments/2011/July/268], 1 августа 2011.

³⁵ Религиозная обстановка в Актюбинской области особо беспокоит — А. Мусин // BNews.kz, 1 августа 2011.

больше нечего. А значит, они готовы взять то, чего им власть не собирается отдавать добровольно», — резюмировал он³⁶.

Так, по данным Общественного фонда «Центр анализа и прогнозирования С.А.Р.» к активному протесту в случае нарушения основных прав склонны почти 17% молодых казахстанцев³⁷. Причем, согласно социологическим исследованиям Фонда, свыше половины молодых людей Казахстана, имеющих персональный доход ниже 30 тыс. тенге в месяц, больше всего озабочены решением жилищного вопроса и проблемы занятости; большинство из них (51,5%) не участвуют в общественной жизни. Но только 3,4% опрошенных представителей молодежи причислили себя к неверующим, что говорит о постепенном росте влияния религии на общественное сознание.

Следует отдать должное властям: на события в Актобе Ак-Орда (резиденция президента РК. — *Ред.*) отреагировала весьма оперативно. Так, в июле аким Актюбинской области Е. Сагиндиков по собственному желанию ушел со своего поста; на его место был назначен аким города Актобе А. Мухамбетов. Представляя коллективу облакмата нового главу, руководитель Администрации президента РК А. Мусин заявил, что власти особо беспокоит религиозная обстановка в Актюбинской области³⁸.

Подобные опасения небезосновательны: в Актюбинской области на законной основе работают 111 религиозных объединений, из которых 83 — исламские, 7 — православные, 20 — протестантские и 1 — иудейское³⁹. При этом, как отмечают эксперты, в Актюбинской области и в целом в Западном Казахстане очень много приверженцев «джихадизма» — радикального религиозного течения, которое рассматривает в качестве основной и главенствующей доктрины лишь вооруженную борьбу, то есть «джихад»⁴⁰. Данное религиозное течение получило широкое распространение именно в Западном Казахстане в силу его географической близости к Северному Кавказу, являющемуся основным центром распространения джихадизма. Одним из главных идеологов этого религиозного течения на постсоветском пространстве стал С. Бурятский; в марте 2010 года он был убит российскими спецслужбами. Именно С. Бурятский не раз бывал со своими лекциями в Казахстане, и, в частности, в Актобе⁴¹.

Зарядившись идеями джихадизма, молодые казахстанцы потянулись на Северный Кавказ, где, по их убеждениям, вооруженное подполье кавказских мусульман создает теократическое государство «Исламский Эмират Кавказа». С другой стороны, в джихадизме разрешено выражать свое несогласие с политикой государства, применяя при этом силовые методы. Так, существует фетва шейха Абу Джандала аль-Азади (идеолога джихадизма в Саудовской Аравии), которая развязывает руки и оправдывает убийства сотрудников полиции и всех правоохранительных органов секулярной власти⁴².

Что касается ДУМК, то его реакция на актюбинские события была несколько «скомканной»; она была явно связана с позицией властей, но не самого Управления (которое, согласно исламу, должно относиться ко всему терпимо). Так, пресс-секретарь ДУМК Онгар-кажы Омирбек заявил, что деятельность салафитов в Казахстане, к которым, по некоторым данным, принадлежала преступная группа, уничтоженная в Актюбинской области, должна быть запрещена⁴³.

³⁶ Религиозная обстановка в Актюбинской области особо беспокоит — А. Мусин.

³⁷ См.: *Медникова И.* Молодые казахстанцы готовы к митингам // Республика, 25 апреля 2011.

³⁸ См.: Религиозная обстановка в Актюбинской области особо беспокоит — А. Мусин.

³⁹ См.: *Каратаев А.* В поисках веры // Актюбинский вестник, 10 февраля 2011.

⁴⁰ См.: *Рысалиев А.* Указ. соч.

⁴¹ См.: Там же.

⁴² См.: Там же.

⁴³ См.: Духовное управление мусульман Казахстана настаивает на запрете деятельности салафитов в стране [www.nomad.su/?a=3-201107140015], 1 августа 2011.

При этом он отметил, что течение «Салафия» получила особое распространение в западных нефтеносных регионах страны (Атырауской, Мангистауской и Актюбинской областях) в силу активной деятельности миссионеров из арабских стран. Здесь необходимо указать на искусственное разделение мусульман, оказавших вооруженное сопротивление правоохранительным органам, на «салафитов» и «ваххабитов»: все они причисляют себя к приверженцам так называемой «чистой веры», то есть традиционного и единого ислама без примесей местной специфики.

Сразу вслед за событиями в поселке Шубарши ДУМК назначило нового имама в этом населенном пункте — выпускника Шымкентского медресе⁴⁴.

Тем не менее было бы ошибочно говорить, что нетрадиционные для казахского общества мусульманские течения развиваются только на западе страны. Несмотря на то что течение «Салафия» получило широкое распространение, власти продолжают предельно жестко действовать в отношении верующих, в том числе и находящихся в местах заключения. Как стало известно, многим осужденным по религиозным статьям в дальнейшем в тюрьмах добавляются сроки. Об этой практике упоминал осужденный А. Муздыбаев — член религиозной общины в Мангистауской области. По его словам, в 2007 году в ИК-20 в поселке Житикара (Костанайская область) были собраны осужденные по религиозным статьям из всех колоний Казахстана. Там их подвергали физическим пыткам и унижениям, запрещали молиться. Всех верующих поместили в общую колонию для пожизненно осужденных⁴⁵.

Однако осужденные по религиозным статьям не желают мириться с подобным положением дел. В июле 2001 года 16 заключенных колонии в Балхаше, которую штурмовал спецназ, совершили самоподрыв. Среди них были осужденные за тяжкие преступления, в том числе и за экстремизм⁴⁶.

Между тем в Казахстане продолжается активное привлечение к уголовной ответственности приверженцев религиозного экстремизма; государство пытается запретить в тюрьмах все «опасные элементы» и тем снизить риски в религиозной сфере. За первое полугодие 2011 года в республике было возбуждено 14 уголовных дел по признакам преступлений экстремистского характера. Кроме того, была выявлена и пресечена деятельность 21 незарегистрированного религиозного объединения и привлечены к административной ответственности 85 человек⁴⁷. В Астане, в рамках мероприятия по выявлению лиц, причастных к религиозному экстремизму, было взято на учет более 60 человек.

Однако данную политику трудно считать оптимальной. В частности, не учитывается, что особенностью развития ислама в Казахстане на современном этапе, в отличие от 1990-х годов, является большая востребованность религии со стороны молодежи, нежели позднесоветских взрослых⁴⁸. Старшее поколение психологически не подготовлено к тому, что их чадо уделяет много времени вопросам религии. Родители, привыкшие видеть своего ребенка в светской одежде, не хотят, чтобы он менял не только свое мировоззрение, но и внешность, например, носил хиджаб, короткие штаны или отращивал бороду⁴⁹.

⁴⁴ См.: В актюбинском Шубарши назначен новый имам [www.kt.kz], 1 августа 2011.

⁴⁵ См.: Рысалиев А. Указ. соч.

⁴⁶ См.: Самоподрыв совершили взбунтовавшиеся заключенные колонии в Балхаше [www.newskaz.ru/incidents/20110711/1681542.html], 1 августа 2011.

⁴⁷ См.: В РК за полгода возбуждено 14 уголовных дел по признакам преступлений экстремистского характера [www.kt.kz], 1 августа 2011.

⁴⁸ См.: Габдуллин Б. «У нас идеальная революционная ситуация» (интервью с Адилем Тойганбаевым) // Central Asia Monitor, 8 апреля 2011.

⁴⁹ См.: Каратаев А. Указ. соч.

Нынешние представители правящего режима, некогда принадлежавшие к Компартии, не могут правильно воспринять религиозность нового поколения, так как во времена своей молодости имели совсем иные приоритеты. Именно в этом кроются причины взаимонепонимания между властью и ДУМК, с одной стороны, и религиозной молодежью — с другой.

Вторая отличительная особенность развития ислама в Казахстане заключается в том, что данный процесс происходит независимо от государства, которое вначале проявляет некомпетентность, а затем враждебность; поняв, что утрачивает влияние на религиозную молодежь, оно начинает бросаться обвинениями в экстремизме⁵⁰.

Беспомощно выглядят утверждения об «истинной» и «навязанной» религиях; на самом деле конфликт происходит не между миром и радикальностью, а между образованностью и безграмотностью. Человек, начиная самостоятельно читать Коран, понимает, что нет никакого «экстремистского» ислама, а есть только один — настоящий.

Однако следует отметить, что произошедшие события (самоподрыв смертника в Актобе, нападение группы экстремистов на полицейских, угрозы талибов и бунт в колонии в городе Балхаш с участием религиозного экстремиста) заставили казахстанские власти несколько изменить отношение к этой «щепетильной» сфере; уже в конце мая было создано Агентство по делам религий, которое возглавил Кайрат Лама Шариф, ранее занимавший пост посла РК в нескольких странах Ближнего Востока и далекий от межэтнических распрей. Стали проводиться различные форумы, конференции, онлайн пресс-конференции с участием высшего руководства страны, то есть власти стали налаживать механизм обратной связи с населением.

К примеру, в ходе онлайн-конференции на информационном портале *Zakon.kz* К. Масимов заявил, что власти не должны запрещать ношение хиджаба⁵¹, тогда как в период предвыборной гонки Н. Назарбаев, выступая в городе Туркестан, высказал негативное отношение к этому мусульманскому обычаю.

Судя по словам К. Масимова, власти, решив не вступать в конфронтацию с представителями религиозных общин, отошли от политики жесткого запрета тех или иных религиозных ритуалов и традиций, а урегулирование вопросов в данной сфере считают возможным производить на «местах». Так, проблема ношения хиджаба в школах была передана в ведение руководства самих школ. Тем самым государство переложило ответственность за решение вопроса на общество (педагогов, родителей и учеников школ). Однако даже в этом вопросе политика властей весьма противоречива, так как школы в стране остаются государственными, а значит, и правила в них должно устанавливать государство. В данном случае власть уходит от ответственности, потому что боится раскола в обществе⁵².

Премьер-министр обозначил позицию государства следующим образом: «К экстремальным формам, которые ничего общего не имеют с реальным вероисповедованием, мы должны относиться достаточно жестко».

Тем не менее государство, озабоченное ситуацией в религиозной сфере, стало проводить более осторожную политику. 23 июня состоялось заседание Экспертного совета при Совете безопасности РК. Повестка дня включала развитие этнорелигиозной ситуации в Казахстане. Была отмечена важность гармоничного сотрудничества государства и гражданского сектора при разработке современной платформы государственно-конфессиональных и межэтнических отношений в Казахстане⁵³.

⁵⁰ См.: *Габдуллин Б.* Указ. соч.

⁵¹ См.: *Жакеев М.* Глава правительства РК высказал свою позицию по поводу ношения хиджаба в Казахстане [*inform.kz*], 1 августа 2011.

⁵² См.: *Тасбулатова С.* Хиджаб: носить нельзя запретить // *Ак Жайык*, 7 октября 2010.

⁵³ См.: В Астане состоялось заседание Экспертного совета при Совете Безопасности РК [*www.kazpravda.kz/c/1308831043*], 1 августа 2011.

10 июня состоялось очередное заседание Межведомственной комиссии Совета безопасности по вопросам стратегии национальной безопасности под председательством помощника президента РК — секретаря Совета безопасности М. Тажина. Участники отметили необходимость соблюдать конституционные нормы о статусе Казахстана как светского государства, а также не допускать деятельности, противоречащей законодательству и способной нанести ущерб безопасности страны⁵⁴.

13 июня 2011 года указом главы государства новым послом РК в Афганистане был назначен О. Битимов. Следует отметить, что на протяжении всего мая 2011-го в СМИ и обществе не утихали дискуссии по поводу отправки казахстанских военных в Афганистан; они еще более обострились после угроз талибов в случае положительного решения данного вопроса правительством РК. В итоге в начале июня члены Сената парламента РК отказались поддержать намерение своих коллег — депутатов Мажилиса направить казахских военных в зону военных действий в Афганистане.

Однако наиболее серьезным шагом казахстанских властей после «первых звонков» в Актобе стала разработка вновь созданным Агентством по делам религии Концепции развития умеренного ислама в Казахстане. Как заявил Кайрат Лама Шариф, «ислам в Казахстане не возник 20 лет тому назад, он распространился на территории Казахстана в Средние века, и за этот период сложилось очень много традиций, которые мы иногда считаем национальными. Они переплетаются с нашими религиозными традициями, поэтому все это надо заново развивать в отношении ритуалов, ношения одежды, в этом у нас есть свое собственное видение»⁵⁵.

Таким образом, налицо все то же стремление властей навязать мусульманам свое направление ислама, и это еще более углубляет существующие между ними противоречия.

Тем не менее реакция властей на события, произошедшие на западе Казахстана, была несколько запоздалой, предпринятые меры носили не превентивный характер, а осуществлялись «по факту». К слову сказать, власти в силу ограниченности ресурсов и отсутствия креативных идей предпочитают действовать предельно жестко, не понимая, что вера сильнее страха смерти.

Власти Казахстана, до сих пор не зная, как себя вести в конфликтных ситуациях (например, в момент народных волнений или забастовок), используют жесткие методы борьбы, как это было, например, при разгоне забастовки нефтяников в Мангистау и в Кокшетау; в другом случае, при задержании главы мошеннического «Клуба миллионеров», сотрудники полиции избивали рядовых вкладчиков.

Таким образом, силовые действия властей увеличивают пропасть между простыми гражданами, с одной стороны, и полицией и властной элитой — с другой.

Религиозные процессы, происходящие в Казахстане, во многом связаны с развитием в стране исламского финансирования. Мировой финансовый кризис 2007—2009 годов поставил экономику стран ЦАР перед лицом рисков и угроз, сопряженных с англо-американской моделью развития, и руководство республики стало искать альтернативные варианты, одним из которых и стало исламское финансирование.

С 2009 года в Казахстане начал действовать исламский Банк Al Hilal, открылся первый Инвестиционный фонд, работающий по принципам исламского финансирования⁵⁶, а

⁵⁴ См.: В Акорде состоялось заседание МВК Совбеза по вопросам стратегии национальной безопасности // *inform.kz*, 1 августа 2011.

⁵⁵ Концепция развития умеренного ислама будет разработана в Казахстане [www.newskaz.ru/society/20110617/1601787.html], 1 августа 2011.

⁵⁶ См.: *Саббеков С.* В Казахстане открылся первый Инвестиционный фонд, работающий по принципам исламского финансирования // *inform.kz*, 1 августа 2011.

также другие финансовые организации, предоставляющие средства для открытия собственного бизнеса, приобретения жилья и т.д.

Государство не может воспротивиться этому процессу, хотя проникновение в страну подобных финансовых инструментов неминуемо ведет к дальнейшему распространению ислама. Так, Н. Назарбаев поставил задачу к 2020 году создать региональный центр исламского банкинга в Алматы⁵⁷. Кроме того, согласно прогнозам, к этому году 1/10 экономики Казахстана будет финансироваться за счет исламских денег⁵⁸.

Более того, по мнению экспертов, к 2014 году может произойти полная адаптация принципов исламского финансирования в Казахстане⁵⁹. Ускорить этот процесс помогут передовые мусульманские страны, успешно применяющие принципы исламского финансирования (ОАЭ, Малайзия и др.); так, правительство Абу-Даби уже подтвердило намерение инвестировать в Казахстан 1 млрд. долл.

Нетрадиционные религиозные направления и секты в Казахстане

Благодаря либеральному законодательству РК за 20 лет независимости количество религиозных организаций в стране возросло; сегодня их число колеблется от 3 800 до 4 300 (в 1990 г. их насчитывалось 671). Шестая часть этих образований действует без государственной лицензии и статуса юридического лица⁶⁰.

Определить число приверженцев нетрадиционных религиозных течений не представляется возможным. Дело в том, что критериев для оценки нетрадиционности той или иной религии не существует: например, те же салафиты считают себя истинно правоверными мусульманами.

Тем не менее, по подсчетам социологов, 3—5% населения Казахстана придерживается нетрадиционных вероучений, но данный показатель не вполне отражает реалии сегодняшнего дня. Так, некоторые исламские религиозные общины рассматриваются ДУМК как псевдомусульманские, так как их деятельность противоречит ханифитскому мазхабу. К числу подобных общин ДУМК причисляет такие, как ахмадия, бахаи, учения Исмагуллы, махдиа, салафия (ваххабизм), тафир и суфийское течение Курбан-али и шия⁶¹.

Рост религиозного радикализма среди верующего населения в республике начался с 1990-х годов. Этот процесс был обусловлен, с одной стороны, духовно-нравственными потребностями общества, с другой — активизацией деятельности различных сообществ (часто конфликтующих между собой) и недостатком у подрастающего поколения необходимого религиозного образования из-за отсутствия соответствующих учебных программ. Весьма показательный пример ошибок и просчетов государственной политики в

⁵⁷ См.: Назарбаев поставил задачу создания регионального центра исламского банкинга в Алматы к 2020 году // Nomad.su, 1 августа 2011.

⁵⁸ См.: Согласно прогнозам, к 2020 году одна десятая часть экономики Казахстана будет финансироваться за счет исламских денег // Zakon.kz, 1 августа 2011.

⁵⁹ См.: Оразымбетов А. Перспективное направление [www.kursiv.kz/1195211350-perspektivnoe-napravlenie.html], 1 августа 2011.

⁶⁰ См.: Иванилова А. Поклонение волхвам // Новое поколение, 3 июня 2011.

⁶¹ См.: Амербекова Ж. Борьба за умы // Мегаполис, 9 января 2006.

сфере религии — отказ от курсов религиоведения и упразднение Комитета по делам религии в конце 1990-х годов⁶².

Другой причиной вовлечения казахстанцев в деятельность различных нетрадиционных сект стало ослабление традиционной религиозной структуры населения. Объявив о поддержке межконфессионального диалога как элемента идеологической стабилизации общества, государственные органы Казахстана первоначально воздерживались от дискриминации отдельных конфессий и религиозных течений.

Фактическое ужесточение правительственной политики в отношении религиозных меньшинств началось с 1994 года, когда в новый Гражданский Кодекс РК были внесены положения об обязательном согласовании с государственными органами кандидатур руководителей религиозных объединений, назначаемых в Казахстан зарубежными религиозными центрами, об обязательной аккредитации миссионеров, не являющихся гражданами Казахстана, и «духовных учебных религиозных объединений и заведений» в местных органах власти (ст. 109). Позднее положение о согласовании с государственными органами вопросов деятельности иностранных религиозных объединений и назначения иностранными религиозными центрами руководителей религиозных объединений было закреплено в Конституции Казахстана 1995 года (ст. 5.5)⁶³.

Но и после 1994 года государство не особенно препятствовало распространению нетрадиционных религиозных течений. В итоге секты получили широкое развитие, причем некоторые из них коммерциализировали свою деятельность и занимались явными поборами со своих прихожан.

Из всех нетрадиционных вероисповеданий наибольшую опасность представляют собой тоталитарные секты, имеющие густую сеть и многочисленные ячейки; к ним можно отнести «Свидетелей Иеговы» и «Сатанистов», а также (по ряду признаков) «Сунн Бок Им», «Агапе», «Новая жизнь» и др. Они не приемлют инакомыслия, практикуют авторитарный стиль управления в рамках общины и ориентируются главным образом на привлечение в свои ряды коренного и, шире, мусульманского населения. В плане потенциала экстремизма они представляют собой наибольшую опасность для развития межконфессиональных отношений в республике⁶⁴.

Статистика утверждает, что 80% членов различных религиозных экстремистских группировок составляет молодежь, 10% которой — подростки до 18 лет⁶⁵.

Молодые люди легко увлекаются в ряды нетрадиционных, а порой и экстремистских религиозных течений потому, что у них еще не сформировалась четкая жизненная позиция и отсутствуют теологические знания. Поэтому первоочередной задачей государства должна стать молодежная политика: организация досуга, качественное образование, трудоустройство и т.д.

Активная миссионерская деятельность западных проповедников (особенно из США) привела к появлению в республике новых протестантских церквей. Соответственно, значительно расширились и укрепились позиции протестантских религиозных объединений и общин. Данному тренду способствует и кадровая политика этих организаций: их возглавляют не иностранные пасторы, приехавшие в Казахстан или руководящие из-за рубежа, а этнические казахи⁶⁶. Таким образом, речь идет о религиозной экс-

⁶² См.: Асанбаев М. Современная религиозная ситуация в Казахстане: факторы риска и потенциал религиозной конфликтности. Ч. 2 [http://www.aspect-m.kz/rus/index.php?option=com_content&view=article&id=19:-2&catid=4:2010-09-21-05-01-01&Itemid=6], 1 августа 2011.

⁶³ См.: Верховский А., Джукеева С., Пономарев В. Указ. соч.

⁶⁴ См.: Асанбаев М. Указ. соч.

⁶⁵ См.: Арыстаналиева Д. Выбери верный путь [www.westkaz.kz], 1 августа 2011.

⁶⁶ См.: Тортбаев Г. Религиозная экспансия Казахстана [http://www.zonakz.net/blogs/user/patriot/12652.html], 1 августа 2011.

пансии в РК; те же процессы происходили в период колонизации азиатских и африканских стран.

В связи с создавшейся ситуацией власти Казахстана должны признать необходимость рассмотреть и принять ряд законодательных запретов на деятельность на территории страны сект и запрещенных псевдорелигиозных общин, а также усилить контроль за деятельностью их зарубежных филиалов и центров.

Однако законодательная база Казахстана в области религиозных отношений несовершенна: она содержит множество разночтений и «лазеек», благодаря которым в республике и существуют запрещенные в ряде стран религиозные организации.

Так, в понятийном аппарате казахстанского законодательства по сей день отсутствуют такие понятия, как «секта» и «деструктивная организация», несмотря на то что количество жертв оных растет день ото дня⁶⁷.

Об увеличивающемся с каждым годом количестве пострадавших от деятельности сект свидетельствуют и данные Ассоциации центров помощи пострадавшим от деструктивных религиозных течений в Казахстане. Так, если в 2008 году в центры помощи обратились 840 человек, то в 2010 году — 930; большинство пострадавших — из Алматы и Карагандинской области⁶⁸. Однако, по итогам I полугодия 2011 года, в Ассоциацию поступило только 11 подобных обращений.

Резкое снижение обращений в центры помощи, возможно, связано с их малой эффективностью: люди предпочитают бороться с деятельностью сект сами, что несет еще большие риски как для государства, так и для личности и общества в целом.

Видя, что обстановка в стране обостряется, неправительственные организации (НПО) предлагают ужесточить Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединений». Такие попытки уже предпринимались в 2000 и 2009 годах, однако тогда Конституционный совет отклонил поправки. Эксперты приводят массу доводов в пользу «несовершенства» этого закона; в частности, сейчас, для того чтобы зарегистрировать религиозное объединение, достаточно иметь в его составе 10 человек и представить устав⁶⁹.

Другим фактором, способствующим вовлечению молодежи в ряды сект и деструктивных организаций, является отсутствие законодательной базы регулирования ответственности родителей за выбор религии для своих детей. Так, НПО предлагают законодательно ограничить вовлечение детей в деятельность религиозных организаций, однако здесь специалисты опять-таки сталкиваются с проблемой несовершенства законодательства, в первую очередь — семейного.

По Конституции РК, родители могут определять религиозную принадлежность своих детей. Согласно данным НПО, в Казахстане дети уже с трехлетнего возраста насильственно вовлекаются в религиозную деятельность, причем по воле одного из родителей (вне зависимости от того, состоят ли родители в браке или семья уже распалась). Однако ни в одном законе страны нет положений, которые ограничивали бы вовлечение детей в религиозную деятельность. В связи с этим теологи предлагают, чтобы до совершеннолетия ребенка вопрос его вероисповедания находился под контролем родителей, но после 18 лет каждый человек волен сам решать, каким убеждениям отдавать предпочтение⁷⁰.

Следует также отметить, что в Казахстане весьма избирательно подходят к признанию экстремистскими тех или иных религиозных течений. Большинство из запрещенных в республике религиозных организаций — мусульманские. При этом, как ни странно, сек-

⁶⁷ См.: *Логинов А.* Итоги столичной недели: Страна должна знать своих «героев», или Партизаны в парламенте [www.contur.kz/node/1666], 1 августа 2011.

⁶⁸ См.: *Иванилова А.* Указ. соч.

⁶⁹ См.: Там же.

⁷⁰ См.: *Зенин И.* Свобода веры, кроме детей до 16! // Взгляд, 20 апреля 2011.

тантские организации и движения, как и различные христианские и восточные проповедники, представляющие нетрадиционные для местного населения религиозные институты, действуют в Казахстане вполне легально.

Если радикалы из «Хизб ут-Тахрир», «Восточного Туркестана», «Аль-Каиды», «Талибана», «Лашкар-и-Тайба», «Братьев мусульман» и «Асбат-аль-Ансар» ушли в подполье, то сайентологи, «Свидетели Иеговы», мормоны, а также различные культы восточной и сатанистской направленности активно пополняют свои ряды новыми адептами из представителей коренной национальности. И это при том, что присутствующий в их взглядах и воззрениях нетрадиционализм и сектантство не только наносят вред обществу, но и дискредитируют основную идею и сущность религии; кроме того, как показывает практика, они стремятся оторвать человека от семьи, общества, культурной и социальной жизни своего народа.

Среди миссионеров немало таких, которые отрицают и игнорируют исторические традиции, быт и нравы народов и наносят вред физическому и психологическому здоровью казахстанцев. Тем самым они не только подтачивают корни и устои традиционных религий и верований, но и расшатывают основы общества и государства⁷¹.

З а к л ю ч е н и е

До 2000-х годов наиболее религиозной частью населения Казахстана считались не казахи и русские — представители двух основных этнических групп страны, а исповедующие ислам узбеки, чеченцы и уйгуры, а также православные старообрядцы.

Исламские корни и традиции наиболее сильны в граничащих с Узбекистаном южных областях Казахстана, на оседлое население которых мусульманская религия имеет традиционно высокое влияние. На западе Казахстана получил бурное развитие салафизм. Более умеренные в религиозном смысле регионы — это Северный, Восточный и Центральный Казахстан.

Хотя в справочниках 70% населения Казахстана признаются мусульманами, практикующих верующих, то есть тех, кто исполняет пять столпов ислама, не более 10%. Однако после 2000 года их количество резко возросло. Основными причинами роста религиозности населения в Казахстане послужили ухудшение экономической обстановки и падение уровня образования; так происходит во всех странах мира. К другим причинам следует отнести деятельность миссионеров и правительств различных государств по привлечению казахстанской молодежи к обучению в религиозных заведениях.

Власти РК стремились контролировать этот процесс путем поддержки движения «Коранитов» во главе с А. Мусиным и ангажирования ДУМК; в период экономического кризиса произносились проповеди о необходимости смирения, так как ислам запрещает восстания против правоверного правителя (именно поэтому в среде мусульманской уммы Казахстана усиленно культивировался образ правоверного Н. Назарбаева). Одновременно происходили нападки на мусульманское население страны, выразившиеся, например, в проведении инспекций института повышения квалификации имамов и запрете ношения хиджаба в учебных заведениях; смертник, осуществивший самоподрыв в Актобе, был представлен в глазах общественности как закоренелый преступник и представитель криминалитета.

---

⁷¹ См.: Асанбаев М. Указ. соч.

После событий на Ближнем Востоке, показавших, что внешнее спонсирование и бедственное положение населения могут подтолкнуть к восстанию даже мусульман, изменилась и политика властей РК по отношению к верующим.

Первые сигналы, указывающие на неблагополучие в религиозной сфере, наиболее отчетливо «прозвучали» в посткризисный период, в 2010—2011 годах; именно тогда произошли перестрелка в микрорайоне Алматы между религиозными экстремистами и полицейским спецотрядом, самоподрыв смертника в Актобе и нападение религиозных экстремистов в Шубарши.

Общий рост религиозности населения и количества объединений самой различной вероисповедной направленности создает определенные проблемы государственным органам, которые, плохо ориентируясь в ситуации, стремятся решать их с использованием испытанных административных инструментов⁷².

Одна из причин отхода государства от демократических принципов и ужесточения контроля за деятельностью религиозных объединений заключается в том, что до сих пор не определены не только статус религии, но и степень ее влияния на современное казахстанское общество. Несмотря на признание социальной и индивидуальной значимости религии и религиозных организаций, их нередко продолжают рассматривать как нечто чуждое и временное⁷³.

Непродуманные действия властей, связанные с ангажированием ДУМК, привели к неверному восприятию ислама населением страны, которое, отождествляя его с различными псевдорелигиозными течениями, видит в нем опасность (хотя традиционный ислам не призывает к насилию). У людей сформировался страх перед теми, кто носит хиджаб и длинную бороду, и до тех пор, пока не удастся побороть подобное стереотипное мышление, в обществе будут сохраняться недоверие и напряженность.

Ислам широко распространяется в городах, среди которых и такие крупные, как Алматы, Астана и Актобе, причем последний представляет собой интересный феномен. В Актобе распространились пришедшие с Северного Кавказа религиозные течения шиитского толка (в основном, экстремистские), что идет вразрез с традиционным для Казахстана суннизмом.

Следует отметить, что для толерантного и терпимого казахского этноса религия никогда не играла решающей роли. Именно поэтому широкое распространение религиозности в современном Казахстане расценивается экспертами как признак недоверия к правящей партии и государству в целом. Люди вступают в религиозные организации как в политические партии; с точки зрения обыденного сознания эти организации априори не могут культивировать пороки современного общества, а стремятся бороться с ними.

В свою очередь, власти, напуганные событиями на Ближнем Востоке и ростом религиозности населения (и то и другое несет в себе угрозы и риски для правящей элиты и национальной безопасности в целом), стремятся взять под контроль развитие ислама в стране.

Так, разрабатывается концепция развития «умеренного ислама», объявляются инициативы на основе принципа «Одна нация — одна религия» и т.п. Однако государство, вмешиваясь в сугубо личные отношения человека и Бога, стремится навязать людям свое видение того, как должны отправляться религиозные ритуалы, и тем еще больше отталкивает от себя мусульманскую часть населения. Выбранная государством политика в религиозной сфере несет в себе мощный заряд негатива: подобные маневры властей могут вызвать жесткое противостояние мусульман республики вплоть до использования ими силовых методов борьбы.

⁷² См.: *Артемыев А.И., Подопригора Р.А., Цепкова И.Б.* Указ. соч.

⁷³ См.: Там же.

Вполне очевидно, что растущая религиозность казахстанцев обусловлена как насущными социально-экономическими проблемами, связанными с трудоустройством, получением качественного образования, отсутствием карьерного роста и др., так и с нравственно-этическими (распространенность телефонного права, блата, кумовства и др.).

Вышеуказанные проблемы наиболее актуальны для молодежной среды, которая все больше и больше подпадает под влияние религиозных течений; это обусловлено отсутствием доверия к политическим партиям и государственным органам.

Необходимы дальнейшее развитие демократии и усиление борьбы между реальными политическими партиями, а не «политпроектами», созданными Ак-Ордой.

Осознанный выбор религиозного учения во многом связан с уровнем образованности молодых людей. Поэтому государству необходимо повышать качество преподавания в вузах, развивать систему дошкольных учреждений и средних специальных учебных заведений, обеспечивая их высококвалифицированными педагогами и психологами.

По всей видимости, назрела необходимость принять новую редакцию Закона «О религии», где будут четко определены критерии регистрации религиозных организаций. В связи с этим необходимо будет перерегистрировать действующие религиозные организации, чтобы оценить их соответствие новому закону.

Следует также пересмотреть кадровую политику Министерства юстиции и Агентства по делам религий: необходимо осуществить набор специалистов, получивших религиозное образование и имеющих практический опыт работы в НПО и исследовательских организациях.

КАЗАХСТАН: ФЕНОМЕН «НАВЯЗАННОЙ» ИДЕНТИЧНОСТИ

Елена БУРОВА

*доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института философии и политологии
Министерства образования и науки РК,
президент Общественного фонда
«Информационно-консультативная группа «Перспектива»
(Астана, Казахстан)*

Вместо введения

Мы, казахстанцы, как никогда близки к тому моменту, когда может наступить «точка невозврата» — | утрата уникального этноконфессионального содружества нашего народа. Этому немало способствует геополитическая

стратегия, направленная на формирование в массовом сознании настроений сепаратизма. В течение нескольких десятилетий (особенно двух последних) главным средством для достижения этой цели являлась политика навязывания религиозной псевдоидентичности. Именно поэтому, на наш

взгляд, необходима разработка механизмов управляемости общественных процессов и снижения потенциальной конфликтности: в современных условиях именно государство должно удерживать в своих руках основные рычаги влияния на исторические процессы.

Религия в казахстанском обществе

На рубеже XX—XXI столетий Казахстан, как «срединное» государство Евразии, оказался в эпицентре геополитических интересов различных игроков. С наступлением эпохи рыночных преобразований, либерализации и демократизации жизни в казахстанском обществе назрела объективная необходимость изменить схемы миропонимания, которые в условиях трансформаций приняли вид причудливого симбиоза старых стереотипов с новыми ориентирами и стандартами. Изменения в культуре, политике и экономике Казахстана оказались непосредственно связаны с включением нового механизма смыслопостижения как у отдельных людей, так и у сообществ; стали отчетливо «вырисовываться» тенденции к возрождению и сохранению народных традиций, а также открытости инновационной деятельности.

В последние годы переопределение векторов развития осуществляется в крайне напряженной ситуации поиска собственной суверенной идентичности, имеющей экономическое, культурное и духовное измерения и влияющей на социальную инфраструктуру и жизненный уклад в целом, включая трансформацию ценностно-ориентированных институтов семьи, а также межличностных и групповых коммуникаций.

Трансформационные сдвиги, охватившие все сферы жизнедеятельности, были связаны не только с воздействием глобальных финансовых и экономических кризисов, но и с «культурной интервенцией» ценностей иносоциальных групп (например, аутсайдерских, религиозных и др.). Это чревато появлением новых разломов ментальности и проявлениями социально-деформированного поведения, вызванными утратой прежней идентичности, формированием маргинальных состояний и «отторгнутостью» от современного цивилизованного гражданского общества.

Модернизация традиционных представлений о мире и человеческом предназначении, а также деидеологизация, свойственная началу «эпохи перемен», породили фрустрацию и изменили ментальность; в рамках процесса «навязывания идентичности» начала раздуваться идея о «разломе ментальности».

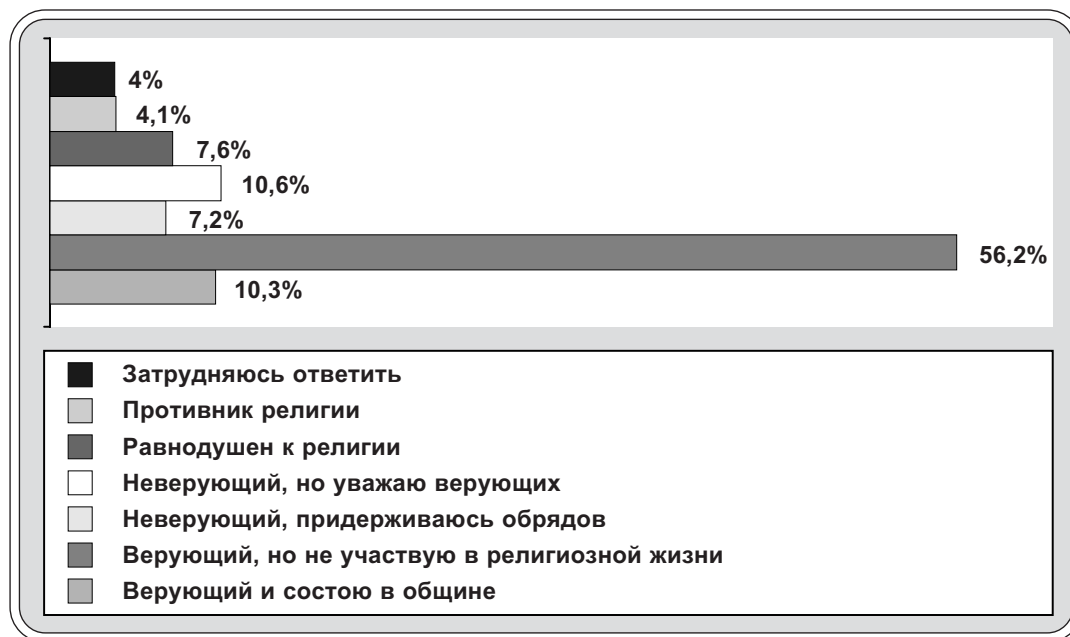
Казахстан — многоконфессиональное и полиэтничное государство, и поиски новой идентичности подразумевали обязательное включение в нее религиозного компонента. Изменение мировоззренческой составляющей, связанное с реальным плюрализмом, явилось благодатной почвой для распространения / укоренения новых (или нетрадиционных) религиозных верований / групп. С 1990-х годов конфессиональная карта страны существенно изменилась, что было связано с резко возросшей религиозной миграцией в Казахстан. Этому способствовали и либеральное законодательство, касающееся регистрации различных организаций, и толерантность, свойственная в целом казахстанскому менталитету, и трансформационные сдвиги, связанные с периодом деидеологизации, и своеобразная «мода» на религиозность, охватившая различные группы населения после

эпохи «атеизации» общества. Эти и многие другие факторы привели к стремительному росту религиозных (зачастую псевдорелигиозных) организаций.

Мониторинг общественного мнения показывает, что до 2/3 респондентов так или иначе связывают себя с религией, а немногим более 10% из них состоят в тех или иных общинах.

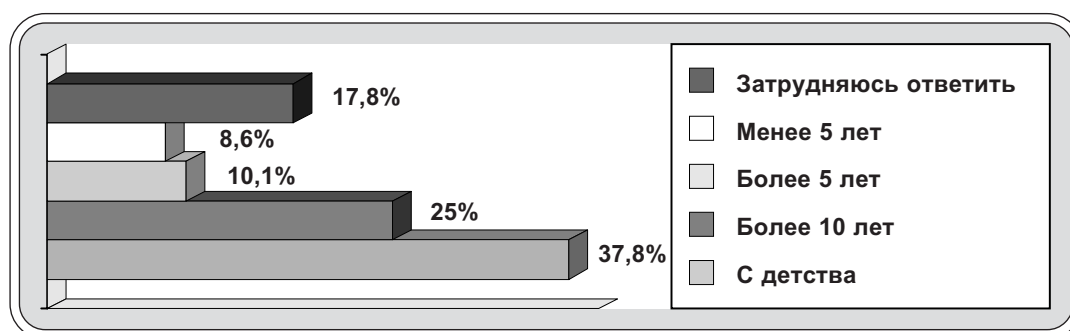
Ответ на вопрос «Каково Ваше отношение к религии?» выявил следующую картину¹ (см. рис. 1):

Рисунок 1

На вопрос «Как давно Вы выбрали свое мировоззрение?» ответы респондентов 14 областных центров, а также Астаны и Алматы распределились так (см. рис. 2):

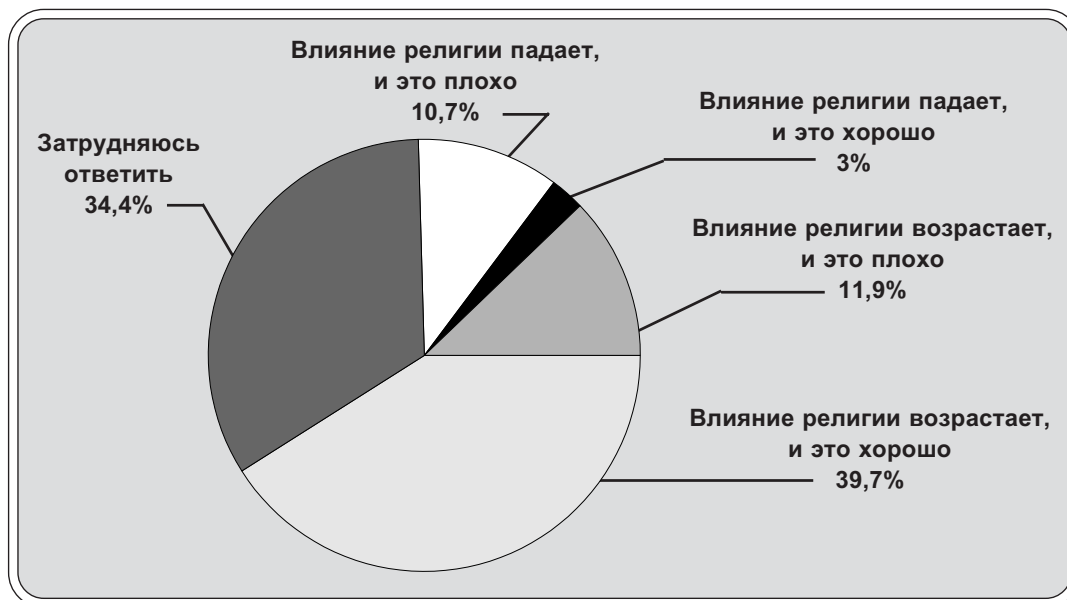
Рисунок 2

¹ Здесь и далее графические элементы, представленные в статье, выполнены на основе данных мониторингов, проведенных Общественным фондом «Информационно-консультативная группа «Перспектива».

Согласно данным мониторинга, около половины опрошенных считают, что влияние религии возрастает, и оценивают эту тенденцию как положительную. В то же время каждый шестой респондент не видит положительного влияния религии на жизнь современного казахстанского общества (см. рис. 3).

Рисунок 3

Период становления и развития новых экономических отношений (связанных в первую очередь с переходом к рынку) сопровождался определенным разрушением жизненной сферы в селах, малых городах и регионах экологических бедствий, потерей достигнутых личностных (профессионально-квалификационных) статусов, утратой идентичности в функционировании человеческого капитала, воспроизводившегося в Казахстане в предшествующие десятилетия, сужением рынков труда для коренного (казахстанского) населения, деформацией трудовых отношений с креном в сторону правового нигилизма и другими подобными процессами.

Эти процессы вызвали потоки неуправляемой миграции, в том числе в мегаполисы и областные центры. Общая динамика форм и видов социальной мобильности населения определяется не только внутренними причинами, но и внешними влияниями; она несет в себе угрозы (стихийные или преднамеренно создаваемые) стабильности развития общества и государства и может стать причиной деформаций социумной целостности.

В условиях деидеологизации социальной жизни прежнее, коллективистское по своей природе сознание заставляло людей искать новую «общность» (в том числе религиозную или псевдорелигиозную). В результате возникли сетевые организации, главный смысл функционирования которых заключается в пополнении своих рядов «маргиналами духа», в переориентации менталитета казахстанцев, вовлечении их в деятельность различных квазисообществ посредством целенаправленного воздействия на сознание и внедрения программированного поведения.

Последствия миграции негативно сказываются на обществе: мигранты и члены их семей не могут добиться искомого социального статуса во вновь обретенной среде; в результате разрушается групповая идентичность и возникает социальная напряженность.

Религиозные мигранты формируют новую субкультуру, характеризующуюся повышенной конфликтогенностью и выступающую одной из основных угроз внутривластной стабильности Казахстана.

Новорелигиозные тенденции

В последние десятилетия в динамике религиозной жизни отчетливо прослеживаются тенденции к исламизации и евангелизации; они могут стать своеобразными «линиями разлома» единства общества. А если учесть современные геополитические процессы и роль Казахстана в сохранении стабильности в регионе Центральной Азии (ЦА), это может угрожать стабильности региона в целом. Несмотря на достаточно сильные устремления казахстанцев к стабильности, в страну, по сути, «импортируется» нагнетание конфликтности. В результате формируется особый тип маргинальной личности, которая не вписывается в существующие традиционные формы культурной адаптации (в семье, в системе образования, в сфере профессиональной занятости, в группах дружеского общения и др.).

Для социальных групп, находящихся в маргинальной стадии развития, процесс адаптации / реадaptации происходит противоречиво; это связано с утратой прежней идентичности и обретением новой, которая не всегда проявляется как естественная, а чаще принимает форму отторгнутой или навязанной. Непонимание масштабов и содержания процессов маргинализации в обществе, а также отсутствие рычагов влияния на интенсивность социальной мобильности усиливают риски, связанные с аккультурацией населения депрессивных (или новых) районов, городов-мегаполисов, сельской местности, приграничных областей и др. Отсутствие в условиях рынка реальных действенных механизмов социализации и реадaptации заставляет людей искать новые формы коллективной жизни. Одной из них является вовлеченность в различные «религиозные» организации.

В псевдорелигиозные организации интенсивно рекрутируются различные группы граждан: этнонациональные, социально-профессиональные, возрастные, имущественные, поселенческие и проч. Причем следует отметить, что приоритетными целевыми группами являются дети и молодежь.

Идейные гуру псевдорелигиозных объединений вербуются из числа местных ученых и преподавателей; представители органов власти оказывают подобного рода организациям административную поддержку, а свою пропагандистскую деятельность они осуществляют с помощью аффилированных СМИ и специально проинструктированных журналистов. Деятельность подобных объединений, опекаемых филиалами международных правозащитных организаций, курируется из зарубежных центров.

По сути, в казахстанском обществе создана сеть организаций с альтернативной идеологией, претендующей на роль религиозно-политической; их отличает строгая организационная дисциплина и достаточно большое количество психологически и идейно «зомбированных» последователей с нарушенной ценностной структурой восприятия и превращенным гражданским сознанием, переподчиненным воле харизматичного лидера данной общины.

Как правило, при вовлечении в организацию новых членов используется метод «бомбардирования любовью», обратной стороной которого являются агрессия и жестокость, особенно по отношению к тем, кто принимает решение выйти из общины, а также к их родным и близким, не желающим участвовать в «религиозной» жизни. Все adeptы становятся носителями установок, согласно которым общество четко подразделяется на «своих» и «чужих» (по разным параметрам).

Активно используя специальные методы и средства пропагандистской и просветительской деятельности, новые религиозные организации негласно осуществляют массированное вторжение в сферу политической идеологии. Существенное значение в планомерно направляемом процессе навязывания новой идентичности имеет четкая идейная, методическая, организационная и финансовая регламентация, а также учет половозрастных, социальных, этнических, поселенческих и др. характеристик населения.

В псевдорелигиозных сообществах каждый участник выполняет предписанную ему роль и осуществляет определенные функции, направленные на увеличение численности adeptов, взаимный контроль, материально-финансовую поддержку деятельности организации и др.

Деятельность подобных объединений осуществляется с привлечением огромных ресурсов средств, несопоставимых, например, с бюджетными расходами на разработку и издание учебной и методической литературы гуманитарного направления в стране в целом, причем, не только денежных, но и организационных, пропагандистских и информационных. Камуфлируя свою деятельность под благотворительность (бесплатные обеды нуждающимся, акции в домах престарелых, интернатах и т.д.), они, по сути, формируют «армии спасения» с жесткой установкой на следование внутренней дисциплине, командам и распоряжениям лидеров. Это приводит,

- во-первых, к интенсивному «размыванию» прежней идентичности,
- во-вторых, к подмене содержания базовых концептов и ценностей (семья, лидерство, взаимопомощь, смысл жизни, благосостояние, духовность, служение обществу и др.),
- в-третьих, к реальной утрате общественной и личной безопасности, и, в-четвертых, к разрушению той атмосферы толерантности, которая исторически сформировалась в казахстанском обществе.

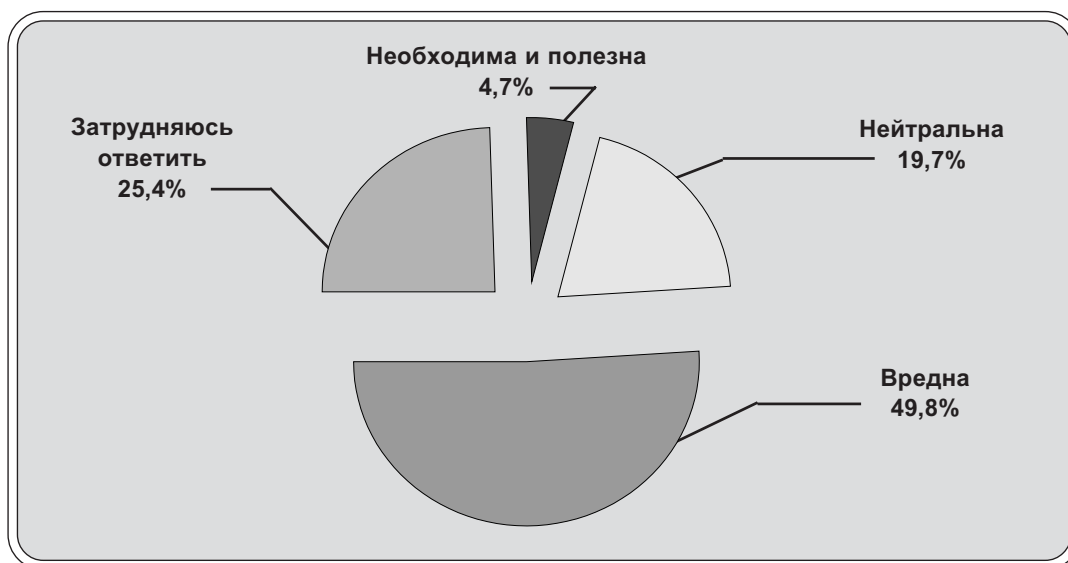
Учитывая современный геополитический расклад и роль Казахстана в сохранении стабильности в регионе ЦА, гражданское общество республики выражает обеспокоенность возможным вовлечением населения в конфликты на конфессиональной основе. Согласно мониторингу, проведенному в 2010 году во всех регионах Казахстана, 12% респондентов считают, что подобные конфликты вполне реальны, а 26% полагают, что они весьма вероятны.

По данным мониторинга общественного мнения населения Казахстана, 49,8% респондентов различных социальных групп полагают, что организованная и поддерживаемая деятельность так называемых «нетрадиционных» культов и соответствующих им религиозных организаций вредна, и только 4,7% высказались за ее необходимость и полезность (см. рис. 4).

➤ **Мотивация высказавшихся «ЗА» нетрадиционные для казахстанской ментальности религии отражена в следующих суждениях.**

- «Все «нетрадиционные» религиозные конфессии борются за привлечение каждого человека, в то время, когда «традиционные» религии не идут «в народ».
- «Основной положительный фактор — воспитание толерантности».
- «Главный позитив от «нетрадиционщиков», пожалуй, в том, что они аккумулируют энергию той части общества, которая стремится избежать традиционного выбора в духовной сфере... такие всегда будут... не будет кришнаитов, они станут иеговистами, не будет иеговистов, станут наркоманами или гомосексуалистами. Это та самая часть неизбежных отклонений в обществе, которая просто

Рисунок 4

должна дойти до естественного кризиса... Их или признают, или они вымирают... и в любом из случаев общество развивается... в любом случае будет прогресс, а это хорошо...»

- «Развитие в гражданском сознании принципов веротерпимости. Данные религиозные объединения в большинстве своем не учат ничему плохому, только любви и уважению к ближнему, а также подчинению властям. Делают большую социальную работу, которая чаще всего остается незамеченной».
- «Фактор присутствия «нетрадиционных» религий доказывает, что Казахстан — светское демократическое государство, где каждому гражданину фактически гарантируется свобода вероисповедания».
- «Нацеленность на решение социальных проблем (борьба с бедностью, наркозависимостью и др.)».
- «Проповедь тех же ценностей, что и в традиционных религиях (терпение, уважение, доброта)».
- «Возможность выбора при поиске пути к Богу».
- «Безусловно, это проявление демократизма в отношении всех религиозных движений и конфессий. Присутствие в Казахстане нетрадиционных религий отвечает конституционному праву каждого гражданина республики на свободу совести и вероисповедания».
- «Нетрадиционные» религии, так же как и «традиционные», несут людям добро и свет; они более активны в своей деятельности».

➤ **Мотивация «ПРОТИВ» такова.**

- «Ничего положительного не вижу, их присутствие является чуждым казахстанскому менталитету».

- «Положительных факторов практически нет; идет размывание идей, жизненных основ и культуры, традиционных для казахов, русских и представителей других национальностей. Все это подменяется псевдорелигиозными, хорошо придуманными идеями, «вбиваемыми» в сознание людей».
- «Нет положительных факторов. Считаю, что все подобные религиозные течения имеют только негативное воздействие на человека (и это обязательно проявится в отдаленной перспективе)».
- «Для меня понятие «нетрадиционные» равносильно понятию «религиозные секты». Соответственно, положительных моментов я в этом не наблюдаю».
- «В поликонфессиональности общества ничего положительного я не вижу. Такое общество конфликтогенно».

По поводу проявлений негативного влияния нетрадиционных для Казахстана религиозных верований респонденты высказались следующим образом:

- навязываются чуждые ценности, упрощается религия;
- люди уходят из традиционных религий, происходит зарабатывание денег на вере;
- возможность завоевания сознания народа прозападными псевдорелигиозными учениями может привести к «потере» той части населения, которая не пожелает подчиняться светской власти Казахстана, откажется соблюдать законы, превратится в непатриотичную по отношению к своему государству, не станет считать себя казахами, русскими, татарами, узбеками и т.д.
- в связи с распространением нетрадиционных религий (они весьма активны) происходит радикализация исламской части населения. Вызывают беспокойство методичное «промывание мозгов», а также попытки «евангелизировать» все население, особенно казахское;
- деятельность большинства псевдорелигиозных организаций носит сектантский и коммерческий характер, и люди, привлеченные в них, в итоге оказываются обманутыми;
- в деятельность подобных организаций вовлекаются преимущественно подростки и молодежь, что уже само по себе весьма негативно;
- негативное влияние нетрадиционных религий массово пока не проявляется, но когда оно обнаружится, будет уже поздно задавать какие-либо вопросы;
- так называемое «духовенство» преследует свои шкурные интересы; негативные последствия проявляются тогда, когда «пастыри» начинают использовать верующих в своих личных интересах (экономических или политических). Кого-то заставляют «пожертвовать» общине квартиру, а кого-то с гранатой отправляют на джихад;
- после знакомства с внутренним устройством, формами и методами работы псевдорелигиозных организаций у многих людей формируется негативное отношение к религии в целом;
- все больше людей вовлекаются в нетрадиционные религиозные секты, попадают в ловушку и становятся рабами. Люди, как под гипнозом, отдают последние деньги и даже идут на преступления. Нетрадиционные религиозные секты — прибыльный бизнес для людей, обладающих способностями гипноза. Это просто обман людей. И самое ужасное, что спецслужбы плохо с этим борются;

- действия этих общин асоциальны, многие положения их «учений» надуманы и служат интересам определенных групп; в отношении своих прихожан они часто применяют радикальные меры;
- из-за слабой информированности об истинных мотивах отдельных религиозных движений население не может объективно оценить их деятельность. Многие люди (особенно молодежь) попадают на удочку умело рекламирующих себя представителей нетрадиционных верований, которые кажутся им необычными и интересными; они своего рода экзотика для нашего населения.

По мнению опрошенных, существует также целый ряд связанных с деятельностью сект тоталитарного типа опасностей, которые проявляются в следующем:

- отрицается равноправие мужчин и женщин, пропагандируется превосходство одной религии над другой;
- происходит уход людей от семьи, общества и социальной реальности. Предпринимаются попытки навязать философию, основным принципом которой является «мы праведны, остальные грешны». Наблюдается рост разводов в семьях, члены которых исповедуют различные религиозные взгляды;
- осуществляется «зомбирование», ведущее к неприятию людей, исповедующих другие религии;
- навязчивость и фанатизм представителей тоталитарных сект уводят людей из общества и от своей веры;
- проповедуется идолопоклонство;
- «псевдорелигиозные» учения травмируют психику людей;
- приход к Богу осуществляется под давлением, присутствует оскорбление других верований;
- происходит навязывание религии, имеющее характер преследования и агрессии;
- в нетрадиционных религиозных группах сильно развит фанатизм, а их вера в Бога скорее показная, чем истинная;
- родители вовлекают в секты своих детей, которые негативно влияют на сверстников (внешним видом, взглядами на окружающий мир, изречениями, фанатизмом и т.д.).

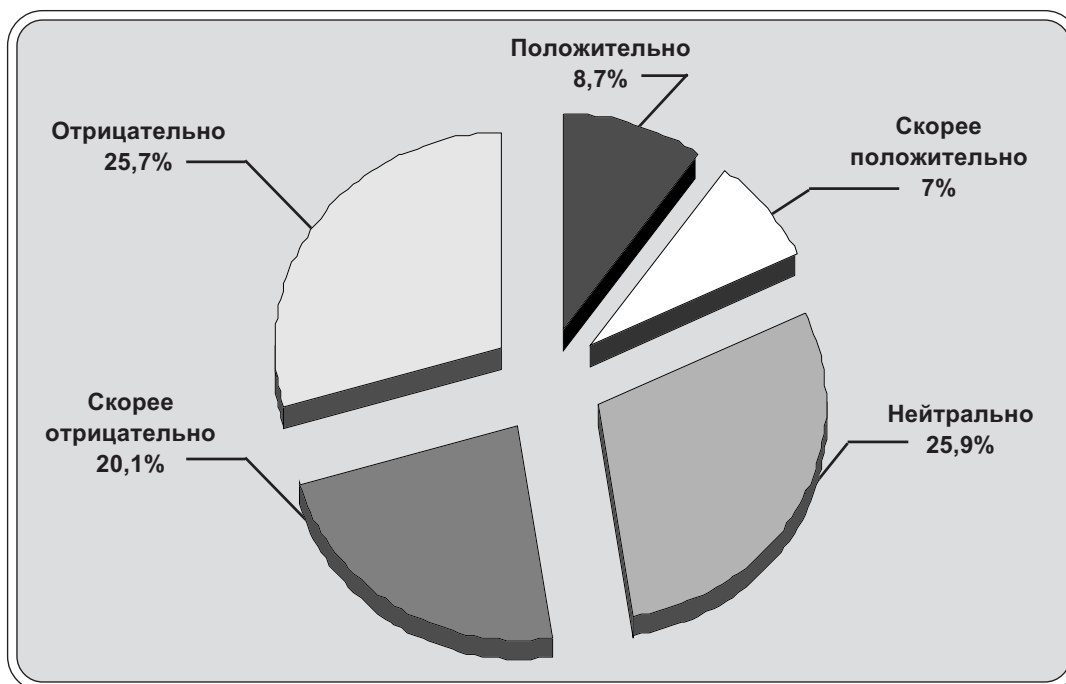
Вызовы либерализма

Законодательство Казахстана не разрешает вопросов, касающихся бесконтрольной деятельности нерегистрируемых общественных объединений (в том числе и псевдорелигиозного толка), практически неограниченного ввоза и свободного распространения литературы, содержащей экстремистские призывы, принудительного или обманного вовлечения в псевдорелигиозную деятельность неосведомленных граждан, а также удержания людей в различных организациях при помощи запугивания и подавления воли.

На вопрос об отношении к зарубежным миссионерам, присутствие которых отмечено во всех регионах страны, респонденты высказались следующим образом (см. рис. 5).

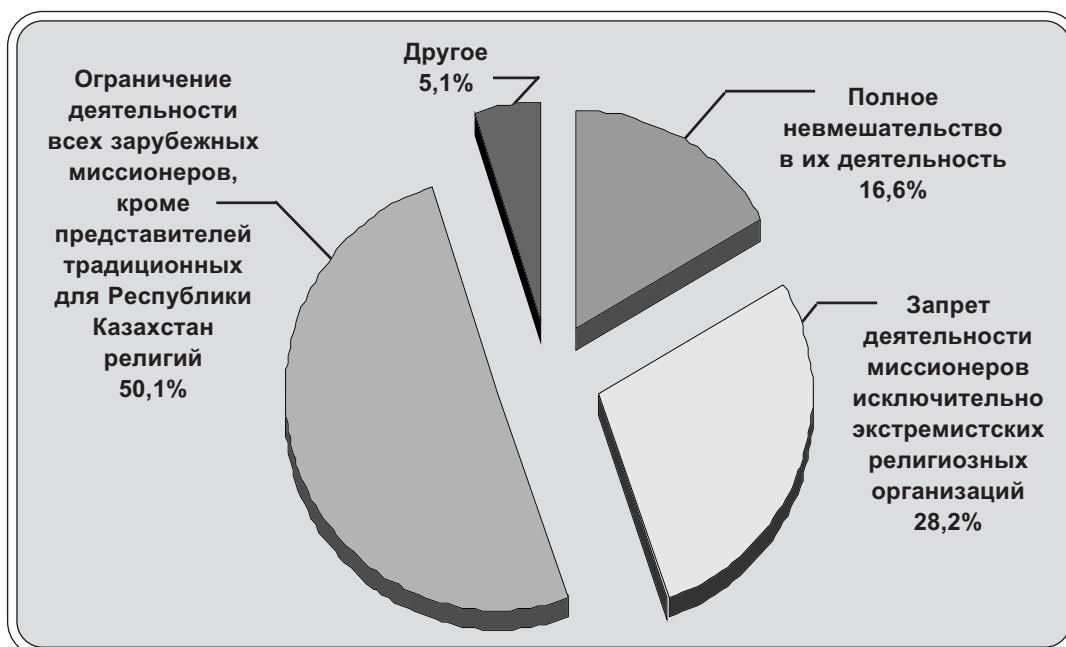
Эксперты, преподаватели и родители отмечают возрастание числа случаев «навязывания идентичности», когда в новые религиозные объединения (часто действующие под вывеской тренингов, курсов, консультаций и др.) попадают неосведомленные люди.

Рисунок 5

Ответы респондентов на вопрос о том, какую позицию должно занимать государство по отношению к зарубежным миссионерам, распределились следующим образом (см. рис. 6):

Рисунок 6

Ввиду того что в общественные организации и правоохранительные органы стали чаще обращаться сами пострадавшие, их родные и близкие, педагоги и другие граждане, с сентября 2010 года в Алматы стал действовать телефон «горячей линии» (из любого региона Казахстана звонки с городских телефонов бесплатны). По номеру 8-800-080-78-68 могут обратиться все, кто нуждается в консультации психолога или юриста по вопросам незаконного вовлечения или насильственного удержания в псевдорелигиозной организации, следствием чего могут стать утрата здоровья, личного имущества и нарушение других гражданских прав. В нашей практике мониторинга только за прошлый год зафиксировано около тысячи случаев «нечестного» вовлечения в различные псевдорелигиозные организации.

Процесс психологической реадaptации пострадавших многотруден и требует длительного времени. Возврат пострадавшим имущества, «пожертвованного» ими псевдорелигиозным организациям, остается под вопросом, так как существуют дававшиеся под давлением и внушением расписки бывших adeptов о добровольном пожертвовании (или перечислении) денежных средств в адрес какого-либо религиозного общества или конкретного лица. Осознание утраты психического здоровья и имущества, а также потери времени, фактически вычеркнутого из жизни (иногда десятилетий), в плену квазирелигии приводит людей к разочарованию и потере смысла собственной жизни. Пострадавшие начинают отдавать себе отчет в том, что своими «запрограммированными» поступками они разрушили благополучие семьи, искалечили судьбы детей, разочаровали родителей и т.п.

Исходя из создавшегося положения, мы поднимаем перед государственными органами вопрос о необходимости создания центров реабилитации для пострадавших от деструктивной деятельности псевдорелигиозных организаций; на данный момент окончательно сформировалось мнение специалистов, что бывшие adeptы — это потерянная часть общества.

Страны ЦА имеют немалый практический опыт взаимоотношений государства, религиозных общин и граждан; на наш взгляд, пришло время поделиться им с мировым сообществом. Вместе с тем необходимо доработать систему критериев взаимодействия институтов гражданского общества и государства. Для этого следует всесторонне исследовать имеющийся негативный опыт деструктивного влияния деятельности религиозных общин на личную и общественную безопасность и внести в действующее законодательство соответствующие дополнения, позволяющие блокировать деятельность подобных организаций (которые лишь прикрываются религией для оправдания отнюдь не религиозной деятельности).

С учетом практического опыта и с точки зрения Общественного фонда «Информационно-консультативная группа «Перспектива», представляющего интересы пострадавших граждан, мы предлагаем следующие критерии для мониторинга и оценки деятельности религиозных общин:

- 1) выбор согласительной (а не конфликтной) парадигмы диалога между гражданами и религиозными общинами, причем интересы первых должны быть приоритетными;
- 2) определение механизмов и способов интеграции религиозных общин в общество и нахождение консенсуса между интересами различных сторон (государства, общества и частных лиц);
- 3) анализ эффективности социального служения религиозных общин с позиций тех традиционных стандартов, которые являются неотъемлемой частью культурной парадигмы «принимающего» общества;
- 4) недискриминация тех граждан, которые по каким-либо причинам не имеют возможности дальнейшего участия в религиозной общине;

Правозащитные организации (государственные и неправительственные) должны объединить усилия для отстаивания прав граждан на свободу мысли, совести, религии или убеждений.

На наш взгляд, почти ничем не сдерживаемое массивное наступление негосударственной политической идеологии в условиях транзитной ментальности способствует нарастанию поляризации в восприятии жизненного контекста, которое строят adeptы конфликтогенной парадигмы, формирующие у своих последователей восприятие мира в дихотомии «свой — чужие». В полиэтничном и многоконфессиональном обществе это обстоятельство при определенных условиях может стать серьезной угрозой социальной и политической стабильности в силу экстремизации сознания социально неадаптированных лиц или людей, уже вовлеченных в противоправную деятельность экстремистских религиозных групп, имеющих благопристойную оболочку.

Именно поэтому становится актуальной разработка механизмов снижения потенциальной конфликтогенности, ибо в современных условиях государство должно удерживать в своих руках основные рычаги влияния на ход исторических изменений: в противном случае Казахстан рискует утратить свою специфическую идентичность. Ситуация, складывающаяся в республике, требует научно обоснованной *идеологической* политики, способной влиять на процессы формирования гражданской идентичности.

Ориентация деятельности новых «агентов идеологического воздействия» разнонаправлена и разнообразна как с точки зрения применяемых технологий и средств, так и с позиций охвата различных целевых групп населения. Экспертный анализ показывает, что процесс расшатывания образа государственности посредством разрушения ценностных основ казахстанского менталитета носит управляемый характер (т.е. финансируется и обеспечивается обучающими, контролирующими, регистрирующими, транслирующими и прочими функциями): за ним стоит деятельность разного рода новых религиозных культов, общественных объединений, организаций и «борцов за демократические свободы».

В условиях утраты системой образования воспитывающего потенциала обучения, а другими институтами социализации — технологий воспроизводства убеждений стало более явно проявляться ослабление преемственности поколений. Это может привести к возрастанию массовой политической маргинализации, выражающейся в атомизации и отчуждении, утрате чувств групповой сплоченности и гражданского единства. Новые разломы ментальности и интенсивное погружение «социальных аутсайдеров» (людей, которым навязана новая идентичность) в маргинальное состояние чреват подрывом атмосферы толерантности исторически длительное время воспроизводившейся в уникальном мультикультурном казахстанском обществе.

Политический и религиозный экстремизм, которые синергетически развиваются в современном Казахстане, при определенных условиях могут привести к появлению своеобразной «линии разлома» ментальности общества.

Исследование политических рисков, угрожающих Казахстану, позволяет сделать вывод, что экстремистские угрозы перешли из латентной стадии в открытую форму: у определенных социальных групп населения уже сформированы целевые установки на протестное поведение как самостоятельную ценность. Речь, в частности, идет о многочисленных объединениях псевдорелигиозной направленности, которые вовлекают в сферу своей деятельности такие целевые группы населения, как дети, учащиеся, рабочая молодежь, представители различных групп интеллигенции (педагогической и научной), граждане старшего возраста и др. Следует отметить, что значительную роль в торможении формирования протестной культуры выполняют институты гражданского общества (посредством воспитания соответствующего поведения по отношению к государству и его институтам).

В связи с этим требуется постоянный мониторинг параметров развития напряженности в различных сферах социальной жизни, а также изучение степени удовлетворенности актуальных потребностей всех групп населения. К сожалению, в Казахстане, в силу отсутствия междисциплинарного подхода к предмету и интереса к общественной ментальности как таковой, подобных исследований (включающих в себя систематичное научное наблюдение за характером изменений, структурой и динамикой менталитета) не проводится. Следует также отметить недостаточное методологическое сопровождение деятельности институтов гражданского общества. Необходимо создание исследовательского центра междисциплинарного мониторинга ментальности.

Пониманию тенденций социальных сдвигов и составлению правдоподобных прогнозов развития социально-политической ситуации препятствует также монодисциплинарность проводимых исследований и их спорадический и ситуационный характер: они не охватывают все регионы, социальные страты и целевые группы и не осуществляются в виде постоянного мониторинга, а их результаты не сводятся в единый банк данных.

Для определения тенденций развития духовности необходимо проведение социологических мониторингов и создание системы соответствующих индикативных измерений; это позволит составить карту социальных рисков и выработать необходимые меры по воспроизводству традиционных ценностных основ казахстанской ментальности. Исследования процессов навязывания идентичности, происходящих в современном казахстанском обществе, нуждаются в постоянном институциональном сопровождении (в виде независимой исследовательской структуры).

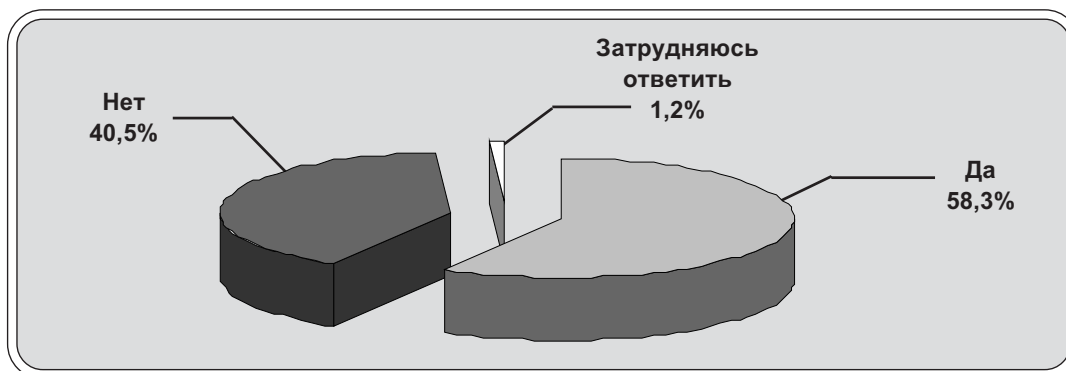
Государственный контроль и толерантность

Казахстан как правовое, светское и социальное государство создает условия для развития в стране реального мировоззренческого плюрализма; граждане свободны в выборе своих убеждений и определении форм участия в различных объединениях, включая религиозные. При этом заведомо предполагается, что деятельность религиозных объединений имеет конституционный и правовой характер, обеспечивает права граждан и способствует прогрессивному развитию общества. Несмотря на то что казахстанское общество по существу нерелигиозно, в настоящее время в стране присутствует практически весь спектр не только традиционных мировых религий, но и новых верований и культов. Мы усматриваем в такой ситуации отражение реального мировоззренческого многообразия и проявление прав граждан на свободный выбор мировоззрения. Однако деятельность многих религиозных общин, ведущих активную и целенаправленную работу по вовлечению в свои ряды новых адептов, зачастую носит не естественный, а заданный характер, предусматривающий «насаждение» определенного мировоззрения и «навязывание» идентичности.

Следует особо подчеркнуть, что довольно либеральное отношение государства и общества к деятельности религиозных общин во многом связано с развитием в стране мировоззренческого плюрализма и традиционной толерантностью казахского народа; это проявляется как в действующем законодательстве, так и в общей атмосфере терпимости по отношению к верующим.

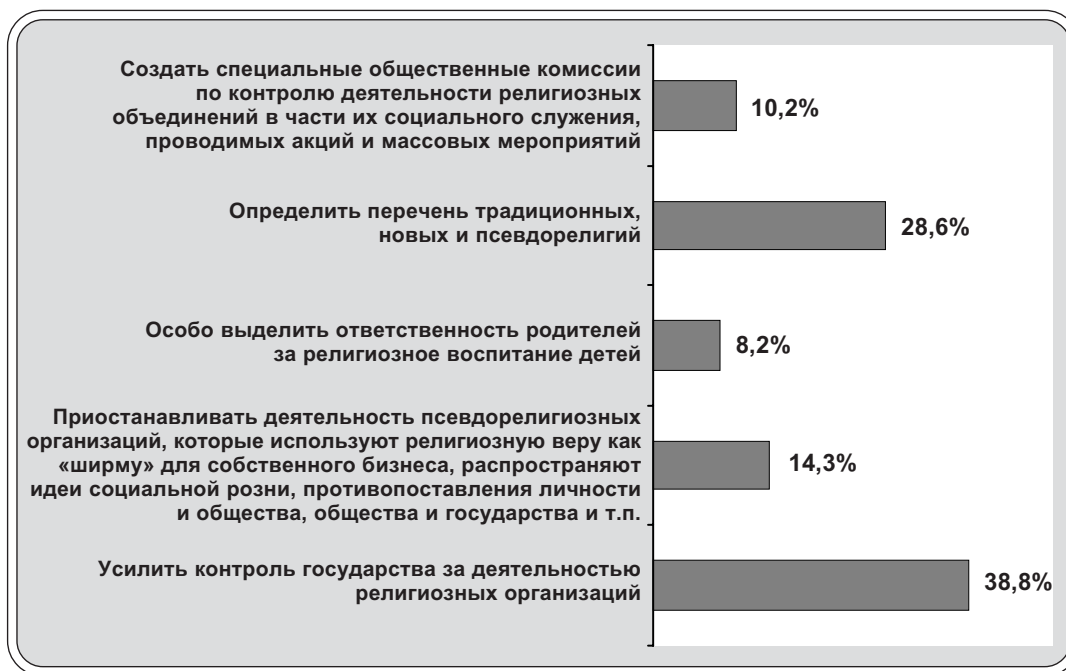
На вопрос о том, следует ли вносить изменения в Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных организациях», респонденты ответили следующим образом (см. рис. 7):

Рисунок 7

При этом был высказан ряд предложений (см. рис. 8):

Рисунок 8

Мы полагаем, что, несмотря на принцип толерантности к убеждениям и мировоззренческому выбору (включая религиозный), государство должно ограничивать деятельность тех общин и стоящих за ними организаций, которые вторгаются в жизнь граждан и нарушают их конституционные права, касающиеся личного имущества, жилья, здоровья (как физического, так и психического) и др.

Проведенный мониторинг и анализ так называемой «религиозной» литературы, которая в большом количестве ввозится на территорию Казахстана и распространяется всеми возможными способами (продается через сеть книжных магазинов, раздается или продается адептам в новых религиозных организациях, бесплатно или за деньги предлагает-

ся гражданам на улицах, доставляется в почтовые ящики в жилых домах и проч.), показывают, что казахстанцы имеют неограниченные возможности получения различных псевдорелигиозных экстремистских печатных изданий. Основными целями распространения подобной «литературы» являются следующие:

- разжигание межрелигиозной розни, межэтнической неприязни, призывы к борьбе с существующей светской властью;
- навязывание людям различных страхов и фобий, связанных, в частности, с катаклизмами в результате Апокалипсиса, являющегося устрашением для всех неверующих или для неистинно верующих и проч.
- подготовка потенциальных adeptов к отстранению от существующей в казахстанском обществе культурной традиции;
- выработка определенных алгоритмов поведения, связанных с соблюдением строгих, конфиденциальных правил общения в религиозной группе, контролем поведения, сбором информации о разных сторонах жизни других членов общины.

Рассматривая вышеперечисленные и некоторые другие факторы как проявления навязанной псевдорелигиозной идентичности, содержащие экстремистские угрозы, мы полагаем, что контроль за ввозимой и распространяемой литературой подобного содержания должен осуществляться соответствующими государственными органами и экспертными сообществами.

Нашими исследованиями состояния и динамики гражданской культуры казахстанского общества выявлено, что политические предпочтения подавляющего большинства населения республики не оформлены институционально, то есть не соотносятся с программами политических партий и общественных движений. Вместе с тем настораживает достаточно высокий рейтинг религиозных организаций: мониторинг состояния гражданской ментальности указывает, что в Казахстане последовательно проводится политизация сознания посредством вовлечения различных групп населения в «околорелигиозную» деятельность. В связи с этим хотелось бы напомнить, что политизация менталитета вне политических организаций и общественных движений чревата экстремизацией сознания и поведения.

Как известно, в Казахстане религия отделена от государства и образование носит светский характер. Однако именно толерантность и многоконфессиональность общества требуют ввести религиоведческое образование в школах и вузах; эта тема широко обсуждается не только внутри государства, но и на международных форумах. Необходимость введения специального предмета «Религиоведение» требует разработки его сбалансированного (с точки зрения отсутствия каких бы то ни было аксиологических акцентов) содержания, а также подготовки педагогических кадров; его внедрение возможно лишь при наличии соответствующих научно-методологических подходов. Такой учебный предмет поможет учащимся сориентироваться в сложившемся в Казахстане мировоззренческом многообразии.

Мы считаем, что в условиях расширяющейся глобализации, развития современного политического процесса в Казахстане и в сопредельных странах и нынешнего состояния динамики общегражданской ментальности в республике внедрение этого учебного предмета имеет первостепенное значение для формирования народа как общности.

Необходимо объединить профессиональные возможности по комплексному мониторингу, раннему распознаванию, выявлению и предупреждению деструктивной деятельности псевдорелигиозных сообществ, а также выработать эффективные механизмы ее блокирования и нераспространения как на национальном, так и на межгосударственном уровнях.

В ходе обзорной конференции ОБСЕ, состоявшейся в 2010 году в Варшаве, мы внесли предложение о разработке критериев определения псевдорелигиозной деятельности и их применении при мониторинге прав граждан на свободу вероисповедания.

Пока еще не ясна общая картина тенденций казахстанского менталитета; данные о приверженности части населения каким-либо религиозно-мировоззренческим доктринам весьма неопределенны и даже противоречивы, практически не выявлен потенциал умонастроений различных социальных групп по жизненно важным вопросам совместного бытия (включая концепт общенациональной идеи, принципы межэтнического и межконфессионального взаимодействия и др.), не выявлены типологические модели электропального поведения и механизмы адаптации к новейшей реальности, не изучены ценностные предпочтения.

Для проведения эффективной политики требуется глубокое знание объекта управления (в данном случае описание базовых и производных характеристик современного казахстанского общества). Для этого необходимо развернуть полномасштабную исследовательскую и экспертную работу, связанную с эмпирическим выявлением, теоретической интерпретацией, построением моделей и постоянным мониторингом динамики идентичности и с разработкой практических рекомендаций для субъектов политики. Основными темами такого мониторинга могут быть: «Образ жизни», «Занятость», «Миграции», «Гражданская и семейная социализация», «Структура потребления», «Досуг», «Социальное самочувствие», «Ценностные предпочтения» и др.

Что касается проблем экстремизма, имеющих междисциплинарный характер, то они могут изучаться только комплексно, с применением обновленной системы общенаучных методов. Для мониторинга экстремистских угроз необходима разработка обоснованной системы критериев и эффективная методика непротиворечивых квалитетических измерений.

Для достижения искомой идентичности необходим современный подход к вопросам, касающимся развития человеческого капитала; это позволит наиболее эффективно осуществить становление молодого поколения, отличающегося нравственностью, духовной зрелостью, активностью, социальной мобильностью, компетентностью, умением выстраивать свои жизненные стратегии и самостоятельно принимать ответственные решения в отношении себя и других людей.

Отсутствие в республике специализированного систематического изучения ментальных процессов, основанного на современных методах и технологиях, приводит к утрате действенных рычагов управления и влияния на социальное самочувствие сограждан. В обществе отсутствуют механизмы упреждающего реагирования на возможные протестные проявления недовольства, которые ведут к подрыву гражданской консолидации и ослаблению доверия к институту власти.

Принято полагать, что противодействие терроризму и экстремизму — исключительно государственная прерогатива; однако мы считаем, что это не совсем так.

На наш взгляд, действенным заслоном на пути экстремизации гражданского сознания и поведения могут стать неправительственные организации (НПО), чья многоаспектная деятельность должна включать в себя проведение мониторингов состояния ментальности и экспертизу функционирования организаций гражданского сектора. Исследование деятельности различных общественных организаций позволит выявить совпадение или противоречие между декларируемыми ими лозунгами и реальностью, а также определить степень их социальной и политической эффективности как для граждан, так и для ценностей, которые культивирует современное демократическое сообщество.

Государство и общество не должны выпускать из своих рук рычаги идеологического влияния на ментальность, тем более в условиях трансформации политической системы, общественного строя и экономического уклада.

Следует отметить, что из-за постоянного реформирования в настоящее время в системе образования и просвещения не формируется и не воспроизводится ценностно-ориентированное сознание, что лишает людей возможности пройти необходимую гражданскую социализацию. В то же время оппозиционные СМИ методично и целенаправленно формируя концепты противостояния («государство — гражданин», «общество — человек», «власть — индивид»), пытаются с их помощью влиять на масштабы протестного сознания.

По нашим многолетним наблюдениям, протестное сознание свойственно 13—15% респондентов, склонным критиковать сложившийся «порядок вещей», и лишь менее 1% из них готовы выйти на акции протеста, но лишь в том случае, если будут непосредственно затронуты их гражданские интересы.

В то же время уровень протестного сознания среди тех, кто причисляет себя к верующим, в разы выше, хотя, как известно, традиционные религии в своей основе призывают к миролюбию, несут успокоение, вселяют уверенность и призывают к смирению.

Следует отметить, что, несмотря на неоднозначность ситуации, государство соблюдает принцип невмешательства в дела религиозных объединений, тем самым проявляя уважение к их автономности. Соответственно, от религиозных общин ожидается симметричное поведение, а именно: невмешательство в жизнь государства, в сферу политической идеологии, в частную жизнь граждан (включая личную и семейную), а также соблюдение законности.

Государство предлагает наладить открытый и конструктивный диалог тем религиозным общинам, деятельность которых служит интересам прогрессивного развития общества и личности.

К сожалению, в деятельности ряда религиозных общин не всегда четко представлены цели их присутствия в Казахстане; зачастую под видом пропаганды и просвещения кроется следующее:

- осуществление политической контрпропаганды;
- проповедование идей социального разделения, религиозной исключительности и нетерпимости к иноверцам;
- распространение установок на конфронтационное поведение верующих по отношению к своим родным и близким, к рядом живущим согражданам, к органам государственной власти и управления;
- создание условий для экстремизации сознания и поведения адептов по отношению к иноверцам, институтам государства и общества;
- проведение не религиозной, а иной деятельности и др.

Наше общение с казахстанцами, прошедшими через испытания «новыми» верованиями, позволило выяснить, что в основу многих проповедей и самой структуры «религиозных» организаций заложены страх и гнет, а в отношении тех, кто не воспринимает и не разделяет убеждения членов общины, пропагандируется враждебность.

Таким образом, несмотря на достаточно сильные и преобладающие устремления казахстанцев к стабильности, в силу ряда геополитических факторов в стране складывается ситуация нагнетания конфликтности, которая носит сугубо импортируемый характер.

Именно поэтому как никогда актуальной становится разработка учебных и просветительских программ в области гражданского образования, ориентированных на различные слои населения. Одним из важных каналов информирования общества является также распространение знаний о целях деятельности экстремистских псевдорелигий и о стоящих за ними организациях и политических силах; эту функцию могут взять на себя НПО.

З а к л ю ч е н и е

Многие принципы европейского права давно нашли свое отражение в реальной практике взаимоотношений государства и религии в Казахстане. Религиозные культы, учреждения и организации, действующие в конституционных рамках, пользуются всеми правами и свободами практически во всех областях жизни.

Именно этим и можно отчасти объяснить повышенный интерес к Казахстану со стороны представителей новых культов и движений (как религиозного, так и псевдорелигиозного толка), которое породило относительно новое для государства явление — религиозные миграции.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед Казахстаном, по-прежнему является создание экспертного аналитического центра, в функции которого должно входить следующее:

- мониторинг и анализ ситуации и тенденций развития общегражданской ментальности (включая религиозную);
- изучение влияния социокультурных, политических и социальноэкономических факторов на гражданское сознание и поведение;
- разработка методов измерения процесса идентификации различных социальных групп;
- осуществление многосторонних социогуманитарных экспертиз;
- выработка мировоззренческих программ для системы образования и методических рекомендаций для СМИ.

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В АДЖАРИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУЗИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Владимир ИВАНОВ

*независимый исследователь
(Ереван, Армения)*

В в е д е н и е

В СССР атеистическая идеология не давала возможности обращаться к политическим спекуляциям в отношении религии. Ситуация изменилась лишь с началом «перестройки» и последовавшим распадом Советского Союза. Тог-

да некоторые соседние страны получили возможность влиять на постсоветское пространство, в том числе и с помощью религиозных инструментов. Одной из таких стран оказалась Турция.

Распад СССР вызвал у турецких политических кругов эйфорию. М. Челикпала, в частности, отмечал: «Впервые за свою новейшую республиканскую историю Турция получила шанс расширить свою сферу влияния. Развал Советского Союза и появление новых тюрко-мусульманских республик открыли для Турции множество новых возможностей играть важную роль на Кавказе и в Центральной Азии»¹.

Помимо налаживания связей в политической, экономической и других сферах широко использовался и религиозный фактор. Не стала исключением и Грузия.

Турецко-грузинские взаимоотношения стали динамично развиваться приблизительно с середины 1990-х годов, то есть после относительного «замораживания» этнополитических конфликтов, некоторой стабилизации внутривосточного пространства Грузии, начала реализации значимых энергокоммуникационных проектов и т.д. Однако не всегда эти отношения были безоблачными.

Один из факторов, периодически осложняющих отношения между двумя странами, — неразрешенность вопроса о статусе Абхазии, в которой часть населения исповедует ислам. Эта проблема нередко всплывает в кризисные моменты, сопровождающие становление новой грузинской государственности. Как отмечает И. Мурадян, «в период с 1992-го по 2003 год Турция трижды вмешивалась во внутренние дела Грузии, и все по тому же поводу — ущемление прав Абхазии»².

¹ Çelikpala M. From a Failed State to a Weak One? Georgia and Turkish-Georgian Relations. В кн.: The Turkish Yearbook, Vol. XXXV. P. 171 [http://www.politics.ankara.edu.tr/dosyalar/MMTY/36/7_mithat_celikpala.pdf].

² Мурадян И. Региональная политика США и Великобритании: Турция — Иран — Южный Кавказ — Черное море. Ер., 2008. С. 113.

До свержения А. Абашидзе в этот регион были устремлены геополитические интересы в основном двух игроков — России и Турции. Однако вывод из Батуми российской военной базы и сворачивание грузино-российских отношений позволили Турции стать одним из основных внешнеполитических акторов на территории Абхазии. Так, во время противостояния между Тбилиси и Батуми после «революции роз» турецкая сторона довольно четко дала понять новому грузинскому руководству, что она с пристальным вниманием наблюдает за малейшими изменениями в приграничных с ней районах. 17 марта 2004 года посол Турции в Азербайджане У. Чевикоз заявил, что согласно Карсскому договору, подписанному в 1921 году, Анкара в случае кризисной ситуации имеет право ввести свои войска в Абхазию. Данное заявление явилось ответом на слова посла Грузии в России К. Кемурчия (от 16 марта), что Карсский договор, согласно которому Батуми в 1921 году был передан Грузии, уже потерял силу³.

Правда, 18 марта 2004 года глава прибывшей в Грузию турецкой делегации экс-министр иностранных дел Турции Я. Якыш отверг возможность военного вмешательства Турции в ситуацию вокруг Абхазии, заявив, что «Турция никогда не имела такого намерения»⁴. Но при всем том геополитическая заинтересованность Анкары в усилении своего влияния в данном регионе не оставляет никаких сомнений. И одно из необходимых условий закрепления Турции в Абхазии — сохранение автономного статуса республики, где часть населения исповедует ислам.

Грузия, со своей стороны, еще накануне и сразу после распада СССР стала уделять большое внимание сохранению и распространению в Абхазии православия. Это в немалой степени имело политическую подоплеку, но данный вопрос всегда

³ См.: Посол Турции в Баку: «Анкара имеет право ввести войска в Абхазию» [http://www.regnum.ru.17.03.2004].

⁴ См.: Мурадян И. Указ. соч. С. 113—114.

представлялся очень важным и для Грузинской Православной Церкви (ГПЦ).

В статье пойдет речь, в основном, о православной и исламской общинах, кото-

рые составляют значительную долю в общем религиозном балансе Аджарской автономии и пользуются немалым политическим и иным влиянием.

Ислам на территории Аджарии и турецкая политика

Сегодняшняя Аджария — мультиконфессиональный регион, большинство населения которого составляют приверженцы православного христианства и ислама. Согласно данным Департамента статистики Минэкономразвития Грузии, в 2002 году религиозная мозаика Аджарии выглядела следующим образом: православные — 240 552 чел., мусульмане — 115 161 чел., приверженцы Армяно-Григорианской Церкви — 3 162 чел., католики — 683 чел., иудеи — 161 чел., приверженцы иных конфессий — 16 297 чел.⁵

Как известно, распространение в Аджарии ислама (суннизма ханафитского мазхаба) началось после того, как во второй половине XVI века она была захвачена Османской империей в результате очередной турецко-персидской войны. Как отмечают, в частности, Г. Саникидзе и Э. Уокер, «исламизация Аджарии началась после ее включения в состав Османской империи... и была особенно ускорена после 1820-х годов»⁶. И, несмотря на то что «аджарцы по большей части традиционно ощущали себя грузинами (их родным языком был грузинский)»⁷ и этнолингвистические связи преобладали над конфессиональными, «в период османского правления турецкие власти достигли некоторого успеха в смене политической идентификации региона»⁸.

После русско-турецкой войны 1877—1878 годов по Сан-Стефанскому мирному договору (3 марта 1878 г.) и решению Берлинского конгресса и Константинопольскому мирному договору от 27 февраля 1879 года Аджария вошла в состав Российской империи, которая начала рехристианизацию местного населения.

Однако пребывание в составе Османской империи не могло не наложить отпечаток на политическую ориентацию части населения Аджарии (по крайней мере, ее политической элиты)⁹, что проявилось и в дальнейшем. Так, когда в годы Первой мировой войны на части территории Аджарии велись боевые действия, часть ее населения сражалась на стороне Турции против русской кавказской армии¹⁰.

Кроме того, в Аджарии существовали организации и течения, ориентированные на присоединение к Турции¹¹. Не углубляясь в описание сложных перипетий того времени,

⁵ См.: [http://www.statistics.ge/files/english/census/2002/Religious%20beliefs.pdf]. Конечно, к этим данным следует подходить весьма осторожно, однако, в любом случае, их необходимо было привести.

⁶ Sanikidze G., Walker E.W. Islam and Islamic Practices in Georgia. Berkeley: University of California, Institute of Slavic, East European and Eurasian Studies, 2004. P. 6; более подробно об истории Аджарии см.: Абашидзе А.Х. Аджария: история, дипломатия, международное право. М., 1998 (см. также: Маргиев З. Батум во времена Османской империи. Краткий административный, статистический и исторический обзор г. Батума и региона во времена Османской империи. М., 2005).

⁷ См.: Sanikidze G., Walker E.W. Op. cit. P. 7.

⁸ Ibidem.

⁹ Сравни с: Derluignan G.M. The Tale of Two Resorts: Abkhazia and Ajaria Before and Since the Soviet Collapse. В кн.: The Myth of Ethnic Conflict: Politics, Economics and Cultural Violence / Ed. by B. Crawford, R.D. Lipschutz. Berkeley, 1998. P. 276.

¹⁰ См.: Арутюнян А. Кавказский фронт. 1914—1917 гг. Ер., 1971. С. 160—161.

¹¹ См.: Абашидзе А.Х. Указ. соч. С. 242.

отметим лишь, что придание Аджарии автономного статуса было окончательно закреплено в ст. 6 Карсского договора, подписанного 13 октября 1921 года; это оказалось возможным благодаря сохранению на ее территории исповедующего ислам населения (точнее, данное обстоятельство смогло послужить достаточно действенным предложением). Согласно этому же договору Турция выступила в качестве гаранта существования автономии¹².

Как уже отмечалось, неверно было бы говорить о каком-либо религиозном возрождении в годы существования СССР. Не вдаваясь в юридические детали трактовки положений Карсского договора, отметим лишь, что после распада СССР турецкая сторона предпринимала весьма активные шаги для «возврата» грузинского населения Аджарии к исламским истокам. Этому немало способствовал и своеобразный «религиозный бум», начавшийся еще в конце 1980-х годов в СССР и продолжившийся в 1990-х годах.

Консолидации определенной части мусульманского населения Аджарии вокруг ислама способствовали и действия первого президента Грузии З. Гамсахурдиа. Он настолько прямолинейно и грубо отождествлял грузинскую национальную идентичность с православием, что это не могло не вызвать протестной реакции; 22—23 апреля 1991 года в Батуми прошли демонстрации против попыток правящего в Грузии блока «Круглый стол» насильно христианизировать мусульманское население Аджарии и упразднить автономию¹³.

После этого случая слишком уж бурных массовых политических волнений с религиозной окраской в автономии практически не наблюдалось.

В период правления А. Абашидзе, умело балансировавшего между всеми этноконфессиональными группами и находившего компромисс с региональными и внерегиональными центрами силы, социально-политическая ситуация была, в основном, спокойной, однако это отнюдь не означало, что в религиозной сфере не происходило никаких процессов. Всплеском интереса к религии не преминули воспользоваться не только официальные институты, но и разного рода неформальные организации.

Среди самых первых турецких проповедников, проникших в Аджарию, было немало приверженцев небезызвестного Ф. Гюлена. Собственно, они стали прибывать на территорию автономии еще до развала СССР. «11 января 1990 года первая группа миссионеров-исламистов миновала турецко-грузинскую границу через пограничный пункт Сарпи, побывала в Аджарии, в Тбилиси, везде встречая дружеский прием. В мае, сопровождаемая караваном машин и автобусом с... подарками, в путь отправилась вторая миссия (37 чел.). Она посетила Батуми, Тбилиси, Казань, Гянджу, Баку, Узбекистан, Казахстан и Таджикистан. Так началась миссионерская деятельность общины Гюлена...»¹⁴

К середине 2000-х годов религиозную пропаганду в Аджарии осуществляли уже не только сторонники движения Гюлена, но и приверженцы С.Х. Тунахана (1888—1959 гг.), являвшегося последователем проповедника С. Нурси (1873—1960 гг.).

---

¹² Так, в пункте 1, ст. 6 данного договора сказано: «Турция соглашается уступить Грузии сюзеренитет над городом и портом Батум и территорией, лежащей к северу от границы, указанной в ст. 4 настоящего Договора и составляющей часть Батумского округа, при условии, что: 1) Население местностей, указанных в настоящей статье, будет пользоваться широкой автономией в административном отношении, обеспечивающей каждой общине ее культурные и религиозные права, и население будет иметь возможность установить в указанных местностях земельные законы, соответствующие его пожеланиям» (см.: Договор о дружбе между Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией — с другой, заключенный при участии РСФСР в Карсе 13 октября. Док. № 264. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 423).

¹³ См.: Власть, 29 апреля 1991, № 18 (68).

¹⁴ *Киреев Н.* Турция в начале XXI века: основные ориентиры политического ислама // Центральная Азия и Кавказ, 2003, № 2 (26). С. 97.

Деятельность миссионеров, и в первую очередь, приверженцев Гюлена, довольно многогранна (и, зачастую, непублична); она включает пропаганду ислама в их собственной интерпретации, рекрутирование молодых людей для отправки на учебу за границу, распространение исламской литературы, проведение благотворительных мероприятий, помощь в постройке новых и восстановление старых мечетей, создание медресе и т.д. К середине 2000-х годов приверженцы М. Сунгура, ученика Тунахана, имели в пригородах Батуми уже шесть медресе, а ученики Гюлена — одно¹⁵. Кроме того, пыталась активизировать свою деятельность небольшая группа накшбандийцев под предводительством М. Устаосманоглы¹⁶.

Практически параллельно с вышеупомянутыми неформальными организациями в Аджарии стали действовать и представители Управления по делам религии Турции (*Diyanet Isleri Bakanligi*), установившие связи с официальным органом, представлявшим интересы аджарских мусульман, — муфтиятом. Через турецкое консульство в Батуми, *Diyanet* также начал распространять исламскую литературу, посылать священнослужителей в мечети, отбирать студентов для учебы на богословских курсах и факультетах Турции¹⁷.

Так, в 2006 году на учебу в одно из духовных заведений Турции (в Инеголе) было направлено 29 молодых аджарцев¹⁸. В 2008 году Главный муфтий Союза мусульман Аджарии Б. Болквадзе принял решение об отправке 49 молодых людей для получения мусульманского образования¹⁹.

Таким образом, «постсоветское» поколение молодых мусульман вынуждено было получать религиозное образование в Турции, что объясняется непосредственным соседством с ней и отсутствием собственных учебных заведений. Тем самым «новая» исламская молодежь становилась, в определенной степени, проводником интересов турецких клерикальных кругов, что не могло не вызвать опасений у светских и духовных кругов Грузии.

В распространении ислама участвовали и турецкие грузины. Зампред Союза мусульман Грузии И. Сайдаев специально подчеркнул: «Также хотелось бы отметить особую активность грузинской диаспоры Турции, которая занимается переводом и распространением исламской литературы среди верующих в нашей стране. К сожалению, они в основном работают в Аджарии, нежели в других частях Грузии. Но недавно я посетил их центр в Стамбуле, и мы договорились о координации нашей деятельности и о взаимной поддержке»²⁰.

Как бы то ни было, в деле распространения ислама в Аджарии наиболее активно действовали не официальные представители *Diyanet*, а проповедники из неформальных исламистских организаций; как отмечает Б. Бальчи, «действия вышеупомянутых движений являются гораздо более эффективными, нежели действия *Diyanet*...»²¹

Более того, сами представители *Diyanet* подчеркнуто дистанцируются от деятельности последователей С. Нурси, предпочитая никак не демонстрировать связи с ними. Несмотря на то что нурсисты находятся в довольно сложных взаимоотношениях с военны-

¹⁵ См.: *Balci B.* Is There a Place for Islam in Michael Saakashvili's Christian Georgia? [http://www.caucas.com/home_eng/breve_content.Php?id=180.25.08.2005].

¹⁶ См.: *Balci B., Motika R.* Religion et Politique dans le Caucase post-sovietique. Paris, 2007. P. 243.

¹⁷ См.: *Мкртчян С.* Мусульмане Грузии [http://www.religions.am/index.php?option=com_content&view=article&id=2999:Мусульмане_Грузии_&catid=1:2009-02-27-03-45-54&Itemid=11] (на арм. яз).

¹⁸ См.: [<http://www.sngnews.ru>. 25.01.2006].

¹⁹ См.: Кетеван едет в Турцию? [<http://www.golos.am.22.07.2008>].

²⁰ *Сайдаев И.* Мусульмане Грузии надеются, что до войны с Россией не дойдет [<http://www.islam.ru/pressclub/gost/saidaeval>].

²¹ *Balci B.* Указ. соч.

ми кругами своей страны, они беспрепятственно разворачивают свою пропаганду за рубежом. Это весьма «удобно» для властей хотя бы уже потому, что от их деятельности в любой момент можно «откреститься».

Таким образом, вне зависимости от того, действовали ли последователи С. Нурси с согласия Управления по делам религии Турции и спецслужб страны или нет, согласно бытующему мнению, их деятельность совпадала с интересами Анкары, преследовавшей цель закрепить свое влияние в автономии путем оживления и дальнейшего распространения ислама.

Собственно турецкие источники весьма неохотно говорят о данном аспекте деятельности турок в Аджарии, однако от этого ее масштабы не становятся меньше. Одним из наиболее видимых проявлений турецкого внедрения в Аджарию стало довольно бурное строительство новых и восстановление старых мечетей и молельных домов, развернувшееся с середины 1990-х годов.

Отрицая сам факт получения какой-либо помощи, муфтий Б. Болквандзе заявлял: «В Батуми действует медресе, которое функционирует исключительно на частные пожертвования. Мы не получаем никакой помощи от иностранных государств. Могу добавить, что также не получаем помощи и от властей Грузии»²². Однако совершенно очевидно, что осуществление подобного рода повсеместного строительства было бы невозможно одними лишь собственными силами²³. Так, по данным СМИ, уже в 2002 году в Аджарии насчитывалось 102 мечети²⁴, в 2005 году — 137²⁵, а в 2006 году их число достигло 159²⁶. По некоторым данным, в 2008 году в Аджарии насчитывалось уже 175 мечетей²⁷. Хотя, конечно, данные сообщения в определенной степени имеют пропагандистский характер. В действительности в ряде случаев речь идет не о мечетях в классическом смысле этого слова (каковой, например, является Батумская мечеть Орта Джама, построенная еще в 1866 году на средства семьи Химшиашвили), а о различных строениях, приспособленных под молельные дома.

Несмотря на несовершенство законодательства, а в ряде случаев и полное отсутствие необходимой правовой базы, деятельность некоторых этноконфессиональных (или просто конфессиональных) групп все-таки удавалось в определенной мере контролировать. Однако был затруднен формальный контроль несанкционированного строительства и восстановления разного рода религиозно-культурных (или приспособленных под таковые) зданий; некоторые вопросы до сих пор остаются, по сути, открытыми (например, сколько из них являлись реально действующими, каково должно быть их оптимальное количество для реального удовлетворения духовных нужд населения и др.).

Все сказанное в полной мере относится и к мусульманским культово-религиозным постройкам на всей территории Грузии. Согласно данным Р. Барамидзе, полученным в результате полевых исследований с 2003-го по 2008 год, количество различных зданий, приспособленных под культовые и образовательные нужды мусульман Аджарии, превышало полторы сотни. Так, насчитывалось 95 мечетей-школ, просто мечетей — 41, исламских учебных заведений — 18, иных построек — 2²⁸.

²² Аджарские мусульмане в политику не вмешиваются [<http://www.ccrghouse.ge/gazeti/9/3/.htm>].

²³ Так, например, новый минарет Батумской мечети был построен при непосредственной помощи турок (об этом см.: *Sanikidze G., Walker E.W.* Op. cit. P. 13).

²⁴ См.: В мечетях Аджарии изучают арабский язык [<http://www.pravoslavie.ru>], 2 декабря 2002.

²⁵ См.: Аджарские мусульмане в политику не вмешиваются.

²⁶ См.: [<http://www.pravoslavie.ru>], 5 июня 2006.

²⁷ См.: Кетеван едет в Турцию?

²⁸ См.: *Барамидзе Р.* Ислам и мусульмане Аджарии (историко-этнографические и социально-культурные аспекты). Батуми, 2008. С. 167 (на груз. яз).

Появление турецких проповедников, рост количества молелен и многое другое, безусловно, можно было бы интерпретировать в русле возрождения и дальнейшего укрепления двусторонних духовно-культурных связей, если бы не одно «но» — действия самой Турции на определенных этапах современного развития грузино-турецких отношений и откровенные высказывания некоторых лиц.

Так, председатель «Союза дружественных отношений с Грузией» адвокат Е. Шекерчи в одном из интервью заявил: «В национальных интересах Турции — чтобы Грузия оставалась мусульманской. Если мусульмане страны примут христианство, то они будут против ислама и Турции. Мусульмане Грузии любят Турцию или, по крайней мере, уважают ее. Но тот, кто примет христианство, начнет защищать официальную идеологию. Поэтому Турция должна продолжить работу с мусульманами Грузии. Турция имеет на это право, и это входит в ее обязанности... В этом регионе основой автономности является ислам. И если они уничтожат ислам, значит, они уничтожат и автономию»²⁹.

Таким образом, было очевидно, что Турция, исходя из своих интересов, стремилась добиться следующих тактических целей.

1. Поддерживать наличие мусульманской общности в Аджарии.
2. Политизировать по возможности ислам.
3. Вернуть утраченную в годы советской власти возможность формировать протурецкую ориентацию у части местного населения и элиты.

Осуществление указанных намерений, а также расширение экономических связей с автономией были теми средствами, при помощи которых Турция могла усилить влияние на регион, а в далекой перспективе — превратить его в зону своего исключительно влияния.

Таким образом, как бы сомнительно ни выглядели положения Карсского договора, само существование ислама на территории Аджарии является необходимой предпосылкой сохранения здесь турецкого влияния.

Деятельность ГПЦ

Практически с самого начала турецкие проповедники столкнулись с ограничивающим воздействием влиятельной силы — ГПЦ. На начальном этапе ее деятельность до определенной степени синхронизировалась с развернувшимся со второй половины 1980-х годов националистическим движением, апеллировавшим к православию³⁰. Роль и значение ГПЦ еще больше возросли после того, как 14 октября 2002 года между нею и государством Грузия был подписан Конституционный договор (так называемый «грузинский Конкордат»), ратифицированный 22 октября 2002 года парламентом республики и Священным Синодом³¹.

Действуя не столь прямолинейно, как сторонники З. Гамсахурдиа, и не задавая в лоб вопрос «Кто вы — турки или грузины?», православная церковь сумела добиться определенной духовно-культурной консолидации аджарцев с остальным населением Грузии; ее

²⁹ [<http://www.milligazette.com>], 4 ноября 2006.

³⁰ Сравни с: *Челидзе А.* Этнический национализм в духовенстве Грузинской Православной Церкви. В кн.: Южный Кавказ: территории, истории, люди. Сборник статей. Т. 2. Тбилиси: Фонд Г. Бёлля, 2006. С. 137.

³¹ Текст соглашения см. на официальном сайте Патриархата Грузии: [http://www.patriarchate.ge/_en/?action=eklesia-saxelmcifo].

обращение к историческому прошлому аджарцев не носило характера явных противопоставлений мусульманской и грузинской идентичности. Так, во время одного из посещений Батуми Патриарх Илия II заявил: «Люди, живущие здесь, являются нашей кровью и плотью. Многие когда-то насильственно перешли в ислам, но они отлично знают свои корни и где есть наше спасение... Это христианская религия, и, благодарение Богу, этот народ снова исповедует веру своих предков»³²; тем самым, не отрицая факта мультиконфессиональности Аджарии, ГПЦ подчеркивала ее христианское прошлое (по преданию, христианство в Аджарии начали распространять еще в I веке апостолы Матфей и Андрей Первозванный).

Вместе с тем деятельность ГПЦ не исчерпывалась возвратом населения к его христианским истокам, сугубо религиозная составляющая в ней не преобладала. Активная проповедь православия во многом обуславливалась хорошим пониманием политической специфики данной части Грузии. Так, С. Инаишвили, сопредседатель отдела евангелизации Батумо-Схалтской епархии ГПЦ, редактор журнала «Путь к храму», бывший министр сельского хозяйства и министр образования Аджарии, отмечал: «В советское время мы осознавали, кто мы, откуда и куда должны идти, но были коммунистами. С одной стороны, многие отрицали мусульманство из-за сильной антитурецкой пропаганды. Ведь Турция входила в состав НАТО и являлась тогда врагом СССР. С другой стороны, из-за атеистической пропаганды к православным мы идти тоже не хотели. При этом некоторые области Аджарии, например приграничная с Турцией зона, была очень мусульманской и опасной (курсив мой. — В.И.). В 1991 году Грузия провозгласила независимость; изменилась политическая ситуация, стало возможным возвращение к истокам... Кроме того, христианизация Аджарии связана с национально-освободительным движением Грузии. Проходила она на волне горячего энтузиазма, трудами нашего патриарха, владыки Дмитрия (Шиолашвили), а тогда просто отца Давида, и священников-подвижников — отцов Григория Абуладзе, Захария Перадзе, Серафима Беридзе, Мириана Самхарадзе»³³.

Грузинские священники старались вести свои проповеди именно в районах Аджарии с преобладающим мусульманским населением, в частности в Хулойском и Кедском. Как отмечает М. Пелкманс, «православная церковь рассматривала Хуло в качестве главного места для своей миссионерской деятельности в Верхней Аджарии»³⁴.

Уже в конце 1980-х годов в Хуло были открыты духовное училище и гимназия, а в Батуми — духовная семинария и гимназия³⁵; несколько позже (в 1989 г.) — Схалтский монастырь. В тот же период широко распространилась практика проведения обрядов массового крещения. Так, 1 июня 1989 года в Батуми крестились 5 000 чел., а в Схалте в тот же день — около 500³⁶. 13 мая 1991 года в Батуми крестились 5 000 мусульман и атеистов³⁷.

В дальнейшем практика массовых крещений была продолжена. В 2003 году в Сарпи (поселок на самой турецко-грузинской границе) было крещено 300 лазов³⁸. Параллельно

³² Khalvashi T., Batiashvili N. «Can Muslim be a Georgian?» Historic Overview of Discourse on Georgian «Essence» [http://api.ning.com/files/ CanMuslimbeaGeorgian.doc]. P. 16.

³³ Никифорова А. Православное возрождение в Аджарии [http://www.newsgeorgia.ru/geo1/20060527/41734739.html]; [http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=364&did=1119]; в начале 1960-х годов одним из мест служения будущего патриарха Илии II был Батумский кафедральный собор (см.: Колесников Л. Религиозная обстановка в Грузии. В кн.: Грузия: проблемы и перспективы развития. Т. 2. М.: РИСИ, 2002. С. 322).

³⁴ Pelkmans M. Baptized Georgian: Religious Conversion to Christianity in Autonomous Ajaria // Max Plank Institute for Social Antropology, Working Papers, 2005, No. 71. P. 6.

³⁵ См.: Колесников Л. Указ. соч. С. 322.

³⁶ См.: [http:// www.religio.ru], 10 мая 2005.

³⁷ См.: Никифорова А. Указ. соч.

³⁸ См.: [http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=363&did=1286].

под разными предлогами мусульман Аджарии переселяли в иные регионы Грузии, а на их место поселяли грузин православного вероисповедания³⁹.

Деятельность ГПЦ еще более активизировалась после успешного «аджарского похода» новой власти. Если А. Абашидзе предпочитал сохранять баланс между всеми профессиональными общинами, то после «революции роз» новая светская власть, нуждавшаяся в поддержке ГПЦ, поначалу весьма охотно участвовала в разного рода мероприятиях, организуемых церковью. Так, в 2004 году многие официальные лица Грузии во главе с премьер-министром З. Жвания посчитали необходимым присутствовать на церемонии закладки фундамента церкви в Сарпи⁴⁰.

В том же 2004 году было смещено руководство Управления духовного муфтия мусульман Аджарии. Помимо иных факторов, это было связано и с тем, что при муфтии Камашидзе муфтият в значительной мере утратил контроль над процессом реисламизации в регионе⁴¹.

После отставки муфтия Аджарии Х. Махмуда (Автандила) Камашидзе наступил некоторый разброд во мнениях, связанный с недостаточной приемлемостью (так ли это на самом деле — судить затруднительно) наиболее популярной кандидатуры — З. Цецхладзе, получившего образование в Турции. И потому новым (седьмым) муфтием стал Бекир (Бежан) Болквадзе⁴².

Подвергся реорганизации и сам официальный орган мусульман Аджарии — муфтият⁴³, что отразилось в принятом в том же 2004 году особом Уставе, во 2-м пункте которого подчеркивалось, что «муфтият представляет собой независимый орган, который создан для объединения лиц мусульманского вероисповедания и осуществляет функции их представительства на основе шариата на всей территории Аджарской автономной республики»⁴⁴.

Подобные действия свидетельствовали о желании новых властей установить более жесткий контроль над мусульманским духовенством (по крайней мере, над его официальными представителями), а также, по возможности, минимизировать какое-либо влияние извне. Помимо прочего, принятие данного Устава и закрепление в нем практически автономного статуса муфтията создавало предпосылки для его более независимых действий в отношении иных мусульманских структур в будущем.

Вышеперечисленные действия властей, объявление о введении прямого президентского правления в Аджарии, сделанное Саакашвили 5 мая 2004 года (как тогда заявлялось, «до новых выборов главы автономии», которые, как известно, так и не состоялись), некоторые законодательные изменения, а также ряд других факторов (исключительный правовой и политический статус ГПЦ, дававший ей явные преимущества для легальной пропаганды своих взглядов, толерантность самих аджарцев, отличное знание специфики региона и личностные характеристики ряда высших духовных иерархов Грузии и т.д.) привели к тому, что автономия Аджарии приобрела, по сути, символический характер и православная церковь получила реальный перевес в борьбе за души ее населения.

Таким образом, деятельности ГПЦ был придан новый импульс, о чем свидетельствует новая волна массовых крещений. Если верить сообщениям СМИ, 1 июня 2004

³⁹ Так, совсем недавно, вновь появилось сообщение об очередном таком случае (см.: Аджарцев переселяют в армянонаселенный район Грузии (Джавахеги) [<http://www.regnum.ru>], 25 июня 2010).

⁴⁰ См.: У грузино-турецкой границы началось строительство православной церкви — первой за 600 лет [<http://www.abkhaziainfo.org>], 2 сентября 2004.

⁴¹ См.: *Барамидзе Р.* Указ. соч. С. 165.

⁴² См.: Saakashvili's Ajara Success: Repeatable Elsewhere in Georgia? // EUROPE Briefing, Tbilisi/Brussels, 18 August 2004, International Crisis Group. P. 3.

⁴³ См.: *Мкртчян С.* Указ. соч.

⁴⁴ *Барамидзе Р.* Указ. соч. С. 162.

года, в день прихода св. равноапостольной Нины в Грузию в с. Звара (Кедский район) было крещено более 1 000 чел.⁴⁵ 17 июня 2004 года по инициативе Республиканской партии состоялось крещение 200 жителей аджарского села Чхутумети, расположенного в ущелье реки Чорохи; здесь же, в считанных километрах от границы с Турцией, был воздвигнут 15-метровый крест⁴⁶. 7 мая 2005 года в Шуахеви (Оладаури) была открыта церковь св. Георгия и крещено 200 чел.⁴⁷ 27 мая 2006 года в самом Батуми прошла церемония крещения 50 мусульман⁴⁸. В июле 2006 года состоялось третье массовое крещение в Кобулети, в результате которого 300 мусульман приняли православие⁴⁹. В конце 2008 года в аджарском селе Какути неподалеку от Кобулети состоялось очередное массовое крещение населения в реке Чорохи. Согласно сообщению, было крещено около 200 чел.⁵⁰

Однако, несмотря на победный тон сообщений, зачастую оставалось непонятно, были ли все подвергшиеся обряду мусульманами или речь шла о некрещеных людях, отославших себя к христианам; многочисленные повествования о чудесах прозелитизма сильно напоминали информационную войну.

Как отмечает М. Пелкманс, «хотя церковь могла интерпретировать многочисленные крещения (подсчет их истинного количества значительно варьируется) как подтверждение своей надежды на то, что аджарцы скоро «возвратятся к христианству», эти крещения трудно не рассматривать в качестве адаптации населения к велению времени или же символического жеста по отношению к националистическому движению»⁵¹.

Однако периодичность подобного рода мероприятий свидетельствует об активности ГПЦ, особенно на пропагандистско-информационном уровне.

Как представляется, грузинское руководство и ГПЦ преследуют две основные цели.

1. Минимизировать воздействие исламского фактора в Аджарии.
2. Решить давнюю проблему грузинской государственности: собрать все субэтносы вокруг идеи православного единства, реализовав тем самым формулу, когда-то выдвинутую И. Чавчавадзе: «Единое отечество, язык, вероисповедание».

В любом случае активность как православных, так и исламских деятелей была связана не столько с религией, сколько с политикой; предполагалось, что изменение веры приведет к смене национальной (или политической) идентификации.

По этому поводу О. Зоидзе и Д. Бердзенишвили отмечали: «Сегодня в Аджарии усиление активности христианства и мусульманства очень слабо связано с религиозностью, а более является проявлением осмысления религии как фактора, определяющего национальную идентификацию. Для той части аджарцев, которая считает себя автономной частью грузин, сохранение мусульманства отождествляется с сохранением и утверждением данной автономности. Однако для другой части аджарцев христианство является средством преодоления данной автономности...»⁵²

⁴⁵ См.: [http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=363&did=1286; http://www.georgia-orthodoxy.ru], 3 июня 2004.

⁴⁶ См.: В Аджарии крестились еще 200 мусульман [http://www.sedmitza.ru/news/306842.html]; [http://www.georgia.orthodoxy.ru/calendar00.htm], 18 июня 2004.

⁴⁷ См.: [http://www.pravoslavie.ru], 7 мая 2005.

⁴⁸ См.: В Аджарии крещение приняли 50 грузинских мусульман [http://www.newsgeorgia.ru], 27 мая 2006.

⁴⁹ См.: Landru N. In Georgia Religious Minorities Remain in the Shadow [http://www.caucas.com], 8 февраля 2007.

⁵⁰ См.: Массовое крещение в Аджарии [http://www.patriarchia.ru/db/text/468845.html].

⁵¹ Pelkmans M. Op. cit. P. 3.

⁵² Зоидзе О., Бердзенишвили Д. Противостояние между Тбилиси и Батуми, или О проблемах собранности нации и полноте государства // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 2 (8). С. 216.

Общественно-политический дискурс о возможности увеличения турецкого религиозного влияния в Абджарии в частности и Грузии в целом совсем недавно был вновь актуализирован. Отправной точкой явилась просочившаяся в прессу информация о переговорах между Турцией и Грузией по поводу некоторых памятников культурного наследия на территории обеих стран. По данным СМИ, турецкая сторона обязалась восстановить за свой счет две мечети в Джавахети, а также одну мечеть и джаме в Абджарии; перспективы соглашения на этот счет вызвала довольно неоднозначную реакцию в грузинском обществе.

Одной из первых забила тревогу ГПЦ. В письменном обращении Патриарха Грузии от 18 января 2010 года было сказано: «Считаем, что в то время как в Грузии действует 240 джаме и мечетей (140 из них расположены на территории Абджарии), 8 медресе (не считая светских образовательных учреждений), а на территории Турции нет ни одного действующего православного храма, подписание соглашения в нынешнем виде неприемлемо»⁵³.

Обеспокоенность грузинской общественности по поводу заключения подобного рода соглашения в целом обуславливалась боязнью усиления турецкого влияния, в первую очередь в Абджарии. Академик Н. Болквадзе, уроженец Абджарии, заявлял: «Влияние Турции в Абджарии усиливается с каждым днем. Лучшие земельные участки приобрели турки, они же владельцы лучших гостиниц. В Батуми уже появились площадь Азизие и озеро Эрдогана. Появились турецкие компании, которые эксплуатируют рабский труд местного населения. Туркам платят больше 1 000 лари, а грузинам — 120. Абджарское население, в том числе и мусульмане, противятся строительству мечети Азизие»⁵⁴.

Не меньшие опасения высказал и председатель абджарской региональной организации «Консерваторы» Д. Бацикадзе: «Турция — наш декларированный друг, но у этого государства и сегодня есть свои интересы в отношении Грузии, Армении, Азербайджана и Сирии. У бывших империй подобные интересы есть всегда. В случае, если мечеть Азизие все-таки будет построена, турки будут говорить своим будущим поколениям, что это их территория. Они и сейчас так учат своих детей в школах, что это их земли, а русские их отняли и отдали Грузии»⁵⁵.

23 марта 2011 года в Батуми состоялась предупредительная акция протеста, в которой участвовало около 2 000 человек (и православных, и мусульман), причем, вопреки опасениям властей, никаких ксенофобских выпадов и религиозного противостояния не наблюдалось. В резолюции, принятой участниками демарша и адресованной как властям Грузии, так и генеральному консулу Турции в Батуми, было сказано: «Мы, собравшиеся у могил воинов, погибших 90 лет назад за освобождение Батуми, принимаем резолюцию.

1. Переговоры между Грузией и Турцией о памятниках культурного наследия должны стать публичными, с учетом конституционного соглашения с Грузинской Православной Церковью.
2. Считаем недопустимым, чтобы предметом переговоров между двумя секулярными государствами было построение культовых учреждений. Вместе с тем приветствуем попытки двух государств по охране культурного наследия.
3. Считаем недопустимым построение в Батуми дубликата мечети Азизие времен Османской империи»⁵⁶.

⁵³ Девдариани Н. Новый музей оккупации под видом дружбы с Турцией [<http://www.kavkazoved.info/news/2011/04/17/novuj-muzej-okkupacii-pod-vidom-druzby-s-turciej.htm>].

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

Таким образом, переговоры о постройке турецких мечетей на территории Грузии ведутся при явном неодобрении патриархии и части грузинской общественности.

В данном контексте нельзя не упомянуть о произошедшем в Абхазии скандальном случае, вызвавшем широкий резонанс: в ночь на 18 мая 2007 года в Хелвачаурском районе автономной республики была снесена строившаяся на горе Перия церковь. Тогда Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II назвал разрушение церкви «печальным фактом». А председатель управы Хелвачаурского района Б. Шавлидзе заявил, что гора Перия представляет собой «стратегический объект», откуда как на ладони просматривается вся Абхазия. Строительство же церкви на этой вершине осуществлялось незаконно, и она обязательно будет демонтирована.

На события вокруг разрушения храма откликнулся и тогдашний глава мусульман Абхазии Б. Болквадзе. Он заявил, что нет оправдания посягательству на святыню — будь то мечеть, синагога или христианский храм⁵⁷.

Как уже отмечалось, новая светская власть Грузии после «революции роз» нуждалась в поддержке ГПЦ; в настоящее же время она далеко не всегда в одностороннем порядке поддерживает Патриархат и, более того, нередко занимает несколько двойственную позицию.

Однако, согласно широко бытующему мнению, в ряде случаев светская власть как минимум негласно поддерживает активную позицию ГПЦ или осуществляет действия, прямо или косвенно ведущие к укреплению позиций Грузинского патриархата. Например, можно вспомнить случай, когда Зурабу (Кемалю) Цецхладзе, занявшему пост верховного муфтия Абхазии в 2009 году, пришлось уже летом 2010 года уйти с должности в связи с конфликтом между жителями высокогорного поселка Хуло и правительством автономии. Причиной конфликта послужило заявление о конфискации здания мусульманского училища. Как заявил один из местных жителей, власти потребовали лично от верховного муфтия упразднить училище, однако Цецхладзе ответил им категорическим отказом, после чего был вынужден снять с себя полномочия и уйти с должности. В качестве официальной причины этого решения было названо ухудшение состояния здоровья муфтия. Управление муфтиев Абхазии утвердило на место Цецхладзе нового верховного муфтия — Д. Паксадзе⁵⁸, который, быть может, и не был столь популярен, зато, в отличие от своего категоричного предшественника, видимо, более дипломатичен⁵⁹.

Более того, создание в начале мая 2011 года Управления мусульман Грузии (УМГ) также в определенной мере указывает на стремление светских властей упорядочить контроль (хотя официальных заявлений на этот счет не было) над деятельностью различных частей мусульманской общины страны, а не одних лишь мусульман Абхазии.

УМГ официально обозначило своей целью контроль над деятельностью исламских общин и мечетей страны. Показательно, что на выборах 12 июня 2011 года главным муфтием вновь был избран Д. Паксадзе. Главным шейхом стал В. Акафилов, а Главным имамом — Я. Алиев.

Таким образом, позицию светской власти Грузии не всегда можно характеризовать как однозначную. Это, по всей видимости, продиктовано не только сложностью отношений с Патриархатом Грузии и представителями иных конфессий, но и некоторыми вне-

⁵⁷ См.: В Абхазии снесен строящийся православный храм [<http://www.blagovest-info/>], 21 мая 2007.

⁵⁸ См.: Главный муфтий Абхазии ушел с должности [<http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&ts=3&id=35235%3E>] (см. также: <http://religiebi.info/index.php?a=main&pid=17&lang=eng>).

⁵⁹ Более того, Л. Сутидзе в своей статье отмечал, что «администрации муфтията не доверяет значительное количество сел. Крестьяне говорят, что они не избирали муфтия и, следовательно, ему не доверяют» (см.: *Sutidze L. Face towards Mecca, Heart to Homeland* [<http://www.tabula.ge/en/article-2161.html>]).

шними факторами, рассматриваемыми ниже (в основном, применительно к ситуации в Аджарии).

Сопутствующие аспекты

Активная деятельность ГПЦ, поддерживаемая на начальном этапе правительством М. Саакашвили, а также ряд иных факторов, по-видимому, заставили Анкару пересмотреть политические методы, используемые в отношении Аджарии. Существует мнение, что одновременно с негласной поддержкой деятельности разного рода исламских проповедников Турция постепенно наращивает экономическую экспансию в Аджарии и параллельно стремится увеличить геополитическую и геоэкономическую зависимость от себя Грузии в целом. Так, во время встречи с турецкими бизнесменами в феврале 2011 года в Батуми министр иностранных дел А. Давутоглу прямо заявил, что находящиеся в Аджарии представители турецкого бизнеса рассматриваются в качестве авангарда турецкой внешней политики⁶⁰.

И действительно, роль Турции в экономической жизни Аджарии достаточно велика и год от года возрастает, что связано с осуществлением совместных торгово-экономических проектов, инвестициями в туристический бизнес и т.п.

Так, в свое время на основании контракта, заключенного еще 6 сентября 2005 года с правительством Грузии, турецкая компания «TAV & Urban» должна была модернизировать Тбилисский международный аэропорт и построить новое здание аэровокзала. Кроме того, условия договора предусматривали реконструкцию аэропорта в Батуми.

14 марта 2006 года было подписано соглашение о межправительственном использовании Батумского аэропорта; в апреле 2006 года оно было ратифицировано парламентом Грузии. На финансирование реконструкции аэропортов в Тбилиси и Батуми турецкий консорциум обязался направить в общей сложности 95 млн долл. Из них 62 млн долл. планировалось выделить на строительство аэровокзала и модернизацию аэропорта в Тбилиси, а 15 млн долл. — на реконструкцию аэропорта в Батуми. Еще 18 млн долл. должны были пойти на внедрение современных технологий и развитие инфраструктуры аэропортов в течение ближайших 10 лет.

Церемония открытия реконструированного Батумского аэропорта состоялась 26 мая 2007 года. Кроме того, сообщалось, что в ближайшее время аэропорт должен перейти в управление турецкой компании, осуществлявшей его реконструкцию.

8 июня 2006 года турецкая делегация из г. Ризе представила план сотрудничества, предусматривающий строительство в Аджарии чайных фабрик.

Помимо стратегических интересов, Турция преследовала цели чисто коммерческого характера: для турок Аджария изначально представляла интерес с точки зрения развития туристического бизнеса и удачных инвестиций в различные сферы экономики.

Так, исполнительный директор текстильной фабрики ВТМ в Батуми Джемзи Акшарин указал ряд причин коммерческого свойства, по которым турецкие предприниматели вкладывают деньги в Грузию: низкая стоимость рабочей силы, сравнительно дешевая электроэнергия и т.д. Фабрика начала свою работу в сентябре 2007 года.

26 мая 2007 года в Аджарской автономии открылись две швейные фабрики, которые были введены в строй благодаря турецким инвестициям. Одна из фабрик находится в Махинджаури, другая — в Хуло, 90% населения которого составляют мусульмане. По

---

⁶⁰ См.: Kaçar M. Davutoğlu, Gürcistan'ın Acara Özerk Cumhuriyeti'nde Türk işadamları ile bir arayageldi, 11 февраля 2011 [<http://www.dha.com.tr/haberdetay.asp?tarih=29.05.2011&Newsid=141602&Categoryd=5>].

некоторым сообщениям, на фабрике в Махинджаури должно было быть трудоустроено 900 чел., а в Хуло — 300. И таких примеров не так уж мало⁶¹.

Что касается сферы геоэкономики и геополитики, то здесь, по мнению некоторых экспертов, турецкая заинтересованность также имела место. Так, например, как считает, в частности, Н. Оравелашвили, после подписания соглашения о строительстве железной дороги Карс — Ахалкалаки — Тбилиси — Баку (КАТБ), теоретически, роль черноморских портов Грузии — Батуми и Поти может уменьшиться: «Товаропоток направлялся от Баку до Поти и Батуми по железной дороге, пропускная способность которой 18 млн тонн (так! — *В.И.*). Пропускная способность новой ветки — 15 млн тонн. Если из 18 млн тонн 15 будут переадресовываться по новой ветке, то какие грузы доставятся нашим портам? Мы просто нанесем очень сильный удар по собственным объектам»⁶². Таким образом, мы видим, что модернизация Батумского морского порта и его большая роль в качестве одного из коммуникационных звеньев не вписывались в геополитические и геоэкономические интересы Турции.

Со временем стало очевидным, что роль и уровень самостоятельности Грузии в рамках формируемой геополитической оси Турция — Грузия — Азербайджан могут существенно снизиться, поскольку сузится пространство для геополитического маневра, каким бы странным это ни показалось, на фоне запуска трубопроводов БТД и БТЭ, разговоров о «грузинском маршруте» гипотетической прокладки «Набукко» и строительства КАТБ.

Вакуум, образовавшийся после замораживания отношений Грузии с Россией (несмотря на сохраняющееся значительное присутствие в Грузии российского капитала) теоретически может быть заполнен и иными «игроками».

Вместо заключения

Как показывает ход событий, политическая составляющая религии не собирается отходить на второй план. Более того, если принять во внимание вопрос о статусе Аджарии, тесно увязываемый с проблемой сохранения там исповедующего ислам населения, то очевидно, что попытки под прикрытием религии политизировать ситуацию могут предприниматься, в зависимости от обстоятельств, всеми заинтересованными акторами. Игра на религиозных чувствах крайне нежелательна и весьма опасна, однако, к сожалению, вполне возможна.

В любом случае, в том, что в Аджарии до сих пор не произошло никакого взрыва на религиозной почве, большая заслуга не каких-либо политических сил, а самих рядовых аджарцев, многие из которых являются потомками как христиан, так и мусульман.

---

⁶¹ Более подробно о турецко-грузинском экономическом взаимодействии, см. нашу статью: *Иванов В.* Некоторые аспекты турецко-грузинского экономического взаимодействия: экономика, детерминированная политикой. В кн.: Турция: энергетика и международные экономические связи. Аналитические записки ИПИ. Вып. 2. Ереван, 2008. С. 134—148 (см. также: *Егуазарян А.* Грузия: структурные проблемы экономики и турецкая экономическая экспансия (1994—2007). Ереван — Москва, 2007).

⁶² Цит. по: *Барамидзе И.* Кавказские риски. Проект магистрали, которая должна связать Азербайджан с Турцией, таит в себе немало опасностей // Новые известия, 8 февраля 2007 [<http://www.newizv.ru/world/2007-02-08/62906-kavkazskie-riski.html>] (см. также: [http://www.parliament.ge/print.php?gg=1&sec_id=386&info_id=14749%E2%8C%A9_id=GEO]).

ИСТОРИЯ И СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Вахит АКАЕВ

*доктор философских наук,
главный научный сотрудник КНИИ РАН
(Грозный, Чеченская Республика, Россия)*

Введение

Специфика исламского возрождения в современной Чеченской Республике (ЧР) связана с активизацией мусульман и распространением нетрадиционных религиозных течений, а также с рядом политических и культурных факторов, влиявших на формирование социокультурного облика чеченского общества в ходе исторического развития.

Современная весьма сложная религиозно-политическая ситуация в ЧР определяется исламскими традициями, социокультурными условиями функционирования этноса, а также противоречивым воздействием новых религиозных течений. Следует отметить, что исламские течения, явно обозначившиеся накануне распада СССР, придали динамизм духовной и религиозно-политической ситуации не только в республике, но и России в целом.

Религиозное возрождение в Чечне в досоветский период было сопряжено с ростом интереса к ценностям ислама и стремлением мусульман улучшить условия публичного отправления религиозных обрядов. Для удовлетворения потребностей в религиозных знаниях необходимо было строить мечети, создавать исламские учебные заведения, печатать соответствующую литературу и периодические издания. Накануне распада СССР исламскому возрождению в Чечено-Ингушской ССР (ЧИАССР)

не чинилось никаких препятствий, тем более что участники этого процесса не проявляли заметной политической активности, не требовали реализовать положения религиозного фундаментализма и заменить коммунистические лозунги положениями шариата.

Негативные стороны исламского возрождения проявились несколько позже, когда возникли исламские партии и движения, выдвигавшие лозунги интегризма, отказывавшиеся признавать публичную власть, призывавшие к созданию теократического государства и полной исламизации светского общества. Носители этих идей, придерживавшиеся ваххабизма (ваххабиты), активизировались после распада СССР: они создавали организационные структуры, печатные органы, лоббировали свои интересы во властных структурах и имели доступ к телевидению.

Важнейшей своей задачей ваххабиты считали достижение духовного и политического доминирования в обществе; попытки добиться этого усиливали религиозные противоречия внутри мусульманского общества, а также порождали конфликт между светскими и религиозными ценностями.

С наибольшей остротой и в весьма крайних формах эти процессы проявлялись в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. На примере ЧР можно

с опорой на исторические факты проанализировать многие религиозно-политические и социокультурные феномены, связанные с исламским возрождением.

Синкретичность образа жизни и мировоззрения чеченцев

Важнейшими сущностными характеристиками бытия любого этноса являются его образ жизни и система мировоззрения. Мусульманская община современной ЧР — это пестрое, мозаичное религиозно-социальное явление, а совокупность разнородных идей и положений, составляющих ее мировоззренческую базу, представляет собой весьма синкретическую систему.

В мусульманском сообществе Чечни имеются различные группы; часть их жестко придерживается обязательных религиозных ритуалов (к ним относятся как традиционалисты, так и представители так называемого «салафизма», или «ваххабизма»), но есть и такие, члены которых считают себя верующими, но нестрого соблюдают религиозные ритуалы или даже игнорируют их.

Современное состояние религиозности в ЧР фиксируют данные социологического опроса, проведенного в мае — июне 2003 года Северо-Осетинским центром социальных исследований ИСПИ РАН при непосредственном участии автора настоящей публикации. В опросе использовалась стратификационная районированная модель выборки, объем которой (800 респондентов) был вполне достаточным¹ для того, чтобы отразить весь спектр умонастроений различных слоев населения.

Как показали результаты опроса, 97,8% респондентов относят себя к чеченцам, 96% из них признают себя последователями ислама, 32,4% считают себя очень религиозными, 56,1% — довольно религиозными, 7,8% — не очень религиозными, а 3,7% затруднились ответить. Таким образом, более 1/3 респондентов считают себя очень религиозными.

На вопрос, считают ли они, что чеченский народ должен жить по законам шариата, 26,2% респондентов ответили утвердительно, 34,8% — отрицательно, а 39% не смогли дать однозначного ответа. Подобное отношение к шариату во многом является результатом его дискредитации в дудаевско-масхадовский период, когда был накоплен негативный опыт отправления мусульманских обрядов, подвергшийся острой критике и осуждению. Именно тогда сложилась народная поговорка: «Шариат — низам, а доллары и нефть — верхам».

Мусульмане Чечни относятся к суннитскому направлению в исламе, представленному шафиитским и ханафитским мазхабами. Шафиитский мазхаб широко распространен среди мусульман Дагестана, Чечни и Ингушетии; последователи ханафитского мазхаба имеются среди кумыков, ногайцев, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, адыгейцев и черкесов.

Ислам в ЧР и, шире, на всем Северном Кавказе (СК) называют традиционным, а со времен СССР именуют «народным»; западные же исламоведы (в частности, А. Беннигсен) ввели в научный оборот термин «параллельный ислам». Однако этот термин не прижился в российском исламоведении.

¹ См.: Дзуцев Х.В. Чечня в социокультурном пространстве Российской Федерации: этносоциологический анализ. Программа исследования и результаты социологического опроса населения ЧР, проведенного в мае — июне 2003 года. М.: ИСПИ РАН, 2007. С. 4.

В различных исследованиях нередко высказывается мысль, что с конца XVIII века в ЧР существовал ислам в форме мюридизма, связанного с деятельностью шейха Мансура; однако данную позицию нельзя признать научно корректной.

Мюридизм — более позднее религиозное явление; в конце 1820-х годов он появился в Дагестане и был связан с движением Газимухаммада и Шамиля. Под мюридизмом следует понимать религиозно-политическое движение кавказских горцев, начавших борьбу против завоевательной политики царизма под знаменем газавата; в конце Кавказской войны эта борьба затухла, а движение лишилось своего фанатизма и воинственности. Однако в последующем дагестанские и чеченские горцы еще не раз объявляли священную войну силам, ограничивавшим их свободу и независимость.

В 1880—1890-х годах в Чечне возникают мюридские группы (вирдовые братства); многие существуют до сих пор, занимая соответствующую нишу в религиозной жизни республики.

Религиозная культура суфийских братств сохраняется в Чечне вопреки происходившим в течение полутора веков социальным, политическим и культурным трансформациям. Братства удивительным образом адаптируются к самым разнообразным социально-экономическим преобразованиям, а их ритуальная практика и духовное понимание жизни сохранились и в постсоветское время. Несмотря на то что чеченцы, как и другие народы национальных автономий в составе СССР, подверглись социалистической модернизации, в советское время в Чечне сохранялись высокая религиозность и приверженность традиционным ценностям.

В XIX веке в Чечне и Ингушетии широко распространились пришедшие из Дагестана суфийские тарикаты накшбандийа и кадирийа, которые дали здесь ответвления в виде вирдовых братств. В своей религиозной деятельности эти братства опираются на базовые ценности ислама, но между ними существуют некоторые различия идеологического и ритуального характера, сложившиеся в ходе исторического развития мусульманской культуры в различных регионах.

В современном Дагестане существует и успешно действует тарикат шазилийа, появившийся в начале XX века благодаря деятельности Сайфулла-Кади Башларова (1853—1919). Позиции этого тариката в религиозно-политической и духовно-культурной жизни дагестанцев достаточно прочны, что связано с деятельностью ныне здравствующего шейха трех тарикатов (накшбандийа, кадирийа и шазилийа) Саида-афанди Черкейского. Так, К.М. Ханбабаев пишет: «У Саида-афанди более 10 000 активных мюридов, которые проживают в Буйнакском, Кизилюртовском, Хасавюртовском, Шамильском, Гергебильском, Гумбетовском, Казбековском и Левашинском районах, а также городах Махачкала, Буйнакск, Кизилюрт, Хасавюрт, Кизляр, Дербент и Москва. Считается, что под его влиянием находится Духовное управление мусульман Дагестана, среди руководящего состава которого имеются его мюриды»².

В совместных радениях, или зикрах (многократное произнесение молитвенной формулы, содержащей имя Аллаха) шейх С. Черкейский наряду с шазилийцами собирает также накшбандийцев и кадирийцев. По его мнению, принципиальной разницы между этими тарикатами нет, ибо все они — пути ведущие верующего к Богу.

Тарикат накшбандийа, важнейшими составляющими которого являются аскетизм и мистицизм, начал распространяться в Дагестане с XV века; позже его последователи стали участниками различных антифеодальных и антиколониальных выступлений. В 1820-х годах он приобретает явно выраженный религиозно-политический характер, что было

---

² Ханбабаев К.М. Суфийские шейхи и их последователи в современном Дагестане. В кн.: Дагестан и мусульманский Восток. М.: Изд. дом Марджани, 2010. С. 167.

связано с усилением завоевательной политики царской России и «соглашательской» деятельностью поддерживающих ее местных ханов и князей.

Появление в Чечне тариката кадирийя связано с деятельностью чеченского суфия Кунта-хаджи Кишиева. В конце 1850-х годов, когда Кавказская война уже подходила к завершению, суфий Кунта-хаджи, желая предотвратить дальнейшие жертвы и разрушения, неоднократно выступал с призывами к чеченцам прекратить сопротивление русской армии; его деятельность была объективно направлена против объявленного Шамилем газавата — «священной войны» с царизмом до победного конца.

Шамиль преследовал Кунта-хаджи за антивоенные проповеди и исполняемый им и его мюридами (учениками) громкий зикр (ритуально отличающийся от тихого зикра, исполняемого мюридами накшбандийя). Тем не менее учение кадирийя получило широкое распространение среди горцев, которые, устав от войны, стали очень восприимчивы к новой идеологии. Несмотря на мирный характер деятельности Кунта-хаджи, царская военная администрация подвергла его аресту и вечной ссылке в г. Устюжино Новгородской губернии. Это обстоятельство послужило поводом для восстания сторонников Кунта-хаджи 18 января 1864 года; историки назвали его «кинжальный бой зикристов»³. Восстание было жестоко подавлено царскими войсками; многие его участники были арестованы и отправлены в ссылку. Зикристы (последователи Кунта-хаджи) подвергались преследованиям на всем протяжении существования царской власти, и потому их деятельность в значительной мере имела скрытый характер.

Тарикаты накшбандийя и кадирийя, распространившиеся среди чеченцев, делятся на более мелкие религиозные группы — вирдовые братства. Из-за отсутствия единого духовного руководства они по-разному интерпретируют учение зачинателей местных тарикатов.

Хотя представители всех суфийских братств в Чечне придерживаются основных положений ортодоксального ислама, их религиозные практики часто разнятся ритуалами, связанными с культом святых. Они почитают местных зачинателей тарикатов или вирдовых братств и посещают их зияраты (места захоронения); эти паломничества особенно активизируются в священный месяц Рамадан.

Среди современных последователей вирдовых братств бытуют различные предания о чудесах, якобы совершенных их основателями (подобные мифы формируют специфическое религиозное миропонимание); исламские нетрадиционалисты считают их заблуждениями, из-за чего подвергают суфийские традиции критике.

В годы советской власти было составлено краткое описание 32 вирдов накшбандийского и кадирийского тарикатов, содержащее некоторые сведения об их отличительных особенностях и взаимоотношениях друг с другом. Однако это исследование, в ходе которого удалось накопить немало ценных этнографических, религиозоведческих и культурологических материалов, было прервано политическими и военными событиями в Чечне. В результате прошлое и настоящее вирдовых братств в Чечне, механизм их взаимосвязи, отличительные особенности, а также степень воздействия на чеченское общество так и остались не изученными до конца.

Однако в настоящее время исследование суфизма заметно оживилось, что связано с более активным участием вирдовых братств и их лидеров в духовно-культурной и политической жизни современной ЧР. Именно поэтому 6 июля 2008 года муфтият ЧР организовал и провел международную исламскую конференция на тему «Суфизм и его роль в развитии исламского общества» в г. Гудермесе.

---

³ Подробно это восстание зикристов описано в нашей работе «Шейх Кунта-хаджи: жизнь и учение» (Грозный, 1994), а также в книге «Народные восстания в Чечне в 60—70-х гг. XIX века» (М., 1999) доктора исторических наук, профессора С.-А.А. Исаева.

В итоговом документе конференции констатировалось, что «суфизм сыграл значительную роль в распространении ислама в различных регионах мира, укреплении единства мусульман, сохранении духовно-моральных, гуманистических ценностей и этнокультурного многообразия. Идеалы суфизма напрямую связаны с признанием единобожия, познанием многочисленных атрибутов Всевышнего, духовным совершенствованием, утверждением добра и любви, преодолением греховных поступков, осуждением социальной несправедливости и насилия»⁴.

Участники форума призывали верующих глубже изучать богатое духовно-культурное наследие суфизма (для этого предлагалось создать Всемирный центр по изучению суфийской культуры), поддерживать регулярный диалог мусульман и немусульман на основе гуманистических идей и др.

Чеченские и ингушские вирды имеют своего основателя, которого последователи именуют шейхом (уастазом или авлийа). В отличие от Дагестана в Чечне в настоящее время нет ни одного действующего шейха, что связано с жестокими репрессиями в отношении духовенства в царские и советские времена.

Вирды всегда играли заметную роль в религиозной жизни верующих (и несколько меньшую — в политической жизни народа); представители некоторых из них в прошлом возглавляли различные народные движения. К таковым следует отнести движение зикристов (начало 1860-х гг.), движение Алибека-хаджи (1877—1878 гг.), антисоветские восстания Н. Гоцинского и Сайд-бека Шамиля в Дагестане и Чечне (начало 1920-х гг.) и восстание беноевцев (1930-е гг.). Чаще всего они были направлены против экономического и духовного угнетения со стороны властей.

На заре советской власти накшбандийский шейх Узун-хаджи предпринял попытку реанимировать имамат Шамиля; с этой целью он основал Северо-Кавказский эмират с центром в чеченском селении Ведено. Как утверждается в некоторых исследованиях, создание этого теократического образования было осуществлено по совету турецких эмиссаров, якобы передавших шейху султанский фирман, в котором тот объявлялся «главой духовной и светской власти Северного Кавказа».

В одном из своих воззваний Узун-хаджи заявлял: «Я, как духовное лицо и как глубоко верующий мусульманин, считаю своим долгом неустанно призывать народ лишь на путь, указанный нашим мусульманским учением — шариатом. Я против всех, кто мешает осуществлению требований шариата, и верю, что таковыми могут быть только сторонники старого режима и оставшиеся от разрушенного царизма его приспешники»⁵.

Узун-хаджи известен тем, что объявил газават оккупировавшей Ингушетию и Чечню Добровольческой армии А. Деникина; для борьбы с «белым генералом» он организовал народно-освободительную армию и сформировал правительство, а также создал военный штаб, в который вошли представители различных антиденикинских общественно-политических сил и воюющих групп. В тот период большевики считали Узун-хаджи своим союзником; совместными усилиями Красной Армии и мюридов шейха Чечня была освобождена от деникинцев.

После окончания Гражданской войны и неожиданной смерти Узун-хаджи 30 марта 1920 года созданный им эфемерный эмират распался. Последователи и мюриды Узун-хаджи, объявленные властями контрреволюционерами, ушли в подполье⁶. Однако идея создания исламского государственного образования, основанного на шариате, в созна-

⁴ Исламан зӀаьнарш (Зори ислама), 10 июля 2008.

⁵ Горская республика, 1 марта 1918.

⁶ См.: Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917—1991 гг.). Махачкала, 2009. С. 29.

нии части верующих продолжала сохраняться. Последователи вирда Узун-хаджи сегодня имеются в Веденском и Шатойском районах ЧР.

С 1923 года в Чечне развернулась борьба с религиозными авторитетами, выступавшими против продналога, который разорял чеченское крестьянство и обрекал людей на голод. Одним из первых против политики НЭПа выступил А. Митаев, сын шейха Бамат-Гирея-хаджи, репрессированного царской властью; он был откровенным сторонником установления в Чечне шариатского правления и не скрывал своих взглядов. По рекомендации большевиков он был включен в состав ревкома Чеченской автономной области, но в 1924 году по обвинению в подготовке антисоветского восстания был арестован и расстрелян ОГПУ. На самом деле он не пытался поднимать вооруженное восстание против советской власти, хотя и высказывался против жестких методов управления и хозяйствования, в частности против продналога, справедливо считая, что чеченское крестьянство не в силах его выплачивать.

Более детально эти вопросы освещаются в книге М.Д. Заурбекова, главного редактора газеты «Исламан зӀаьнарш» (Зори ислама), издаваемой в г. Грозном⁷. В своей работе автор отмечает, что в 28 июля 2004 года прокурор Ростовской области государственный советник юстиции 2-го класса А.И. Харьковский вынес «Заключение о реабилитации Митаевых А.Б. и У.Б. по уголовному делу, архивный № 29370/5908/»⁸. Таким образом, А. Митаев и его брат Умар, расстрелянные по сфабрикованным чекистами обвинениям, получили политическую реабилитацию только спустя 12 лет после развала советской власти.

В конце 1920-х годов в подвалах ОГПУ г. Грозного было расстреляно более 300 представителей традиционного чеченского духовенства, обвиненных в контрреволюционной деятельности и сектантстве. В сентябре того же года вспыхнуло восстание горцев. По мнению А. Авторханова, в Чечено-Ингушетии в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года по спискам, ранее составленным НКВД, по всем аулам и районам была проведена так называемая «генеральная операция по изъятию антисоветских элементов». В ходе этой операции было арестовано до 14 тыс. человек — около 3% от общего числа населения республики⁹; преобладающую их часть составляли верующие. На всех был подписан один прокурорский ордер на арест, на всех был один заочный суд: «чрезвычайная тройка» Чечено-Ингушского НКВД в составе первого секретаря областного комитета Егорова, шефа НКВД Дементьева и «спецпрокурора НКВД ЧИАССР Порубаева»¹⁰. Часть арестованных «чрезвычайная тройка» НКВД приговорила к расстрелу, остальные были отправлены в концлагеря.

В конце 1980-х годов в Чечено-Ингушетии начался новый этап реабилитации жертв сталинско-бериевских репрессий. В архивах КГБ ЧИАССР хранились тысячи карточек (форма № 1), содержащих сведения о лицах, репрессированных в 1937 году.

Так, тройкой НКВД ЧИАССР в 1937 году к высшей мере наказания был приговорен Л. Беймурзаев (1903 г. рождения, из с. Мудар-Юрт Надтеречного района), признанный кулаком и обвиненный в проведении среди односельчан антисоветской агитации. Приговор был приведен в исполнение 24 сентября 1937 года, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года Л. Беймурзаев был реабилитирован.

29 июля 1937 года за антисоветскую агитацию среди односельчан был арестован З. Беймурзаев (1875 г. рождения, житель с. Гордали Саясановского района); 14 сентября

⁷ См.: Заурбеков М.Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик... М., 2005.

⁸ Там же. С. 159.

⁹ См.: Уралов А. (А. Авторханов). Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991. С. 46—47.

¹⁰ Там же. С. 47.

был осужден тройкой НКВД, 25 сентября 1937 года расстрелян, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года реабилитирован.

За антисоветскую агитацию к высшей мере наказания был приговорен С.Б. Бейсагуров (1861 г. рождения, ингуш, житель х. Хули Галашкинского района). В его карточке было написано, что он мулла, тамада секты Кунта-хаджи, в 1930 году участвовал в антисоветском восстании и вел агитацию, маскируясь религиозной догматикой. Тем же Указом от 16 января 1989 года он был реабилитирован.

В 1989 году был также реабилитирован и мулла М. Беймурзаев из Мудар-Юрта, расстрелянный за то, что проводил среди односельчан антисоветскую агитацию.

13 января 1938 года был арестован А. Бацалгов (1900 г. рождения, из с. Тазбичи Итумкалинского района ЧИАССР), признанный буржуазным националистом. Тройкой НКВД ЧИАССР он был осужден 13 февраля 1938 года, 5 марта того же года расстрелян, а впоследствии реабилитирован (Указом от 16 января 1989 г.).

Подобные данные на арестованных, осужденных на различные сроки и реабилитированных людей содержатся и в других многочисленных карточках из архивов КГБ ЧИАССР.

Все эти факты репрессий в отношении населения ЧИАССР являются прямым подтверждением преступной деятельности «чрезвычайной тройки» НКВД, описанной А. Авторхановым.

23 февраля 1944 года чеченцы и ингуши подверглись тотальной депортации в Казахстан и Среднюю Азию; в изгнании они сохраняли свои культурные традиции и религиозные верования. Что касается конкретно чеченцев, то им удалось сохранить свои обычаи и духовные ценности благодаря деятельности вирдовых братств. Вернувшись на родину, они стали приводить в порядок запущенные кладбища, реконструировать зияраты шейхов и устазов. Следует отметить, что принадлежность к вирдовым братствам и к исламу в целом заметно «маркирует» этническую идентичность чеченцев.

Отношение советской власти к вирдовым братствам было крайне негативным, так как она усматривала в их деятельности скрытое религиозно-политическое оппозиционное противостояние. Партийные органы ЧИАССР считали одной из своих наиболее важных идеологических задач борьбу с «пережитками прошлого», связанными с национальными обычаями и традициями, а также деятельностью религиозных сектантов.

В разгар горбачевской перестройки в печатном органе Чечено-Ингушского обкома КПСС отмечалось, что «в селе Первомайском последователи секты Кунта-хаджи, нарушая закон о религиозных культурах, собрались в доме односельчанина З. Гунаева. Они совершали на этом сборище не только религиозные обряды, но и осуждали деятельность сельского совета по вопросам землепользования и изъятия у некоторых жителей села незаконных излишков земли»¹¹.

Антирелигиозная ситуация, существовавшая в Чечено-Ингушетии, наиболее полно обрисована в высказывании Х.Х. Бокова: «Религиозные предрассудки являются сейчас самым сильным тормозом в духовном развитии значительной части населения Чечено-Ингушетии. Особую трудность тут представляет мюридизм мусульманских сект. Идеологи сектантских формирований не только стремятся регламентировать быт, нравы, но и пробивают себе путь к общественным сферам деятельности верующих и их близких родственников, стремятся привести их в антагонизм с советской школой, клубом, библиотекой, с коммунистической моралью и советским законодательством»¹².

Однако по некоей иронии судьбы тормозом духовного развития населения бывшей Чечено-Ингушетии стал отнюдь не «мюридизм мусульманских сект»; он не вторгался в

¹¹ Грозненский рабочий, 15 сентября 1987.

¹² Боков Х.Х. Интернационализм на деле. М.: Сов. Россия, 1984. С. 193.

общественные сферы деятельности и не вступал в антагонизм со школой, культурой, моралью и законодательством (даже советскими). Все это оказалось справедливо по отношению к нетрадиционным для региона исламским течениям (салафизм и «ваххабизм»), которые через 12 лет после высказывания Х.Х. Бокова усмотрели в том же «сектантском мюридизме» смертельную опасность для своего утверждения.

Соотношение традиций и новаций

В период горбачевской перестройки и гласности в ЧИАССР постепенно начался процесс реисламизации: повсеместно возникали религиозные учебные заведения и центры, заметно оживилась деятельность духовенства, стала появляться ранее неизвестная и недоступная религиозная литература.

В 1989—1990-х годах на митингах в Грозном звучали речи, сводившиеся к тому, что Коран является «Конституцией мусульман» и иного закона для них быть не может. Возникали новые религиозные партии и движения, в которые вливались люди разных мировоззренческих и политических ориентаций, не исключая бывших коммунистов.

Активность многих людей, в том числе и верующих, была обусловлена желанием социальных, политических и культурных перемен в условиях утвердившихся коммунистических традиций. В Дагестане, Чечне и других регионах страны возникли филиалы исламской партии возрождения (ИПВ), образовавшейся в 1990 году в Астрахани. По сведениям некоторых исследователей, традиционное духовенство Дагестана нарекло членов ИПВ «ваххабитами».

После совершенной в 1991 году «революции» в органах власти ЧИАССР постепенно начали утверждаться носители исламских «новаций» и представители религиозного радикализма, авторитет которых значительно усилился из-за их участия в первой войне в Чечне. Под их влиянием создавались шариатские суды, происходил активный процесс исламизации социальной и культурной жизни.

Со временем идеология и практика представителей так называемого «северокавказского ваххабизма» начала приобретать антитрадиционный характер: его последователи стали подвергать целенаправленной критике суфийские традиции народов Дагестана, Чечни и Ингушетии. Религиозную деятельность вирдовых братств они оценивали как антиисламскую, что порождало внутррелигиозные конфликты, часто перераставшие в кровопролитные столкновения.

В начале 1992 года Д. Дудаев и З. Яндарбиев принялись за ликвидацию оппозиционного им муфтията, возглавлявшегося М.-Б. Арсанукаевым, известным алимом, последователем накшбандийского вирда Абдул-Ваххаба Аксайского. Для этих целей был создан исламский центр, руководителем которого был назначен прибывший из Казахстана М.-Х. Алсабеков. Власти собирались заменить муфтият новой религиозной структурой, однако представители официального духовенства созвали съезд мусульман, на котором осудили эти намерения.

Именно при Д. Дудаеве значительная часть представителей традиционного ислама стала вытесняться на периферию духовной и социокультурной реальности Чечни. Механизм дискредитации традиционного духовенства Чеченской Республики Ичкерия был раскрыт в 1992 году в одной из публикаций журналиста М. Вахидовой¹³.

Чтобы лишить влияния традиционное чеченское духовенство, создается «Мехк-Кхел» во главе с одиозной фигурой С. Адизова, безуспешно пытавшегося подчинить

¹³ См.: Вахидова М. Кому мешает муфтият? // Голос Чечено-Ингушетии, 24 апреля 1992.

своей власти муфтият. А так как традиционное духовенство осуждало политику новых властей, последние решили осуществить модернизацию управления мусульман республики.

Под давлением власти муфтий М.-Б. Арсанукаев уходит с занимаемой должности; на его место избирается последователь тариката кадирийа М. Гаркаев, однако накануне первой войны в Чечне он также покидает пост, выразив недовольство политикой Д. Дудаева. Новый, продудаевский муфтий М.-Х. Алсабеков оказался более покладистым: если его предшественники были против объявления газавата России, то он согласился на это без труда. Впоследствии, оказавшись в расположении российских войск, Алсабеков отказался от своей позиции, утверждая, что действовал под давлением.

Некоторые вирдовые братства также непосредственно участвовали в политических событиях 1990-х годов. Часть из них поддержала главу сепаратистов Д. Дудаева; другие, которые находились в прямой оппозиции к его окружению, преследовались (например, последователи вирда Д. Арсанова, пользовавшегося значительным влиянием среди верующих Надтеречного района ЧР, а также среди ингушей).

Традиционное чеченское духовенство, состоявшее в основном из последователей накшбандийа, не поддержало дудаевско-алсабековский газават, объявленный против российских войск осенью 1994 года.

Практически все вирдовые братства находились в состоянии конфронтации с ваххабитами, а некоторые из них (например, братства Ташу-хаджи и Кунта-хаджи) 14 июня 1998 года в Гудермесе вступили с ними в вооруженное противостояние, отказываясь принять их религиозно-политические идеи и соответствующую практику¹⁴.

Сегодня, в результате ограничения деятельности религиозных нетрадиционалистов и их новаций, в чеченском обществе значительно усилились позиции традиционного ислама, последователей суфизма и наиболее влиятельного кунтахаджинского вирда. Уважаемые в народе потомки чеченских устазов и шейхов активно участвуют в разрешении конфликтов между верующими, стремятся примирить «кровников», оказывают поддержку тому или иному политическому деятелю.

Несмотря на сегментацию суфизма на вирдовые братства и заметные различия между ними, ислам в Чечне все-таки един. Мусульмане Чечни — это сунниты, придерживающиеся шафиитского мазхаба (богословско-правовой школы, основанной мусульманским теологом Мухаммадом аш-Шафии). В силу своей упрощенности этот мазхаб получил широкое распространение во многих мусульманских странах; проник он также в Дагестан, Чечню и Ингушетию. Это обстоятельство позволяет объяснить неприятие ваххабизма, отрицающего суфийские традиции, большинством мусульман Чечни и Ингушетии.

Чеченские тейп и вирд как несовместимые социальные явления

Для многих чеченцев принадлежность к тейпам (родам) — это многовековая историческая традиция социального устройства их общества, формирующая этническую психологию и понимание механизмов регулирования внутринациональных и межнациональ-

¹⁴ См.: *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. С. 159.

ных отношений. Однако в ходе исторического развития на мировидение и этнополитические представления чеченцев влияли внешние факторы, менявшие их мировоззрение и образ жизни.

Вирдовые братства возникли значительно позже тейпов. Их существование стало сакральной традицией и духовным аспектом бытия чеченцев. Духовно-культурные традиции чеченцев остаются преимущественно гомогенными, хотя разнообразие тейпов и вирдов часто порождает противоречивые ситуации, при которых нарушается внутррелигиозное единство. Наличие архаических социальных и религиозных институтов можно было бы рассматривать как свидетельство социокультурной гетерогенности и аморфности чеченского общества, но в целом это не так. В истории чеченского этноса известно немало фактов, когда он мобилизовывался и сплачивался перед лицом внешних угроз, защищая себя и свои религиозные интересы.

В отдельных исследованиях встречаются утверждения о непосредственной связи между тейпами и вирдами; со строго научной точки зрения подобные суждения нельзя признать верными. Арабское слово «тайфа» интерпретируется как некая совокупность; в том числе и люди, проживающие на определенной территории, но не обязательно связанные кровнородственными узами, на которых, как известно, основывается род. Тейп — это не родовая и не племенная этноструктура, а объединение людей (состоящее из представителей разных родов, народов или даже рас), проживающих на одной и той же территории и вступающих в социокультурные связи.

Некоторые исследователи царского периода, не слишком вникая в сущность понятий «тейп» и «род» и их взаимоотношения, поставили между ними знак равенства. Того же мнения придерживался и чеченский этнограф дореволюционного периода У. Лаудаев, для которого тейп — это «одна фамилия, род, или одно племя»¹⁵.

Подобное небрежное отношение к терминам характерно и для советских этнографических исследований. В качестве примера можно упомянуть работу М. Мамакаева¹⁶. Однако следует отметить, что У. Лаудаев высказал не получившую дальнейшего развития мысль, что чеченцы о других народах говорят: «Гирий тайпа, донской тайпа, то есть осетинской фамилии, донской фамилии и др.»¹⁷; таким образом, он дает термину «тейп» расширительное толкование.

Осетинский этнос (хИирий) или донцев (т.е. целый народ или часть какого-либо народа) он называет «тейпом», но не «родом». Членов рода он называет «вежарий» («братья»), а их отношения — «вошалла» («братство»)¹⁸.

Только с середины 1990-х годов в Чечне появляются работы, пересматривающие значение терминов «род» и «тейп». Так, Я. Чеснов пытался определить природу социальной организации чеченцев через соотношение тейпов и тукхумов, признавая, что эти термины заимствованы из арабского языка. С нашей же точки зрения, их искусственный перенос на социальную структуру чеченского общества привел к путанице, которая продолжается до сих пор. Кроме того, Я. Чеснов, понимая, что чеченские «род» и «тейп» — понятия не идентичные, пытается выявить различие между ними. Однако сделать этого ему не удалось: он пишет, что «в литературе тайпы часто именуется «родами»¹⁹. «Тайп»

¹⁵ Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск VI. Тифлис, 1782. С. 15.

¹⁶ См.: Мамакаев М. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973.

¹⁷ Лаудаев У. Указ. соч. С. 15.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общество и государства. М.: Полиформ-Талбури, 1999. С. 69—70.

(тейп) он интерпретирует как «соседскую общину, состоящую из земледельцев-собственников»²⁰.

С.А. Натаевым недавно было выполнено пионерское исследование, посвященное анализу сущности, структуры и социальной динамики чеченского тейпа²¹. Оно вызвало неоднозначное отношение со стороны его коллег, чья деятельность связана с советским периодом развития этнографической науки. С. Натаев совершенно справедливо ставит вопрос о необходимости четко разграничивать род и тейп. Однако его концепция, согласно которой тейп представляет собой братство, вызвала критику известных российских ученых-этнографов.

Согласно принципу религиозно-политической организации вирдовых братств, их членами, как правило, являются представители совершенно разных тейпов. Вирдов значительно меньше, чем тейпов; уже поэтому их отождествление нельзя признать корректным.

По мнению М. Мамакаева, в чеченском обществе насчитывается 135 тейпов²²; эта цифра более чем в 4 раза превосходит количество вирдовых братств. По некоторым экспертным оценкам, вирды охватывают примерно 80% всех верующих Чечни: из них 60% принадлежат к кадирийским вирдам (наиболее многочисленными считаются последователи вирда Кунта-хаджи), а 20% являются последователями различных вирдов накшбандийа. Вне вирдовых братств находится 15% числа всех верующих, а 5% населения составляют индифферентные к религии лица.

Роль вирдов в социальной и политической мобилизации чеченцев достаточно ощутима. Причем потомки шейхов и некоторые вирдовые авторитеты нередко имеют большее влияние на чеченское общество, чем руководители «престижных» тейпов; часто те или иные политические деятели в ходе политических кампаний или во время выборов разных уровней вынуждены обращаться к ним с просьбой мобилизовать свою «паству» для поддержки. Кроме того, вирдовые авторитеты играют ключевую роль в примирении враждующих сторон, особенно «кровников».

Социокультурные традиции содержат в себе немало общечеловеческих ценностей, однако они не лишены и некоторого консерватизма. В современном чеченском обществе религиозные традиции сыграли значительную роль в противодействии экстремистским проявлениям. Тем не менее в народном исламе этнический компонент преобладает над религиозным.

Перед верующими часто встает дилемма: кем быть — мусульманином или представителем конкретного этноса? Этот вопрос наиболее часто возникал в ходе противостояния между сторонниками северокавказского ваххабизма и представителями традиционного ислама.

Ваххабиты считали, что религиозная принадлежность, особенно к джамаатским группам, ставившим цель создания Халифата, превышает родственных и этнических связей. Представители же традиционного ислама, напротив, отдают предпочтение этничес-

²⁰ Чеснов Я. Указ. соч.

²¹ См.: Натаев С.А. Чеченский тайп: сущность, структура и социальная динамика. Автореферат диссертации... канд. историч. наук. Махачкала, 2010.

²² См.: Мамакаев М. Указ. соч. В своей кандидатской диссертации С.А. Натаев установил наличие в чеченском обществе 282 тейпов, которые он делит по сословно-профессиональному и национальному признаку, что было связано с принятием чеченцами в свой состав представителей других народов. Отсюда и наличие в чеченском обществе около 20 инонациональных тейпов, таких как: абзой (абзины), глазгумки (лакцы), глезалой (татары), гуьржи (грузины), жуьгти (евреи), галгалзки (казаки) и др. По его мнению, чеченское общество не было закрытой социальной системой, как считают некоторые исследователи, оно было открыто и всегда интегрировало в свой состав людей нечеченского происхождения.

кой составляющей, видя в идеологии и практике радикалов угрозу духовно-культурным традициям.

Выступая против идеологии и практики нетрадиционного для Чечни ваххабизма, А.А. Кадыров (занимавший должность муфтия, а затем и президента ЧР) свою позицию по этому вопросу выразил в следующей фразе: «Мы сначала являемся чеченцами, а потом мусульманами». В этом высказывании прослеживается мысль о синкретичности этнической и религиозной идентичности чеченцев.

В самосознании чеченцев доминирует этническая составляющая, что характерно, между прочим, для многих народов СК. Однако этот фактор не учитывался силами, которые пытались навязать чеченскому обществу ценности религиозного радикализма, сформировавшиеся вне цивилизационно-культурного пространства Кавказа.

Некоторые исследователи полагают, что из проблемы традиционности ислама на СК неизбежно вытекает конфликт между исламской молодежью и представителями старшего поколения, являющимися носителями «традиционного ислама». Молодые люди подвергают критике суфизм, полагая, что он по многим вопросам расходится с салафизмом (ислам времен праведных халифов); по их мнению, мусульманская религия должна быть очищена от нововведений и заблуждений. В связи с этим можно предположить, что назревает новый этап исламизации дагестанцев, чеченцев и ингушей, находящихся под влиянием «народного ислама».

Традиционный, или «народный ислам», в ЧР в целом представляет собой симбиозную культуру, опирающуюся на две традиции — этническую и исламскую. Развитие ислама в республике неразрывно связано с местной спецификой, обусловленной распространением суфийской культуры и функционированием института вирдовых братств, придерживающихся, наряду с основными положениями ислама, и нетрадиционных элементов ритуальной практики (например, исполнения тихого или громкого зикра, посещение зияратов), а также с существованием тейпового устройства, что и определяет своеобразие этнической культуры чеченцев.

Вместе с тем идеологическая и политическая деятельность радикально ориентированных мусульман придает религиозно-политической ситуации в Дагестане, Чечне и Ингушетии некий «инновационный» характер. В настоящее время деятельность ваххабитов не носит открытый характер: они изменили тактику, ослабили пропагандистскую деятельность и, кроме того, лишены публичности. Тем не менее их влияние на молодежь сохраняется. Один из наших информантов на вопрос, куда же исчезли ваххабиты, ответил, что в ЧР их полно, и в этом можно убедиться, посетив мечети. Во время молитвы в мечети ваххабиты держатся особняком; узнать их можно и по стилю одежды. Кроме того, как только имам завершает официальную часть молитвы, они немедленно покидают мечеть, в то время как представители вирдовых братств продолжают выполнять дополнительные молитвы, что, по мнению местных нетрадиционалистов (т.е. ваххабитов), является новшеством и заблуждением, не соответствующими «истинному» исламу.

Открытый конфликт между последователями суфизма и ваххабизма, протекавший в течение целого десятилетия (с начала 1990-х гг. до начала 2000-х гг.) в Дагестане, Чечне и Ингушетии, в настоящее время принял скрытую форму. Однако некоторые ваххабитские джамааты, которые осуществляли экстремистскую и террористическую деятельность против светской власти, убивают представителей традиционного духовенства, выступающих против их идеологии и практики.

Снижение уровня религиозно-политического радикализма в регионах СК поможет совершенствованию межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений, а также налаживанию эффективного культурного диалога. Этим процессам могли бы во многом поспособствовать как представители традиционных для России вероисповеданий, так и

местные органы власти, определяющие церковно-конфессиональную политику. Так, сегодня в ЧР завершился процесс реконструкции зияратов и мест захоронения всех известных святых; это стало возможным благодаря материальной и моральной поддержке руководства республики.

Паломничество к святым местам как фактор религиозной идентичности чеченцев

Как известно, хадж в Мекку — это один из столпов ислама, совершение которого является обязанностью мусульман (если они располагают достаточными для этого средствами). Он также является одним из факторов, определяющих религиозную идентичность мусульманина. Ежегодно число чеченцев, совершающих хадж в Мекку, возрастает; это стало возможным благодаря заинтересованной деятельности муфтията и лично Р. Кадырова, оказывающего материальную помощь мусульманам, не имеющим возможности совершить паломничество.

Во многих странах исторически сложилась традиция совершения паломничества не только в Мекку, но и к местам захоронения пророков или святых, что придает особый колорит мусульманской культуре того или иного региона. Широкое распространение культа святых сопровождается совершением различных обрядов и молитв посещающими их гробницы верующими. А.А. Суворова отмечает: «Почитание святого — это почти всегда почитание его гробницы, в которой, наряду с захороненными останками, сохраняются какие-то вещественные свидетельства его земной жизни: одежда, тюрбан, сандалии, посох, оружие, четки, становящиеся реликвиями»²³.

Паломничество к святым местам, посещение гробниц известных пророков, молитвенное обращение к ним и уверенность, что они придут на помощь, — важнейшие компоненты суфийского народного ислама. Эта традиция, свидетельствующая о религиозном синкретизме, сохраняется и на СК, в том числе в ЧР.

Важнейшей особенностью религиозной жизни современной Чечни является массовое паломничество людей на могилы Ташу-хаджи, Баммат-Гирей-хаджи, Дени Арсанова, Докку-шейха, Узун-хаджи и др. Огромное количество людей, особенно молодежи, совершают паломничества на могилу Хеди — матери шейха Кунта-хаджи. Сюда в течение мая — июня днем и ночью идут пешком дети школьного возраста и молодые люди, а взрослые и пожилые добираются на транспорте. По экспертным данным, в 2006 году паломничество совершили более 300 тыс. человек; в их числе были и последователи кадирийа, прибывшие из Иордании. В середине июля текущего года на могилу Хеди совершила паломничество группа сотрудников Министерства ЧР по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Почитание Хеди является основным религиозным культом в Чечне. Согласно преданию, Кунта-хаджи сказал своей матери, что тропа, ведущая к ее могиле, никогда не зарастет; это предсказание подтверждается ежегодным массовым посещением ее верующими, особенно молодежью из отделенных чеченских сел.

Паломничество к зияратам святых играет исключительно важную роль в ритуальной практике мусульман Чечни. Оно является значимым символом вероубеждений чечен-

---

²³ Суворова А.А. Мусульманские святые Южной Азии XI—XV веков. М., 1999. С. 12.

цев, маркирующим их религиозную идентичность. Посещая святые места, верующие обращаются к Всевышнему с молитвами, в которых просят избавления от болезней родных и близких, благополучия семье, детям и др.

Особенности, обуславливающие синкретический характер ислама в современной ЧР, складывались на протяжении многих веков. Они связаны с историей распространения ислама в Чечне и его адаптацией к этнокультурным ценностям народа, а также военно-политическими процессами периода колониальной политики царизма. На «народный ислам» отложили отпечаток и столкновения традиционной культуры чеченцев с радикалистскими и экстремистскими течениями в лице ваххабитов.

Преобладающая часть мусульман Чечни, будучи последователями традиционного ислама, отвергла идеологию и практику ваххабизма, которые им пытались навязать насильственными методами. С середины 1990-х годов до начала 2000-х годов активное противодействие ваххабизму оказывал А.А. Кадыров.

Духовно-нравственное воспитание — важнейший проект социокультурного развития чеченцев

В ЧР реализуется проект духовно-нравственного воспитания и развития молодежи, формирования толерантных отношений, а также развенчания идеологии и практики религиозного радикализма и экстремизма. Идея преобразований была высказана президентом А.А. Кадыровым; она отражает один из главных элементов его духовно-политического кредо.

В осуществлении намеченных задач большую роль играет мобилизация нравственно-гуманистического потенциала ислама и достижений суфийской культуры, сформировавшейся на основе религиозно-философских и нравственно-гуманистических идей, а также практической деятельности шейхов (в том числе и шейха Кунта-хаджи), указывавших своему народу путь к духовному совершенству.

Вместе с тем социокультурные реалии таковы, что сегодня чеченцы находятся в поисках адекватных моделей общественного устройства, своей идентичности, национальной идеи, а также возможностей успешного духовно-культурного развития. Решение этих нелегких задач сопряжено с большими трудностями: предстоит пройти сложный и противоречивый путь, преодолевая многочисленные препятствия, связанные с неприятием новаций массовой культуры и радикалистскими идеями, идущими вразрез с духовными, культурными и социальными традициями чеченцев.

Трагические события, которые пережили чеченцы в XX веке, отразились на образе их жизни и мировидении. Однако проблемы религиозного и нравственно-гуманистического воспитания всегда волновали любое цивилизованное общество; они не потеряли своей актуальности и для ЧР. Уделяя значительное внимание вопросам духовно-культурной «терапии» населения республики, глава администрации ЧР Р. Кадыров и официальное чеченское духовенство способствуют организации различного рода мероприятий с целью преодоления агрессивных, радикалистских и экстремистских проявлений у молодежи; успешно развиваются спорт, культура и образование. Чеченская молодежь тянется к знаниям; многие ее представители поступают в известные университеты России, до 300 студентов из ЧР обучаются в Европе. Это стало возможным благодаря финансовой поддержке Р. Кадырова.

Некоторые чеченские семьи, стремясь привить своим детям дошкольного и школьного возраста исламскую культуру, обучают их чтению Корана. В республике проводятся конкурсы чтецов Корана и знатоков истории ислама и родного края. Почти во всех крупных населенных пунктах ЧР строятся исламские школы; так, в родном селе Р. Кадырова Хоси-Юрт построено медресе хафизов, представляющее собой шедевр архитектурного искусства. Многие исламские учебные заведения построены и функционируют на средства, выделяемые фондом «Ахмад-хаджи Кадырова», а некоторые — на пожертвования состоятельных людей.

В семьях, школах и вузах проводятся круглые столы и лекции, читаются проповеди, раскрывающие гуманистическую и миротворческую роль ислама (часто с привлечением СМИ). Чеченское общество постепенно исламизируется (часто этот процесс искусственно ускоряется); все больше мужчин и женщин придают своему поведению и образу жизни мусульманскую атрибутику. Во все учреждения республики поступило распоряжение Администрации Главы ЧР, требующее от женщин ношения «национального» одеяния. Однако в этом распоряжении наблюдается правовая несоразмерность, поскольку такая форма одежды в республике не разработана и законодательно не утверждена.

Важное место в духовно-культурном воспитании занимает деятельность председателя Совета алимов ЧР Х.-А. Кадырова. На многочисленные вопросы верующих, касающиеся различных аспектов их жизни, он дает основательные ответы, опираясь на Коран и сунну пророка Мухаммада. Он призывает верующих противодействовать злу, насилию, совершать богоугодные дела, быть справедливыми и милосердными, как учил Пророк.

Позитивную роль в реализации проекта духовно-нравственного воспитания молодежи играет поддерживаемая властью организация «Исламский путь», которую возглавляет В. Хашханов. Члены этой организации часто обращаются к молодежи (особенно к девушкам) с призывами носить одежду в соответствии с религиозными нормами. Подобная деятельность нацелена на легитимацию вышеупомянутой организации, часть функций которой пересекается с работой муфтията ЧР.

В Грозном 27 июля 2011 года, накануне месяца Рамадан, Комитет молодежи при правительстве ЧР организовал шествие по улицам города с лозунгами «Нет алкоголизму! Нет курению!»; участники акции за свои деньги приобретали в магазинах спиртное и выливали его на землю. По мнению участников шествия, их протест, осуждающий антиобщественные проявления и социальные девиации, был направлен на формирование здорового образа жизни. Следует отметить, что эта акция получила одобрение достаточно большого количества людей.

Современное чеченское общество еще не избавилось от различных форм девиантного поведения и социальной несправедливости; здесь, как и по всей России, наблюдается высокий уровень коррупции, безработицы и бедности, чрезмерная роскошь чиновников и пр., что нередко вызывает обоснованную критику со стороны приверженцев нетрадиционных для Чечни течений.

Поле деятельности религиозно-радикалистских или «джамаатских» групп, активно действующих в Дагестане и Кабардино-Балкарии, в ЧР ощутимо ограничено, что является важным результатом политической и идеологической деятельности руководства и федеральных структур республики.

З а к л ю ч е н и е

Религиозный ренессанс в современной ЧР проявляется в активизации представителей традиционного ислама, в том числе и власти, которая выступает в качестве основной

силы, придающей этому процессу современную динамику. Глава ЧР Р. Кадыров вносит значительный вклад в реконструкцию зияратов, создание великолепных мечетей и исламских учебных заведений в стиле турецкой архитектуры, в строительство домов, стадионов, парков отдыха для детей и взрослых; на смену разрушительной стратегии, продемонстрированной сепаратистами, пришел созидательный процесс. Одновременно в чеченском обществе происходит минимизация религиозно-экстремистских проявлений, что является одним из показателей социально-политического и религиозно-культурного возрождения чеченского общества.

Современная чеченская молодежь, на которую опирается власть, ориентирована на модернизационные изменения в обществе и сохранение основополагающих ценностей этнической культуры чеченцев; она открыта к восприятию новых социальных и культурных программ, коррелирующихся с национальным менталитетом.

Однако различные слои и профессиональные группы чеченского общества озабочены многими нерешенными проблемами, связанными с социальной несправедливостью, низким уровнем жизни, бедностью, коррупцией и др. Таким образом, власть, уделяющая много внимания духовному и культурному возрождению народа, далеко не всегда удачно решает его насущные социально-экономические проблемы. Именно об этом свидетельствует высокий уровень безработицы, которая, по официальным данным, достигает до 40% от общего числа трудоспособного населения ЧР.

Власть и чеченское общество (во всяком случае, рационально мыслящая его часть) ищут путь для адекватного решения обозначенных проблем. Учитывая специфику исламского возрождения в ЧР, можно предположить, что достигнутые духовно-культурные перемены получат новую динамику при условии улучшения благосостояния людей, в том числе и верующих.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Баходыр ЭРГАШЕВ

*доктор философских наук, профессор,
независимый исследователь
(Ташкент, Узбекистан)*

Введение

Нынешнее положение профессиональных союзов в независимых государствах Центральной Азии и Кавказа (ЦАК) отличается рядом особенностей, связанных с последствиями мирового финансово-экономического кризиса, ростом безработицы, увеличением неформальной занятости, распространением нелегальной трудовой миграции и т.п. В этих условиях профсоюзам необходимо эффективнее участвовать в разрешении социально-трудовых конфликтов, выработать новые формы взаимоотно-

шений работников с работодателями и властями и четко координировать свои усилия.

События 2008—2011 годов в мировом профдвижении (активное участие профсоюзов в революциях в Тунисе и Египте; массовые беспорядки, общенациональная забастовка и акции протеста в Греции; выступления, вызванные развитием финансового кризиса в Австралии; забастовочное движение в России) выдвинули на повестку дня вопрос о трансформации его целей, задач и технологий.

О необходимости преобразований свидетельствует также ряд событий 2007—2010 годов в странах ЦАК. В частности, в Казахстане прошли крупные забастовки трудящихся, требовавших национализации ряда предприятий, что вызвало ответные меры со стороны властей.

Современное профсоюзное движение в странах ЦАК представлено, с одной стороны, конгломератом активно сотрудничающих с властями профобъединений-монополистов, а с другой — небольшими альтернативными независимыми организациями.

Профобъединения-монополисты¹ — это преемники советских профсоюзов, унаследовавшие и многие их пороки; сегодня они почти не участвуют в законотворчестве, не заслушивают отчетов органов власти, не привлекаются к корректировке проектов государственных бюджетов и т.д.

Что же касается альтернативных и независимых профобъединений, то опыт их создания в Казахстане, Грузии и Кыргызстане пока еще гораздо скромнее, чем, например, в Беларуси.

Тема профдвижения на постсоветском пространстве в 2008—2011 годах рассматривается в целом ряде научных трудов². Ряд «профсоюзных» тем (роль неза-

висимых профсоюзов, формы и методы их работы, возможные перспективы движения и др.) затрагивался и на страницах журнала «Центральная Азия и Кавказ»³.

Достаточно подробно (в основном, в информационном плане) освещают деятельность профсоюзов в странах ЦАК журналы Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП)⁴ «Профсоюзы» и «Вестник профсоюзов». Ряд вопросов поднимался также на проводимых под эгидой ВКП международных конференциях; этой же тематике посвящены книги, издающиеся Научным центром профсоюзов. Однако в целом комплексных научных исследований профдвижения до сих пор явно недостаточно, особенно в том, что касается мирового финансово-экономического кризиса и последовавшего за ним периода (если считать, что сам кризис уже завершился).

Данная публикация посвящена пяти центральноазиатским (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), трем южнокавказским (Азербайджан, Армения, Грузия) республикам, а также Исламской Республике Афганистан (ИРА). Мы пытаемся выявить основные тенденции развития профдвижения в оп-

¹ Конфедерация профсоюзов Азербайджана, Конфедерация профсоюзов Армении, Объединение профсоюзов Грузии, Федерация профсоюзов Республики Казахстан, Федерация профсоюзов Кыргызстана, Федерация независимых профсоюзов Таджикистана, Национальный центр профсоюзов Туркменистана, Федерация профсоюзов Узбекистана.

² См.: *Clarke S., Pringle T.* Can Party-led Trade Unions Represent Their Members? // *Post-Communist Economies*, 2009, Vol. 21, No. 1. P. 85—101; *Можжев В.Е.* Мировой финансово-экономический кризис и международное профдвижение // *Труд и социальные отношения*, 2009, № 1. С. 63—70; *Раманкулов К.С.* Концептуальные основы нового Закона Кыргызской Республики «О профсоюзах» // *Вестник Кыргызско-российского славянского университета*, 2010, Т. 10, № 4. С. 79—83; *Жотабаев Н.Р.* Трудовая миграция и защита прав трудящихся-мигрантов // *Труд и социальные отношения*, 2009, № 5. С. 27—31; *Мукашев С.* Профсоюзный актив — базовая надстройка. В кн.: *Общество и мы*. Алматы, 2010. С. 346—349; *Мартынов Л.* Профсоюзы Казахстана

и трипартизм: реальность и перспективы. В кн.: *Трехстороннее соглашение по социальному партнерству*. Алматы, 2010. С. 23—26.

³ См., например: *Лорткванидзе Г.* Политические пристрастия элиты на фоне демократии переходного периода (на примере Грузии) // *Центральная Азия и Кавказ*, 1999, № 6; *Смирнов С.* Маргинализация населения как фактор социально-политической нестабильности в Казахстане // *Центральная Азия и Кавказ*, 2000, № 4 (10); *Амрекулов Н.* К концепции устойчивого развития гражданского сектора Казахстана // *Центральная Азия*, 1997, № 2; *Кисриев Э.* Дагестан: причины конфликтов и факторы стабильности // *Центральная Азия и Кавказ*, 2000, № 4 (10); *Карсаков И.* Особенности трансформации политической системы Казахстана в конце 80-х — середине 90-х годов // *Центральная Азия*, 1998, № 14; *Жусупов С.* Демократические преобразования в Республике Казахстан: реальность и перспективы // *Центральная Азия и Кавказ*, 2000, № 4 (10), ряд др.

⁴ Профобъединения Узбекистана и Туркменистана в деятельности ВКП практически не участвуют.

ределенных регионах, в зависимости от специфики их модели социально-экономического развития.

Обращение в этом контексте к эволюции афганского профдвижения чрезвычайно интересно: ситуация в ИРА имеет немало особенностей и дает важный материал для сравнения. В частности, здесь для нас интересно,

- во-первых, то, что страна испытывает беспрецедентное по масштабам воздействие Запада;
- во-вторых, то, что здесь формируется открытая модель социальных и экономических реформ, и,
- в-третьих, что профсоюзная бюрократия в Афганистане лишена какой-либо исторической миссии.

1. Правовое поле диалога властей и профсоюзов в условиях кризиса

Современное профдвижение в рассматриваемых странах в целом опирается на **относительно весомую нормативно-правовую базу**; так, во всех национальных конституциях (в т.ч. и афганской) закреплено право на создание общественных организаций (в частности, профсоюзных).

В отдельных странах ЦАК деятельность профсоюзов регулируется рядом законов; некоторые из них, имеющие общий «стержень», достаточно детализированы и составлены с учетом советского опыта. Одним из них является закон «О профессиональных союзах» («профессиональный союз — профессиональная организация или союз профессиональных организаций»)⁵; в 1992 году такие законы были приняты в Узбекистане и Таджикистане, в 1993 году — в Казахстане, в 1994 году — в Азербайджане, в 1998 году — в Кыргызстане, в 2000 году — в Армении.

С точки зрения **определения ключевой дефиниции** наиболее краток закон «О профессиональных союзах», принятый в Армении.

Азербайджан особый акцент делает на «неполитичности», «независимости» профсоюзов и возможности привлекать в них учащуюся молодежь и пенсионеров⁶.

Главное отличие закона Казахстана состоит в «фиксированном членстве» в профсоюзах⁷.

Такая пестрота отражает степень стремления властей сотрудничать с профсоюзами как с вполне дееспособными организациями, которые можно привлекать к управлению развитием трудовых отношений.

Крупнейшие профсоюзные объединения ряда стран постоянно **детализируют и корректируют программные установки своего развития**. Это можно рассматривать как естественное продолжение работы по системному обеспечению деятельности профсоюзов (в частности, в годы мирового финансово-экономического кризиса).

⁵ См.: Закон Республики Армения «О профессиональных союзах» // Официальный веб-сайт Национального собрания Республики Армения [www.parliament.am].

⁶ См.: Закон Азербайджанской Республики «О профессиональных союзах» // Веб-сайт Службы горячей линии Международной Рабочей группы по утверждению международных стандартов в области прав человека в Азербайджане [www.dem.az].

⁷ См.: Закон Республики Казахстан «О профессиональных союзах» // Веб-сайт Федерации профсоюзов Республики Казахстан [www.fprk.kz].

На наш взгляд, наибольший интерес для экспертов представляет принятая XXII съездом Федерации профсоюзов Республики Казахстан (РК) Стратегия деятельности профсоюзов РК на 2010—2015 годы⁸. Этот программный документ требует от руководства страны ратифицировать ряд конвенций Международной организации труда (МОТ), например, № 26 — о создании процедуры установления минимальной заработной платы, № 95 — об охране заработной платы и № 131 — об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран.

Что касается Узбекистана, то с приходом в декабре 2010 года в Федерацию профсоюзов страны нового руководства ориентация этого объединения на решение стратегических проблем явно усилилась.

Общий курс на укрепление правового поля деятельности профсоюзов позволяет решать по крайней мере две важные задачи в рассматриваемых регионах в условиях мирового кризиса.

Первая задача — **предотвратить политизацию движения**. Так, в отличие от принятых в других рассматриваемых странах нормативно-правовых актов, афганский Закон «О труде» запрещает финансирование или субсидирование профсоюзов правительством или политическими партиями⁹.

Вторая задача (в ее решении удалось добиться определенных успехов) — **обеспечить максимально широкий охват профсоюзами трудящегося населения посредством широких полномочий, предоставленных законодательством**.

Так, в 2010 году в Азербайджане профсоюзы действовали на 17 678 из 89 939 функционирующих предприятий, то есть охватывали 19,7% трудящихся. В профсоюзы этой страны входило около 40% всего работающего населения республики (для сравнения: в Норвегии эта цифра достигает 52, Финляндии — 72, Китае — 78, Исландии — 80, Дании — 80,1, Швеции — 82)¹⁰.

Другое важнейшее достижение в правовом обеспечении деятельности профсоюзов — их активное участие в так называемом **социальном партнерстве** — системе взаимодействия между работниками, работодателями и органами государственной власти, направленной на регулирование трудовых отношений. В каждой из стран ЦАК этот процесс протекает по-разному.

Так, в Таджикистане подобное партнерство реализуется на национальном уровне благодаря действию закона «О социальном партнерстве, соглашениях и коллективных договорах».

Армения в свое время подвергалась критике за отсутствие правового обеспечения социального партнерства. Однако там были предприняты относительно успешные попытки продвинуть социальное партнерство на уровень отдельных регионов, в частности подписав и реализовав Трехстороннее соглашение по социальному партнерству в Арагацотнском марзе (между Апаранской мэрией, Апаранским территориальным союзом профессиональных организаций работников агропромышленного комплекса и Апаранским территориальным союзом работодателей)¹¹.

В Узбекистане понятие «социальное партнерство» толкуется достаточно широко; под ним подразумевается взаимодействие неправительственных организаций с государ-

⁸ См.: Стратегия деятельности профсоюзов РК на 2010—2015 гг. Принята 3 июня 2010 г. [www.fprk.kz].

⁹ См.: Labor Law of Islamic Republic of Afghanistan, 7 February 2007 // Web-site of International Labor Organization (ILO) [www.ilo.org].

¹⁰ См.: Создание профсоюзных организаций в частных предприятиях малого и среднего бизнеса является одним из актуальных вопросов дня, 12 ноября 2010 // Веб-сайт Азербайджанского государственного телеграфного агентства [www.azertag.com].

¹¹ См.: В Армении заключено первое региональное коллективное соглашение, 24 сентября 2010 [www.vkr.ru].

ственными структурами в реализации программ социально-экономического развития, решении гуманитарных проблем, а также защите прав, свобод и интересов различных слоев населения страны¹².

Правовой диалог между профсоюзами и правительством ведется не только в форме их взаимодействия с органами исполнительной власти и объединениями работодателей (например, в виде получивших признание на всем рассматриваемом географическом пространстве т.н. трехсторонних «генеральных соглашений»). Вполне возможны и четырехсторонние соглашения с участием, например, официального представителя МОТ. Так, в июле 2010 года в Афганистане была подписана «Программа достойного труда»¹³, предусматривающая реализацию трех приоритетов: широкое информирование о рынке труда, дальнейшее внедрение международных стандартов и укрепление объединений работников и работодателей.

Другой пример — дополняющий «Генеральное соглашение» меморандум между генеральной прокуратурой и профсоюзами, подписанный в Казахстане в июне 2011 года; он предусматривает сотрудничество в защите конституционных прав граждан на свободу и охрану труда, недопущение задолженности по заработной плате, а также использование имеющихся правовых, научных и организационных ресурсов в планировании и реализации совместных мероприятий¹⁴.

Третьим примером является подписание в мае 2011 года в Узбекистане двусторонних соглашений с уполномоченным по правам человека (омбудсменом) по защите трудовых и социально-экономических прав и интересов граждан¹⁵.

Наконец, следует упомянуть о подписании двусторонних договоров крупнейших национальных профобъединений рассматриваемых стран с такими международными объединениями, как вышеупомянутая ВКП, Международная конфедерация профсоюзов (МКП) и МОТ. Кроме того, были подписаны двусторонние региональные договоры (в частности, по вопросам трудовой миграции) между Федерацией профсоюзов Казахстана, Федерацией профсоюзов Кыргызстана и Федерацией независимых профсоюзов Таджикистана¹⁶.

Бесспорно, проблемы участия в правовом обеспечении и реализации **общественного контроля** несравненно сложнее, чем те, что связаны с социальным партнерством. Такой контроль в современных государствах ЦАК — это отнюдь не наследие (или инерция) советского прошлого: он обусловлен логикой международного опыта и предусмотрен рядом принятых еще в 1940—1950 годах конвенций МОТ.

Так, конвенция № 79 (1946 г.) посвящена ограничению ночного труда детей и подростков на непромышленных работах, а № 109 (1958 г.) касается проблем заработной платы, рабочего времени на борту судов и определения состава судового экипажа.

В условиях кризиса и посткризисного периода профсоюзы в государствах ЦАК в рамках общественного контроля проверяют соблюдение законодательства о труде и профсоюзах, состояние занятости, выполнение решений коллективных переговоров и

---

¹² См.: Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 12 ноября 2010 // Веб-сайт пресс-службы Президента Республики Узбекистан [www.press-service.uz].

¹³ Afghanistan Adopts First Ever Decent Work Country Programme, 17 July 2010 [www.ilo.org].

¹⁴ См.: В Астане Генпрокуратура и Федерация профсоюзов подписали меморандум о сотрудничестве, 10 июня 2011 [www.fprk.kz].

¹⁵ См.: Ҳамкорлик Битими имзоланди, 6 мая 2011 [www.sfp.uz].

¹⁶ См.: Профцентры Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана будут вместе защищать права трудящихся-мигрантов, 6 апреля 2011 [www.vkp.ru].

заключение коллективных договоров, соблюдение законодательно установленного прожиточного минимума и размеров пенсий, стипендий и пособий¹⁷.

Главной заслугой крупнейших профобъединений стран ЦАК стало их участие в разработке, принятии, пропаганде и реализации правительственных **пакетов антикризисных мер и посткризисных программ** (2008—2010 гг.).

Наряду с этим профсоюзы поднимали важные проблемы пенсионного обеспечения работников, занятых на работах с вредными или опасными условиями труда; использования работодателями дешевой нелегальной рабочей силы (Казахстан); поддержки семей трудовых мигрантов (Таджикистан) и др. В результате удалось предотвратить многие негативные сценарии развития социально-экономической обстановки.

Но, несмотря на развитие конструктивного диалога между властями и профсоюзами в условиях мирового финансово-экономического кризиса, пока еще **рано утверждать, что профдвижение в странах ЦАК функционирует на базе устоявшегося и разветвленного законодательства**. (Для сравнения: в США существуют более 2,5 тыс. законов федерального и штатного уровней, регулирующих самые разные стороны процесса разрешения споров с участием посредников. До 60% конфликтов в этой стране регулируются в досудебном порядке; в 85% случаев согласительные процедуры заканчиваются разрешением спора¹⁸.)

2. Угрозы, риски и вызовы безопасности в повестке дня современного профдвижения

Известно, что во всех рассматриваемых странах темпы **роста безработицы**, как их видят власти (оптимистичные), заметно отличаются от прогнозов профсоюзов (пессимистичных).

По некоторым данным, регион Центральной, Юго-Восточной Европы и СНГ — единственный в мире, где уровень безработицы в 2011 году вырастет (с 9,6% до 9,7%)¹⁹. При этом ее наибольший рост ожидается в Армении и Таджикистане (соответственно около 15% и 11%).

Следует признать, что профсоюзы стран ЦАК пока не выработали каких-либо эффективных мер по обеспечению профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров.

В рассматриваемом регионе **растет так называемая неформальная, то есть официально не зарегистрированная и не облагаемая налогами занятость** (в Армении, например, она достигает 52%²⁰, а в Грузии — около 75%²¹). Как известно, лица, занятые в этом секто-

¹⁷ См.: Назарбаев Н.А. Выступление на республиканском Форуме по вопросам социальной ответственности бизнеса, 24 января 2008 // Веб-сайт Президента Республики Казахстан [www.akorda.kz].

¹⁸ См.: Лобок Д.В. Роль профсоюзной науки в создании новой модели развития общества // Труд и социальные отношения, 2009, № 4. С. 86.

¹⁹ См.: О состоянии занятости и миграции населения в странах СНГ // Вестник профсоюзов, 2011, № 5. С. 43.

²⁰ См.: Тумасян Э. Приоритет — занятости, охране труда и достойной заработной плате // Вестник профсоюзов, 2011, № 4. С. 50.

²¹ См.: Georgia: Labor Code Tears Fundamental Rights to Shreds // Web-site of International Trade Union Confederation [www.ituc-csi.org].

ре экономики, практически не охвачены профсоюзами, что обуславливает довольно низкий уровень обеспеченности их трудовых прав. Практика выплаты «зарплат в конвертах» незаконно занижает размеры будущих пенсий работников и сокращает объемы социальных гарантий, создавая новые проблемы для профдвижения. («Серые» схемы оплаты труда — предмет заботы профсоюзов стран ЦАК, которые в большинстве своем пока не заняли в этом вопросе твердую и принципиальную позицию.)

В странах ЦАК все шире распространяется так называемая **прекаризация** — правовое дерегулирование трудовых отношений при одновременном демонтаже социальных гарантий. Это выражается в увеличении доли подрядных работ, заключении трудовых контрактов на ограниченный срок, занятости на неполное рабочее время, работе по вызову и т.д. в сочетании с занижением зарплаты, отсутствием оплачиваемого отпуска и больничного листа и других социальных завоеваний. Нестандартные трудовые отношения используются работодателями для ослабления авторитета профсоюзов, выражающегося в уменьшении их численности и влияния.

Как уже было отмечено выше, одной из причин трансформации профдвижения является **рост нелегальной трудовой миграции** (например, в одном только Казахстане фактически насчитывается от 300 тыс. до 1 млн бесправных трудовых мигрантов, которые не только не платят налогов, но и не имеют никаких социальных и трудовых прав — согласно казахстанскому законодательству трудовыми мигрантами признаются лишь те, кто прибыл в рамках квоты на привлечение иностранной рабочей силы)²².

Подписываемые в настоящее время двух- и многосторонние соглашения между профсоюзами постсоветских стран лишь частично решают проблему защиты прав мигрантов.

В 2010—2011 годах из всех рассматриваемых стран миграционный прирост (превышение числа прибывших на постоянное место жительства над числом выбывших) отмечался лишь в Казахстане; в Армении, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане по-прежнему наблюдается миграционная убыль (превышение числа выбывших из страны над числом прибывших)²³. Отсюда и разница ситуации в профдвижении указанных пяти стран. Если, например, для казахских профсоюзов становится актуальным вовлечение в правовое поле защиты трудовых прав «чужих», то для остальных — защита своих же собственных граждан.

Как показывает анализ, в 2008—2011 годах численность членов профсоюзов в странах ЦАК (за исключением Узбекистана, Казахстана и Азербайджана) существенно сократилась особенно в таких отраслях, как сельское хозяйство, автотранспорт, электроэнергетика, местная промышленность, строительство, химическая промышленность и семеноводство. Причем активной работы профсоюзов по привлечению новых членов не наблюдалось. Кроме того, сохранялся фактический **«профсоюзный вакуум» на иностранных предприятиях и предприятиях с преимущественно зарубежным капиталом**, работодатели которых, как известно, беззастенчиво нарушают трудовое законодательство. (Конечно же, сам по себе рост численности профсоюзов не может быть самоцелью; например, к концу Второй мировой войны профсоюзы США объединяли около трети рабочей силы страны; к 1983 году ими были охвачены лишь 20% американских трудящихся, а к 2007 году этот показатель снизился до 12%)²⁴. Однако в условиях перехода стран ЦАК на ры-

²² См.: Проблемы регулирования региональной трудовой миграции обсуждены в Астане, 4 апреля 2011 [www.fprk.k].

²³ См.: О состоянии занятости и миграции населения в странах СНГ // Вестник профсоюзов, 2011, № 5. С. 44.

²⁴ См.: The Changing Union Movement, 15 September 2009 // Web-site of U.S. Department of State [ipdigital.usembassy.gov].

ночные отношения, а также в период острой фазы кризиса спад профактивности не может не тревожить.)

В ряде стран наблюдаются случаи **откровенного вмешательства властей во внутренние дела профсоюзов** (как было, например, в Кыргызстане) и покушения на собственность профсоюзов (в Таджикистане)²⁵.

Во всех странах ЦАК продолжается конфликт между старой и новой, эффективно действующей профсоюзной номенклатурой, которая представлена менеджерами нового поколения. Если первые были сосредоточены лишь на сборе взносов, то вторые стремятся предоставить членам своего профсоюза качественные услуги.

В 2008—2011 годах ситуация в профсоюзном движении стран ЦАК стала в целом еще более неоднозначной. В Армении, например, по заявлению МКП, ввиду «особенностей Трудового кодекса и терпимости властей к неформальной занятости право на участие в профсоюзах остается номинальным»²⁶. Армянское профдвижение сталкивается с необходимостью совершенствования трудового законодательства и более эффективного противодействия принудительному труду (в том числе и детскому), работоторговле и т.п.

В Грузии, как подчеркивает МКП, «уникальное трудовое законодательство препятствует переговорам и ликвидировало любой мониторинг и контроль за условиями труда»; она представляет собой уникальный пример страны, «где трудовая инспекция была отменена»²⁷. Законодательство Грузии в целом характеризуется Конфедерацией как антипрофсоюзное, то есть лишаящее профсоюзы права эффективно защищать права работников²⁸.

В Кыргызстане трудящиеся в массовом порядке переходили из профсоюзов-монополистов в альтернативные, независимые профсоюзы²⁹. Можно ли расценивать это явление позитивно? Да, если речь идет о многообразии, а не о расколе профдвижения и отсутствует «грызня» по поводу присвоения бывшей профсобственности с целью ее дальнейшей «прихватизации»³⁰. В дополнении к сказанному надо признать, что из всех рассматриваемых стран опыт Афганистана по созданию и функционированию неподконтрольных властям профобъединений наиболее удачен. По данным «Global Unions Database», в стране действуют более десяти профорганизаций численностью от полутора до двухсот тысяч каждая³¹.

В целом, известные слова премьер-министра России В. Путина о том, что деятельность российских профсоюзов «приобретает формальный характер, а выполнение прямых функций по защите прав трудящихся подменяется собственным пиаром, решением личных вопросов, обслуживанием интересов собственников и работодателей за спиной рабочих коллективов»³², в полной мере можно отнести и к профсоюзам рассматриваемых девяти стран. В новых социально-экономических условиях такие традиционные пороки советского профдвижения, как формализм, демагогия, бюрократизм, волокита, бездушие и коррупция сохраняются и лишь видоизменяются.

²⁵ См.: *Щербаков В.* Достойный труд должен быть в основе стратегии развития и модернизации // *Вестник профсоюзов*, 2011, № 4. С. 27.

²⁶ *Serious Workers' Rights Problems in Armenia*, 8 April 2010 [www.ituc-csi.org].

²⁷ *Georgia: Life Toll to Neo-liberal «Success» Policies*, 4 February, 2011 [www.ituc-csi.org].

²⁸ См.: *Georgia's Anti-Union Laws Prompt EU Probe Push*, 8 June 2011 [www.ituc-csi.org]; *Georgia — Violation of the Fundamental Trade Union Rights of the Communication Workers' Trade Union* [www.ituc-csi.org].

²⁹ См.: Совет Федерации профсоюзов Кыргызстана остро поставил вопросы активизации работы // *Вестник профсоюзов*, 2011, № 3. С. 14.

³⁰ См.: *Лорткванидзе Г.* Указ. соч.

³¹ См.: *Afghanistan* [www.youunionize.info].

³² См.: *Путин В.В.* Выступление на VII съезде Федерации независимых профсоюзов России // Веб-сайт председателя правительства РФ [premier.gov.ru].

3. Нужен ли государствам Центральной Азии и Кавказа современный средиземноморский опыт профсоюзной борьбы?

Простая, автоматическая, бездумная экстраполяция чужого опыта профдвижения на местную почву никак не может быть эффективной. Это утверждение касается не только опыта постсоветского пространства, но и таких стран, как Тунис, Египет, Греция, Испания, Португалия и др.

Так, перед профсоюзами России стоят задачи участия в мониторинге создания современных рабочих мест в регионах, воссоздания системы профессионально-технического образования, привлечения иностранных рабочих (без ущерба интересам российских граждан) и скорейшего присоединения РФ к большинству международных конвенций по охране труда³³. В Узбекистане же к упомянутому мониторингу уже привлекаются территориальные подразделения политических партий, советская система профессионально-технического образования заменена на более современную, проблема привлечения рабочей силы из-за рубежа вообще не стоит, а объем подписанных «трудовых» конвенций соответствует уровню социально-экономического развития. Таким образом, механически сопоставлять опыт профобъединений и тем более механически копировать чужой опыт вряд ли возможно.

И все же отсутствие некоторых внешних «профсоюзных партнерских горизонталей» на пространстве регионов ЦАК, объясняемое властями тех или иных стран «разницей национальных интересов государств», никак не может быть полностью оправдано.

- Во-первых, сама логика мирового профдвижения диктует необходимость формирования в современном демократическом государстве упомянутого конгломерата профобъединений и предоставления им максимальных прав.
- Во-вторых, существует типичность случаев, проистекающая, например, из действий одних и тех же транснациональных кампаний на «полукруге» от Кабула до Тбилиси; они создают собственные профсоюзы, сотрудничающие внутри сети предприятия. (В качестве примера можно привести Договор о сотрудничестве, поддержке и взаимопомощи, заключенный профсоюзами работающих в Казахстане и Украине предприятий транснациональной корпорации «Арселормиттал»³⁴.)

Очевидно, что сегодня успешная интеграция профсоюзов той или иной страны ЦАК в мировое профсоюзное движение, усиление сотрудничества с национальными профцентрами других государств и консолидация их собственного профдвижения зависят от **степени политизированности принимаемых всеми упомянутыми субъектами решений.** Последние, наименее политизированные решения крупнейших форумов (т.н. Вашингтонская, Лондонская и Питтсбургская декларации глобальных профсоюзов³⁵) позволяют «держать курс» лишь на решение сугубо профсоюзных проблем, без их увязки с оценками политических режимов или глобальными коммерческими интересами.

³³ См.: Встреча с руководителями профсоюзных организаций России, 15 декабря 2010 // Официальный веб-сайт президента РФ [www.kremlin.ru].

³⁴ См.: Профсоюзы корпорации «Арселормиттал», работающие в Казахстане и Украине, договорились действовать сообща, 27 апреля 2011 [www.vkr.ru].

³⁵ См.: The Global Unions «Washington Declaration». Trade Union Statement to the G20 Crisis Summit in Washington, 15 November 2008; Global Unions «London Declaration» — Statement to the London G20 Summit; Global Unions «Pittsburgh Declaration». Trade Union Statement to the Pittsburgh Summit — 24—25 September 2009 // Web-site of the Trade Union Advisory Committee (TUAC) [www.tuac.org].

Политизированность равным образом касается и «профсоюзных партнерских вертикалей», существующих в национальном профдвижении, а также упомянутых попыток необоснованных расколов или стремления подавить оппонента.

Проявления **политиканства** в национальном профсоюзном движении свидетельствуют об отсутствии опоры на высокоподготовленных специалистов; они выражаются в выдвигании популистских требований безотносительно к реальной ситуации в экономике и возможностям бюджетной системы.

Современный профсоюзный лидер — это прежде всего человек, знающий трудовое законодательство и разбирающийся в механизмах регулирования социально-экономического развития своего региона. Профсоюзы безусловно должны содействовать тому, чтобы любые трудовые конфликты, протестные выступления и требования серьезных социально-экономических реформ были перенесены «с площадей на предприятия».

Кстати, одна из самых значительных фигур мирового профдвижения, С. Гомперс, являвшийся президентом Американской федерации труда в 1882—1924 годах (кроме 1895 г.), всегда предостерегал профсоюзы **от борьбы с цивилизованным политическим режимом и от посягательства на прерогативы работающей в правовом поле администрации, ориентируя профструктуры прежде всего на доступность плодов экономического развития страны**. Американские профсоюзы не последовали примеру своих европейских собратьев, боровшихся за достижение радикальных политических целей (или создание собственных политических партий), не говоря уже об опыте польской «Солидарности», которая была чем-то большим, чем профсоюз, — построенным на партнерстве рабочих и интеллектуалов гражданским обществом, в чем-то заменявшим собой практически отсутствовавшее социал-демократическое движение. Американские профсоюзы, как правило, ограничивались поддержкой своих политических союзников³⁶.

Думается, подобная стратегия в определенной мере применима и для стран ЦАК. Можно выделить несколько наиболее перспективных направлений дальнейшего развития профдвижения в странах ЦАК.

Главной целью первого направления является **требование участия в совершенствовании профсоюзного и трудового законодательства**. Как подчеркнуто в последних документах крупнейших международных профсоюзных форумов³⁷, «письма субъектам законодательной инициативы» (президенту, депутатам парламента, правительству, высшим судам, генеральному прокурору и др.) должны сегодня содержать требования как минимум о защите достойной жизни работников, эффективном действии подписываемых коллективных договоров, обеспечении равного обращения и возможности пользоваться правами трудящихся.

Кроме того, обращения к субъектам законодательной инициативы могут касаться законодательного разрешения проблем нелегального труда, коррупции, теневой экономики, демпинга в сфере социальной политики, заработной платы, защиты здоровья работников и исключения для работодателя превышать установленную законом продолжительность рабочего времени для работников.

Особое место в стремлении профсоюзов к участию в законотворчестве должна занимать борьба за **повышение минимальной заработной платы, ее доведение до прожиточного минимума и за своевременную индексацию; необходимо также осуществлять контроль за законодательно установленными размерами пенсий, стипендий и пособий, и не допускать включения в минимальный размер оплаты труда различных выплат и обеспечение мини-**

³⁶ См.: The Changing Union Movement, 15 September 2009 [iipdigital.usembassy.gov].

³⁷ См., например: Афинский манифест (принят на 12-м конгрессе Европейской конфедерации профсоюзов. Афины, 16—19 мая 2011) // Вестник профсоюзов, 2011, № 6. С. 42—43; The Athens Manifesto // Web-site of the European Trade Union Confederation [www.etuc.org].

мальной потребительской корзины³⁸. (Между тем, несмотря на конституционные гарантии, решение многих этих вопросов остается формальным, в основном из-за ссылок властей на ограниченные возможности бюджетной системы. Например, в Таджикистане благодаря неоднократным требованиям профсоюзов был принят Закон «О прожиточном минимуме». Однако из-за непринятия закона «О потребительской корзине» и других смежных нормативно-правовых актов этот закон практически не работает³⁹.)

С точки зрения функционирования профсоюзов наиболее уязвимым считается сегодня афганское законодательство. Между тем Трудовой кодекс Демократической Республики Афганистан, принятый в 1987 году, в отличие от Закона Исламской Республики Афганистан «О труде» 2007 года⁴⁰, содержал отдельную главу о профсоюзах⁴¹. Афганское юридическое сообщество признает необходимость совершенствования законодательства, например, путем включения права на коллективные переговоры, ратификации ряда конвенций МОТ (в частности, № 111 — о дискриминации в области труда и занятий). Этим целям послужил запущенный в июне 2011 года специальный трехлетний проект Министерства труда и МОТ по совершенствованию законодательства⁴².

Второе (тесно связанное с указанным) направление дальнейшего развития профдвижения в странах ЦАК — **активизация участия профсоюзов в борьбе с бедностью и безработицей** (особенно в монопромышленных городах и депрессивных сельских районах, а также среди женщин и молодежи) и противостояние использованию работодателями дешевой нелегальной рабочей силы. Для достижения этих целей ряд профсоюзов (например, Федерация профсоюзов РК) предлагают продолжить конструктивное взаимодействие с женскими, молодежными, правозащитными и другими неправительственными организациями.

К данному направлению следует также отнести продолжение **усилий по формированию социального пакета, который должен стать общенациональной нормой современной организации труда наемных рабочих⁴³ и по запрету использования принудительного труда детей на сельскохозяйственных работах⁴⁴**.

Третье направление заключается в **усилении профсоюзной работы в неформальном секторе экономики, постепенном ограничении организационно-правовыми рамками неформальной занятости и обеспечении прав работников этой сферы**. В последние годы удалось (в т.ч. посредством предупреждений и забастовок) создать первичные профсоюзные ячейки среди ювелиров и строителей в Армении, работников швейного производства — в Кыргызстане, водителей — в Грузии, продавцов — в Азербайджане⁴⁵, а также добиться выплаты задолженностей по заработной плате (и даже ее увеличения); на ряде предприятий был упорядочен

³⁸ Как известно, сопоставление государств ЦАК по уровню прожиточного минимума затруднительно, поскольку в них отсутствует единый подход к определению потребительской корзины по ее содержанию и нормам потребления продовольственных и непродовольственных товаров и услуг.

³⁹ См.: *Салихов М.* Соизмеряем свои требования с реальными возможностями страны // Вестник профсоюзов, 2011, № 4. С. 46.

⁴⁰ См.: Labor Law of Islamic Republic of Afghanistan, 7 February 2007.

⁴¹ См.: Ordinance No. 103 of the Presidium of the Revolutionary Council of the Democratic Republic of Afghanistan to adopt the Labor Code [www.ilo.org].

⁴² См.: New Project to Improve Afghan Labor Laws and Administration, Promote Decent Work, 2 June 2011 [www.ilo.org].

⁴³ См.: *Назарбаев Н.А.* Выступление на Внеочередном XXI съезде Федерации профсоюзов Казахстана, 31 октября 2005 // Официальный веб-сайт Президента Республики Казахстан [www.akorda.kz].

⁴⁴ См.: О недопустимости использования принудительного труда детей при проведении сельскохозяйственных работ. Совместное заявление Совета Федерации профсоюзов Узбекистана, Ассоциации фермерских хозяйств Узбекистана и Министерства труда и социальной защиты населения Республики Узбекистан, 2 июня 2011 // Веб-сайт Информационного агентства МИД Республики Узбекистан «Жахон» [www.jahonnews.uz].

⁴⁵ См.: Региональный семинар для лидеров профорганизаций неформального сектора экономики, 31 августа 2010 [www.vkr.ru].

режим работы и отдыха трудящихся. Кроме того, были заключены коллективные договоры с работодателями и налажен социальный диалог с органами государственного управления.

Актуальным становится **создание профорганизаций на частных предприятиях малого и среднего бизнеса**; здесь эту задачу будет осуществить гораздо легче, чем в неформальном секторе. В данном случае главная проблема состоит в невозможности действенного общественного контроля за соблюдением профсоюзного и трудового законодательства: число подобных хозяйствующих субъектов слишком велико, а работники их весьма малочисленны.

Однако в решении этой задачи удалось добиться значительных успехов; примером может служить осуществляемый с октября 2008 года пилотный проект Конфедерации профсоюзов Азербайджана по созданию профорганизаций на предприятиях малого и среднего бизнеса⁴⁶.

В задачи четвертого направления входят работа по **обеспечению прав трудящихся-мигрантов, защита их от актов насилия, ксенофобии и дискриминации и вовлечение в профсоюзы** (эта возможность может быть предусмотрена, например, в уставных документах профсоюзов). Предлагается, в частности, развивать сотрудничество профсоюзов государств рассматриваемого региона, предусматривающее членство в них трудящихся-мигрантов «на принципах взаимного признания и «скользящего» профчленства»⁴⁷, то есть с учетом временного характера их деятельности. Трудящиеся-мигранты должны пользоваться страхованием от несчастных случаев на производстве и болезней, а также обеспечиваться медицинским обслуживанием и приемлемым жильем. Необходимо также добиваться распространения на трудящихся-мигрантов действия коллективного договора и содействовать снижению стоимости услуг по денежным переводам⁴⁸.

К важным проектам следует отнести соглашения между профсоюзами принимающих и отправляющих стран (так, например, в Екатеринбурге было подписано двустороннее Соглашение между Федерацией профсоюзов Свердловской области и Конфедерацией профсоюзов Азербайджана по защите прав трудящихся-мигрантов — граждан Азербайджанской Республики⁴⁹).

И, наконец, пятое направление предполагает **повышение роли профсоюзов в решении проблем охраны труда**, которые стали настоящей глобальной проблемой (достаточно сказать, что на протяжении 60 лет раз в три года под эгидой МОТ проводятся Всемирные конгрессы по охране труда, которые являются высшим официальным научным форумом в этой сфере). Несмотря на общее устойчивое снижение производственного травматизма в странах ЦАК, в Азербайджане число лиц, пострадавших на производстве (включая погибших) выросло, а в Кыргызстане практически не изменилось. Высокая частота несчастных случаев сохраняется и в Армении; повышается степень их тяжести (измеряемая средней продолжительностью нетрудоспособности пострадавшего в днях) в Казахстане и т.д. Подобная ситуация не может не вызывать тревогу у профсоюзов⁵⁰.

Вместо заключения

Очевидно, что трансформацию профдвижения в странах ЦАК надо начинать с изменения его философии, в частности с замены принципа бесконфликтности конфликтологи-

---

⁴⁶ См.: Создание профсоюзных организаций в частных предприятиях малого и среднего бизнеса является одним из актуальных вопросов дня, 15 ноября 2010 [www.vkr.ru].

⁴⁷ Рекомендации круглого стола «О работе членских организаций ВКП по участию в формировании государственной миграционной политики и защите трудящихся-мигрантов», 28 февраля 2011 [www.vkr.ru].

⁴⁸ См.: Там же.

⁴⁹ См.: Профсоюзы Азербайджана и Свердловской области объединяют усилия в защите прав трудящихся-мигрантов, 17 марта 2011 [www.vkr.ru].

⁵⁰ См.: Статистика по Грузии, Узбекистану, Туркменистану, Афганистану отсутствует (см.: Профсоюзы Содружества в решении проблемы охраны труда, сентябрь 2010 [www.vkr.ru]).

ческим алгоритмом. Профсоюзам необходимо отдавать себе отчет относительно неизбежности противостояния в социальных взаимодействиях.

Регионы ЦАК становятся важными центрами профсоюзного движения; сюда проникают транснациональные корпорации, имеющие собственные представления о трудовых и профсоюзных правах, а соседний Афганистан становится уникальной площадкой обкатки новых форм профсоюзной работы. В условиях экономической эволюции в регионах появляются неоднозначные тенденции, которые способны повлиять на формирование новой парадигмы трудовых отношений.

И если мы хотим позитивного разрешения назревающих социальных коллизий, надо всемерно способствовать формированию сильных, независимых и дееспособных профсоюзов.

ЦИВИЛИАРХИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В АРМЕНИИ

Ашот АЛЕКСАНЯН

*кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии Ереванского государственного университета,
вице-президент Центра содействия интеграционным процессам (НПО),
член Международной ассоциации политических наук (IPSA)
(Ереван, Армения)*

В настоящее время представляется очевидным, что нет единого для всех пути к демократии и поэтому нельзя вывести общее правило, которое определяло бы необходимые для перехода к ней факторы¹.

И. Шапиро

Введение

Одна из центральных проблем современной сравнительной политологии — демократизация политических режимов и политической власти в постсоветских странах. Ее анализ помогает лучше понять многие социальные пробле-

---

¹ См.: Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис, 2001, № 5. С. 54.

мы и, в частности, дать ключ к пониманию действия социальных законов в разных ситуациях, процессов демократической модернизации посттоталитарных стран (соотношение политических интересов, поведение, деятельность различных институтов, групп и лидеров), а также сущности национальной/транснациональной политики.

Несмотря на то что в политологии² разработаны различные модели демократизации политических режимов, многие проблемы развития делиберативных про-

² Об этом подробнее см.: Баранов Н.А. Политический режим современной России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007, т. 8, № 35. С. 54—64; Мацневский Ю. Политический режим Украины после «оранжевой революции» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2008, т. 4, № 4. С. 18—40; Лапина Н. Российский политический режим: оценки и интерпретации // Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 6. С. 17—30; Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис (Политические исследования), 2009, № 2. С. 77—95; Паши Э.А. Политический режим в России 2000-х гг.: особенности наследственные и приобретенные // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2009, № 4 (102). С. 38—49; Тирских М.Г. Современные подходы к пониманию политического режима: анализ в свете юридического и политологического знания // Академический юридический журнал, 2008, № 3 (33). С. 4—11; Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Полис, 2004, № 4. С. 8—9 и др.

цессов и основанной на них политики, становления национальной полиархии и динамики трансформации режимов в посткоммунистических странах по-прежнему представляются противоречивыми и неопределенными.

Практика демократической модернизации посттоталитарных стран показывает, что там отсутствуют многие важные социально-политические, экономические и духовно-культурные предпосылки либерально-демократических трансформаций, имевшиеся или имеющиеся в западноевропейских странах; соответственно, и теоретические модели посттоталитарных трансформаций должны существенно отличаться от тех, что применяются при изучении процессов трансформации в западноевропейских странах. Преобразования, радикально меняющие политическую систему общества, ведут к возникновению «гибридных режимов» и порождают нестабильность. «Многосекторный» характер трансформации (социально-политическая, экономическая и духовно-культурная), сложность процессов становления национальной государственности и безопасности, системные реформы, необходимость конструирования общественной системы — все это сделало посттоталитарный транзит в странах бывшего СССР крайне конфликтным и малопонятным даже для политических акторов в самих этих странах.

Посттоталитарный характер режимного транзита

С точки зрения демократизации и установления *нового политического порядка* в роли *цивилизатора* для посткоммунистических стран выступили всеобщие гражданские движения 1988—1991 годов. Они привели к фундаментальным политическим и социальным изменениям, к которым обществу только еще предстояло адаптироваться.

Становлению новой публичной власти и укреплению ее легитимности и консолидации внутриобщественных связей способствует *цивилярхическое*³ управление — оно со-

³ *Цивилярхия* (от лат. *civilis* + от греч. *archy*) — гражданская власть, гражданское управление, гражданский контроль. *Цивилярхия* — это гражданская власть, основанная на цивилизованных механизмах и принципах, которые обеспечивают гражданский контроль над политическим режимом. В этом случае политичес-

ставляет важное условие *гуманизации* деятельности государственных структур и всей системы режимов.

Если исходить из известного утверждения, что «власть существует только в действии»⁴, можно сделать вывод, что везде и всегда есть потенциальная угроза ее узурпации/монополизации. Даже вполне цивиликратичные *полиархические общества* не всегда имеют в своем распоряжении достаточно совершенные механизмы влияния на процесс принятия политических решений. Поэтому среди многочисленных проблем демократии социологи особо выделяют способность народа «вести демократию в условиях правильной государственной жизни и сделать ее опорой политической свободы»⁵, поскольку «демократия признается стабильной, когда она рассматривается большинством населения как легитимная и когда она достаточно эффективна»⁶.

Совершенно очевидно, что общественные отношения обусловлены национальными и глобальными особенностями демократизации политических режимов.

- Во-первых, полиархические демократии функционируют на культурно-цивилизированном пространстве нации-государства при посредстве государственной бюрократии.
- Во-вторых, только государственная власть имеет монопольное право на «легитимное физическое насилие»⁷ — этим и объясняются «общественная релевантность власти»⁸ и *легитимность легального порядка*. Возможности более или менее неограниченного использования и/или злоупотребления этим правом и характер такого использования сильно зависят от степени и сбалансированности контроля над властью со стороны как общества в целом, так и его отдельных составляющих.
- В-третьих, на ход процессов влияет институциональная компетентность и функциональная эффективность политических режимов, их способность конструировать и использовать различные виды *институциональной функциональности* для поддержания цивилиархической легитимности.
- В-четвертых, ход и направление развития ситуации во многом зависит от разнообразных гражданских мотиваций и их адекватного институционального «выражения» и групповых интерпретаций, а также от стремления субъектов политики участвовать в процессе принятия политических решений.

В этой связи следует учитывать способы организации и реализации власти: в «постсоветских» государствах сложились новые формы социально-экономической и политической институциональной ответственности.

Цивилиархия как конвергенционная демократия

Демократизация политического режима на национальном уровне одновременно является стержневым фактором глобального режима демократизации: по удачной форму-

---

кие режимы можно классифицировать как цивилиархические и нецивилярхические (антицивилярхические) (см.: *Александян А. С.* Гражданское общество: цивилицентризм и цивилитет [<http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2006/2006grazd1/Aleksanyan.htm>]).

⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 179.

⁵ Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1883. Ч. 2. С. 332.

⁶ Арон Р. Эссе о свободах. М., 2005. С. 102.

⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

⁸ Луман Н. Власть. М., 2001. С. 135—150.

лировке А. Мельвиля, «гарантирование демократии на национальном уровне становится условием для демократизации международных порядков»⁹ — здесь существует некий механизм взаимообуславливающего развития.

«Гибридные» конструкции политических режимов (как и политических оппозиций этим режимам), существующие в постсоветских странах, аналитики характеризуют самыми разнообразными терминами: «политический радикализм», «догоняющая (или запаздывающая) модернизация», «надмодернизация», «смена режимов», «внутрирежимное изменение», «принципиальная оппозиция», «системная и несистемная (внесистемная) оппозиция», «структурная и неструктурная оппозиция», «реальная, консолидированная/устоявшаяся демократия», «протодемократия», «квазидемократия», «протективная демократия», «развивающаяся демократия», «дефицит демократии», «принципиальный антидемократизм», «гибридный режим»¹⁰ и т.п.

В отличие от полиархических демократий европейского типа пути становления демократического политического режима и институционализации его структур в посткоммунистическом пространстве имеют свои особенности. Если в западноевропейских странах потребность в демократических институтах формировалась в ходе социально-политических «конвергенций», компромиссов и консенсусов «привитого большинства», то на постсоветском пространстве она возникла в результате спонтанно возникших массовых движений. Следует отметить, что «конвергенционность» режимов в Европе, сочетание в них традиционных и современных элементов (*конвергенционная демократия*) проявлялись в социальной динамичности сословных преобразований, вылившихся в становление репрезентативных механизмов; создавалась система сдержек и противовесов, в соответствии с которой исполнительная, законодательная и судебная власть были разделены. В соответствии с этим формировались избирательное право, политические партии, правительство парламентского большинства, органы местного самоуправления и т.д.

Примечательно, что во многих западноевропейских странах, где успешно завершилась «компромиссная» социально-политическая трансформация, до сих пор сохраняются конституционные монархии. Там же, где монархии препятствовали развитию, их сменили парламентские или президентские республики. Важно, что как ограничение властных полномочий монархов в конституционных монархиях, так и их полная ликвидация в республиках означали установление «нового порядка» власти, законности и права. Это свидетельствовало об успешности конвергенционных трансформаций.

Нам здесь важно подчеркнуть, что в цивилиархических демократиях формирование демократических механизмов было результатом рационального выбора элиты и гражданского общества — или, по крайней мере, выбора, осуществлявшегося под влиянием рациональных социально-политических детерминантов. Состояние этих механизмов служило своеобразным «индексом» динамики публичной политики. В посткоммунистических же демократиях детерминанты социально-политических процессов в основном иррациональны и процессы эти приводят к спонтанным/хаотическим измене-

⁹ Мельвил А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации. В кн.: Современные международные отношения и мировая политика: учебник / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2005. С. 127.

¹⁰ См.: Dahl R.A. Patterns of Opposition. В кн.: Political Oppositions in Western Democracies. New Haven — London: Yale University Press, 1966, P. 342; Held D. Models of Democracy. Stanford, 1996; Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис, 2004, № 4. С. 54; Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Указ. соч. С. 6–27; Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис, 2004, № 2. С. 76–84; Мельвил А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис, 2004, № 2. С. 64–75; Растой Д.А. Переходы к демократии: Попытка динамической модели // Полис, 1996, № 5. С. 5–15; Паун Э. Указ. соч.

ниям. В этом случае *институциональная и функциональная демократия*, которую стремятся построить, мифологизируется и поиск приводит вовсе не к тем результатам, каких ожидали, сами же демократические институты превращаются в «формальности» политической жизни.

Как показывает социально-политическая история, процесс становления цивилиархических демократий является не столько *опытом целенаправленного демократического строительства*, сколько побочным результатом строительства социально-политического, экономического и духовно-культурного (*социоцентрический опыт*). Основными принципами социоцентрического опыта являются конструирование диалога и ответственности, партнерства и корпоративного гражданства, цивилиархической культуры и национальных традиций, норм и ценностей. В результате, на основе указанных факторов, были сконструированы будущие механизмы *цивилярхических социократий*. Во многом именно эта отличительная черта цивилиархической демократии представляет собой и средство легитимации государственной власти, и способ функционирования политической системы.

На практике легитимация¹¹/делегитимация политических режимов и властных полномочий связана не только с активным или пассивным участием политических акторов, но и с состоянием институциональной среды. Политический режим как социально-государственное явление демонстрирует прежде всего трансформационную способность власти реализовать общественный потенциал и административные ресурсы.

Постсоветские режимы народовластия пытаются адаптироваться к социально-политическим реалиям современности, не учитывая суть либерально-демократических преобразований и возможность и необходимость диалога между массами и элитой.

Иллюстрацией вышесказанного могут служить едва ли не все социальные институты постсоветских обществ: партии, профсоюзы, НПО, СМИ, религиозные и другие общественные организации. Все они, к сожалению, несут в лучшем случае лишь частичную ответственность перед обществом и гражданами. Политические акторы постсоветского типа — это своеобразная «вещь в себе», а их статус и место на социальной лестнице весьма парадоксальны. Идеология многочисленных политических партий, включая партии власти, внутренне противоречива; профсоюзы многочисленны, но слабы; в религиозных организациях крайне обострены внутренние противоречия; создаваемые в огромном количестве НПО так и не могут стать посредниками в отношениях граждан с государством; попытки отдельных социальных акторов наладить социальный диалог и партнерство носят спонтанный характер; разнообразные социальные сети крайне политизированы и т.п.

В некоторых странах социально-политическая безответственность проявляется к тому же в деятельности государственной власти и органов местного самоуправления. Возникающие в результате сложности и противоречия приводят к разного рода «цветным революциям» или к вынужденной эволюции недемократических режимов. При анализе подобных процессов становится очевидным, что сформировалась некая «протолиберальная технология» сохранения власти постсоветских политических элит.

Национальный режим демократизации

Демократизация политической системы несет как негативные (формирование псевдодемократий), так и позитивные последствия, что объясняется парадоксальностью гео-

---

¹¹ Д. Хелд предложил семь вариантов легитимации: согласие под угрозой насилия; легитимность в силу традиции; согласие в силу апатии; прагматическое подчинение; инструментальная легитимность; нормативное согласие; идеальное нормативное согласие.

политической ситуации, в которой находятся посткоммунистические политические системы.

Анализируя противоречия посткоммунистической трансформации и демократизации посткоммунистических режимов, исследователи рассматривают различные факторы их неэффективности. Так, если Р. Саква называет новый политический порядок в России «режимной системой», а А. Володин — «догоняющей модернизацией», то А. Мельвиль подходит к этому вопросу с точки зрения «международного режима демократизации»; Е. Шацкий употребляет термин «протолиберализм», а И. Шапиро подчеркивает важность демократизации «общественных отношений демократическими методами»¹².

Актуальность проблем демократизации режима обусловлена тесной связью демократизации со стабильностью политической системы, механизмами управления и власти, рационализацией общественных отношений и функционированием нации-государства.

Важная проблема заключается в том, что, с одной стороны, демократизация сегодня — не чисто внутрисударственный процесс: сложился новый, транснациональный режим легитимности, и любые изменения на национальном уровне отражаются на этом режиме и сами испытывают его влияние; с другой же стороны, современная демократия — «это демократия национального государства, и ее возникновение тесно связано с развитием последнего»¹³, а «политическая интеграция осуществляется с помощью института демократического гражданства»¹⁴.

Существуют различные концепции демократизации и различные подходы к сохранению стабильности политических режимов, направленные на развитие демократических ценностей, культуры и легитимности. Здесь уместно привести высказывания известных политологов. Так, Р. Арон отказывается от «абстрактно универсального режима», С. Хантингтон считает, что «неспособность новых демократических режимов решить давние и тяжкие контекстуальные проблемы не обязательно означает крах этих режимов», Р. Даль отмечает, что «никто в рамках человеческого опыта не говорит нам, что демократические механизмы не смогут сломаться», А. Мельвиль утверждает, что «современная демократизация транснациональна не только по условиям, но также и по своим последствиям», а по мнению Ф. Закария, «демократия без конституционного либерализма не просто неудовлетворительна, но и опасна»¹⁵.

В Армении демократизация политического режима началась с возникновения в конце 1980-х годов Карабахского движения (КД), которое впоследствии трансформи-

¹² См.: Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис, 1997, № 1. С. 62; Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России // Полис, 2000, № 3. С. 104; Мельвиль А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации. С. 127; Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданского общества // Полис, 1997, № 6. С. 25—27; Шапиро И. Три способа быть демократом // Полис, 1992, № 1—2. С. 84; Карасев В., Кириенко У. Метаморфозы и антиномии политического режима: Украина — 2006—2007 // Мировая экономика и международные отношения, 2008, № 9. С. 58—74; Мадатов А.С. Роль политических событий в смене режима // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2008, № 1. С. 161—179; Нарыков Н.В. К проблеме типизации политических режимов // Теория и практика общественного развития. Философские науки, 2009, № 3—4. С. 22—36; Романчук И.С. Критический анализ демократической онтологии властных отношений // Вестник Тюменского государственного университета, 2009, № 2. С. 166—171; Петраков Н.Я. Демократия и новый передел мира // Экономическое возрождение России, 2009, № 2. С. 8—16 и др.

¹³ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 23.

¹⁴ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность. В кн.: Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 224.

¹⁵ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 46; Хантингтон С. Указ. соч. С. 278; Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003. С. 262; Мельвиль А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации. С. 127; Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос, 2004, № 2. С. 70.

ровалось в Армянское общенациональное движение (АОД). Оно сыграло ключевую роль в процессе цивиликратизации и гуманизации общественных отношений в советской Армении.

Несомненно, возникновению подобных либерально-демократических движений способствовало масштабное реформирование «социалистического образа жизни», провозглашенное политическим руководством СССР в середине 1980-х годов. Тогда «верхи» полагали, что идеологические действия под лозунгами «перестройка» и «новое мышление» должны были демократизировать советское общество «через усиление человеческого фактора», поскольку нужна была «широкая демократизация всей жизни общества»¹⁶.

По мнению М. Горбачева, актуальность демократического процесса и расширения самоуправления объяснялась тем, что «только через демократизацию и благодаря ей возможна сама перестройка»¹⁷.

Однако даже «поверхностный» демократический процесс стимулировал не только «всемерную активизацию человеческого фактора», но и воссоздание новых перспектив для углубления «демократических основ советского общества»¹⁸. Относительно более «открытое», по сравнению с тоталитарно-бюрократической системой управления, плюралистическое общество стремилось возродить давно забытые национальные ценности и на этой основе завоевать демократические права и свободы.

Пробуждение демократического потенциала национальных сообществ привело к резким изменениям в политической системе СССР и дало мощный импульс реальному развитию принципов социальной справедливости и уважения к достоинству личности ввиду признания ее ценности; именно это и способствовало трансформации КД в АОД.

Армянская демократия между историей и транзитологией

Несмотря на серьезные политические и социально-экономические трудности и противоречия, первоначальный этап демократизации политического режима в Армении прошел без кровопролития, что объяснялось национально-историческими обстоятельствами, предшествовавшими становлению советской власти в Армении в 1920 году.

Еще основатели созданной в 1918-м Первой Республики Армении констатировали политические, социальные и духовно-культурные трудности, препятствовавшие развитию независимой государственности в стране (война, беженцы, голод, положение армян в Турции и в других странах и т.д.)¹⁹; все сферы общественной жизни деградировали. Следует отметить, что, несмотря на отрицательные стороны тоталитарного режима, его установление в советской Армении в известной мере сыграло тогда позитивную роль в стабилизации ситуации.

По мнению известного армянского историка Н. Адонца, «воинствующий коммунизм, войдя в Армению, был разочарован, поскольку в стране давно уже не было ничего»²⁰. Кроме того, в то время советская власть была единственной силой, которая смогла сбросить армянский народ от внешних угроз.

¹⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 27.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Об этом подробнее см.: Врцян С. Республика Армения. Тегеран, 1982. С. 153—263; Рубен. Воспоминания армянского революционера. Ер., 1990. Т. 7. С. 125—126 и др.

²⁰ Адонц Н. Армянский вопрос. Ер., 1996. С. 167.

Сказанное позволяет сформулировать одну из *закономерностей тоталитаризма*: «Если все сферы общественной жизни мало развиты или недоразвиты, установленный политический режим по необходимости будет тоталитарным, то есть «всеохватывающим». Этим можно объяснить влияние, где позитивное (прогрессивное), где негативное (регрессивное), которое тоталитарный режим СССР оказал на различные страны и народы: «в каждом обществе институты власти должны быть приспособлены к особенностям конкретной исторической обстановки»²¹.

Например, в начале 1990-х годов либералы в Армении пришли к власти бескровно, без насильственного свержения правительства и исключительно правовым путем, что было уникальным политическим явлением для советского пространства. В выборах в Верховный Совет Армянской ССР 20 мая 1990 года фактически участвовали две политические силы: Коммунистическая партия Армении (КПА) и АОД. После победы АОД на легитимных парламентских выборах был сформулирован новый механизм государственной власти.

4 августа 1990 года лидер АОД Л. Тер-Петросян был избран председателем Верховного Совета Армянской ССР, в котором были образованы следующие депутатские группы: «Республика» (38 депутатов), «Арцах» (11 депутатов), «Либеральные демократы» (10 депутатов), «Национальный прогресс» (10 депутатов); фракция Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн» (АРФД) была преобразована в депутатскую группу (12 депутатов)²².

Таким образом, последние представители предшествующей власти стали новыми руководителями государственного аппарата; 23 августа 1990 года Верховный Совет Армянской ССР принял Декларацию «О независимости Армении», а на следующий день — Закон «О переименовании Армянской ССР». Было также принято постановление о проведении 21 сентября 1991 года на территории Республики Армения (РА) референдума о выходе из состава СССР.

В итоге независимая государственность выступила и как частичная реализация *идеала, предполагающего осуществление народовластия* легальным и легитимным путем в ходе избирательного процесса. Новые институты государственной власти и армянский партогенез стали «предварительными условиями» демократизации политического режима и отправной точкой²³ более широкого процесса.

Социократия и институциональная перестройка

Предварительный этап либерального развития продолжался до 1995 года, когда в Армении начала формироваться многопартийная система. После принятия в 1991 году Закона «Об общественно-политических организациях» начали легальную деятельность национально-традиционные партии (АРФД, Социал-демократическая партия «Гнчак» и Либерально-демократическая партия «Рамкавар»). Кроме того, было создано еще 20 партий и общественно-политических организаций. Развитие/накопление прогрессивных ценностей продолжалось вплоть до 1995 года, когда после парламентских выборов второго со-

²¹ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. С. 46.

²² 17 сентября 1990 года в Верховном Совете Армянской ССР сформировались депутатские группы «Арцахи канч» (26 депутатов) и «Азгайнакан» (31 депутат), а 6 марта 1991 года — «Коммунист» (25 депутатов) и «Республика» (21 депутат). 28 ноября 1991 года сформировалась депутатская группа «Национальные демократы» (10 депутатов) (см.: [http://www.parliament.am]).

²³ См.: Растой Д.А. Указ. соч. С. 6.

зыва и принятия Конституции РА в политической жизни впервые проявился дефицит легитимной власти. Ситуацию, сложившуюся в 1995—1998 годах, можно охарактеризовать как кризис либерализации.

В 1995—1999 годах в парламенте страны были представлены только пять партий и две депутатские группы. В результате нелегитимных выборов из 190 мест в Национальном собрании (150 по мажоритарной и 40 по пропорциональной избирательной системе) абсолютное большинство получило проправительственное объединение «Республика» (см. табл. 1).

Таблица 1

**Представительство партий и депутатских групп
в Национальном собрании в 1995 году²⁴**

<i>Место в соответствии с полученными голосами*</i>	<i>Название</i>	<i>Количество мест в парламенте</i>	<i>Процент голосов</i>
1.	Объединение «Республика»	20 депутатов	50
2.	«Шамирам»	8 депутатов	20
3.	КПА	6 депутатов	15
4.	Национально-демократический союз (НДС)	3 депутата	7,5
5.	Объединение национального самоопределения (ОНС)	3 депутата	7,5
6.	«Реформы» (депутатская группа)	31 депутат	
7.	«Еркрапа» (депутатская группа)	17 депутатов	

* Партии и объединения ранжируются отдельно от депутатских групп.

После выборов в Национальное собрание 1995 года²⁵ в режимной системе произошел определенный «сбой»: «демократические институты нового общества хоть и были созданы и закреплены в Конституции, в реальной социальной практике они пока еще оставались недостаточно развитыми для того, чтобы самостоятельно поддерживать процесс демократизации общества»²⁶.

Эта ситуация во многом объяснялась тем, что с 1991 года в стране конституционно-законодательным путем была установлена сильная президентская власть с огромными формальными и неформальными полномочиями, позволявшими ей решающим образом

²⁴ [http://www.parliament.am].

²⁵ В Национальном собрании была образована также депутатская группа «Реформы» (31 депутат). 21 депутат не вошел в состав какой-либо фракции или депутатской группы. Впоследствии была сформирована депутатская группа «Еркрапа» (17 депутатов) (см.: [http://www.parliament.am]).

²⁶ *Погосян Г.А.* Армянское общество в трансформации. Ер., 2003. С. 165.

влиять на принятия политических решений. В 1996 году, после вторых президентских выборов, в ходе массовых акций гражданского неповиновения звучали призывы к отставке президента.

Конституция РА 1995 года еще больше укрепила позиции исполнительной власти и повысила статус президентского правления, который был ограничен только конституционными изменениями 2005 года. «По мере того как новые демократии консолидировались и добивались определенной стабильности, перед ними вставали *системные проблемы*, порождаемые самим функционированием демократической системы»²⁷.

Кризис легитимности власти и системные проблемы частично проявились в 1998 году, после отставки президента Л. Тер-Петросяна²⁸, к которой, по некоторым утверждениям, привели расхождения в подходах к решению нагорно-карабахской проблемы. Однако, на наш взгляд, с подобными утверждениями согласиться нельзя, поскольку существовавшие разногласия скорее касались вопросов легитимности власти и консолидации демократии — об этом свидетельствует и тот факт, что после отставки президента распался созданный в 1995 году проправительственный блок «Республика».

Парламентские выборы 1999 года показали, что политический успех партий на выборах в непропорционально большой степени зависит от лично-волевых качеств их лидеров. По итогам парламентских выборов, проведенных по пропорциональной избирательной системе (из 131 депутата 75 избирались по мажоритарной, остальные 56 — по пропорциональной избирательной системе), 5%-й барьер преодолели 6 партий и блоков: блок «Единство» — 41,69% (29 депутатов), КПА — 12,09% (8 депутатов), блок «Право и единение» — 7,96% (6 депутатов), АРФД — 7,86% (5 депутатов), партия «Страна законности» — 5,28% (4 депутата) и НДС — 5,17% (4 депутата)²⁹.

Следует признать, что в РА отсутствует институционализируемая партийная система; именно поэтому понятие «лидер» неотделимо от понятия «партия». После неудачи лидера в политической борьбе партия либо распадается, либо становится чисто формальной организацией. К примеру, на парламентских выборах 1999 года победил блок «Единство», в который вошли Республиканская партия Армении (РПА) и Народная партия Армении (НПА). Лидерами этого блока были министр обороны В. Саркисян и бывший первый секретарь ЦК КПА К. Демирчян. Но когда они стали жертвами террористического акта 27 октября 1999 года, блок «Единство» превратился в «политическую формальность», а спустя несколько месяцев фактически перестал существовать.

Предотвратить раскол НПА не смог и возглавивший ее С. Демирчян (сын К. Демирчяна). И это несмотря на активное участие НПА в президентских и парламентских выборах 2003 года, когда ее лидер вместе с действующим президентом прошел во второй тур, а на парламентских выборах, сформировав блок «Справедливость», набрал 13,71% голосов (см. табл. 2).

В этом контексте стоит упомянуть и партию «Страна законности», которая стала частью правительственной коалиции после того, как ее лидер одержал победу на парламентских выборах и стал председателем Национального Собрания. Но после того, как он подал в отставку, партия вышла из коалиции и раскололась.

Подобная ситуация, которую условно можно назвать «закономерностью лидерства», была характерна и для предвыборной обстановки 2007 года. За год до парламентских выборов стало ясно, что партия «Прцветаящая Армения» (как новая политическая сила) в лице своего лидера имеет колоссальные шансы на победу. Это подтвердили результаты парламентских выборов, на которых места в парламенте получили РПА,

²⁷ Хантингтон С. Указ. соч. С. 228.

²⁸ Погосян Г.А. Указ. соч. С. 184.

²⁹ [http://www.parliament.am].

Таблица 2

Список партий и блоков,
вошедших в состав Национального Собрания,
по результатам выборов, состоявшихся в 2003 году³⁰

<i>Место в соответствии с полученными голосами</i>	<i>Название</i>	<i>Количество мест в парламенте</i>	<i>Процент голосов</i>
1.	РПА	23 депутата	23,66
2.	Блок «Справедливость»	14 депутатов	13,71
3.	Партия «Страна законности»	12 депутатов	12,60
4.	АРФД	11 депутатов	11,45
5.	Партия национального единения	9 депутатов	8,91
6.	Объединенная трудовая партия	6 депутатов	5,67

партия «Пролетающая Армения», АРФД, партия «Страна законности» и партия «Наследие» (см. табл. 3).

Таблица 3

Список партий, вошедших в состав Национального собрания,
по результатам выборов, состоявшихся в 2007 году

<i>Место в соответствии с полученными голосами</i>	<i>Название</i>	<i>Количество мест в парламенте</i>	<i>Процент голосов</i>
1.	РПА	64 депутата (458 258)	33,91
2.	Партия «Пролетающая Армения»	25 депутатов (204 483)	15,13
3.	АРФД	16 депутатов (177 907)	13,16
4.	Партия «Страна законности»	8 депутатов (95 324)	7,05
5.	Партия «Наследие»	7 депутатов (81 048)	6,00

³⁰ [<http://www.parliament.am>].

На президентских выборах 2008 года в первом же туре победу одержал кандидат от РПА С.А. Саргсян, который набрал 52,82% голосов. Стоит заметить, что С. Саргсян стал первым партийным президентом. Это обстоятельство, несомненно, будет способствовать формированию новой политической культуры и партийной системы Армении (см. табл. 4).

Таблица 4

Результаты президентских выборов,
состоявшихся 19 февраля 2008 года

Место в соответствии с полученными голосами	Кандидат	Партия	Голоса (в %)
1.	Серж Азатович Саргсян	РПА	862,369 (52,82)
2.	Левон Акопович Тер-Петросян	АОД	351,222 (21,50)
3.	Артур Ваганович Багдасарян	Страна законности	272,427 (17,70)
4.	Ваган Эдуардович Ованнисян	АРФД	100,966 (6,20)
5.	Вазген Микаэлович Манукян	НДС	21,075 (1,30)
6.	Тигран Карапетович Карапетян	Народная партия	9,792 (0,60)
7.	Арташес Мамиконович Гегамян	Национальное единение	7,524 (0,46)
8.	Арман Варданович Меликян	Беспартийный	4,399 (0,27)
9.	Арам Сергеевич Арутюнян	Национальное согласие	2,892 (0,17)

После президентских выборов 2008 года по стране прокатилась волна актов гражданского неповиновения и начались демонстрации, которые продолжаются до сих пор; эти события фактически способствовали становлению и консолидации многих оппозиционных партий и их лидеров в рамках Армянского национального конгресса (АНК), что является новым политическим явлением не только для РА, но и для всего постсоветского пространства.

Налаживанию диалога между властью и оппозиционным блоком АНК во многом способствовали ориентация на демократическую ответственность и цивилиархические механизмы решения общественных проблем, а также отказ от политики конфронтации. С точки зрения гражданской социальной ответственности в основе этих процессов лежит

ряд факторов, основными из которых являются защита прав и свобод человека, социальные гарантии и качество жизни, развитие демократических механизмов и гражданского общества.

Становление конструктивных оппозиционных элит в Армении и других постсоветских странах будет влиять не только на социально-политическую стабильность, но и на национальную безопасность наций-государств, поскольку позволит ослабить факторы дестабилизации внутривластной обстановки и политической изоляции.

Как известно, устойчивость любой политической системы, постоянно испытывающей воздействие разного рода внешних и внутренних факторов, носит динамический характер и может поддерживаться лишь за счет эффективного функционирования и развития. Однако динамическая стабильность — это результат постоянного изменения и равновесия между системообразующими и эволюционными процессами внутри системы.

В политической жизни армянского общества активно действует не более 10 партий, хотя всего их более 70. Следствием является полное или частичное отсутствие внутривластной демократии, приводящее к укреплению иерархического статуса лидера; в результате партия легко становится объектом либо субъектом политических манипуляций.

З а к л ю ч е н и е

В целом, демократизация способствует модернизации общественных отношений, однако институциональная эффективность этого процесса все еще невысока. Тем не менее продолжается рационализация бюрократических институтов и общественных отношений, совершенствуется система государственной службы и разграничения компетенции между государственными органами и органами местного самоуправления.

Социокультурные измерения, сопряженные с демократизацией, ведут к синтезу и трансформации традиционных политических ценностей. Сегодня политическое мышление, сознание, идеология, политические нормы и правила поведения субъектов политики существенно изменились. Но, как показывает общественная практика, при обострении политической ситуации общенациональная политическая культура может «расчлениваться». Современная гражданская культура требует большей ответственности политических субъектов, а также их приверженности общественному интересу. Только в этом случае возможно обеспечить единство и взаимодействие субъектов гражданского общества, целостность и интегрированность политической сферы.

Для эффективного функционирования системы сдержек и противовесов в Армении большое значение имеют конституционные изменения 2005 года, осуществленные в соответствии с нормами европейского права.

Демократизация, «человеческое измерение», формирование «среднего класса», проблемы эффективности, контроля и сбалансированности государственной власти являются важными компонентами посткоммунистических социально-политических процессов. Новая система государственного управления и методы политического руководства открывают реальные возможности для поиска институционального равновесия, реализации социально ориентированной модели рыночной экономики, развития механизмов деятельности власти и управления общественными процессами со стороны политических акторов. При этом важно обеспечить цивилизационные условия интеграции и реального участия институтов гражданского общества. Это не позволит политической системе использовать воспроизводство таких институтов для легитимации недемократических методов правления.

Европейское измерение демократизации включает существенное сближение институтов государственной власти, политических партий, общественных организаций, формирование новых корпоративных структур. Процессы демократизации политического режима Армении, будучи национальными преобразованиями, тем не менее неразрывно связаны с социально-политическими преобразованиями в ЕС. Ход демократизации политической системы Армении демонстрирует ряд противоречий между методами и способами политического властвования и множество внутренних и внешних особенностей социально-политических институтов. Это же отличает ситуацию во всех постсоветских странах.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

**КОНВЕРГЕНЦИЯ И КОНФЛИКТ:
ВЛИЯНИЕ «СТРУКТУРЫ» И ПОЛИТИКИ
НА ОТНОШЕНИЯ РОССИИ,
КИТАЯ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ**

Леон РОЗМАРИН

*доктор политологии,
преподаватель Программы глобальных исследований
Школы профессиональных исследований
Северо-Восточного университета
(Бостон, Массачусетс, США)*

Введение

Как и другие регионы Евразии, Центральная Азия (ЦА) не раз оказывалась ареной не только конфликтов, но и сотрудничества между Соединенными Штатами, Россией и Китаем. Вполне понятно и то, что ЦА присуща также и собственная региональная динамика, которая тесно переплетается с глобальными межгосударственными отношениями, это придает местным событиям отчетливое международное звучание и как бы втягивает в регион исходящие извне трения и соперничество. Один из аспектов этой темы — стремительный подъем Китая и более чем вероятное и даже уже наблюда-

ющееся стремление России чем-то уравновесить этот процесс¹. Однако ЦА до сих пор выступала для России и Китая полем

¹ См.: *Mearsheimer J.* A Realist View of China // *Conversations with History*. Institute of International Studies. UC Berkley, 8 April 2002; *The Rise of China Will Not Be Peaceful at All* // *The Australian*, 18 November 2005; *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton and Company, 2003; *Blank St.* China, Kazakh Energy, and Russia: An Unlikely Ménage à Trois // *The China-Eurasia Forum*, 2005, Vol. 3, No. 3; *Russia, China, and Central Asia: The Strange Alliance* // *The China-Eurasia Forum*, Fall 2004; *Cohen A.* How the Obama Administration Should Engage Russia // *Prospects for Engagement with Russia*. Senate Foreign Relations Committee Hearings, 19 March 2009.

скорее для сотрудничества, а не для соперничества, и, напротив, скорее полем для соперничества, а не для сотрудничества между Россией и Америкой. И в среднесрочной перспективе такая тенденция, вероятно, сохранится. Подозрения и трения в российско-американских отношениях аналогичны тем же тенденциям в китайско-американском стратегическом взаимодействии.

И в официальных российских доктринах, и в высказываниях российских руководителей постоянно отмечаются в качестве главных угроз негосударственного характера и рисков, связанных с действиями государств, соответственно экстремистские и террористические угрозы и военное превосходство США и НАТО и проводимая ими политика, в том числе инициативы по ПРО и милитаризации космического пространства. В таком контексте Китай оказывается для России важным региональным и стратегическим партнером, одним из элементов ответа на вызовы и риски.

Различие в направленности приоритетов внешней политики и политики безопасности России и Китая — на запад и на восток соответственно в сочетании с глобальной мощью Соединенных Штатов, противостоящих обоим государствам (в Европе (СНГ) и в Восточной Азии), — все это обеспечивает известную общность интересов России и Китая. Эти обстоятельства выступали в последние двадцать лет и остаются в среднесрочной перспективе главными структурными факторами, формирующими отношения между тремя державами. Проблема Соединенных Штатов является точкой совпадения российских и китайских интересов по ряду важных стратегических вопросов. Здесь можно назвать разделяемое обеими странами неприятие американских глобальных инициатив в сфере противоракетной обороны; американской политики демократизации и смены режимов; расширения НАТО; соперничества за Украину; пробле-

му равновесия сил в Европе и в Восточной Азии. ЦА не могла не испытать на себе последствия этого глобального соперничества, но, с другой стороны, и сама сыграла и продолжает играть немалую роль в разветвляющихся взаимодействиях как важный составной элемент сотрудничества и соперничества — не просто как их отражение, но и как вполне самостоятельно действующий фактор.

Именно в ЦА можно было ожидать наиболее прямого и выраженного столкновения интересов России и Китая: регион имеет протяженную границу с обоими государствами; в нем расположены страны, весьма уязвимые для внешнего влияния и внутренней подрывной деятельности; он богат энергетическими ресурсами, занимает стратегически выгодное местоположение и проницаем для угроз негосударственного характера. Поэтому, если исходить исключительно из геополитического реализма, ЦА уже больше десятилетия назад вполне созрела для того, чтобы превратиться в объект китайско-российского силового соперничества и сотрудничества в сфере безопасности, — так же, как, например, Монголия — одна из самых спокойных и пассивных в геополитическом отношении территорий.

Тем не менее, в отличие от Восточной Европы и СНГ, которые ощущают непрерывные российско-американские трения, ЦА не сталкивалась с ярко выраженным китайско-российским соперничеством в сфере силы и безопасности. Отчасти это происходит из-за ее второстепенного или третьестепенного места в системе внешнеполитических приоритетов и приоритетов безопасности обеих стран. Но это скорее негативное объяснение, оно позволяло бы понять лишь пассивность акторов, но не активные моменты взаимодействия в российско-китайских отношениях. А такие моменты наглядно проявились в создании и развитии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая формировалась и укреплялась одновременно и параллельно с российскими проектами ОДКБ и

Таможенного союза². Таким образом, Россия и Китай не пошли по пути соперничества в сфере силы и безопасности, а, напротив, придали институциональную форму своему сотрудничеству: местные угрозы негосударственного характера и стремительный приход в регион Соединенных

² В Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве полноправных членов входят Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) включает Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россию, Таджикистан и Узбекистан.

Штатов подтолкнули эти две державы к установлению партнерских отношений. И внутрирегиональные, и внешние процессы работали на укрепление российско-китайских отношений в регионе, что заставило одного из аналитиков прийти к выводу: «Новые независимые государства оказались для Москвы и Пекина не объектом соперничества, а важным связующим элементом»³.

³ Weitz R. Averting a New Great Game in Central Asia // The Washington Quarterly, Summer 2006, Vol. 29, No. 3.

Соединенные Штаты или Китай?

Россия весьма болезненно относится к угрозам для стабильности в странах СНГ и к масштабному иностранному проникновению в эти страны, ее лидеры не скрывают опасений в связи с американской мощью и с политикой Соединенных Штатов, с подозрением смотрят на развертывание американских сил и на политику США в Евразии, в том числе на их вовлеченность во внутренние дела некоторых стран СНГ⁴. В то же время они обычно избегают каких-то осуждающих или алармистских высказываний в отношении Китая, который характеризуют как своего долгосрочного партнера: тот не проявляет активности в СНГ и не добивается пересмотра и изменения ситуации на его пространстве. Приход Китая в ЦА выглядит постепенным и не слишком раздражающим, что отчасти объясняется сдержанной политикой руководства КНР и специальными мерами, призванными успокоить опасения. На этом фоне американское появление в СНГ и ЦА выглядело агрессивно стремительным и вызвало у России и Китая тревогу и противодействие.

Россия и Китай подчеркивают также необходимость сотрудничать между собой, чтобы уравновесить американское превосходство в мощи, и это часто ведет к субоптимальным результатам для их политики. В то время как Россия и Соединенные Штаты по множеству проблем противостоят — зачастую резко противостоят — друг к другу⁵, найти

⁴ Официальные российские доктрины, интервью руководителей и политические статьи и документы переполнены выражениями недовольства и обеспокоенности России политикой США. Цитировать их здесь нет нужды. Беглый обзор высказываний президента Медведева, премьер-министра Путина, министра иностранных дел Лаврова, депутата Государственной Думы Косачева и высокопоставленных военных сразу же дает нам общее впечатление от этих текстов.

⁵ Помимо уже упоминавшихся проблем здесь можно указать воздушные бомбардировки Сербии и признание независимости Косова, войну в Грузии, независимость Южной Осетии и Абхазии, американские военные базы в Восточной Европе, российские продажи вооружений Ирану и Венесуэле, борьбу вокруг трубопроводных маршрутов, использование Россией своих энергетических ресурсов как инструмента политического давления в отношении со странами СНГ, возобновление Россией патрульных полетов стратегической авиации вдоль границ НАТО, мероприятия НАТО по налаживанию противовоздушной обороны на территории Эстонии и Латвии.

подобные ситуации в китайско-российских отношениях нелегко. Напротив, здесь можно заметить совпадение позиций по ключевым глобальным и региональным проблемам, включая общее неприятие обеими странами некоторых направлений американской политики. Например, ряд моментов, вызывающих возражения, вроде системы ПРО и [нарушения принципа] невмешательства во внутренние дела, был официально объявлен в «Душанбинской декларации» во время встречи на высшем уровне стран ШОС в Таджикистане в июле 2000 года⁶. В то же самое время в Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 года подчеркивается: «Совпадение принципиальных подходов России и КНР к ключевым вопросам мировой политики — одна из базовых опор региональной и глобальной стабильности»⁷. А годом позже президент Путин заметил, что с Китаем «у нас фактически нет проблем, которые осложняют наши отношения»⁸. Это же утверждал и президент Медведев в ходе своего визита в Китай⁹. Со своей стороны, китайский премьер-министр Вэнь Цзябао недавно заявил: «...сотрудничество России и Китая позволяет сохранять стратегический баланс сил и интересов в мире»¹⁰. Этот же взгляд выразил и С. Приходько, подчеркнув, что обе страны «предпринимают совместные или параллельные действия в целях более эффективного отстаивания коренных интересов России и Китая, укрепления их позиций в мире», поскольку «поддержка стабильного, устойчивого развития Китая — залог обеспечения стратегических государственных интересов России»¹¹.

Как и следовало ожидать, те же стратегические оценки высказывают и высокопоставленные российские чиновники, выступающие по вопросам ЦА. Секретарь ОДКБ Н. Бордюжа полагает, что Китай «не представляет угрозу для России... У России... очень высокая степень совпадения интересов с Китаем. ...Экономические интересы не всегда совпадают, но с точки зрения безопасности интересы совпадают полностью, на сто процентов»¹². Е. Бажанов подчеркивает резкие различия между политикой Вашингтона и Пекина. Первый «в своих действиях руководствуется амбициями сверхдержавы» и «продолжает всячески поощрять и поддерживать антироссийских лидеров» в СНГ¹³; второй в условиях роста напряженности в Восточной и Юго-Восточной Азии, где «между Вашингтоном и Пекином разворачивается ожесточенное соперничество», стремится поддерживать стабильные и мирные отношения с Россией на своих северных и западных рубежах»¹⁴. В целом у китайских лидеров «нет никаких гегемонистских или экспан-

⁶ См.: Морозов С. Дипломатия В.В. Путина. СПб, 2004. С. 81.

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, 2000 [<http://www.nationalsecurity.ru/library/00014/index.htm>].

⁸ Иванов И. Наши взаимоотношения свободны от эмоций // Российская Федерация, июль 2000, № 10 (155).

⁹ См.: Отношения РФ и КНР — ключевой фактор мировой безопасности // РИА «Новости», 24 мая 2008 [http://www.rian.ru/defense_safety/20080524/108253521.html].

¹⁰ Сотрудничество РФ и КНР позволяет сохранять баланс сил в мире // РИА «Новости», 23 ноября 2010 [<http://rian.ru/politics/20101123/299979326.html>].

¹¹ Приходько С. Москва — Пекин: мы нужны друг другу // Россия в глобальной политике, март — апрель 2004, № 2. С. 168 [www.globalaffairs.ru/number/n_2861]. С. Приходько в последние десятилетия занимал посты помощника и советника по внешней политике президента РФ.

¹² Китай не представляет угрозу для России, уверен генсек ОДКБ // РИА «Новости», 27 сентября 2006 [<http://rian.ru/society/20060927/54306767.html>].

¹³ Bazhanov Ye. Russia Is Much Smarter This Time // The Moscow Times, 20 February 2009 [<http://www.moscowtimes.ru/article/1016/42/374713.htm>]. Е. Бажанов занимал должность проректора Российской дипломатической академии по научной работе.

¹⁴ Bazhanov Ye. The Illusory U.S.-Chinese Axis // The Moscow Times, 13 September 2009. Высказываемые им взгляды во многом совпадают с мнением Генерального секретаря Ху Цзиньтао, высказанным в его речи на XVII съезде КПК (см.: Китай нацелен на «дружеские и партнерские отношения» с соседями // РИА «Новости», 15 октября 2007 [<http://rian.ru/politics/foreign/20071015/83877720.html>]).

сионистских устремлений... Китай не наращивает военного присутствия у границ России, не присоединяется ни к каким антироссийским коалициям... [вместе с Россией] учредил ШОС»¹⁵.

Приход Америки

ЦА, став важным элементом российско-американской и китайско-американской деловой и политической игры, на себе чувствует ее динамику. А некоторые страны региона рассчитывают извлечь выгоду из развернувшейся конкуренции.

Американское проникновение в ЦА началось еще до того, как в 2002 году США стали стремительно разворачивать там военные силы и наращивать политическое присутствие. Шло оно по разным каналам, вроде натовской программы «Партнерство ради мира»; трубопроводных проектов «Баку — Тбилиси — Джейхан» и «Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия» (ТАПИ), призванных служить «окном в Европу» в обход России для региональных энергоресурсов; или совместных с США военных учений и тренировочных полетов в рамках миротворческой программы «Центразбат». «Американцы проникают в этот регион, объявляя его зоной своих интересов. Наши интересы ослабевают», — жаловался президент Ельцин¹⁶. Когда в начале 2002 года США развернули в регионе более чем двухтысячный контингент при поддержке нескольких десятков самых современных реактивных истребителей, это с самого начала выглядело кульминацией всего развития событий на предшествовавшем этапе и началом нового¹⁷. В последующие годы ситуация в российско-американских отношениях существенно изменилась. Можно вспомнить и отказ от договора 1972 года по ПРО, и вторжение в Ирак, и «цветные революции» в Грузии и Украине, и расширение НАТО. Все это весьма негативно отразилось на российско-американских отношениях, но отнюдь не на российско-китайских, которые от этого только выиграли.

Позиция и политика РФ по отношению к региону исходит из курса на поддержание статус-кво, но при этом Россия требует для себя привилегированной, можно сказать, неомперской роли. Так, один высокопоставленный чиновник подчеркивает, что данный регион необходимо использовать для того, чтобы решить «проблемы, связанные со статусом России как мировой и глобальной державы», и что государства региона должны признать «право России играть [такую] роль»¹⁸. Другой полагает, что в ЦА «малые соседи получают гарантии безопасности в обмен на признание особых интересов и влияния «большого соседа» [России]»¹⁹.

Позднее у США появились планы увести ЦА от России, интегрировав регион с его южными соседями. В связи с этим Министерство иностранных дел Российской Федера-

¹⁵ *Bazhanov Ye.* China as a Partner, Not as a Threat // *The Moscow Times*, 25 March 2009.

¹⁶ *Yeltsin Voices Concern at «Growing U.S. Interest» in North Caucasus* // *Deutsche Presse-Agentur*, 20 August 1997.

¹⁷ См.: *Loeb V.* Footprints in the Steppes of Central Asia: New Bases Indicate U.S. Presence will be Felt after Afghan War // *The Washington Post*, 9 February 2002.

¹⁸ *Trofimov D.* Russian Foreign Policy Objectives in Central Asia // *Russian Regional Perspectives Journal*, Vol. 1, Issue 2, The International Institute for Strategic Studies [<http://www.iiss.org/programmes/russia-and-eurasia/russian-regional-perspectives-journal/rtp-volume-1-issue-2/russian-foreign-policy-objectives-in-central-asia/>]. Д. Трофимов занимает пост в Министерстве иностранных дел.

¹⁹ Цит. по: *Zviagelskaia I.* The Russian Policy Debate on Central Asia // *Royal Institute of International Affairs*, 1995 [http://www.ca-c.org/dataeng/st_08_zvjag.shtml]. В. Лукин занимал посты посла в США и председателя Комитета по международным отношениям Государственной Думы.

ции предупреждало: «В регионе Центральной Азии США настойчиво продвигают планы формирования новой структуры, объединяющей пять среднеазиатских республик, Афганистан и Пакистан... Многие в политических кругах Центральной Азии видят в проникновении в регион США и других стран Запада важный ресурс модернизации, получения финансовой помощи, притока передовых технологий...»²⁰

Тем временем Китай, несмотря на то что начиная с 1990-х годов его экономическое присутствие в ЦА, особенно энергетические контракты, постоянно расширялось, наращивал активность в вопросах политики и безопасности в регионе поистине черепашьим шагом, чем резко отличался от США, присутствие и влияние которых росли куда быстрее. Как полагает Вайц, «Китай не желает ставить под угрозу связи в сфере безопасности, бросая вызов российской политике в не имеющем для него особого значения регионе»; оба государства «предпочитают направлять ресурсы на другие приоритеты»²¹. Америка ворвалась в регион куда стремительнее, и приход ее бросался в глаза гораздо сильнее, однако этот приход не сопровождался столь же широкими многосторонними действиями и консультациями с Россией или Китаем. Это резко контрастирует со множеством создаваемых российско-китайских региональных организаций и встреч на высшем уровне.

Цели Америки

В 1998 году Стивен Сестанович характеризовал американские интересы в СНГ как «важные... жизненно важные... имеющие стратегическое значение... чрезвычайно важные». Обилие эпитетов он объяснял тем, что «наша задача — попытаться описать ситуацию, за которой стоят очень высокие ставки и очень серьезные интересы»²². Он формулировал нежелание Америки соглашаться на доминирование России в СНГ и подчеркивал: «Мы возражаем против дислокации там [в Грузии и Молдове] российских войск», продолжая: «Мы ясно дали понять высокопоставленным российским чиновникам, что страны [СНГ] не могут рассматриваться как сфера российского влияния... наш подход к этому региону состоит в том, что он ни в чью сферу влияния входить не может».

Это же утверждала государственный секретарь Х. Клинтон, заявив: «Мы не признаем за Россией какой-то сферы влияния или какого бы то ни было права вето [в СНГ]»²³. Американский аналитик так определил цели Америки в регионе: «В самой полной мере участвовать в делах региона с целью сломать монополию России; продемонстрировать проекцию американской мощи; помочь привязать регион к Западу; предотвратить склонность полагаться на Москву в военных вопросах; исключить Россию из процессов урегулирования конфликтов и закрепить наше присутствие на местах для защиты наших энергетических интересов»²⁴.

И похоже, что Соединенные Штаты не собираются пускать ситуацию на самотек и ждать, пока роль России в регионе упадет сама собой в результате ожидаемого соперни-

²⁰ Обзор внешней политики Российской Федерации в 2007 году. Раздел «Пространство СНГ» [http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD].

²¹ Цит. по: *Loeb V.* Op. cit.

²² The U.S. Role in Caucasus and Central Asia. Statement of Steve Sestanovich, Ambassador at Large for the New Independent States. U.S. Department of State. Committee on International Relations, U.S. House of Representatives, 30 April 1998 [http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa50308.000/hfa50308_of.htm].

²³ Clinton Sees Areas of Disagreement with Russia // RFE/RL, 6 March 2009.

²⁴ *Blank St.* American Grand Strategy and the Transcaucasian Region // World Affairs, Fall 2000, No. 163. P. 68.

чества с Китаем: эти «задворки Евразии, зажатые между Россией и Китаем»²⁵ «слишком важны [для США], чтобы предоставить их собственной судьбе или оставить под российским и китайским присмотром», даже если это еще больше расширит диапазон российских «подозрений относительно американских намерений, который простирается от попыток дестабилизации через демократизацию до планов развития систем противоракетной обороны»²⁶.

США заносят свое присутствие в ЦА под рубрику «борьба с терроризмом», но оно же одновременно обеспечивает и альтернативу сдерживающему влиянию «китайско-российского картеля». Так, выступая в Бишкеке, помощник государственного секретаря Р. Баучер уверял: «Мы здесь не для того, чтобы играть с кем-то в игру или соревноваться за влияние на различные страны... [но] для того, чтобы предоставить новые возможности выбора»²⁷ и «не дать [региону] попасть в тиски между Россией и Китаем»²⁸. Он говорил об Афганистане как о «мосте», связывающем Центральную Азию с Южной, и о том, как «нефть и газ из Казахстана и Туркменистана будут утолять голод Нью-Дели». Прежний министр иностранных дел Кыргызстана Иманалиев, напротив, предупреждал, что США «стремятся взять под контроль пояс исламских стран от Магриба до Китая» и используют программу «Большой Центральной Азии», чтобы «убрать барьер» между этими странами и «их южными соседями», что «вызовет беспокойство в Москве и Пекине»²⁹.

Проблема американского военного присутствия

Дефицит доверия к долгосрочным намерениям отличает и проблему американского военного присутствия в регионе, которое не ограничивается постсоветской ЦА, но включает и значительный контингент в Афганистане. Подозрения России и Китая по поводу американских намерений резко контрастируют с видимым отсутствием открытых разногласий между самими этими странами относительно развертывания российских сил в Таджикистане и Кыргызстане или китайских военных баз в регионе, каковых вообще не существует; а Монголия, страна, «намертво зажатая» между Россией и Китаем, демонстрирует полную геополитическую безмятежность.

В ходе последовавшего за событиями 11 сентября 2001 года сближения между Бушем и Путиным официальный представитель Министерства иностранных дел России А. Яковенко комментировал развертывание американских сил и утверждал, что у России «нет никаких причин сомневаться в неоднократно повторявшихся заверениях американских представителей, что присутствие американских воинских частей в Центральной Азии будет носить временный и прозрачный характер», потому что теперь отношения между двумя странами «строятся в духе взаимопонимания, установившегося между [их] руководи-

---

²⁵ Rumer E. The U.S. Interests and Role in Central Asia after K2 // *The Washington Quarterly*, Summer 2006, Vol. 29, No. 3. Е. Румер — сотрудник Университета национальной обороны.

²⁶ Ibidem.

²⁷ US-Kyrgyz Relations Back on Solid Ground — but for How Long? // *Eurasia Insight*, 23 August 2006 [<http://eurasianet.org/departments/insight/articles/eav082306aa.shtml>].

²⁸ Washington Seeks to Steer Central Asian States towards South Asian Allies // *Eurasia Insight*, 28 April 2006 [<http://eurasianet.org/departments/insight/articles/eav042806.shtml>].

²⁹ Адрес тревоги: Центральная Азия // РИА «Новости», 29 августа 2006 [<http://rian.ru/analytics/20060829/53264829.html>].

телями... мы теперь совместно решаем общую проблему — как положить конец исходящей из Афганистана угрозе терроризма и экстремизма»³⁰. Вскоре после этого министр обороны С. Иванов подчеркнул, что американские базы «располагаются там временно, только до окончания антитеррористической операции»³¹. Однако за несколько месяцев до того госсекретарь К. Пауэлл дал понять, что США заинтересованы в «углублении и расширении» отношений с Узбекистаном, «которые продолжались бы и спустя долгое время после завершения нынешнего кризиса»³²; он полагал, что «американские интересы и присутствие в Центральной Азии будут сохраняться в таком виде, о каком мы, возможно, раньше и не мечтали»³³. В это же время американский сенатор, прибывший с визитом в регион, утверждал, что происходившее развертывание военного контингента — «не простая краткосрочная операция»³⁴, а официальный представитель госдепартамента заявляла в конгрессе: «Мы не уйдем из Центральной Азии и после того, как афганский конфликт завершится. У нас в этом регионе существуют долгосрочные планы и интересы»³⁵. В свою очередь высокопоставленный чиновник оборонного ведомства заметил, что развертывание баз и совместные военные учения предназначены для того, чтобы «всем послать сигнал, что мы способны вернуться туда и мы туда вернемся. Мы не собираемся просто забыть о них»³⁶. Вскоре после этого в ходе своего визита в Казахстан тогдашний спикер Думы Г. Селезнев подчеркивал: «Не хотелось бы, чтобы в Центрально-Азиатском регионе появились постоянные американские базы»³⁷.

Впоследствии, после «цветных революций» в некоторых странах СНГ, включавших и вспышку насилия и разрушений в Кыргызстане весной 2005 года, ШОС потребовала объявить график вывода американских сил из ЦА, а позже поддержала Узбекистан против Запада во время андижанского кризиса в 2006 году. Вскоре после этого американские должностные лица стали более явно выражать недовольство призывами России и Китая вывести американские военные контингенты из ЦА. Летом 2006 года американский генерал Майерс утверждал: «Похоже на то, что две очень большие страны пытаются запугать несколько стран поменьше. Именно так выглядит ситуация, с моей точки зрения»³⁸. Тем не менее на саммите ШОС 2007 года в Бишкеке страны — члены Организации заявили: «Стабильность и безопасность в Центральной Азии могут быть обеспечены прежде всего силами государств этого региона на базе утвердившихся в нем региональных международных объединений»³⁹. В условиях роста трений между Россией и США по другим воп-

---

³⁰ Moscow on Washington's Statements about Temporary Presence of U.S. Military Units in Central Asia // CDI Russia Weekly, 25 January 2002, No. 190.

³¹ United States Expanded Influence Likely to Remain in Central Asia // The Associated Press, 12 March 2002.

³² Wright R. Powell Seeks Deeper U.S. Ties with Central Asian Nations // Los Angeles Times, 9 December 2001.

³³ Secretary of State Colin Powell Testifying before the House International Relations Committee, 6 February 2002.

³⁴ Anger Grows as U.S. Bases Spread // The Observer, 20 January 2002.

³⁵ Цит. по: Auerback M. Putin and the Geopolitics of Oil // Prudent Bear, 30 August 2004 [<http://www.energybulletin.net/newswire.php?id=1858>]. Элизабет Джоунс была помощником госсекретаря по европейским и евразийским делам.

³⁶ Russia Wary of America's Stance on Military Bases // Telegraph, 10 January 2002; Q&A: U.S. Military Bases in Central Asia // The New York Times, 26 July 2005.

³⁷ Ibidem (см. также: [<http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/044/03.shtml>]).

³⁸ U.S. General Charges Russia, China «Bullying» Kyrgyzstan, Uzbekistan on Bases // Registan.net, 15 July 2005 [<http://www.registan.net/index.php/2005/07/15/us-general-charges-russia-china-bullying-kyrgyzstan-uzbekistan-on-bases/>].

³⁹ Pan Guang. Bishkek: SCO's Success in the Hinterland of Eurasia // The China and Eurasia Forum Quarterly, 2007, Vol. 5, No. 4; русский текст Бишкекской декларации см., в частности: [<http://infoshos.ru/ru/?id=25>].

росам российский посол [в Афганистане] стал высказывать подозрения в связи с расширением американского присутствия в Афганистане: «И все это для того, чтобы бороться с «Талибаном»? А может быть, эта военная инфраструктура [предназначена] и для региональных целей... она размещается в очень тесном стратегическом соседстве с тремя главными мировыми углеводородными бассейнами...»⁴⁰

Месяц спустя, вскоре после войны 2008 года в Грузии, он предупредил, что «ни один здравомыслящий человек не может рассчитывать на сотрудничество с Россией в одной части света, если в другой одновременно действует против нее»⁴¹, тем самым подтверждая, что конфликты между Россией и Соединенными Штатами непременно откликнутся в ЦА. Однако при всем этом Бордюжа заявлял, что в ЦА Россия «рассматривает НАТО как международную организацию, специализирующуюся на вопросах безопасности» и «не видит в НАТО соперника или врага»⁴² и что наличие американской базы в Кыргызстане «не противоречит интересам ОДКБ, если носит временный характер»⁴³. Тем не менее двумя годами позже, когда Кыргызстан получил финансовую помощь от России и начал давить на США по проблеме базы, американский министр обороны У. Гейтс винил в этом Москву: «В том, что касается базы «Манас», русские пытаются получить в Афганистане и то и другое: вы трубите на весь мир о сотрудничестве с нами в Афганистане и одновременно действуете против нас в том, что касается столь очевидно важного для нас аэродрома»⁴⁴.

Позже, в феврале 2011 года, когда шли долгие переговоры между американцами и афганцами о долгосрочном военном присутствии США в стране, Министерство иностранных дел Российской Федерации поинтересовалось: «Если террористическая угроза в Афганистане [в конце концов] будет устранена, зачем тогда будут нужны американские военные базы?»⁴⁵

Россия или Соединенные Штаты?

Китайские аналитики не отставали от российских политиков, демонстрировавших, пусть и молчаливо, что не несущее особых угроз усиление роли Китая для них предпочтительнее более динамичного курса американской политики. Их тоже приход американцев в регион тревожил больше, чем российское присутствие там — с ним они уже давно были знакомы. К тому же опасения из-за появления американцев в новом для них регионе накладывались на прежние опасения по поводу их присутствия на восточных подступах к Китаю в Восточной Азии, их контроля над богатым стратегическими ресурсами Ближнего Востока, над различными «дефилами» и уязвимыми морскими линиями снабжения.

---

⁴⁰ NATO Base in Afghanistan Gets Major Expansion // NPR, 11 July 2008 [<http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=92427328>].

⁴¹ Россия намерена запретить НАТО транзит грузов в Афганистан // РИА «Новости», 26 августа 2008 [<http://www.rian.ru/politics/20080826/150675270.html>].

⁴² ШОС и ОДКБ подписали меморандум о сотрудничестве // РИА «Новости», 5 октября 2007 [<http://rian.ru/society/20071005/82583255.html>].

⁴³ Presence of U.S. Air Base in Kyrgyzstan is Fine if Temporary — CSTO Chief // Eurasianet.org, 21 September 2007 [<http://eurasianet.org/posts/092107kg.shtml>].

⁴⁴ Obama Loses a Key Base for Afghanistan // Time, 19 February 2009 [<http://www.time.com/time/world/article/0,8599,1880686,00.html>].

⁴⁵ Gutterman St. Russia Opposes Long-term U.S. Bases in Afghanistan // Reuters, 18 February 2011.

Син Гуанчэн отмечает, что Китай «не желает, чтобы военное присутствие американцев [в Центральной Азии] затянулось», но одновременно подчеркивает, что его страна «не одобряет отношение России к Центральной Азии как к своему «заднему двору», так как для Китая регион «выступает буфером, подобно Монголии»⁴⁶. По мнению Чжао Хуашена ЦА это «стабильный стратегический тыл Китая» и возможность диверсифицировать источники импорта энергоресурсов по сухопутным трубопроводам вдалеке от «подверженных риску проходов, коридоров и проливов, контролируемых другими государствами». Однако приоритетным направлением является Восточная Азия, где США оказывают самое сильное «стратегическое давление на Китай» в рамках тайваньской проблемы и организуемого ими «сдерживания Китая». Китай должен расставить для себя приоритеты и «сосредоточить ресурсы на главном направлении, поддерживая на остальных стабильность и спокойствие»⁴⁷, между тем как «государства Центральной Азии во многом зависят от России в их безопасности и защите», а сама Россия — «держава, глубже всех укоренившаяся» в регионе⁴⁸. В то же время он обращается и к более широкой панораме евразийской динамики, в частности, отмечает, что США «начиная с Украины и Кавказа, вторгаются в «ближнее зарубежье» России», хотя долгосрочное американское военное присутствие в регионе «неприемлемо и для Китая». В конечном счете отношения между крупнейшими державами в ЦА «зависят от общего состояния их отношений» в мире в целом. В этой связи он подозревает США в попытках «управлять миром через энергоресурсы», сдерживать Россию и Китай и дестабилизировать его западные районы. В рамках этого сценария ШОС — «важный успех для китайской дипломатии», который «показывает, что Россия и Китай достигли стратегического компромисса и стратегического равновесия». США же демонстрируют, что «ни в коем случае не намерены в сколько-нибудь скором времени уходить со своих военных баз в Центральной Азии, даже если в Афганистане удастся добиться стабильности».

Ху Джиан полагает, что теперь, когда Америка «проделала дыру в заборе и забралась в российский сад», «внешний рубеж НАТО пролегает по западной границе Китая», а натовская программа «Партнерство ради мира» — это «инструмент проникновения в Центральную Азию»⁴⁹. В то же время Соединенные Штаты также «постоянно опасаются превращения Китая в доминирующую державу... в барьер, мешающий США осуществлять их глобальную стратегию». Обе страны — «энергонедостаточные», что ведет к «неизбежной конкуренции между ними» за ресурсы в регионе. Эксперт заключает, что, «пока сохраняется военное присутствие Америки в Центральной Азии, Китаю следует уделять больше внимания безопасности своих западных границ». В этой связи смутные слухи о возможном размещении американских самолетов АВАКС в Кыргызстане⁵⁰, похоже, подтверждают китайские подозрения, аналогичные беспокойству российской стороны в 2003 году в связи с полетами американских АВАКС в Грузии, которые, согласно заявлению

⁴⁶ *Xing Guangcheng*. China's Foreign Policy toward Kazakhstan. В кн.: *Thinking Strategically* / Ed. by R. Levgold. Massachusetts: MIT Press, 2003. P. 109, 112; Син Гуанчэн — заместитель директора Института по изучению Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайской академии общественных наук.

⁴⁷ *Чжао Хуашен*. Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*, 2004, № 5 (35). С. 131—140. Чжао Хуашен занимает пост директора российских и центральноазиатских исследований Института международных исследований в Шанхае.

⁴⁸ *Чжао Хуашен*. Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*, 2004, № 6 (36). С. 102—111.

⁴⁹ *Hu Jian*. Cooperation, Competition, Conflict: China and the U.S. In *Central Asia // China-Eurasia Forum*, April-May 2004 [http://www.silkroadstudies.org/new/docs/CEF/CEF_April_May.pdf]. Ху Джиан — заместитель директора Центра исследований ШОС при Шанхайской академии общественных наук.

⁵⁰ *Daly J*. Sino-Kyrgyz Relations after the Tulip Revolution, a также Kyrgyzstan: US Ambassador Denounces Reports on AWACS Deployment // *Ferghana.ru*, 18 February 2005 [<http://enews.ferghananews.com/article.php?id=821>].

официального представителя МИД России А. Яковенко, «затрагивают интересы национальной безопасности России, [так как] радиус действия радара охватывает значительную часть российской территории»⁵¹.

Терроризм и сепаратизм

Российско-китайскому сотрудничеству в ЦА способствуют не только общие для них опасения по поводу Соединенных Штатов и разная направленность их преимущественных внешнеполитических векторов, но и их общая озабоченность проблемами терроризма, экстремизма и сепаратизма, угрожающих китайскому Синьцзяну, российскому Северному Кавказу, а возможно, и областям Среднего Поволжья, а также безопасности Казахстана, с которым у России имеется 4 000-километровая открытая граница. Тот факт, что американская кампания в Афганистане, несмотря на то что она пользуется российской и китайской тыловой и дипломатической поддержкой, все же не смогла пересилить этих общих подозрений и политиканства в регионе, — молчаливое подтверждение сохраняющегося недоверия.

В отличие от США, стоящих «только» перед угрозой терроризма, Китай и Россия сталкиваются еще и с сепаратизмом и внутренней нестабильностью, порождаемой развитием ситуации вблизи их границ. Поэтому «в России не хотят каких-либо экспериментов, в том числе связанных с попыткой стремительной демократизации в Центральной Азии... может получиться взрыв, в результате которого светские режимы будут заменены режимами мусульманских, возможно даже фундаменталистских сил»⁵², и не хотят «дестабилизации в регионе под лозунгом демократии без учета исторических и культурных традиций и политических реалий»⁵³.

Но, хотя борьба против террористических и сепаратистских групп помогла улучшить отношения между тремя державами, по многим направлениям они по-прежнему ведут эту борьбу порознь, в одностороннем порядке, каждая против «своих собственных» террористов, вопреки тому, что наличие международных связей между такими группами является общепризнанным фактом. К тому же иногда борьбу против терроризма омрачает геополитическое соперничество, усиливая взаимную подозрительность между США, с одной стороны, и Россией и Китаем — с другой. Но вот на российско-китайских отношениях это отражается только положительно, способствуя укреплению ШОС. Сотрудничество между тремя государствами в регионе, делает вывод Чжао Хуашен, «строится как взаимодействие между Китаем и Россией, с одной стороны, и каждой из них с США — с другой», поскольку «в обозримом будущем у Китая и России нет намерений угрожать друг другу в стратегическом плане»⁵⁴.

Между тем отдельные китайские аналитики обвиняют США в наличии «скрытых мотивов их действий в Центральной Азии» и «эгоистических геополитических интересов в регионе»⁵⁵, что проявилось в выделении 1,9 млрд долл. за несколько лет на финанси-

⁵¹ Russia Concerned about NATO AWACS Radar Planes Used in Georgia // The Russia Journal, 11 July 2003 [http://www2.russiajournal.com/node/15736].

⁵² Политика России в Центральной Азии // РИА «Новости» 22 ноября 2004 [http://vshu.ru/files/U1r12.pdf].

⁵³ Address by the Ambassador of the Russian Federation H.E. Mr. Vyacheslav Trubnikov at the National Defense College, 17 April, 2007 [http://rusembassy.in/index.php?option=com_content&view=article&id=90&Itemid=102&lang=en].

⁵⁴ Чжао Хуашен. Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 6 (36). С. 108.

⁵⁵ Там же. С. 103.

вание демократизации и реформ, на интеграционные проекты без участия России и на строительство трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан. Другой китайский аналитик утверждает, что «под флагом борьбы с терроризмом [США] стали укреплять связи в сфере безопасности с некоторыми членами ШОС, размещать военные контингенты... потенциально подрывая единство и функционирование организации»⁵⁶.

К тому же в некоторых кругах США принимаются решения, вызывающие озабоченность у Пекина и Москвы. Американский [правительственный] «Национальный фонд демократии» (NED) не раз предоставлял гранты Американской уйгурской ассоциации, а Германия, член НАТО, приняла у себя Всемирный уйгурский конгресс⁵⁷. Такие действия — это, конечно, не скрытое субсидирование сепаратистских групп в Китае со стороны Запада, но и они подливают масло в огонь существующих подозрений по весьма болезненной проблеме и создают новые предметы разногласий точно так же, как страны, поощряющие различные формы исламского возрождения и «фундаментализма», навлекают на себя упреки Соединенных Штатов. Китай предупредил, что «терпимость по отношению к терроризму в Восточном Туркестане наносит ущерб международной борьбе против терроризма»⁵⁸.

Подобным же образом проблемы терроризма и сепаратизма содействуют росту напряженности в российско-американских отношениях. В 2002 году российское Министерство иностранных дел резко критиковало госдепартамент США за встречу его официального представителя с одним из лидеров чеченских сепаратистов, а в 2011 году — за его же выступление в Университете Джонса Хопкинса⁵⁹. После того как Вашингтон и Лондон предоставили убежище нескольким чеченцам, объявленным в России в розыск по обвинению в терроризме, российская сторона жаловалась, что «с общей позитивной тональностью антитеррористического диалога России и ЕС резко контрастирует продолжающееся присутствие и антироссийская деятельность на территории ряда государств — членов ЕС «эmissаров» чеченских сепаратистов, ведущих не только пропаганду, но и сбор средств на террористическую деятельность против России»⁶⁰, и выражала подозрения, что США пытаются «использовать борьбу с терроризмом в разного рода геополитических играх»⁶¹, в то время как специальный посланник президента на Северном Кавказе утверждал, что «в преддверии проведения Олимпиады в Сочи в 2014 году... подогревание или разогревание межэтнических или межнациональных конфликтов — это очень серьезная задача, которой сегодня занимаются спецслужбы западных стран»⁶².

Аналогично тому, как ШОС отдает предпочтение внутрирегиональным решениям, исключаяющим участие США, официальный представитель Государственного департамента в 2002 году, вскоре после того, как высокопоставленный российский чиновник утверждал, что «необходимость участия третьей стороны» в российско-грузинских

⁵⁶ Wu Xinbo. The Promise and Limitations of a Sino-U.S. Partnership // The Washington Quarterly, 2004, Vol. 27, No. 4. P. 115—126. Ву Синьбо — профессор стратегических и международных исследований в Университете Фудань (Шанхай).

⁵⁷ См.: Mackerras C. «Pivot of Asia» Sees China-Pakistan Maneuvers // Asia Times Online, August 2004.

⁵⁸ Xing Guangcheng. Op. cit.

⁵⁹ См.: On the Meeting of a U.S. State Department Official with Ilyas Akhmadov // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 25 January 2002 [http://www.mid.ru/bl.nsf/900b2c3ac91734634325698f002d9dcf/52ba0078bbd9942a43256b4c004efaa1?OpenDocument]; МИД РФ возмущен представлением в университете США трибуны боевику // РИА «Новости», 17 февраля 2011 [http://rian.ru/politics/20110217/335249020.html].

⁶⁰ Обзор внешней политики Российской Федерации в 2007 году...

⁶¹ Лавров С. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике, 2004, № 6.

⁶² «Ситуацию на Кавказе расшатывают западные спецслужбы», — считает Хлопонин // РИА «Новости», 26 октября 2010 [http://rian.ru/defense_safety/20101026/289597331.html].

отношениях «отнюдь не ясна», заявил, что проблему терроризма в Грузии «лучше всего решать в ходе сотрудничества между Соединенными Штатами и Грузией»⁶³. И попытки Запада разделить вину пополам между российским правительством и чеченскими террористами зеркально отражаются в частично возлагающем вину на США утверждении Министерства иностранных дел России, что «по своей сути современный исламский радикализм является деформированной и опасной, но предсказуемой реакцией на односторонние акции США, которые фактически не встречают системного противодействия в условиях разбалансированности международной системы после окончания холодной войны»⁶⁴. По мнению Соединенных Штатов, то же самое иногда можно было сказать и о России и Китае, поскольку они помогали военным в Иране — стране, которую США неизменно связывают с деятельностью террористических групп, и поскольку Россия официально принимала в Москве представителей «Хамас» после их победы на выборах в 2005 году.

Поэтому, хотя теоретически интересы всех трех держав в борьбе против терроризма совпадают, на практике они часто расходятся и даже вступают в противоречия друг с другом. Борьба с терроризмом способствовала развитию и укреплению российско-китайского сотрудничества, в том числе ШОС, но ее положительное воздействие на российско-американские отношения было спорадическим и непоследовательным, часто оборачиваясь противоречиями, трениями и взаимной критикой. Однако был и прогресс: Россия и НАТО договорились об увеличении транзитного потока в Афганистан и обсуждали закупку российских вертолетов для Афганистана. Кроме того, в мае 2011 года США квалифицировали одного из чеченских лидеров как террориста и предложили 5 млн долл. за информацию, способную привести к его аресту, — шаг, который Россия приветствовала⁶⁵.

Заключение

В настоящее время структурные факторы и тенденции, о которых говорилось выше, демонстрируют свою устойчивость и активность. По крайней мере, в среднесрочной перспективе трудно ожидать в ЦА силового соперничества или соперничества в сфере безопасности между Россией и Китаем. Напротив, каждая из двух держав будет уделять первостепенное внимание своему собственному вектору, направленному в противоположную сторону от вектора другой, и своему стратегическому соперничеству с Соединенными Штатами. В такой обстановке борьба с терроризмом вряд ли поможет преодолеть постоянные трения в российско-американских отношениях. Напротив, как это часто бывало, эти трения сами будут влиять на ход антитеррористической борьбы.

---

⁶³ Hahn G.M. The U.S., Russia and Untying the Gordian Knot in Pankisi // The Russia Journal, 7 March 2002.

⁶⁴ Обзор внешней политики Российской Федерации в 2007 году...

⁶⁵ См.: США объявили о вознаграждении в 5 млн долларов за информацию о Доке Умарове // ИТАР-ТАСС, 26 мая 2011 [<http://www.itar-tass.com/c96/151147.html>].

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Евгения ГАБЕР

аспирантка

*кафедры международных отношений
Одесского национального университета
им. И.И. Мечникова
(Одесса, Украина)*

Введение

Распад Советского Союза привел к возникновению геополитического вакуума в Евразии: возникла совершенно новая региональная система, заключающая в себе множество новых возможностей и еще больше новых угроз, как региональных, так и глобальных.

С одной стороны, «исчезновение» с политической карты СССР и неспособность Москвы сохранить в полном объеме свое прежнее влияние в регионе давали Турции уникальный шанс занять освободившееся место регионального лидера, опираясь на тесные исторические, культурные, этнические и лингвистические связи, издавна существовавшие у нее с государствами Кавказа и Центральной Азии (ЦА).

С другой стороны, дезинтеграция СССР и проведение новых разделительных линий в регионе, густо заселенном представителями разных национальностей и вероисповеданий, привели к обострению существовавших здесь противоречий и создали условия для возникновения новых конфликтов на почве межэтнической и религиозной розни, а также территориальных претензий.

Таким образом, провозглашение независимости тремя кавказскими респуб-

ликами означало для Турции не только формирование буферной зоны на границе со своим извечным соперником — Россией, но и возникновение нового очага нестабильности на ее северо-восточных границах. К тому же Анкара и большинство западных стран опасались ничем не ограниченного распространения радикального ислама: именно он при поддержке Ирана и некоторых экстремистских движений мог заполнить тот вакуум силы, который возник после распада СССР. Поэтому в качестве образца для новообразованных стран Кавказа и ЦА была предложена «турецкая модель» развития: светское государство в преимущественно мусульманском обществе и свободная рыночная экономика.

В этой ситуации Турции пришлось незамедлительно выработать новую эффективную политику, позволяющую максимально воспользоваться отсутствием на Кавказе и в Центральной Азии (ЦА) или же слабостью других внешних акторов и в то же время не допустить там дальнейшей дезинтеграции и вооруженных конфликтов.

Анкару серьезно волновал и еще один вопрос. В течение всей холодной войны Турция оставалась главным стратегичес-

ким партнером США в регионах ЦА и Кавказа. Распад СССР и кардинальный пересмотр роли и места Североатлантического альянса в мире грозил Турции потерей прежнего исключительного статуса и стратегического значения для НАТО. В этой ситуации развитие тесных связей с новыми

независимыми республиками бывшего СССР и посредничество в их сотрудничестве с евро-атлантическими институтами были для нее едва ли не единственной возможностью сохранить привлекательность в глазах Запада и получить весомый аргумент в диалоге с ЕС и США.

Географические и геополитические особенности территории Кавказа и Центральной Азии

В течение последних 20 лет политика Турции в отношении Кавказа и ЦА базировалась на единых идеологических основах и выполняла очень схожие стратегические задачи. Однако существование на Кавказе нетюркских и немусульманских государств значительно ослабляет там роль «тюркского фактора». С другой стороны, неверно ограничивать Кавказский регион исключительно Южным Кавказом — Грузией, Арменией и Азербайджаном. Существует еще и Северный Кавказ, входящий в состав РФ, однако сохраняющий довольно тесные исторические и культурные связи с Турцией.

Из всех стран Южного Кавказа активнее всего Турция развивает сотрудничество с Азербайджаном: в основе сотрудничества лежит не только этническая и лингвистическая близость, есть еще чисто экономические интересы, и в первую очередь в энергетической сфере.

В отличие от Азербайджана¹, Грузию сближают с Турцией не только сходство интересов, но и наличие 114-километровой общей сухопутной границы, что позволяет двум странам разрабатывать масштабные проекты по созданию региональных транспортных и энергетических систем. Существенным компонентом их отношений, названных Э. Шварцнадзе еще в 1999 году «стратегическим партнерством», остается и военное сотрудничество, которое, впрочем, носит ограниченный характер из-за нежелания открытой конфронтации с Россией².

Что касается Армении, то, несмотря на все попытки Турции нормализовать отношения, дипломатические контакты с ней так и не были восстановлены. Главными проблемами в отношениях двух стран остаются неопределенность статуса Нагорного Карабаха и вопрос о признании Турцией событий 1915 года в Османской империи геноцидом армян.

Таким образом, на формирование региональной политики Турции серьезно влияют некоторые негативные факторы, которые ограничивают ее возможности влиять на развитие событий.

¹ Общая граница Турции и Азербайджана существует лишь на небольшом отрезке протяженностью 10 км в районе азербайджанского эксклава Нахичевани.

² См.: Jones S. Turkish Strategic Interests in the Transcaucasus. В кн.: Crossroads and Conflict: Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia. London, 2000. P. 58.

Исторические особенности выработки стратегии Турции на Кавказе и в ЦА в 1990-х годах

В разное время стратегия Турции на Кавказе и в ЦА была направлена в основном на развитие тех или иных аспектов сотрудничества, масштабы которого зависели от конкретных целей, наличия ресурсов для их реализации (*внутренних возможностей*), а также от геополитической ситуации и позиции великих держав (*внешние ограничители*). Однако главными инструментами реализации внешнеполитических интересов всегда оставались рычаги экономического и культурного влияния.

Хотя открыто это никогда не декларировалось, но в начале 1990-х годов внешняя политика Анкары была сконцентрирована главным образом на распространении сферы своего влияния на территории тех стран, которые исторически имели тесные связи с Турцией. Таким образом, Анкара отказалась от прежней принципиальной позиции невмешательства в дела тюркских и мусульманских народов соседних стран, прежде служившей для нее гарантией невмешательства других государств в дела различных этнических и религиозных групп внутри самой Турции (в первую очередь, курдов). Это было одним из самых значительных изменений во внешней политике страны после окончания холодной войны. Т. Озал, президент Турции с 1989-го по 1993 год, даже открыто заявлял о своих мечтах расширить сферу влияния Турции на значительные территории «от Адриатики до Великой Китайской стены»³. На разных этапах этой цели добивались с помощью различных политических инструментов и рычагов влияния.

Национально-этническая и религиозная близость. Турция одной из первых признала независимость постсоветских республик Кавказа и ЦА и учредила посольства в большинстве из них. Тем самым она стремилась стать посредником в дальнейших отношениях этих стран с остальным миром, опередив в этом Москву.

В течение веков русско-турецкие противоречия определяли геополитическую ситуацию в регионе (начиная с войн Российской и Османской империй за территории и сферы влияния в Евразии вплоть до военного и идеологического противостояния СССР и государства — члена НАТО и, наконец, борьбы РФ и современной Турции за статус регионального лидера). С возникновением на Кавказе новых независимых республик Турция впервые утратила общие сухопутные границы с Россией, что свело на нет риски прямого столкновения; лучшим способом сохранить подобное положение было, конечно же, поддержание независимости, стабильности и территориальной целостности новообразованных стран. Поэтому с самого начала турецкая политика в регионе базировалась на двух следующих принципах.

1. Всестороннее *признание* и полная *поддержка суверенитета* всех трех кавказских республик; в частности, содействие развитию государственных институтов, восстановлению экономического благосостояния, обеспечению внутренней стабильности и независимой (в первую очередь — от Москвы) внешней политики.

---

³ Baran Z. Turkey and the Caucasus. В кн.: Turkish Foreign Policy in Post Cold War Era. Boca Raton, 2004. P. 269.

2. Необходимость *укрепления национального единства и территориальной целостности* Азербайджана, Армении и Грузии, что имело жизненное значение для самой Турции, населенной многими национальными и этническими группами, компактно проживающими на границах с соседними государствами⁴.

Помимо желания показать себя хорошим соседом и надежным партнером новых независимых республик подобная озабоченность судьбой южнокавказских стран объяснялась еще и собственными стратегическими интересами Турции. С одной стороны, кардинальное изменение баланса сил могло привести к вмешательству внешних акторов и к новому витку соперничества иностранных государств за влияние в регионе. С другой стороны, любые очаги нестабильности или социального конфликта вблизи границ Турции стали бы непосредственными вызовами ее собственной безопасности, поскольку могли привести к нарастанию социального напряжения и быстро распространиться на весь регион, запуская «эффект домино».

Итак, в начале 1990-х годов региональная политика Анкары базировалась на предположении, что если новые независимые республики Кавказа и ЦА смогут эффективно противостоять внешнему вмешательству и политическому давлению более влиятельных региональных или глобальных акторов, то необходимость искать стратегических партнеров в рамках новой системы безопасности, а также их историческая и культурная общность и экономические связи с Турцией постепенно подтолкнут новые государства к тесному союзу с ней.

Именно в этот период широко распространяются идеи *пантюркизма*, которые проявляются в самых разнообразных формах — от радикальных призывов к созданию на территории всех тюркских республик Кавказа и ЦА единого государства «Великий Туран» до более умеренных проектов (создание «Тюркского содружества наций» или «Ассоциации независимых тюркских государств») под лидерством Турции, но с сохранением всех признаков суверенитета государств-членов.

Идеи объединения всех тюркских народов в рамках единого государственного образования никогда не выходили за рамки риторики отдельных маргинальных политиков (таких, как А. Тюркеш), и ни одна из них не была реализована во внешнеполитической практике Турции. Кроме того, тогдашние лидеры страны хорошо понимали, что если Турция не обеспечит себе особый статус в регионе в целом, то ей будет трудно развивать двусторонние отношения с отдельными государствами.

Наиболее ярким практическим проявлением пантюркизма считаются «тюркские саммиты», проведенные в первой половине 1990-х годов по инициативе турецких президентов Т. Озала и С. Демиреля; последний тогда заявил, что Турцию и тюркские республики «связывает единая кровь, религия и язык»⁵.

Впрочем, уже во время второго «тюркского саммита» стало ясно, что молодые независимые государства, только что освободившиеся от опеки Москвы, очень осторожно относятся к любым политическим образованиям, предусматривающим передачу части национального суверенитета в пользу единого центра, даже если он представлен дружественной страной. Вместо того чтобы «вспоминать» о тюркском единстве, Азербайджан и центральноазиатские республики решили развивать собственные национальные идентичности, которые подтвердили бы легитимность новых государств, образовавшихся после распада СССР.

Что касается других государств Кавказа, то концепция пантюркизма затрагивала, и то лишь косвенно, только проживающие здесь тюркские меньшинства или территории с

⁴ См.: *Aydin M.* Turkey's Caucasus Policies // UNISCI Discussion Papers, 2010, No. 23. P. 178.

⁵ *Hale W.* Turkey and Regional Politics after the Cold War: Central Asia and the Middle East. В кн.: *Turkish Foreign Policy, 1774—2000.* London, 2000. P. 291.

преимущественно мусульманским населением (например, Абхазия, Аджария и северокавказские республики).

Впрочем, за исключением отдельных случаев, официальная Анкара пыталась избегать заявлений, явно подчеркивающих религиозную близость. Во-первых, это полностью противоречило бы провозглашенному еще Ататюрком принципу лаицизма (светскости турецкого государства), а во-вторых, значительно ограничивало круг возможных партнеров только мусульманскими сообществами, исключая такие страны, как Грузия и Армения, население которых традиционно исповедует, в основном, христианство.

Кроме того, откровенные проявления пантюркизма и/или панисламизма могли еще больше осложнить отношения Турции с Россией, которая всегда очень болезненно реагировала на попытки других государств вмешиваться в ее традиционные зоны влияния. Именно поэтому наиболее «чувствительные» сферы религии и культуры были отданы в распоряжение негосударственных акторов (различных обществ, благотворительных фондов и т.п.), в то время как Анкара краеугольным камнем своей политики сделала развитие экономического, дипломатического и культурного сотрудничества с новообразованными независимыми республиками.

Культурная и образовательная экспансия. Новая политическая ситуация, сложившаяся в начале 1990-х годов в Европе, была как нельзя более кстати на руку Турции. По странному стечению обстоятельств почти все новые независимые республики, появившиеся на Балканах, Кавказе и в ЦА после распада СССР и Югославии, имели общее с Турцией историческое прошлое и культурное наследие.

Этот фактор сыграл огромную роль в формировании региональной политики Анкары конца XX века. И. Джем, занимавший в то время пост министра иностранных дел, открыто заявлял, что «роль общей истории и параллельных культурных характеристик (*Турции с вышеупомянутыми странами*) всячески подчеркивается и используется на практике во всех сферах внешней политики»⁶.

В то время как политическая и экономическая активность Турции в регионе должны были способствовать установлению тесного сотрудничества с правительствами и бизнес-кругами новых независимых государств, целью создания единого культурного пространства было установление «дружественных» или даже «братских» отношений между обществами и отдельными гражданами этих стран.

Однако формирование единого культурного пространства оказалось долгим и сложным процессом, в первую очередь из-за обилия разнообразных негосударственных акторов, которые активно участвовали в распространении турецкой культуры и трудно поддавались контролю со стороны государства.

Например, анализируя некоторые образовательные инициативы Турции в регионе, можно достаточно четко проследить два направления, которые развивались одновременно, но независимо друг от друга.

Официальная политика Анкары отличалась умеренностью и подчеркнутой заинтересованностью в развитии исключительно светской системы образования. Вместе с тем было очевидно, что многие попытки восстановить место ислама в учебных заведениях новых независимых республик финансировались частными лицами или организациями турецкого происхождения, что создавало дополнительные трудности в проведении высшими руководителями Турции последовательной политики: они были вынуждены каждый раз обращать внимание международной общественности на неофициальный статус подобной деятельности.

---

⁶ Cem I. Turkey in the 21st Century. Speeches and Texts Presented in International Fora (1995—2000). Mersin, 2001. P. 26.

На официальном уровне деятельность Министерства образования Турции ограничилась проведением летних школ и программ обмена для студентов, изучающих турецкий язык (проводятся на постоянной основе с середины 1990-х годов правительственной организацией ТИКА), а также техническим содействием переходу Азербайджана с применявшейся несколько десятилетий кириллицы на латинский алфавит (1996 г.).

Кроме того, открывались школы с преподаванием обычной школьной программы на английском и турецком языках. Однако этих школ было несравненно меньше, чем *частных образовательных учреждений*, массово создававшихся на средства турецких религиозных обществ и фондов и во многом способствовавших исламизации учебного процесса.

В частности, с 1991-го по 1999 год последователями Ф. Гюлена — известного проповедника исламистского движения в Турции и основателя одной из наиболее многочисленных и разветвленных сетей учебных заведений разного уровня аккредитации⁷ — были открыты 73 школы. Подобная форма распространения политического ислама, ориентированная главным образом на Азербайджан, а также на северокавказские республики РФ и Татарстан, так или иначе касалась всех стран СНГ, в состав которых входили народы, исповедовавшие мусульманство (центральноазиатские республики, Грузия, Украина и Молдова).

11 января 1990 года первая группа турецких *миссионеров-исламистов* посетила Тбилиси, после чего направилась в Аджарию, где провела «дружеские встречи» с местным населением. В мае того же года вторая миссия, насчитывавшая 37 человек, привезла большое количество учебников, художественной литературы, аудио- и видеоматериалов обучающе-просветительского характера (миссионеры, в частности, посетили Батуми, Тбилиси, Казань и Баку).

Постепенно миссионерская деятельность религиозной общины Ф. Гюлена охватила не только страны Кавказа, но и большинство регионов России с тюркским и/или мусульманским населением (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан и др.); в Казани и Уфе были созданы неофициальные центры «фетхуллахчи»⁸. По данным российских исследователей, в 2003 году только в России было открыто более 20 турецких лицеев, 10 из которых функционировали в Татарстане, 4 — в Башкортостане, 3 — в Дагестане, и по одному в Чувашии, Карачаево-Черкесии, Туве, Якутии и Хакасии. Причем вместо преподавания всемирной истории (или истории России) гораздо больше внимания уделялось освещению роли Османской империи в международной системе отношений и становлению ее тесных связей со странами региона⁹. Большинство изучаемых тем доволь-

⁷ Фигура Гюлена до сих пор вызывает противоречивые оценки как внутри страны, так и во всем мире. Он подвергался преследованиям со стороны светски настроенных военных, арестовывался за подпольную религиозную деятельность. Ему предъявлялись обвинения в попытке изменить конституционный строй Турецкой Республики и ликвидировать светский режим правления, а главной целью создания сети школ за рубежом была признана подготовка лояльной прослойки властной элиты, с которой можно было сотрудничать после превращения Турции в исламское государство. Вместе с тем Ф. Гюлен достаточно популярен на Западе, особенно в Соединенных Штатах, где он фактически и укрывался в 2000 году от ареста по обвинению в содействии перевороту в Турции. В ходе судебного рассмотрения дела о предоставлении ему права на постоянное проживание в США в его поддержку выступили два бывших сотрудника ЦРУ и бывший посол США в Турции М. Абрамовиц. Многие турецкие эксперты утверждают, что США были заинтересованы в развитии умеренного исламского движения Гюлена, которое представляло «третью силу» в Турции и «мощное политическое движение» в регионе. То, что власти США и, в частности, Центральное разведывательное управление поддерживают движение Гюлена, является общепринятой точкой зрения среди светской элиты Турции, хотя никаких твердых доказательств в поддержку такого утверждения нет.

⁸ Обобщающее название всех последователей этого движения по имени его основателя — Фетхуллага Гюлена.

⁹ См.: *Киреев Н.* Метаморфозы политического ислама // *Азия и Африка сегодня*, 2003, № 6. С. 22.

но часто выходило за рамки классической школьной программы. Фактически создавались учебные заведения с задачей воспитания молодежи в протурецком и происламском духе.

В большинстве случаев турецкие учебные заведения содержались на средства частных фирм или общественных организаций, руководители которых входили в группу Ф. Гюлена. В конце 1990-х годов она контролировала 88 фондов, 20 обществ, 128 частных школ, 218 фирм различных форм собственности, 129 учебных курсов, несколько интернатов, а также 17 печатных органов (в том числе и на английском языке) и две радиостанции. Газета «Заман» публиковалась в Турции тиражом 250 тыс. экземпляров и имела аналоги во многих крупных городах стран Южного Кавказа и Центральной Азии. Телевизионный канал «Саман йолу» (Млечный путь), один из наиболее известных каналов, принадлежащих группе, часто транслировал проповеди и обращения Гюлена. При этом официальная турецкая государственная корпорация теле- и радиовещания ТРТ имела возможность транслировать свои передачи на единственном канале спутникового телевидения «Аврасья» (Евразия), причем исключительно на турецком языке, что значительно сужало его аудиторию. Даже после прихода к власти умеренно-исламистской Партии справедливости и развития официальная Анкара никогда открыто не выступала в поддержку «миссионерской» деятельности Ф. Гюлена. С другой стороны, активная работа его последователей в новых независимых республиках в 1990—2000 годах значительно способствовала распространению турецкого влияния в регионах Кавказа и ЦА.

Невозможность провести четкую границу между культурными и образовательными инициативами турецкого правительства и деятельностью негосударственных акторов, а также позиция «невмешательства» или «дружественного нейтралитета», которую часто занимала официальная Анкара в отношении благотворительных / религиозных фондов, нередко вызывали подозрение и недовольство в странах, не так давно провозгласивших независимость и всячески старающихся укрепить свой суверенитет. Довольно агрессивная политика культурной экспансии (открытие турецких школ, распространение трансляции турецких СМИ на весь регион и т.д.) вместо постепенного укрепления исторических связей с культурно и ментально близкими народами Кавказа привела к нарастанию напряженности в двусторонних отношениях. Осознание неэффективности подобных методов, а также растущее сопротивление со стороны правительств соседних государств заставили Анкару искать другие пути укрепления своих позиций.

Экономическое влияние. В период президентства Т. Озала (1989—1993 гг.) в Турции стала быстро развиваться рыночная экономика и осуществлялся переход от импортозависимой модели экономики к модели экспортно ориентированной. В этом контексте постсоветское пространство рассматривалось как приоритетное направление частных и государственных инвестиций, установления деловых контактов, развития торговли и других форм экономической экспансии.

Хотя на европейских рынках турецкие предприятия в то время были неконкурентоспособны, их продукция значительно превосходила по качеству ту, что производилась странами Кавказа и ЦА. Уже через несколько лет объем торгового оборота Турции с Азербайджаном вырос почти в 8 раз. Турция стала крупнейшим торговым партнером Грузии, потеснив Россию.

В указанный период Анкара проводила на Кавказе и в ЦА весьма активную и последовательную экономическую политику: ежегодно наращивала объемы инвестиций, принимала на себя финансовые обязательства в рамках долгосрочных проектов, реализовывала программы государственной помощи и всячески пыталась максимизировать там свое присутствие. Только в первые годы независимости государства региона Большого

Кавказа посетили более 1 170 турецких делегаций¹⁰, а президент Т. Озал и премьер-министр С. Демирель лично выступили инициаторами нескольких многосторонних экономических проектов с участием представителей среднего и крупного бизнеса всех стран региона.

Характерной особенностью внешнеэкономической политики Анкары было тесное сотрудничество государственного и частного секторов. Так, во время официальных визитов руководителей страны почти всегда сопровождали турецкие бизнесмены (главным образом члены торгово-промышленных палат, владельцы крупных строительных, текстильных и пищевых компаний), которые искали партнеров в соответствующих секторах экономики соседних государств. Кроме того, в 1992 году было основано Турецкое агентство международного сотрудничества и развития (ТИКА); главной целью его деятельности являлись координация усилий в области экономического освоения стран Кавказа и ЦА и контроль над направляемыми в них средствами.

На межгосударственном уровне в июне того же года для оживления экономических, торговых и, в меньшей степени, политических отношений в бассейне Черного моря была создана по предложению Турции Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Это событие заслуживает внимания хотя бы потому, что ОЧЭС стала единственным международным региональным форумом, который объединил все три республики Южного Кавказа — Азербайджан, Армению и Грузию. Очень многие из весьма амбициозных планов, выдвинутых организацией, были воплощены в жизнь, однако большинство инициатив так и остались на бумаге. В частности, так и не был реализован самый грандиозный проект, предусматривавший создание единой транспортной системы по побережью вокруг Черного моря.

В целом, государственную экономическую политику Турции в регионе можно считать достаточно успешной, однако ее конечные результаты оказались гораздо скромнее, чем планировалось. Слишком активная политика Анкары, ориентировавшаяся исключительно на укрепление ее лидерских позиций без учета реальных ресурсов, с самого начала вызывала серьезную критику как внутри страны, так и за ее пределами. Оппоненты были недовольны тем, что государственная помощь зарубежным странам предоставлялась за счет недофинансирования многих секторов национальной экономики. Вызванное этим перенапряжение экономики привело к резкому увеличению дефицита бюджета и росту инфляции. Уже через пять лет после провозглашения нового внешнеполитического курса Анкара была вынуждена признать себя неспособной выполнить финансовые обязательства перед странами Кавказа.

Так, если в 1994 году объем государственной помощи Грузии и Азербайджану составлял соответственно 300 407 и 783 317 долл., то уже в 1997 году эти суммы сократились до 87 494 и 243 948 долл.¹¹ Таким образом, к критике оппозицией неэффективной экономической политики власти добавилось недовольство и разочарование большинства региональных партнеров Турции.

Что касается частного сектора, то в течение длительного времени сотрудничество турецких бизнесменов с «братскими народами» Кавказа развивалось достаточно динамично. Однако, по меткому выражению турецкой исследовательницы З. Баран, Турция здесь «явно перестаралась, слишком часто выступая в роли старшего брата» по отношению к другим странам¹². Пренебрежительное отношение к местным предпринимателям,

¹⁰ См.: Aydin M. Between Euphoria and Realpolitik: Turkish Policy toward Central Asia and the Caucasus. В кн.: Turkey's Foreign Policy in the 21st Century: A Changing Role in World Politics. Burlington, 2003. P. 142.

¹¹ См.: Ibid. P. 141—142.

¹² См.: Baran Z. Op. cit. P. 271.

желание получить сиюминутную прибыль любой ценой и недобросовестность в выполнении своих обязательств сформировали негативный имидж турецкого бизнеса, который было достаточно трудно сломать в последующие годы.

Еще одним моментом, который заставлял соседние страны с опаской относиться к щедрым инвестициям Турции, была тесная связь определенных групп турецкого бизнеса с исламом. В противовес созданному еще в 1971 году Союзу турецких промышленников и бизнесменов (ТЮСИАД) в 1990-х годах в Стамбуле был основан Союз независимых предпринимателей (МЮСИАД). Если первое сообщество характеризуется экспертами как наиболее авторитетная организация Турции, представляющая интересы крупного бизнеса и ориентированная в первую очередь на либеральную экономику западного типа, то второе можно считать его альтернативой, созданной окрепшим исламским бизнесом¹³.

Совокупность всех этих факторов привела к тому, что уже в конце 1990-х годов турецкий капитал потерял свои привилегированные и доминирующие позиции на рынках Кавказа и ЦА и был вынужден конкурировать на общих основаниях с российским, западным и иранским бизнесом. Однако следует отметить, что он до сих пор в значительных объемах присутствует на этих рынках.

Возвращение Турции на Кавказ: неосманизм или прагматизм?

Начало новой эпохи в турецкой региональной политике, как правило, связывают с концепцией «стратегической глубины», которая впервые была предложена нынешним министром иностранных дел Турции А. Давутоглу в 2001 году¹⁴. Она предопределила внешнеполитическую линию страны на последующее десятилетие.

Будучи «центральной страной с множественными региональными идентичностями» Турция, как утверждается, имеет огромное преимущество, заключающееся в возможности использования «мягкой силы» в отношениях с соседними государствами (имелись в виду такие факторы, как культурная и религиозная близость, общие исторические корни и экономическая взаимозависимость).

Традиционно Турция в силу ее военной мощи и особого внимания к вопросам безопасности всегда рассматривалась в регионе исключительно как источник «жесткой» силы. Однако в течение нескольких последних лет турецкая внешняя политика подверглась радикальным изменениям, а понятие национальной безопасности включает теперь, помимо военной, также экономическую, энергетическую, социальную и другие составляющие. Для определения нового курса все чаще стали использоваться такие термины, как «демилитаризация»¹⁵, «экономизация» внешней политики и «становление торгового государства»¹⁶.

¹³ См.: *Ульченко И.* МЮСИАД и ТЮСИАД. «Мусульманский» и «светский» варианты развития экономики страны: чья возьмет? // *Азия и Африка сегодня*, 2003, № 9. С. 50.

¹⁴ См.: *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu (32. baskı). İstanbul, 2009. (1-е изд. — 2001 г.).

¹⁵ *Ситан У.* Место под солнцем или пятнадцать минут славы? Новый внешнеполитический курс Турции. М.: Московский центр Карнеги, 2010. С. 13.

¹⁶ *Kirisci K.* The Transformation of Turkish Foreign Policy: The Rise of the Trading State // *New Perspectives on Turkey*, 2009, № 40. P. 29—57.

Вполне очевидно, что культурное и экономическое пространство Турции выходит далеко за рамки ее политических границ. Это позволяет Анкаре, с одной стороны, успешно развивать отношения на межгосударственном уровне, а с другой — стимулировать личные контакты и расширять социальные связи между «родственными» обществами, расширяя свое влияние на большие территории.

Концепция «центральной державы» и основанный на ней «новый активизм» вызвали волну разговоров об использовании Анкарой фактора «османского наследия» и ее тайных стремлениях восстановить свое некогда утраченное геополитическое влияние на пространстве от Балкан до Кавказа и от Северной Африки до Ближнего Востока. Несмотря на то что многие эксперты обвиняют Турцию в проведении политики «неоосманства», официальная Анкара использует любую возможность подчеркнуть, что не имеет никаких других намерений, кроме поддержания мира и стабильности в тех регионах, где может сыграть конструктивную роль. Более того, сам термин «неоосманство» неоднократно подвергался критике со стороны первых лиц государства¹⁷.

Термин «неоосманство», действительно, мало подходит для описания современной региональной политики Турции в том смысле, что в ее основе — уже не стремление к гегемонии, а вполне прагматические соображения. Хотя Партия справедливости и развития, имеющая исламские корни, безусловно, до некоторой степени переориентировала внешнюю политику Турции, решающим фактором все же были и остаются экономические интересы и геополитические расчеты¹⁸. Поэтому целью нынешних саммитов тюркоязычных стран является уже не столько распространение идей пантюркизма и создание исламской конфедерации «Великого Турана», сколько подготовка благоприятной почвы для выгодных торговых контрактов и энергетических проектов¹⁹.

В основе внешней политики Турции всегда лежал экономический прагматизм (часто скрываемый за какими-либо идеологическими лозунгами). Проявлялся он и в отношении к странам Кавказа и ЦА, однако открыто говорить об этом начали только в 2000-х годах.

По мнению многих исследователей, именно прагматизм является отличительной чертой политики Партии справедливости и развития, находящейся у власти с 2002 года. В свете долгой и неоднозначной политической истории ее лидера и нынешнего премьер-министра Турции Р. Эрдогана ожидалось, что победа на выборах умеренных исламистов приведет к активизации «мусульманского» вектора внешней политики в ущерб другим, уже традиционным направлениям. Однако отношения с Россией (одним из крупнейших торговых партнеров Турции и к тому же сильной региональной державой, которая уже успела значительно восстановить свой потенциал) и США (которые оставались неизменным стратегическим партнером Турции и ее военно-политическим союзником) продолжали активно развиваться.

В энергетической сфере приоритетной задачей Турции на этом направлении была диверсификация источников и поставщиков энергоносителей и, в частности, уменьшение зависимости от России, которая обеспечивала основную часть турецкого импорта природного газа. Становление Кавказского региона как одного из потенциальных крупнейших поставщиков энергоресурсов и рост спроса на природный газ

¹⁷ См.: *Davutoğlu A.* I Am Not a Neo-Ottoman // *Today's Zaman*, 25 November 2009; *Kalin I.* A Neo-Ottomanism // *The Majalla* [<http://www.majalla.com/en/interview/article11115.ece>]. Ибрагим Калын — первый советник премьер-министра Турции по вопросам внешней политики.

¹⁸ См.: *Larabee S.* Turkey's New Geopolitics // *Survival*, 2010, Vol. 52, No. 2. P. 160; *Onis Z.* The New Wave of Foreign Policy Activism in Turkey // *DIIS Report*, 2009. P. 10.

¹⁹ См.: Будет создан Высший совет стратегического сотрудничества Азербайджана и Турции, 15 сентября 2010 [<http://ru.trend.az/regions/met/turkey/1751009.html>].

внутри страны значительно усиливали стремление Турции играть все большую роль в регионе²⁰.

В проведении Турцией собственной энергетической политики важное значение имели политические и стратегические расчеты: Анкара рассматривала сферу добычи и поставок каспийской нефти и газа как неотъемлемую часть региональной конкуренции с Россией и Ираном за политическое и экономическое влияние на Кавказе. Кроме того, существовало твердое убеждение, что, если Турции удастся стать центральным звеном в энергетическом коридоре «Восток — Запад», ее стратегическое значение для ЕС и США резко возрастет.

Для решения этих задач Турция стремилась установить тесные политические и дипломатические связи с богатыми энергоносителями странами Каспийского региона, и в особенности — с Азербайджаном. В то же время она активно участвовала в разработке проектов трубопроводов для транспортировки энергоносителей с Каспия через территорию Азербайджана и Грузии в Турцию и далее в западноевропейские страны.

В 2006 году был введен в эксплуатацию нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД). Это стало первым шагом на пути превращения Турции в «энергетический узел», через который должны были осуществляться основные поставки центральноазиатских энергоресурсов в ЕС. Этот проект имел колоссальное значение для развития энергетического коридора «Восток — Запад», поскольку обеспечивал не имеющему выхода к морю Азербайджану связь с западными рынками.

Не углубляясь в детали ситуации с уже существующими и новопредложенными нефте- и газопроводами, можно довольно четко проследить общую цель инициатив Турции: создание единой энергетической системы, которая соединила бы между собой страны Кавказа и Каспия, позиционирование себя как центрального звена этой системы, без которого невозможно функционирование ни одного проекта, и, как результат, подтверждение своего статуса влиятельного регионального актора.

Сегодня Турция впервые за многие годы вплотную приблизилась к достижению этой цели. Уже функционируют нефтепровод БТД и газопроводы Баку — Тбилиси — Эрзерум и «Голубой поток» (в его рамках Турция с 2005 года официально сотрудничает с Россией). В стадии разработки находятся проекты подключения казахской нефти к трубопроводу БТД и расширение поставок российского газа за счет ввода в строй «Голубого потока-2». Кроме того, планируются возможные маршруты поставки туркменского, иранского и иракского газа в Европу через территорию Турции.

Однако активное развитие энергетических и транспортных сетей может привести и к негативным последствиям: любые инициативы, способные изменить существующий баланс сил, непременно вызовут недовольство других акторов и будут способствовать нарастанию напряженности в регионе.

Отнюдь не способствует стабильности и распространенное убеждение, что «кто контролирует главные транспортные сети и обеспечивает большую долю транзита нефти, тот и получит значительное влияние не только на Кавказе и в ЦА, но и в глобальном политическом масштабе». В связи с этим борьба региональных государств за влияние, включающая политическое, идеологическое и религиозное измерения, а также усиленную конкуренцию на рынке энергоресурсов, значительно повышает риск возникновения вооруженных конфликтов²¹.

²⁰ См.: *Temel I.* Turkey: A New Actor in the Field of Energy Politics // *Perceptions*, March — May 1996. P. 58.

²¹ См.: *Aydin M.* Regional Security Issues and Conflicts in the Caucasus and the Caspian Regions. В кн.: *International Security Challenges in a Changing World*. Bern, 1999. P. 119—120.

З а к л ю ч е н и е

Турция добилась значительных успехов в расширении своего присутствия в Азербайджане и в постсоветских тюркских республиках ЦА, в первую очередь в экономической и культурной сферах. Однако ожидания того, что она станет влиятельным политическим актором, не оправдались. Основными причинами неудачи были противодействие других региональных государств и серьезные просчеты, допущенные во внешней политике самой Анкарой.

Первоначальная эйфория Турции относительно широких возможностей, открывшихся для нее в регионе после распада СССР, быстро уступила место осознанию сложных реалий геополитической ситуации на Кавказе и собственных внутренних ограничителей. В конечном счете, несмотря на раннюю пантюркистскую риторику Анкары, сегодня ее политика в отношении стран Кавказа и ЦА сводится главным образом к решению ряда экономических задач, в частности к созданию и расширению рынков сбыта для турецких товаров и услуг.

По-прежнему остаются актуальными проблема поступления энергетических ресурсов для внутреннего потребления и разработка новых маршрутов для транспортировки через территорию Турции углеводородов Каспийского региона в страны Европы.

Таким образом, на сегодняшний день сферами, где Турция сумела наиболее успешно реализовать свои амбиции, остаются торговля и экономика, а участие в альтернативных энергетических проектах представляется наиболее перспективным направлением развития регионального сотрудничества в будущем.

Большим потенциалом обладают новая «активная дипломатия» и проводимая находящейся у власти Партией справедливости и развития «политика отсутствия проблем с соседями».

Используя преимущества своего уникального географического положения, а также наличие исторических связей и культурной близости с кавказскими народами, Турция могла бы способствовать значительному улучшению общей атмосферы в регионе. В этом контексте новое значение приобретает внедрение таких образовательных и культурных программ (в том числе и обмена студентами), которые были бы направлены на установление социального диалога между различными этническими группами и повышение уровня взаимопонимания.

Однако, чтобы эти меры были эффективными, действия Турции должны вызывать доверие, а не опасения относительно распространения ее неформального влияния в странах Кавказа. Политика пантюркизма уже доказала свою несостоятельность и несоответствие требованиям времени; совершенно очевидно, что ее аргументы неуместны в современной внешнеполитической риторике страны.

Стратегический выбор, который рано или поздно встанет перед Анкарой, все же должен быть сделан в пользу трансатлантических институтов и продолжения военно-политического сотрудничества с США, поскольку без их поддержки процесс становления Турции в качестве регионального лидера будет слишком сложным, да и вообще маловероятным. К тому же, оставшись в регионе один на один со своим извечным соперником — Россией, Турции будет трудно противостоять в будущем ее возрастающей силе и политическому влиянию. Поэтому, успешно развивая партнерские отношения с Москвой в экономической, торговой и туристической сферах, Турции не следует отказываться от долгосрочного стратегического альянса с Вашингтоном.

К ВОПРОСУ О «БОЛЬШОЙ СТРАТЕГИИ» УЗБЕКИСТАНА

Фархад ТОЛИПОВ

*кандидат политических наук,
независимый исследователь
(Ташкент, Узбекистан)*

Введение

Спустя 10 лет после провозглашения независимости Республика Узбекистан (РУ) была объявлена стратегическим партнером США. С точки зрения геополитики это событие не имело прецедента: впервые в истории Центральная Азия (ЦА), всегда находившаяся на периферии мировой политики, оказалась в центре внимания глобальных и региональных держав.

Однако и по прошествии 20 лет независимого развития государствам ЦА по-пре-

жнему еще только предстоит выработать адекватную внешнеполитическую стратегию.

Данная статья посвящена анализу стратегических интересов Узбекистана и постоянно меняющегося статус-кво в регионе. Согласно выдвинутой здесь концепции, Республика Узбекистан несет особую ответственность за ЦА. Несомненно, данный вопрос требует более глубокого изучения: мы здесь могли рассмотреть лишь некоторые элементы «большой стратегии» государства.

Сущность «большой стратегии»

Термин «стратегия», первоначально имевший сугубо военное значение, в XX веке приобрел более широкое толкование.

Как известно, победа над врагом достигается умелым сочетанием и использованием сил и средств в нужное время и в нужном месте, в разработке стратегии имеют значение как объективные, так и субъективные факторы. Экстраполируя это на более широкую сферу действий государства, стратегию его можно представить как интеграцию сил и средств на основе единого плана политических действий, направленных на достижение определенных целей с учетом времени, места и условий (среды) этих действий, а также возможных выгод.

Высший уровень стратегии — так называемая «большая стратегия» (являющаяся, по сути, стратегией национальной безопасности), которая подразумевает самый высокий уровень принятия политических решений и мобилизует для их достижения все необходимые средства, охватывая практически все ключевые сферы государственной деятельности: военную мощь, экономический потенциал, торговые возможности, техно-

логическую базу, разведывательные ресурсы, дипломатические рычаги, идеологические средства и т.п.¹

Как отмечал Б.Г. Лиддел Гарт, большая стратегия «должна не только комбинировать различные инструменты, но и регулировать их использование таким образом, чтобы не допустить ухудшения будущего состояния мира — ради безопасности и процветания»².

Какие же руководящие принципы можно предложить для разработки «большой стратегии» Узбекистана? Как было отмечено, мы должны адекватно осознать стратегическую и военно-политическую ситуацию, определить жизненно важные национальные интересы государства, наметить цели и задачи, а также рассчитать силы и средства, необходимые для их реализации. Кроме того, при разработке и проведении в жизнь той или иной стратегии не следует забывать и об оценке возможных последствий — выгод и издержек.

Разработка «большой стратегии» требует фундаментального исследования вышеперечисленных вопросов. Здесь мы ограничимся лишь кратким анализом некоторых из них.

Прежде всего, необходимо определиться по вопросу о жизненно важных и стратегических интересах, связанных с **физическим, культурным и политическим выживанием нации**, без защиты которых стране могут угрожать хаос, неуправляемые негативные процессы, распад политической и экономической системы и т.п. К этой категории относятся главным образом интересы национальной безопасности, для защиты которых государство поддерживает достаточный уровень военной мощи и мобилизационной готовности, укрепляет государственные институты и заботится о наращивании экономического потенциала страны.

Стратегические интересы во многом можно приравнять к жизненно важным, но у них есть свои особенности. В частности, имея самостоятельное значение, они играют «параллельную», в чем-то обслуживающую роль по отношению к национальным интересам других типов. Так, сотрудничество с США способствует экономическому росту Узбекистана; следовательно, оно работает на реализацию жизненно важных интересов РУ (и, безусловно, выгодно США). Сотрудничество может развиваться до установления между ними стратегического партнерства. Однако отсутствие стратегического партнерства еще не будет означать опасной незащищенности жизненно важных интересов. С другой стороны, реализуя свои стратегические интересы — в нашем примере в форме сотрудничества с Соединенными Штатами, нация может получить большие выгоды и занять лучшие позиции в мировом сообществе. Именно поэтому от достижения **стратегических интересов зависит будущий статус нации в международной системе**. И, хотя стратегические ориентиры определяются на среднесрочную и долгосрочную перспективу, они всегда остаются приоритетными.

К стратегическим интересам Узбекистана можно отнести строительство автомобильных и железнодорожных магистралей, ведущих из ЦА в Европу, Китай, Иран, Афганистан, Пакистан и Индию, а также прокладку нефте- и газопроводов через территорию этих стран в целях транспортировки центральноазиатского энергетического сырья на мировые рынки. Реализация различных проектов не только поможет решить проблемы экономического роста стран ЦА, но и будет способствовать укреплению стабильности и порядка в макрорегионе и устранению угроз национальной безопасности государств, а также обеспечит им более выгодные политико-экономические позиции в новом мировом порядке XXI века.

¹ См.: Kohout J.J. III, et al. *Alternative Grand Strategy Options for the United States // Comparative Strategy*, 1995, Vol. 14. P. 361—420.

² Цит. по: Ibid. P. 363.

К сфере стратегических интересов Узбекистана (дополняющих жизненно важные, а также имеющих самостоятельное значение), бесспорно, относится установление и развитие стратегического партнерства с США, странами — лидерами ЕС, Турцией, Россией, Индией, Японией, Китаем, государствами ЦА, Грузией, Азербайджаном, Украиной и др. Большое значение имеет активное участие в деятельности ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО, СНГ и ОИК. От этих ключевых субъектов в решающей степени зависят национальная и региональная безопасность Узбекистана, создание сети транспортных и электронных коммуникаций, транспортировка энергетических и других ресурсов, привлечение инвестиций и высоких технологий, а также участие в создании нового мирового порядка.

Под стратегическим партнерством мы понимаем высокий уровень межгосударственных отношений, при котором сотрудничество, во-первых, охватывает довольно широкий спектр различных направлений (экономику, политику, военную область, культуру и др.), во-вторых, рассчитано на долгосрочную перспективу, в-третьих, обслуживает интересы национальной безопасности каждой из сторон и, в-четвертых, обуславливает единство или близость их позиций по наиболее важным проблемам мировой политики, в том числе определенную корреляцию их внешнеполитических действий. Подобное сотрудничество свидетельствует о высокой степени взаимного доверия и надежности отношений.

Меняющийся статус-кво в регионе

Обретение государствами ЦА независимости (превратившее их в субъекты международных отношений) привело к геополитической трансформации региона и положило начало налаживанию новых стратегических отношений.

С точки зрения системного подхода меняющийся статус-кво в ЦА целесообразно рассматривать в контексте формирующегося нового мирового порядка (НМП). Правда, сам процесс формирования НМП оценивается разными политиками и экспертами весьма неоднозначно и противоречиво, но консенсус по тому вопросу вряд ли достигим в принципе.

Как представляется, любая модель НМП, основанная на представлении об N-полюсном мире, будет уязвимой, поскольку она *a priori* рассматривается в рамках силовой составляющей мировой политики, а та становится все более размытой (а собственно сила — все более диффузионной).

Так, даже система однополярного миропорядка, подразумевающая глобальную гегемонию США, неспособна задать другим «элементам» какие-то фундаментальные параметры политического бытия, под которые тем следовало бы подстраиваться; не случайно Зб. Бжезинский не смог признать, что США станут последней империей мира³. Таким образом, положение «монополюса» — в частности, статус США как полюса однополярного мира — может служить лишь концептом, уместным в описании переходной модели. Вряд ли возможно сегодняшней реальной статус США считать «венцом конца истории» и детерминантом мирового порядка.

Разумеется, могущество и ценности США бесспорны, однако не бесспорны ни американская глобальная гегемония, ни доктрина «Пакс Американа»: для установления

---

³ См.: Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.

нового мирового порядка одного лишь признания мировым сообществом глобального лидерства США еще не достаточно. Ведь даже по стандартам самих Соединенных Штатов это противоречило бы представлению о необходимой плюралистичности.

Если же говорить о многополюсном миропорядке, то он, скорее всего, был бы беспорядком. Полюсы мира, представляя собой разные цивилизации и социально-политические системы, скорее всего, будут соперничать между собой, преследуя собственные интересы (как это было в период биполярного порядка). Многополюсный порядок представлял бы собой, если можно так выразиться, однополюсный мир «наизнанку» — весь плюрализм такого мира ограничивался бы исключительно «магической цифрой» N, выражающей число полюсов в мире на тот или иной момент.

Кроме того, многополюсность еще не есть *ipso facto* признак демократизации международных отношений, хотя сторонники данной концепции обосновывают свои идеи именно ее демократичностью. Как представляется, наиболее демократической формулой НМП мог бы стать обсуждаемый ныне проект «**Pax Democratica**». На первый взгляд кажется бесспорным, что только расширяющаяся демократия может претендовать на право определять содержание и характер НМП: против подобной идеи не станет возражать ни одна мировая держава. Но в основе этой концепции лежит немало идеалистических идей, в то время как модель многополюсного мира отличается реализмом.

Между тем идея международной демократии (которая легко экстраполируется в идею региональной демократии) чрезвычайно важна для стран ЦА. Для государств региона национальная и региональная демократия, как представляется, взаимно обуславливают друг друга (ярким подтверждением этому выводу служат события июня прошлого года на «островке демократии» — в Кыргызстане).

Весьма интересно и то, что концепция региональной демократии может выполнять не только интеграционную, но и геополитическую роль, поскольку является важнейшей предпосылкой и гарантией бесконфликтных отношений между государствами ЦА, каждое из которых формирует свою собственную внешнеполитическую стратегию.

Присутствие в регионе ЦА Соединенных Штатов и их стратегическое партнерство с Узбекистаном поставило на повестку дня вопрос о политической субъектности (совместной и индивидуальной) центральноазиатских государств. На фоне формирующегося НМП и меняющегося статус-кво американское присутствие в регионе получает беспрецедентное геополитическое значение.

Именно поэтому **узбекско-американское партнерство приобретает не только сугубо двустороннее, но и, в силу своих импликаций, региональное измерение.** Его также можно рассматривать как сильный импульс региональной интеграции. И если стратегическое присутствие США в ЦА отражает происходящую здесь системную геополитическую трансформацию, то историческая ответственность всех пяти государств региона (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) состоит в том, чтобы превратить эту трансформацию в центростремительный интеграционный процесс. И в этом процессе Узбекистану принадлежит особая роль.

Концепция особой ответственности Узбекистана за Центральную Азию

Параметры могущества, стратегическое значение и политический потенциал Узбекистана указывают на то, что **это государство объективно несет особую ответственность**

за регион Центральной Азии. Узбекистан должен стать инициатором и лидером интеграции. Это вовсе не исключает ответственности других центральноазиатских государств за ход интеграционных процессов: центристремительная региональная политика каждого из них, безусловно, самоценна как таковая. Кроме того, концепция особой ответственности ни в коей мере не предполагает и даже абсолютно отрицает какое бы то ни было доминирование, экспансию или гегемонию, которые могли бы породить определенную безответственность.

Многие аналитики и политики сразу же после достижения независимости чуть ли не единодушно провозгласили руководящим принципом построения региональной и международной стратегии государств ЦА концепцию баланса сил. Эта концепция в корне противоречит идее особой ответственности, которая предполагает не столько балансирование, сколько вовлечение заинтересованных сторон, представляющее собой двуединый процесс:

- во-первых, это вовлечение центральноазиатских стран в единую региональную политику через их отказ от стремления «уравновесить» друг друга;
- во-вторых, это вовлечение внерегиональных держав в регион через их отказ от геополитики как игры с нулевой суммой.

Впрочем, несмотря на широко распространенные утверждения об озабоченности центральноазиатских государств необходимостью баланса, и Узбекистану, и всем остальным странам ЦА пока только предстоит научиться хотя бы играть в «баланс сил»: то, что мы наблюдаем сегодня, больше напоминает не баланс, а колебание.

Таким государствам, как Узбекистан — бывший буфер и объект геополитических раздоров, не остается ничего другого, кроме как стремиться использовать выгоды от сотрудничества с каждым из геополитических соперников и постоянно доказывать и демонстрировать последним, что подобная стратегия представляет собой наиболее рациональный выбор и направлена на примирение и сближение. В данном случае следует забыть старое политическое правило «Враг моего врага — мой друг». **Наиболее релевантным выбором для Узбекистана была бы позитивно выраженная диверсификация.**

Превратившись из объекта притязаний сверхдержав в субъект международных отношений и геополитики, Узбекистан может выбрать единственно возможный и верный путь, заключающийся в примирении внерегиональных соперников через сближение с каждым из них. Следует отметить, что, хотя реализация подобной стратегии и начинается с «балансирования», она не основана на принципе так называемой многовекторной внешней политики.

Политика, проводимая Узбекистаном, должна приобрести региональное измерение, и ее следовало бы связать с перспективами стратегического партнерства с США.

Если принять за основу четыре базовые цели, декларируемые США в ЦА (укрепление независимости, обеспечение региональной стабильности и безопасности, проведение рыночных и демократических реформ, развитие регионального сотрудничества), то можно заметить, что все они в той или иной мере зависят от ситуации в регионе в целом.

Узбекистану необходимо добиться, чтобы стратегическое партнерство с США «заработало» и в интеграционном направлении: лишь это направление может иметь демократическое содержание как на национальном, так и на региональном уровне, то есть гармонизировать с идеей «Pax Democratica».

В одной из своих книг президент Узбекистана И. Каримов подчеркивал: «Эта интеграция всегда была и остается народной по своей сути... Отметим, что интеграция наро-

дов Центральной Азии — это не мечта или проект на будущее, это данность, это реальность, которая лишь нуждается в организационных и политических формах»⁴.

На месте Узбекистана и любое другое центральноазиатское государство избрало бы, наверное, именно такую стратегию. Поэтому нет смысла подозревать Узбекистан ни в гегемонистских амбициях, ни в каком-то миссионерстве или поползновениях на неадекватное лидерство. Действительное лидерство РУ заключается в ее особой ответственности за состояние дел в ЦА. Причем эта особая ответственность выводится как из той или иной формы участия Узбекистана в региональных делах, так и из его неучастия в них.

Элементы «большой стратегии» Узбекистана

Изложенное представление о сути стратегического партнерства и о характере изменений статус-кво в регионе, а также концепция особой ответственности Узбекистана позволяют предложить следующие элементы «большой стратегии» государства.

1. *Выбор стратегических партнеров.* Процесс развития отношений, вплоть до установления стратегического партнерства, носил обоюдный характер: инициатива исходила не только от Узбекистана, но и от тех государств, которые ныне считаются стратегическими партнерами республики. Сторонам удалось преодолеть «прохладные» отношения, оценить перспективы и надежность и, наконец, достичь дружеского сближения и доверия.

О стратегическом характере взаимоотношений Узбекистана с США, ЕС, Россией и Японией свидетельствует и заключение соответствующих соглашений и ряд других фактов.

Например, в интервью РИА «Новости» бывший посол США в Узбекистане Д. Пресел заявил: «Узбекистан является для США самой важной страной в Средней Азии, поэтому для нас представляет интерес сотрудничество с этим государством во всех сферах — будь то экономические, политические или военные связи»⁵.

Схожие мысли высказывает индийский аналитик П. Стобдан, который замечает, что, ослабив казахстанский военный потенциал, США видит именно в Узбекистане единственного кандидата на роль регионального якоря. Фактически Узбекистан опережает Пакистан в качестве стратегического партнера США⁶.

О стратегической важности Узбекистана для США упоминает в своей книге «Большая шахматная доска. Американское лидерство и его геостратегические императивы» и Зб. Бжезинский.

Со стратегической точки зрения партнерство с РФ также чрезвычайно важно и имеет судьбоносное значение практически для всех постсоветских государств: Россия, по выражению британского географа Х. Маккиндера, остается той «срединной землей» (*Heartland*), которая благодаря неслыханному богатству природными ресурсами

---

⁴ Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент: Узбекистан, 1997. С. 310.

⁵ Интервью Дж. Пресела РИА «Новости» от 25 июня 1998 года.

⁶ См.: *Stobdan P. Central Asia in Geopolitical Transition Period // Strategic Analysis, April 1998.*

и громадной протяженности всегда будет притягивать близкие и далекие державы. Кроме того, она всегда будет представлять собой обширный рынок, прежде всего для ее «ближнего зарубежья».

С другой стороны, регион ЦА, который и сам является неотъемлемой частью *Heartland*, стратегически важен для России. По мнению бывшего премьер-министра России В. Черномырдина, «ближнее зарубежье — это наш рынок, другого у нас нет. Если мы будем отбрасывать своих партнеров дальше и дальше, то только усугубим положение в России. Западу мы не нужны, нас туда, на их рынки пускать не хотят»⁷.

Узбекистану необходимо также стратегическое партнерство с Турцией.

- Во-первых, центральноазиатские страны (за исключением Таджикистана) связывают с ней общность этнического происхождения, культуры, религии и языка.
- Во-вторых, Турция как стратегический партнер США как бы дополняет узбекско-американское стратегическое сотрудничество: благодаря своему выгодному географическому положению, а также заметной роли в международных делах она может способствовать быстрому вхождению Узбекистана в мировое сообщество.

Кроме того, Узбекистан и Турцию, государственное устройство которых носит светский характер, связывает общая озабоченность ростом и распространением исламского фундаментализма.

В перспективе в список стратегических партнеров Узбекистана, возможно, смогут войти Япония, Индия и некоторые другие страны.

Что же касается стратегического сотрудничества Узбекистана с ЕС, то оно нашло отражение в Соглашении «О партнерстве и сотрудничестве», подписанном в июне 1996 года. Согласно этому Соглашению, стороны сотрудничают в таких областях, как оборона, безопасность, защита интеллектуальной собственности, создание совместных компаний, свободное движение инвестиционного капитала, транспорт, энергетика, сфера услуг, наука, защита окружающей среды и др. О масштабах сотрудничества с ЕС свидетельствуют также грандиозный международный проект ТРАСЕКА по строительству автомобильных магистралей и железных дорог от ЦА через Кавказ в Европу, а также перевозка гуманитарных грузов в Афганистан через территорию Узбекистана.

В самоценности и целесообразности стратегического партнерства государств ЦА друг с другом можно не сомневаться, так как оно, помимо всего прочего, предопределено закономерностью исторического развития: эти государства просто не могут не быть союзниками и партнерами.

Неслучайно в январе 1997 года Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан (государства — основатели единого экономического пространства ЦА) подписали Договор «О вечной дружбе». О новом этапе интеграции, связанном с осознанием общности угроз региональной безопасности, свидетельствует подписанный в апреле 2000 года в Ташкенте в рамках ЦАЭС четырехсторонний Договор «О совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и другими угрозами безопасности и стабильности сторон».

К сожалению, нынешний уровень взаимоотношений между странами региона вряд ли вписывается в понятие «стратегическое партнерство». Причина тому — и

---

⁷ Сегодня, 25 ноября 1993.

недооценка или игнорирование важности и возможностей регионостроительства в ЦА, и ошибочная приостановка деятельности некоторых интеграционных структур, прежде всего ОЦАС. Именно регионостроительство является недостающим элементом «большой стратегии» стран ЦА, в том числе и Узбекистана.

2. *Региональное сотрудничество.* ЦА, безусловно, является для Узбекистана «своим» регионом. Как уже отмечалось, центральноазиатские государства изначально являются стратегическими партнерами по своей природе. Некогда единый Туркестан, в значительной степени представлявший собой единую Ойкумену (от греческого слова *oikumene* — населенная человеком часть Земли), но разделенный на пять частей во времена СССР, в 1991 году вновь стал воссоединяться. Предсказания многих западных и российских аналитиков о якобы неминуемых конфликтах (межэтнических, территориальных и др.) между государствами региона не оправдались; напротив, практически одновременно с ликвидацией СССР и созданием СНГ «центральноазиаты» (как их называют на Западе) приступили к региональной интеграции. Эта интеграция явилась, возможно, самым значимым внешнеполитическим достижением Узбекистана в 1990-х годах. Она отличается последовательностью (этапностью) процесса и реальным, конкретным наполнением каждого этапа⁸.

Справедливости ради следует признать, что среди аналитиков и политиков широко распространено мнение, что региональная интеграция в ЦА выгодна в первую очередь именно Узбекистану, поскольку приведет к его доминированию в регионе (к этой мысли склоняется и общественное мнение).

Однако более глубокий анализ позволяет легко опровергнуть подобные утверждения.

- Во-первых, возможность реально доминировать появляется на самом высоком уровне социально-экономического развития нации (до которого постсоветским странам еще далеко). В противном случае любые попытки установить гегемонию чреваты болезненной реакцией и противодействием соседних государств, еще не в полной мере «вкусивших меда и желчи» суверенитета и независимости.
- Во-вторых, доминирование требует значительных экономических, военных, морально-психологических и политических средств. Бремя доминирования является тем излишеством, без которого Узбекистан не потеряет ни в могуществе, ни в авторитете, ни в своем прогрессе.
- В-третьих, соседние государства, над которыми якобы может доминировать Узбекистан, являются членами ООН и полноправными субъектами международного права; они располагают всеми правовыми и политическими средствами, чтобы воспрепятствовать возникновению «несправедливого» статус-кво в регионе. Ведь интеграция, в сущности, не насильственный политический, правовой, экономический и, наконец, культурный процесс. При первых признаках какого-либо доминирования члены союза могут просто выйти из его состава и интеграции наступит конец. Поэтому особая ответственность Узбекистана состоит, в частности, в постоянной демонстрации доброй воли и приверженности полномасштабной и равноправной интеграции, осуществляемой ради народов, проживающих в этой части мира (а не ради государств и правительств и не ради самой интеграции).

---

⁸ См.: *Толитов Ф.* Теория и практика региональной интеграции в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*, 2002, № 2 (20).

Здесь уместно привести высказывание из выступления президента Узбекистана И. Каримова на Бишкекской встрече руководителей тюркоязычных государств 28 августа 1995 года: «В этой связи я хотел бы подчеркнуть настоятельную необходимость координации внешнеполитической деятельности наших стран, устранения имеющего место в этой сфере «разнобоя», нежелательного «конкурса инициатив» и бесконечного «организационного плюрализма»... Чрезвычайно важно осознать, что без развития интеграционного процесса невозможно обеспечить прогресс и достойную жизнь народам Центральной Азии»⁹.

3. *Позитивная диверсификация.* Многие аналитики и политики, мыслящие дихотомическими категориями, традиционно противопоставляют друг другу союзников США и России. Между тем Узбекистан может сыграть роль одного из «громоотводов» в возможной новой конфронтации, предусмотренной сценарием Самюэля Хантингтона под названием «столкновение цивилизаций». Некоторое дистанцирование Узбекистана от России после обретения им независимости и развитие взаимоотношений с США многие воспринимали как выбор проамериканской внешней политики. О некорректности подобного суждения свидетельствует следующее.

- Во-первых, ни Узбекистан, ни другие постсоветские государства никак не могут дистанцироваться от России хотя бы потому, что находятся в непосредственной географической близости от нее. Кроме того, страны ЦА и Россию, являющуюся, несомненно, могущественным государством, объединяют давние исторические и геополитические связи. В этом смысле стратегическое сближение с США происходит отнюдь не за счет отдаления от России.
- Во-вторых, не следует забывать, что после окончания холодной войны отношения между Россией и США кардинально изменились; в эпоху становления НМП налицо стратегическое сотрудничество между двумя державами. Как же можно выбирать между этими двумя «альтернативами»?
- И, наконец, в-третьих, было бы стратегической ошибкой игнорировать возможности, которые сотрудничество с США открывает перед Узбекистаном в области региональной безопасности, внедрения современных технологий, науки, информатизации, модернизации и демократизации. Подобное «непонимание ситуации», скорее всего, вызвало бы не только недоумение и критику среди местных аналитиков и политиков, но и тихую насмешку их коллег в России.

Становится все более очевидным, что установление стратегического партнерства с одной из этих двух держав за счет или в ущерб другой не только не в интересах Узбекистана, но и не в интересах самих США и России. Данный элемент стратегии можно назвать позитивной диверсификацией в отличие от негативной, сводящейся к старой концепции баланса сил. Этот вопрос заслуживает более тщательного исследования, здесь же мы можем лишь коротко обозначить наше видение взаимной выгоды для США и России от их стратегического партнерства с Узбекистаном.

Рассмотрим, к примеру, проблему региональной безопасности в ЦА. Если к ней подходить с точки зрения «Большой игры», то есть на основе дихотомического принципа «либо США, либо Россия», то напрашивается однозначный вывод: Узбекистан вместе с другими странами ЦА ставится перед альтернативой, что неприемлемо даже с точки зрения пресловутого «баланса сил».

---

⁹ Выступление Президента Узбекистана И. Каримова на встрече глав тюркоязычных государств // Народное слово, 28 августа 1995.

Действительно, устранить из геополитического ландшафта Центральной Азии ни США, ни Россию сегодня невозможно и нецелесообразно: в этом случае борьба между ними за регион не прекратится. Интересно и то, что геополитическая формула «и США, и Россия» будет выглядеть весьма некорректно без включения в нее *самых центральноазиатских стран*, не говоря уже о других региональных державах. (Это особенно важно для Узбекистана, отличающегося от других государств региона последовательностью и настойчивостью в отстаивании своей независимости.)

Именно вольное или невольное игнорирование многими аналитиками и политиками роли государств ЦА в качестве самостоятельных игроков новой «Большой игры» не позволяет им выйти за рамки дихотомического рассмотрения геополитики **в и по отношению к** региону.

Диверсификация стратегических ориентиров новых независимых государств ЦА вместо их исключительной пророссийской ориентации предопределена по меньшей мере четырьмя факторами:

- 1) обретением независимости;
- 2) множественностью и геополитической разнотипностью стран, вовлеченных в «Большую игру»;
- 3) актуализацией, взаимной обусловленностью и неделимостью национальной и региональной безопасности государств ЦА;
- 4) масштабностью задач модернизации и устойчивого развития.

При неизбежности диверсификации внешнеполитической стратегии стран ЦА было бы неуместно продолжать рассматривать регион исключительно сквозь призму российско-американского соперничества. Используя приведенное выше обозначение стратегического партнерства, можно сказать, что при линейном подходе к вопросу стратегическое сближение с одним государством означает стратегическое удаление от другого. Однако обеспечение жизненно важных интересов Узбекистана требует нелинейного подхода: только в этом случае можно будет решить проблемы национальной и региональной безопасности.

Идея неделимости безопасности, которая находит все более широкое признание в современном мире, особенно актуальна для охваченной глубинной геополитической трансформацией ЦА. Вместе с регионом Южной Азии (ЮА) они составляют если не единое целое, то два смежных комплекса безопасности (в терминах Б. Бюзена)¹⁰. Как ожидается, эта трансформация вскоре завершится обретением макрорегионом ЦА и ЮА нового геополитического статуса: в меняющемся мировом порядке он постепенно перестает играть роль геополитического буфера для глобальных держав, борющихся за расширение сферы своего исключительного доминирования. **Уже по одной этой причине и США, и Россия должны перейти от политики «взаимного исключения» к стратегическому сотрудничеству в регионе ЦА.**

Наметившиеся признаки подобного подхода проявились во время официального визита тогдашнего президента США Дж. Буша в Москву в мае 2002 года. В принятом тогда Совместном заявлении об антитеррористическом сотрудничестве между Россией и США подчеркивается: «Считая, что суверенитет, долговременная стабильность, процветание и дальнейшее демократическое развитие государств Центральной Азии отвечают стратегическим интересам России и США, мы обязуемся придерживаться транспарент-

¹⁰ См.: *Buzan B. People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era.* Lynne Rienner Publisher, Boulder, Colorado, 1991. P. 190.

ности и сотрудничества в наших отношениях с государствами Центральной Азии. Важным шагом в целях обеспечения их безопасности является окончательное искоренение террористической деятельности в Афганистане и оказание содействия для предотвращения ее возобновления»¹¹.

Несмотря на такие многообещающие изменения в политике великих держав в отношении ЦА, встречные шаги со стороны самих государств региона не вполне соответствуют новым геополитическим реалиям.

В связи с этим было бы уместно упомянуть об основных проблемах внешней политики Узбекистана.

- Во-первых, проводя свою внешнюю политику в маятниковом режиме (который нельзя назвать даже «балансированием»), Узбекистан сам способствует укреплению стереотипа о соперничестве США и России в регионе.
- Во-вторых, Узбекистан способствует **дерегionalизации ЦА**: после того как страна стала соучастником ликвидации ОЦАС, ее отношения с соседними государствами стали ухудшаться из-за обострения водных, пограничных, этнических и других проблем.

Решение этих двух фундаментальных проблем внешней политики составляет часть «большой стратегии» Узбекистана.

З а к л ю ч е н и е

Вряд ли старый принцип *Si vis pacem, para bellum* («Хочешь мира — готовься к войне») соответствует сегодняшним стратегическим задачам Узбекистана. Не совсем справедливо и утверждение, что мир есть отсутствие войны. Мир должен быть не периодом приготовления к войне, а перманентным условием и высшей, универсальной ценностью для всего международного сообщества. «Хочешь мира — создавай и укрепляй мир», на наш взгляд, более справедливая и адекватная формула международных отношений. Как уже отмечалось выше, «большая стратегия должна не только комбинировать различные инструменты, но и так регулировать их использование, чтобы не допустить ухудшения будущего состояния мира — ради безопасности и процветания».

Вместе с тем следует признать, что между политическим идеализмом и политическим реализмом есть определенная дистанция. Даже умело разработанная большая стратегия может столкнуться с тем, что Клаузевиц назвал *friktion* (*неустранимые затруднения, непредвиденные сложности*). В связи с этим логично задать несколькими вопросами: «В чем ограничен Узбекистан? Какие решения он не может принимать в принципе? Какие он не смог принять в силу недостатков стратегических расчетов?»

Подобная постановка вопросов вполне уместна, поскольку, в отличие от глобальных держав, Узбекистан не в состоянии принимать внешнеполитические решения, способные повлиять на стратегическую стабильность в мире. Но в то же время, как и другие страны, он во многом подвержен влиянию решений, принятых глобальными державами, в том числе и по проблемам стратегической стабильности.

С другой стороны, возможные стратегические просчеты, недооценки и *friktion*, как правило, понижают эффективность любой, даже хорошо разработанной «большой

---

¹¹ Российская газета, 25 мая 2002 [www.rg.ru].

стратегии». Например, исходя из концепции особой ответственности и для придания большего приоритета проблемам интеграции и создания системы коллективной безопасности в ЦА, Узбекистан мог бы удачнее скорректировать свою региональную стратегию.

Как представляется, восстанавливаемое стратегическое партнерство с США явится одним из наиболее значительных импульсов в этом направлении. В конечном счете отношение к перспективам региона со стороны глобальных держав, в том числе США, с которыми Узбекистан в 2002 году подписал Декларацию о стратегическом партнерстве, явится «лакмусовой бумажкой» для проверки характера нового статус-кво в Центральной Азии и его соответствия концепции «Pax Democratica».

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ОЦЕНКА НЕФТЕГАЗОВЫХ ЗАПАСОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ РЫНКОВ ИХ СБЫТА (ЕС И КИТАЙ)

Рустам МАХМУДОВ

*независимый исследователь
(Ташкент, Узбекистан)*

Введение

В последние годы в создание и совершенствование новых источников энергии (ветровую и солнечную энергетику, производство биотоплива и т.д.) инвестируются значительные средства, однако большинство экспертов признают, что альтернативы нефти и природному газу пока не существует. Более того, значение нефтегазовых ресурсов в ближайшие годы будет, скорее всего, только расти — ведь авария на японской АЭС «Фукусима-1» вновь поставила в повестку дня проблему безопасности атомной энергетики. Во всем мире (и особенно в Европе) стали раздаваться голоса, требующие остановить строительство АЭС и даже вообще отказаться от использования ядерной энер-

гии. Если доля атомной энергетики действительно уменьшится, неизбежен дальнейший рост глобального потребления нефти и природного газа, спрос на которые в последние десятилетия и без того стабильно повышался.

Согласно прогнозу Международного энергетического агентства (МЭА), в 2010 году потребление нефти мировой экономикой выросло на 2,8 млн и составило 87,8 млн баррелей в день. Ожидается, что в 2011 году этот показатель впервые в истории перевалит за 90 млн баррелей¹. Конечно,

¹ См.: К концу года потребление нефти в мире поставит новый рекорд [<http://top.rbc.ru/economics/10/02/2011/541284.shtml>].

эта цифра несколько ниже прогнозировавшейся ранее, что можно объяснить глобальным финансово-экономическим кризисом 2008—2009 годов.

Будущее глобальной энергетики все чаще связывают с природным газом, как с более экологически чистым топливом. Согласно докладу компании «Еххон-Мобил», «потребление природного газа будет расти в три раза быстрее по сравнению с нефтью и углем, так как развивающиеся страны будут стараться провести электричество в дома миллиардов людей. Одновременно с этим богатые государства начнут заменять стареющие угольные электростанции на газовые»². По данным доклада, по сравнению с уровнем 2000 года потребление природного газа в мире к 2030 году увеличится почти в два раза, и его доля в мировом энергобалансе возрастет до 26% (в 2005 г. эта цифра составляла 21%)³.

В пользу правильности прогнозов роста потребления газа говорит и быстрый рост его разведанных запасов. По темпам роста мировые разведанные запасы природного газа почти вдвое обгоняют нефтяные. Если до 1970 года соотношение мировых разведанных запасов нефти и природного газа (в пересчете на нефтяной эквивалент) составляло примерно 70:30, то к 1990 году оно изменилось до 55:45; в 2009 году эти показатели практически сравнялись (50:50). Если же рассматривать доказанные запасы газа в мире в кубометрах, то на конец 2009 года они составили 187,43 трлн; при нынешних темпах потребления этого хватит на 63 года⁴.

Прогнозы по потреблению и запасам нефти и природного газа подтверждают необходимость наращивать их добычу как в традиционных регионах-поставщиках, так и новых, не менее важных для глобальной экономики. К числу последних относятся в первую очередь три страны Цент-

ральной Азии (ЦА) — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. С ростом доказанных запасов и объемов экспорта нефти и природного газа и вводом в эксплуатацию новых трубопроводов ЦА превращается в неотъемлемый элемент глобальной энергетики, а также системы экономической и политической безопасности. Тем более что во многих ключевых регионах-поставщиках, в частности в зоне Персидского залива, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в последнее десятилетие нарастает политическая нестабильность. Если в 2003 году американская военная операция в Ираке спровоцировала резкий подъем цен на нефть и природный газ (к августу 2008 г. стоимость одного барреля составила 147 долл.), то сегодня нестабильность охватила Ливию (крупного поставщика «легкой» нефти и газа на европейский рынок), Йемен, Сирию, Египет, Тунис и Бахрейн. Угроза нависла и над такими ведущими экспортёрами ОПЕК, как Саудовская Аравия и ИРИ, причем у второй продолжаются трения с Западом, связанные с иранской ядерной программой. Подобные процессы не только создают угрозу поставкам нефти и природного газа из традиционных нефтедобывающих регионов мира, но и усиливают политические риски для инвесторов.

В случае обострения ситуации в вышеупомянутых регионах Центральная Азия в определенной степени может стать гарантом замещения части поставок. Повышению ее роли может также способствовать истощение запасов нефти и газа в традиционных регионах добычи, например в Северном море, играющем важнейшую роль в энергообеспечении Европы.

Судя по всему, на пик своих возможностей начинает выходить Саудовская Аравия: согласно публикациям «Wikileaks», через 10 лет страна сможет выйти на уровень добычи в 12 млн баррелей в сутки, однако до 12,5 млн баррелей она едва ли дотянет⁵.

² В ожидании газа [http://www.vz.ru/economy/2011/1/27/464186.html].

³ См.: Там же.

⁴ См.: Мировые запасы природного газа // Dolgikh «Natural Gas Research» [http://dolgikh.com/index/0-39].

⁵ См.: Wikileaks: Саудовская Аравия завывает данные о своих запасах нефти на 40%, 9 февраля 2011 [http://top.rbc.ru/economics/09/02/2011/540527.shtml].

Рост потребления углеводородного сырья в ЕС и Китае позволяет в перспективе рассматривать их в качестве основных импортеров нефти и газа ЦА.

1. Сравнительная оценка запасов нефти и природного газа ЦА

В течение последних двух десятилетий данные по запасам нефти, природного газа и газового конденсата в ЦА отличаются известной противоречивостью. Встречающиеся «нестыковки» в опубликованных данных могут быть связаны как с открытием новых и истощением старых месторождений, так и с соображениями экономического, инвестиционного и политического характера.

Ни у кого не вызывает сомнения, что в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане имеются значительные запасы углеводородного сырья; любопытно было бы сравнить современные оценки с показателями предыдущих лет.

Согласно информации компании «British Petroleum», данные по запасам, добыче и потреблению нефти и газа в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане на конец 2010 года выглядели следующим образом⁶ (см. табл. 1).

Таблица 1

Ресурсная база углеводородов и ее использование в трех странах ЦА

Страна	Казахстан	Туркменистан	Узбекистан
Нефть			
Доказанные запасы, млрд барр.	39,8	0,6	0,6
Добыча, тыс. барр./день	1 682	206	107
Потребление, тыс. барр./день	260	120	101
Природный газ			
Доказанные запасы, трлн куб. м	1,82	8,10	1,68
Добыча, млрд куб. м	32,2	36,4 (59,5)	64,4
Потребление, млрд куб. м	19,6	19,8	48,7

В свою очередь, страны ЦА приводят следующие данные:

Казахстан	
Извлекаемые запасы нефти	— 5 млрд т, или 31,4 млрд баррелей (из расчета: 1 баррель = 159 литров).
Извлекаемые запасы газа	— 3 трлн куб. м.

⁶ См.: BP Statistical Review of World Energy, June 2010 [www.bp.com/statisticalreview/].

Прогнозные запасы нефти	— 17 млрд т (107 млрд баррелей).
Общие геологические запасы углеводородов в Казахстанском секторе Каспийского моря	— 12—17 млрд т (2/3 всех углеводородных ресурсов Каспия).
Прогнозные запасы газа	— 8 трлн куб. м.
Добыча нефти и конденсата	— около 65 млн т в год.
Добыча газа	— 27 млрд куб. м в год ⁷ .

Узбекистан

Геологические запасы нефти	— 5 млрд т (31,4 млрд баррелей).
Доказанные запасы нефти	— 530 млн т (3,3 млрд баррелей)
Геологические запасы природного газа	— более 5 трлн куб. м.
Доказанные запасы природного газа	— 3,4 трлн куб. м.
Добыча нефти	— 3,5 млн т в год.
Добыча газа	— более 60 млрд куб. м ⁸ .

Туркменистан

Прогнозные запасы природного газа — 15—20 трлн куб. м.
нефти — 1,5—2 млрд т (9,4—12,5 млрд баррелей)⁹.

Добыча газа в 2010 году составила около 47 млрд куб. м (из-за падения экспорта на российском направлении), из которых более 22,5 млрд куб. м было отправлено за рубеж. Самым крупным покупателем нефти и газа осталась в 2010-м году Россия (11 млрд куб. м).

Как показывают приведенные данные, разница по доказанным запасам нефти и природного газа в некоторых случаях довольно значительная. При этом только в случае с доказанными запасами нефти в Казахстане оценки «British Petroleum» превосходят казахстанские показатели. В остальном же все три страны дают цифры значительно выше данных британской компании, известной своими консервативными оценками.

Динамику изменения оценок по нефтегазовым запасам удобно продемонстрировать по данным «Energy Information Administration» (США) за 2004 год.

⁷ См.: 19-я Казахстанская международная выставка и конференция «Нефть и газ» [<http://www.mioge.ru/RU/world/kioge/>].

⁸ См.: 15-я Международная конференция и выставка нефтегазовой промышленности [http://www.expo-plus.ru/index_print.php?id=9153].

⁹ См.: TGC 2011 — 2-й Международный газовый конгресс Туркменистана и приуроченная к нему международная выставка [<http://www.turkmenexpo.ru/db/exhibition/view/7513/>].

Таблица 2

**Приблизительные оценки запасов нефти
в ЦА (2004 г.)**

	Разведанные запасы, млрд т	Потенциальные запасы, млрд т	Добыча, млн т
Казахстан	3,6	12—13	59,4—69
Туркменистан	0,1—0,237	12	9—10
Узбекистан	0,0948	4	6,58
Суммарный показатель	3,94	26—27	75—85

Таблица 3

**Приблизительные оценки запасов природного газа
в ЦА (2004 г.)¹⁰**

	Разведанные запасы, трлн куб. м	Потенциальные запасы, трлн куб. м	Добыча, млрд куб. м
Казахстан	2—2,5	10	20
Туркменистан	3	21—23	55
Узбекистан	2,5—3	5	59
Суммарный показатель	8,7—9,7	37—39	134—135

Как видно из данных таблиц, текущие оценки стран ЦА выросли по нескольким категориям, что объясняется обнаружением, разведкой и вводом в строй новых месторождений.

Так, на увеличение запасов нефти в Казахстане огромное влияние оказали шельфовые месторождения в казахстанской акватории Каспийского моря (Кашаган).

На улучшение показателей Туркменистана по газу значительно повлияла разведка месторождений в районе г. Иолатань. По данным компании «Gaffney, Cline & Associates», запасы месторождений Южный Иолатань — Осман и Яшлар составляют от 4 до 14 трлн куб. м газа и 300 млн т нефти (Южный Иолатань входит в число четырех крупнейших газовых месторождений мира).

Что касается Узбекистана, то развитие его нефтегазовой отрасли тесно связано с проведением геологической разведки в районе шельфа Аральского моря и плато Устюрт.

Вместе с тем, как уже отмечалось, при «оценке оценок» нефтегазовых запасов нельзя не учитывать геополитический фактор: многие страны традиционно завышают некоторые показатели, чтобы усилить свои геоэкономические позиции и привлечь иностранные инвестиции.

¹⁰ Расчеты основывались на данных, взятых из ежегодных обзоров энергорынков стран мира, подготовляемых «Energy Information Administration» (США).

2. Оценка перспективности нефтегазового рынка ЕС

Объемы и временные горизонты инвестирования в разведку и добычу нефти и газа в ЦА и в строительство новых трубопроводов, а также вероятные сроки окупаемости по ряду параметров рассчитываются в зависимости от перспектив потребления углеводородного сырья крупнейшими континентальными рынками, прежде всего ЕС и КНР. Важность данного аспекта значительно возросла с началом глобального финансово-экономического кризиса, который разразился в августе 2008 года и серьезно повлиял на мировую экономику.

Потенциальные плюсы для экспортеров из ЦА на рынке ЕС

Дальнейшие перспективы расширения нефтяного и газового экспорта из ЦА в северном и западном направлении во многом зависят от ситуации на энергетическом рынке ЕС, являющемся, наряду с США и Китаем, ведущим потребителем энергии в мире (страны ЕС совокупно потребляют 1,9 млн т нефти в день)¹¹.

В пользу европейского направления экспорта говорит и то, что в Европе параллельно росту энергопотребления будет наблюдаться дальнейшее падение добычи в регионах, являющихся основными поставщиками нефти и газа в ЕС (прежде всего в Северном море), и, соответственно, увеличение доли импортных углеводородов. По текущим прогнозам, к 2021 году добыча нефти и газа в Северном море по сравнению с уровнем 2005 года должна сократиться на 75% (будет извлекаться менее 1 млн барр. в день). Падение добычи углеводородов уже ощущает на себе Великобритания, которая в 2004 году стала импортером природного газа, а в 2007 году — импортером нефти¹².

Страны ЦА стараются создать условия, которые позволили бы им занять освобождающуюся «нишу»; так, Казахстан и Россия совместно с другими акционерами Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) ускорили решение вопросов, касающихся расширения пропускной способности нефтепровода. 15 декабря 2010 года в Москве членами консорциума были подписаны документы, дающие старт необходимым работам.

В настоящее время нефтепровод работает на пределе своих возможностей, прокачивая 34 млн 574 тыс. т нефти (при проектной мощности 28 млн т) в год. Такое количество нефти удастся прокачивать лишь за счет применения антифрикционной присадки.

Реализацию проекта по наращиванию мощности КТК, которая будет проходить в три этапа, планируется полностью завершить в 2014 году (мощность системы предполагается довести до 67 млн т нефти в год); общая стоимость работ — 5,4 млрд долл. После этого в трубопровод будет поступать нефть с месторождений Тенгиз, Карачаганак, Кашаган и российского месторождения имени Филановского¹³.

¹¹ Запасы, производство и потребление по странам мира [<http://www.ereport.ru/articles/commod/oilcount.htm>].

¹² См.: Вуколов В. Когда погаснет последняя лампочка в Шотландии, 2009 [<http://www.berg-privileg.com/archive/detail.php?ID=278>].

¹³ См.: Воронной И. КТК: большой нефти — большие мощности, Астана, 24 декабря 2010 [http://www.kmg.kz/press/market_news/analytics/4857].

Что касается ситуации с природным газом, то у Туркменистана, Узбекистана и Казахстана на европейском рынке весьма неплохие перспективы. Доля природного газа, который сегодня занимает 24% в общем объеме потребления первичной энергии странами ЕС, скорее всего, будет возрастать: ожидается, что к 2020 году она составит 28%. Если же будет продолжена программа замещения нефти и угля более экологически безопасным природным газом, эта цифра может увеличиться.

Перспективы расширения нефтяного и газового экспорта во многом связаны и с дальнейшим падением популярности атомной энергетики после ядерной катастрофы в Японии. Так, в Германии и Швейцарии предполагается полный отказ от атомной энергетики (в Германии его планируют осуществить до 2022 г.). А ведь на сегодняшний день на АЭС приходится 30% производимого в Европе электричества.

Как и в случае с нефтью, зависимость ЕС от импорта газа будет расти с падением добычи на Северном море. В настоящее время Европа уже обеспечивает более 60% своих газовых потребностей за счет импортных поставок, а к 2030 году этот показатель может возрасти до 81—89%¹⁴.

Только в 2010 году собственное производство газа в ЕС снизилось на 4% (до 176 млрд куб. м) и составило лишь 34% потребления; 23% обеспечили поставки российского газа, на Норвегию, не входящую в ЕС, пришлось 19%, на Алжир — 10% и на Катар — 6%¹⁵.

Потенциальные риски

Вместе с тем на европейском направлении поставщики из ЦА могут столкнуться с потенциальными рисками. В первую очередь, *остаются неопределенными экономические перспективы ЕС*, поскольку нельзя с уверенностью сказать, смог ли он полностью оправиться от последствий глобального финансово-экономического кризиса. Так, несмотря на экстренные меры правительств, экономическое и финансовое положение некоторых стран еврозоны (Испании, Ирландии, Греции, Португалии и др.) до сих пор внушает опасения.

А ведь в результате кризиса 2008—2009 годов спрос на газовом рынке Европы существенно упал. Согласно данным «Газпрома», в результате мирового финансово-экономического кризиса общее потребление газа в Европе в 2009 году снизилось на 44 млрд куб. м (или на 7%) и составило 555 млрд куб. м. Это весьма негативно отразилось на поставщиках.

Падение потребления газа в Европе в период кризиса представляло собой общемировую тенденцию, и это напрямую сказалось на снижении производства. Согласно расчетам газовой ассоциации, в 2009 году мировая добыча газа и объемы его поставок упали на 3,4%, что является худшим показателем за последние несколько десятилетий. Наибольшее снижение наблюдалось в странах СНГ — 12,7%¹⁶.

Именно с падением потребления газа в Европе многие эксперты связывают конфликт между Россией и Туркменистаном вокруг взрыва на экспортном трубопроводе, по которому газ поставлялся «Газпрому». Российский концерн добился перезаключения

¹⁴ См.: ЕС прогнозирует увеличение импорта газа до 90% к 2030 году, 16 ноября 2010 [http://www.goodvin.info/news/biznes/17610-es_prognoziruet_uvelichenie_importa_gaza_do_90_k_2030_godu.html].

¹⁵ См.: Потребление газа в Европе в 2010 году выросло на 7,2%, 9 марта 2011 [<http://www.rbcdaily.ru/tek/partnernews/151904.shtml>].

¹⁶ См.: Уровень мировой добычи газа показал рекорд падения. Газопроводы России могут не окупиться, 24 мая 2010 [<http://www.newsru.com/finance/24may2010/gaz.html>].

контракта, согласно которому он обязался закупать до 30 млрд куб. м туркменского газа ежегодно; в реальности же эта цифра составляет не более 10,5 млрд (для сравнения: до 2009 г. объем закупок составлял около 48 млрд куб. м). Следует отметить, что цена на топливо определяется по специальной европейской формуле.

Эксперты отмечают, что в условиях кризиса (и, как следствие, снижения потребления в Европе) у «Газпрома» оказалось слишком много газа, поэтому он был заинтересован в том, чтобы временно прекратить поставки¹⁷.

Негативное воздействие на поставки нефти может оказать в целом наблюдаемая *военно-политическая и финансовая нестабильность в мире*. В условиях нарастающей нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке (а также в некоторых странах Восточной и Западной Африки) и рисков дестабилизации в Латинской Америке цена нефти растет; ее периодическое повышение до 100 долл. за баррель и выше стало уже привычным явлением.

На повышение цен играет и *неуверенность в будущем американского доллара как расчетной и резервной валюты*: держатели доллара вынуждены принимать меры по хеджированию своих рисков. В результате раздуваются «пузыри» на рынке сырья, в том числе и на нефтяном.

Но, с другой стороны, все это может замедлить восстановление промышленного производства и экономический рост в Европе и углубить проблемы в ее кризисных зонах. А это, конечно же, негативно отразится на общем потреблении и импорте нефти.

Поставщикам нефти из ЦА следует учитывать и общие «внутренние» тенденции рынка ЕС. Так, если за последние 10 лет потребление нефти в США возросло на 11,2%, то в Европе оно осталось практически на прежнем уровне, а в отдельных странах даже уменьшилось. Дело в том, что развитые страны ЕС стараются перевести экологически вредные энергоемкие производства в развивающиеся страны.

Ввиду внедрения энергосберегающих технологий в ЕС также отмечается *повышение эффективности использования топлива*. Влияние современных энергосберегающих технологий хорошо прослеживается на примере использования топлива в автомобилях. Как видно из графика на рис. 1, несмотря на постепенное увеличение мощности двигателя, средний расход топлива на один автомобиль снижается¹⁸.

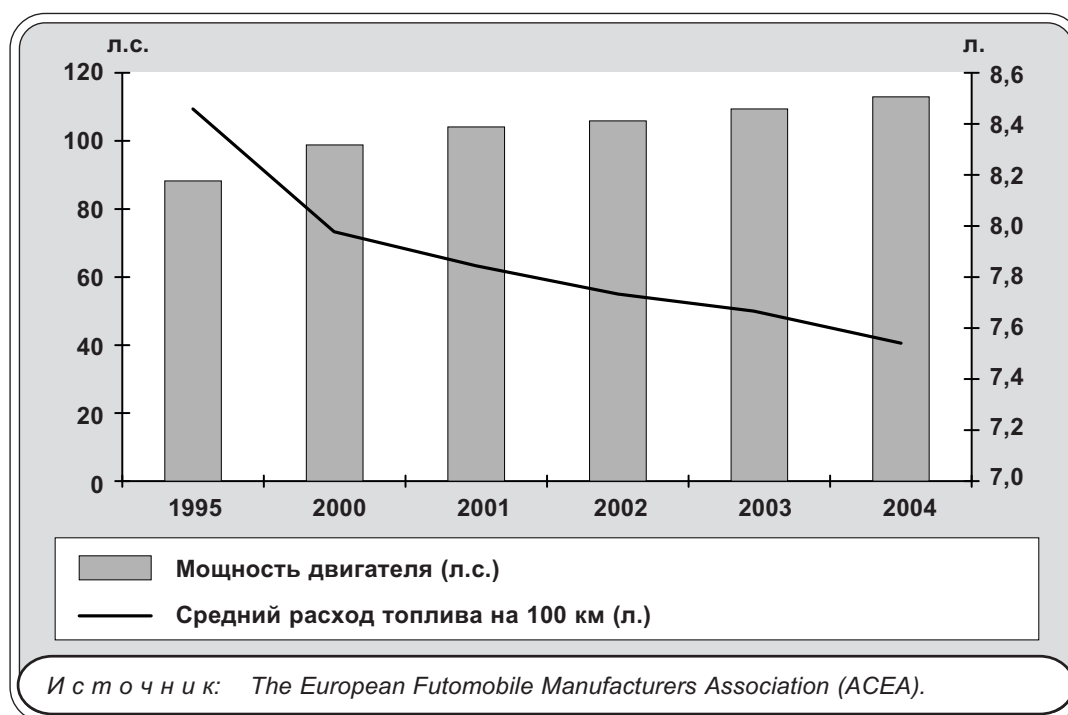
Еще одной проблемой для экспортеров из ЦА может стать *рост конкуренции со стороны других поставщиков нефти и природного газа*. Если Европе в целом удастся справиться со своими проблемами и продолжить наращивание импорта нефти, то у стран ЦА появится большое количество соперников, к которым можно отнести государства ОПЕК (Ближний Восток, Северная и Западная Африка), Россию и Азербайджан. Европейский рынок всегда был зоной острой конкуренции между поставщиками, и в географическом плане Центральная Азия находится в достаточно невыгодном положении, так как не имеет прямого доступа к странам ЕС и вынуждена будет полагаться на Россию (или на другие страны в случае реализации проекта «Набукко»).

Конкуренция будет иметь место и в сфере поставок природного газа. Так, «Газпром», являющийся крупнейшим поставщиком трубопроводного газа и партнером центральноазиатских экспортеров в области газового транзита, указывает, что в последние годы компания столкнулась с ростом импорта СПГ странами Европы. Это стало возможным благодаря увеличению мирового производства сжиженного природного газа, в пер-

¹⁷ См.: «Газпром» окончательно помирился с Туркменией, 22 декабря 2009 [<http://lenta.ru/news/2009/12/22/january/>].

¹⁸ См.: Тенденции развития мирового нефтяного рынка: каких цен нам ожидать? // Вестник РЭО, май 2009 [<http://www.finansy.ru/publ/mirec/003ress2.htm>].

Рисунок 1

Динамика топливной эффективности личного транспорта
в странах Евросоюза

вую очередь в Катаре, что привело к снижению его стоимости: он стал дешевле российского газа, поставляемого в ЕС по долгосрочным контрактам.

Осложняется ситуация и на американском рынке. В США наращивают добычу сланцевого газа, что усиливает конкуренцию и приводит к снижению цен на европейских рынках. Эксперты не исключают, что американский опыт добычи сланцевого газа может быть применен и в Европе, что снизит объемы импорта¹⁹.

3. Оценка перспективности нефтегазового рынка Китая

Китайский рынок сравнительно недавно открылся для поставщиков нефти и природного газа из ЦА, что явилось серьезным достижением не только экономического, но и геополитического характера. Центральноеазиатские поставщики получили возможность диверсифицировать маршруты поставок и сделать экономическую и политическую стратегию стран региона более гибкой, снизив чрезмерную зависимость от России в продаже и транзите.

¹⁹ См.: «Газпром» назовет три причины резкого спада экспорта газа, 26 января 2010 [<http://lenta.ru/news/2010/01/26/reasons/>].

Потенциальные плюсы

Безусловно, КНР с ее темпами роста потребления энергии представляет очень перспективное направление для экспортеров нефти из ЦА. Следует отметить, что Китай уже вышел по объемам потребления нефти на второе место после США, опередив в 2003 году Японию.

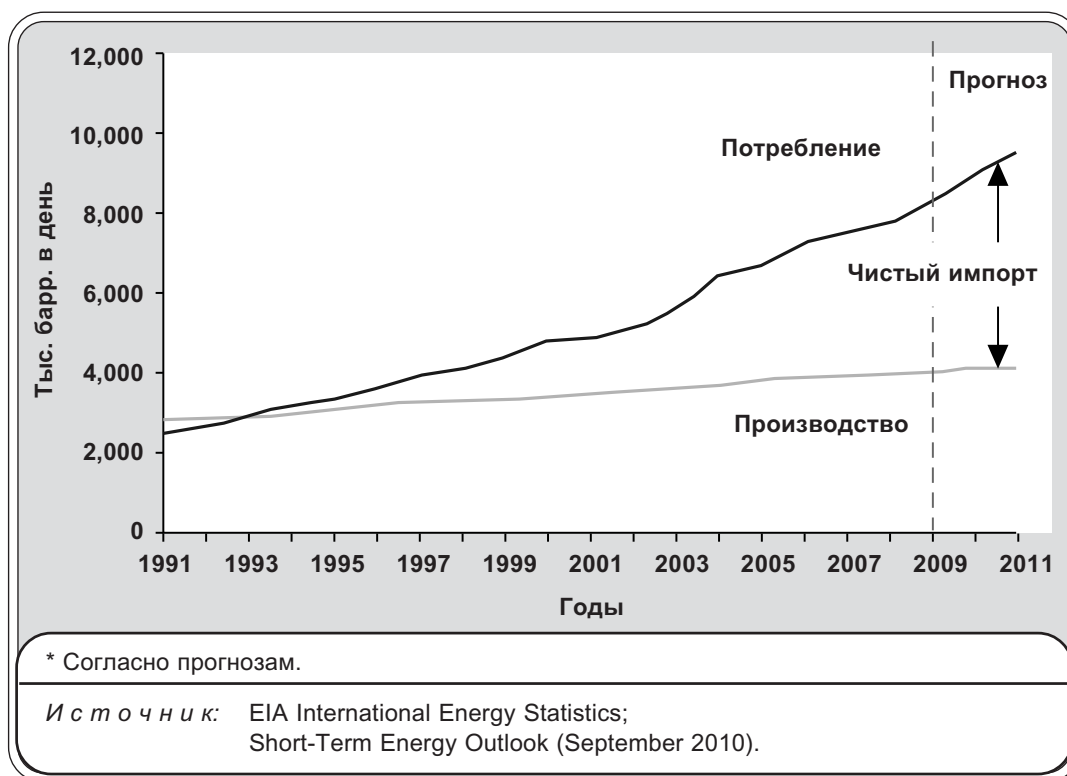
По прогнозам специалистов, *потребление энергоресурсов и, соответственно, их импорт в Китае будут расти*. Большинство экспертов сходятся во мнении, что поступательное экономическое развитие Китая продолжится; эта уверенность опирается на впечатляющие показатели роста ВВП страны на протяжении последнего десятилетия.

Так, Всемирный банк (ВБ) ожидает роста ВВП в Китае на 8,7% в 2011 году и на 8,4% — в 2012 году (для сравнения: в США в 2011 г. ожидается рост 2,8%, в зоне евро — 1,4%, в Японии — 1,8%). Согласно прогнозу МВФ, темпы роста экономики Китая в 2011 и 2012 годах достигнут соответственно 9,6% и 9,5%.

Более того, МВФ сделал довольно громкий прогноз, что уже к 2016 году по размеру ВВП Китай сможет обойти США (прежде считалось, что это может произойти не ранее 2030 г.). Согласно данным МВФ, ВВП Китая с 2011 до 2016 года вырастет с 11,2 трлн долл. до 19 трлн долл. (для сравнения: ВВП США к этому времени составит 18,8 млрд долл. по сравнению с 15,2 трлн долл. в 2011 г.). Таким образом, доля США в мировой экономике к 2016 году сократится до 17,7%, а Китая — увеличится до 18%²⁰.

Рисунок 2

Производство и потребление нефти в Китае, 1991—2011 годы*

²⁰ См.: Китай обгонит США по объему ВВП, 26 апреля 2011 [www.vesti.ru/doc.html].?id=448206&cid=6].

Кроме того, Китай все еще имеет чрезвычайно *энергоемкую производственную структуру*: в общемировом масштабе КНР потребляет 31% угля, 30% железа, 27% стали и 40% цемента. Для производства 1 долл. ВВП в Китае расходуется в 4,7 раза больше энергии, чем в США, в 7,7 раз больше, чем в Германии, и в 11,5 раз больше, чем в Японии²¹ (в целом это в три раза больше среднего мирового показателя).

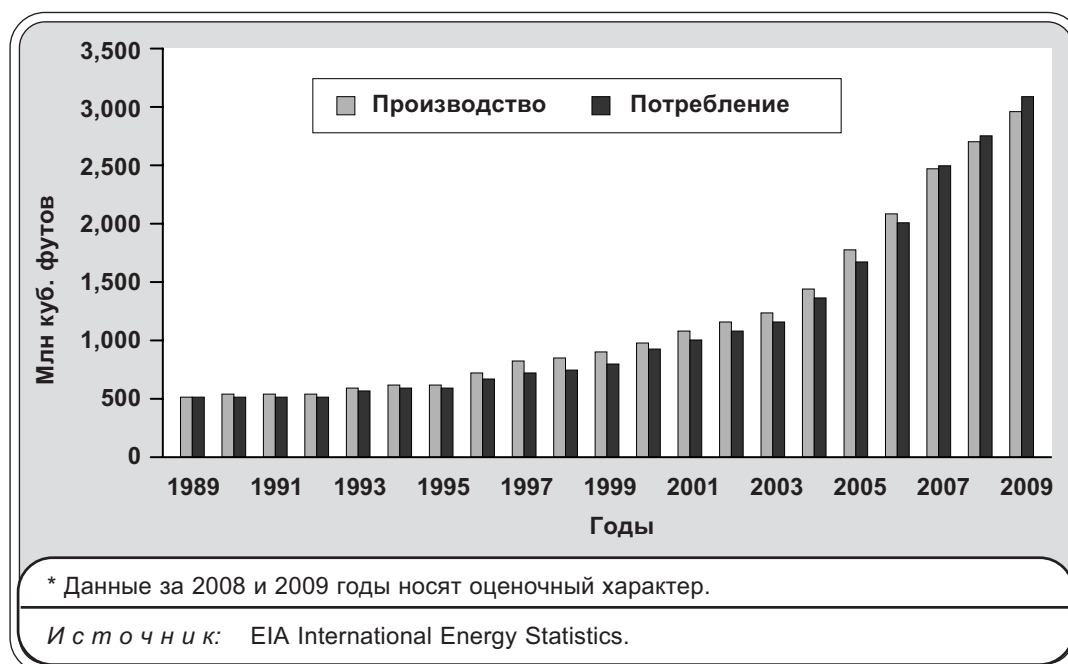
Как и в случае с Европой, рост импорта Китаем энергетического сырья будет во многом обусловлен тем, что на традиционных китайских месторождениях *добыча нефти падает*. Если в 2004 году КНР за счет собственных месторождений (210 млн т) удовлетворяла более половины своих потребностей, то сегодня объем добычи упал до 189 млн т.

О перспективе роста импорта нефти в КНР свидетельствует и тот факт, что Китай, перенимая американский опыт, принял решение создать *внутренние резервы нефти*. К 2020 году объем резервов нефти в стране должен достичь размера трехмесячного импорта (36 млн т).

Важным элементом энергетической стратегии Китая является *увеличение доли потребления природного газа*. На пятом пленуме XVII съезда КПК была одобрена программа «Энергосбережение и сокращение выбросов» в рамках «12-й пятилетки» (2011—2015 гг.). Следует отметить, что она является одной из самых важных отраслевых программ страны. К 2020 году в общем энергобалансе Китая планируется повысить до 15% долю возобновляемых источников энергии и снизить выбросы углекислого газа на 40%—45%.

Рисунок 3

Производство и потребление природного газа в Китае, 1989—2009 годы*

²¹ См.: Джиоев А.Т., Дмитриев А.В. Геополитическое противостояние за обладание углеводородными ресурсами между США, КНР и Индией [http://iseswe.org/geo_pol.htm].

В связи с этим в структуре энергопотребления доли разных видов энергии будут изменяться: доля угля постепенно сократится, природного газа — удвоится, а доля возобновляемых источников энергии заметно увеличится.

В ближайшие пять лет ожидается наращивание импорта природного газа; к 2015 году его доля в структуре энергопотребления увеличится с 3,9 до 8,3%, то есть более чем в два раза.

Однако вышеприведенный прогноз является наиболее оптимистическим из существующих: по другим оценкам, к 2015 году объем потребления природного газа в стране составит 6—7% от общего объема потребления обычных энергоресурсов²².

Потенциальные риски

Самым крупным риском для экспортеров из ЦА на китайском направлении является *серьезная зависимость экономики КНР от внешних рынков*; речь идет в первую очередь о рынках США, Европы и Японии. В случае второй волны глобального финансово-экономического кризиса обвал на этих рынках вызовет резкое падение спроса на товары из КНР и, как следствие, снижение количества энергоресурсов, потребляемых китайской экономикой.

О зависимости экономики КНР от внешних рынков свидетельствуют данные по внешнеторговому обороту страны. По итогам 2010 года китайский внешнеторговый оборот составил 2,972 трлн долл., увеличившись по сравнению с 2009 годом на 34,7%. При этом на экспорт пришлось более 1,577 трлн долл. (рост на 31,3%), а на импорт — более 1,394 трлн долл. (рост на 38,7%).

В 2010 году основными торговыми партнерами Китая стали ЕС (объем торговли — 479,7 млрд долл., рост за год на 31,8%), США (объем — 385,34 млрд долл., рост на 29,2%) и Япония (объем — 299,77 млрд долл., рост на 30,2%)²³.

По мнению экспертов, причиной замедления экономического роста Китая в случае глобального кризиса могут стать его высокая зависимость от внешних рынков и слабость внутреннего потребления в стране.

В 2009 году уровень внутреннего потребления Китая составил не более 35% от ВВП, в то время как в большинстве развитых стран этот показатель находится на уровне 60% (в США — около 80%).

4. Сопоставление потенциалов ЕС и КНР в конкурентной борьбе за энергоресурсы ЦА

На сегодняшний день ЕС и Китай являются наиболее крупными потенциальными покупателями нефти и природного газа из ЦА, и именно между ними развернется основная конкурентная борьба за доступ к центральноазиатским энергоресурсам.

²² См.: 12-я энергетическая пятилетка Китая — грандиозный план энергетической модернизации, это вам не ГОЭРЛО-2, 14 января 2011 [energyfuture.ru].

²³ См.: Внешнеторговый оборот Китая приблизился к 3 трлн долларов [http://www.vz.ru/news/2011/1/11/460101.html].

Необходимо иметь в виду, что центральноазиатские энергоресурсы поставляются главным образом посредством трубопроводов, и потому огромное значение приобретают вопросы географической близости, геополитики и зависимости от позиции транзитных стран.

Китай, безусловно, обладает преимуществом, поскольку непосредственно граничит с ЦА, и, главное, со стабильным Казахстаном, через территорию которого он имеет доступ к Узбекистану и Туркменистану.

В свою очередь, Европа вынуждена импортировать нефть и природный газ по сложному маршруту, включающему множество стран-транзитеров; кроме того, по некоторым направлениям транспортировка осуществляется с неоднократной перевалкой. Например, нефть, поставляемая по КТК, сначала транспортируется по нефтепроводу через Россию, а затем уже танкерами по Черному и Средиземному морям. Еще сложнее обстоит дело с поставками казахской нефти: она транспортируется через Каспий в Азербайджан и далее в грузинские порты на Черном море.

Китай обладает преимуществом и с геополитической точки зрения: он умело лавирует между внешними игроками (США, Россией и ЕС) и, избегая острых противоречий, выстраивает грамотную политическую и финансово-экономическую дипломатию по отношению к странам ЦА.

В отличие от Китая ЕС зачастую действует вопреки своим экономическим и инвестиционным интересам, предъявляя необоснованные требования политического и правового характера, которые, как представляется, призваны психологически компенсировать для него возможную зависимость от поставщика, а также послужить инструментом давления и получения преференций.

К тому же западный маршрут поставок завязан на целый клубок разного рода геополитических противоречий и проблем. ЕС явно пытается играть против России, стремясь снизить свою зависимость от нее в снабжении нефтью и природным газом. В частности, Бельгия (в связке с США) стремится расширить поставки центральноазиатских углеводородных ресурсов посредством Транскаспийского газопровода, по которому туркменский газ по дну Каспийского моря должен попадать в Азербайджан и далее транспортироваться в ЕС по газопроводу «Набукко». Кроме того, за счет реализации «Третьего энергетического пакета» ЕС стремится заблокировать попытки «Газпрома» получить доступ к конечному европейскому потребителю и распределительным сетям. Согласно этому набору директив крупные энергетические холдинги — продавцы энергии не имеют права одновременно владеть и транспортными сетями. В некоторых случаях сети и трейдерские структуры могут оставаться в собственности одного владельца, но под наблюдением независимого регулятора.

Россия стремится сохранить «энергетическую привязку» ЕС к своей нефти и природному газу и активно противодействует маневрам Брюсселя, пытаясь предоставить европейцам доступ к энергоресурсам ЦА посредством трубопроводов, проходящих по ее территории.

Помимо всего прочего, существует ряд проблем между странами-поставщиками и транзитерами. Так, строительству Транскаспийского газопровода препятствуют территориальные споры между Туркменистаном и Азербайджаном, касающиеся каспийских месторождений; свой вариант проведения границ на Каспии продвигает и Иран.

Не следует также забывать о «топливных войнах» между Россией и Украиной, поставивших под угрозу поставки газа и его транзит в ЕС.

Китай выгодно отличается от других «игроков» динамизмом в достижении своих целей: в сравнительно короткие сроки были построены нефтепроводы Атасу — Алашанькоу и Кенкияк — Кумколь, а также газопровод Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай.

Особенно ярко активность Китая проявляется в газовой сфере. В то время как Европа еще даже не начала строительство «Набукко» и постоянно переносит сроки его реализации, Китай уже получил более 10 млрд куб. м газа по новому газопроводу²⁴. Кроме того, КНР зарезервировала для себя 40 млрд куб. м туркменского газа в год; в перспективе 20 млрд куб. м могут быть получены из Узбекистана и Казахстана (по 10 млрд куб. м), что в сумме составит 60 млрд куб. м.

После ввода в эксплуатацию месторождения Южный Иолатань Туркменистан, по некоторым данным, может прибавить к этим объемам еще 10—20 млрд куб. м. Право на обустройство месторождения получила китайская CNPC наряду с четырьмя компаниями из Южной Кореи и ОАЭ.

Однако, несмотря на успехи Китая, некоторые эксперты считают, что позиция ЕС все равно сильнее, так как европейцы предлагают более привлекательную цену. Во многом это соответствует действительности, но зато для реализации проектов в энергетической отрасли Китай готов в кратчайшие сроки предоставлять крупные кредиты на приемлемых условиях.

Примером может служить обустройство туркменской группы газовых месторождений Южный Иолатань — Осман: в 2009 году «Туркменгаз» и Государственный банк развития Китая подписали кредитный договор на сумму 4 млрд долл. В апреле 2011 года Пекин предоставил еще один льготный кредит в размере на 4,1 млрд долл.²⁵ Путем предоставления кредитов КНР фактически контрактирует будущие объемы туркменского газа.

Подобная политика является частью более обширной стратегии Пекина по получению доступа к углеводородному сырью. По подсчетам «The Financial Times», два китайских госбанка (China Development Bank и China Export-Import Bank) в 2009—2010 годах предоставили займов за рубежом на 110 млрд долл. (для сравнения: ВБ выдал с середины 2008 по середину 2010 года только 100,3 млрд долл.). Как отмечает одно из британских изданий, большая часть выданных кредитов пришлось на энергетические сделки по принципу «деньги за нефть». При этом Китай может позволить себе более выгодные условия кредитования, чем ВБ, благо его золотовалютные резервы превышают 2,5 трлн долл.²⁶

Заключение

Оценивая динамику открытия новых запасов нефти и газа, а также инвестиций в их добычу и в строительство экспортных магистралей, можно вполне уверенно прогнозировать дальнейший рост значимости углеводородов ЦА для мировой энергетики. Безусловно, в развитии глобальной экономики существует некоторая неопределенность, однако потребность в нефти и газе из ЦА все равно сохранится, и на него будут претендовать главным образом ключевые континентальные импортеры сырья в лице Китая и ЕС.

Еще одним значимым потребителем углеводородного сырья могла бы стать Южная Азия, но ситуация в Афганистане и санкции против Ирана не дают ей возможности создать полноценный энергетический коридор в южном направлении.

²⁴ См.: Туркмения за 1,5 года экспортировала в Китай более 10 млрд кубометров природного газа, 30 мая 2011 [<http://www.upmonitor.ru/news/russia/910554a/>].

²⁵ См.: Китай активно контрактирует туркменский газ, который в Европе ждут через NABUCCO, 27 апреля 2011 [www.regnum.ru/news/1399160.html].

²⁶ См.: Китай обошел Всемирный банк по кредитам иностранным государствам, 18 января 2011 [<http://lenta.ru/news/2011/01/18/lending/>].

Для поставщиков из ЦА существование такого сильного рынка, как Китай, очень выгодно: создается возможность снизить зависимость от северного и западного направлений, где преобладающие позиции занимают Россия и ЕС — США.

Максимальная диверсификация позволяет создать атмосферу конкуренции и привлечь значительные инвестиции в реализацию проектов на более выгодных условиях, что в итоге положительно сказывается на темпах их осуществления.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АРМЕНИИ: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

Севак САРУХАНЯН

*кандидат политических наук,
заместитель директора научно-образовательного фонда «Нораванк»
(Ереван, Армения)*

Введение

После аварии на японской АЭС «Фукусима» армянская энергетика оказалась в центре внимания не только жителей своей страны, но и, отчасти, мировой общественности. Подобный интерес во многом был вызван изменением отношения к безопасности ядерной энергетики. В своих комментариях по поводу Армянской АЭС местные и международные эксперты напомнили о двух важных фактах:

- 1) об энергетическом кризисе начала 1990-х годов, вызванном блокадой Армении и закрытием Армянской АЭС в 1989 году.

- 2) о планируемом закрытии в 2016 году перезапущенной Армянской АЭС.

Авария, произошедшая в Японии, дала повод задуматься над важнейшими вопросами энергетической безопасности Армении: «Каков уровень энергетической безопасности страны? Как повлияет закрытие действующей АЭС на энергетическую безопасность страны? Будет ли построена новая атомная станция?»

В данной статье мы обсудим именно эти вопросы, фокусируя внимание прежде всего на политических и экономических аспектах проблемы.

Состояние армянской энергетики

С момента обретения страной независимости энергетическая безопасность стала одной из главных целей устойчивого развития Армении. Эта сфера занимает также одно

из ключевых мест в системе национальной безопасности государства. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха привел к прекращению поставок энергоносителей (мазута и природного газа) через территорию Азербайджана; с начала 1990-х годов единственным путем их поступления оказалась переживающая политический кризис Грузия¹.

Однако в 1989 году Совет министров Армянской ССР принял решение (в основном, под давлением общественности)² о закрытии двух действующих энергоблоков Мецаморской АЭС, что привело к структурному изменению энергетической отрасли. Основная тяжесть производства электроэнергии легла на тепловые энерговырабатывающие мощности. В условиях стабильных поставок мазута из разных частей СССР устойчивость энергетической системы Армении обеспечивали две крупные армянские ТЭС — Разданская и Ереванская.

Однако с прекращением поставок мазута и природного газа через территорию Азербайджана и приостановкой железнодорожного сообщения России с Грузией и Арменией через территорию Абхазии произошел коллапс энергетической системы. Его результатом стал энергетический кризис 1992—1994 годов: в стране производилось лишь 10—15% необходимой электроэнергии.

В условиях энергетического кризиса утраченные были в период борьбы за независимость рационализм и прагматизм вновь возобладали в процессе принятия важнейших экономических решений. Во многом именно кризис первых двух лет независимости вызвал коренные изменения структуры энергетической отрасли; их важнейшими составляющими стали

- 1) Решение правительства Республики Армения (РА) от 7 апреля 1993 года «О начале восстановительных работ и возобновлении эксплуатации второго энергоблока Армянской АЭС»³.
- 2) Решение правительства РА от 9 сентября 1997 года о создании российско-армянского ЗАО «АрмРосгазпром».

Эта компания была создана с целью увеличения объемов газоснабжения, строительства местных газопроводов, производства электроэнергии и транзита российского газа. Но основными ее задачами стали восстановление газотранспортной инфраструктуры Армении и импорт природного газа по единственному функционирующему газопроводу, проходящему по территории Грузии.

Решение правительства Армении о создании совместного армяно-российского ЗАО «АрмРосгазпром», в котором доля российского «Газпрома» была со временем увеличена с 45 до 80%, стало важнейшим событием для армянской энергетики. «АрмРосгазпром» инвестировал около 1 млрд долл. в восстановление разрушенной и разграбленной в течение первых лет независимости армянской газотранспортной системы, а также в строительство новых локальных газопроводов.

---

¹ Две ТЭС Армении — Разданская и Ереванская — работали на мазуте, а природный газ использовался исключительно населением и промышленностью. Только с 1993 года благодаря частичной модернизации ТЭС последние начали работать на природном газе. С этой точки зрения основной причиной начала электроэнергетического кризиса в Армении в 1992-м было прекращение поставок мазута.

² После спитакского землетрясения 1988 года многие представители интеллигенции и лидеры зарождающегося движения за независимость начали активно внедрять в общественное сознание уверенность в том, что Мецаморская АЭС представляет огромную экологическую угрозу для страны и дальнейшее ее функционирование поставит Армению перед угрозой исчезновения. При этом никаких экспертных и профессиональных оценок перед закрытием АЭС не было сделано, а решение о прекращении деятельности двух энергоблоков было политическим.

³ Первый энергоблок восстановлению не подлежал во многом по причине того, что за 4 года после закрытия АЭС большая часть оборудования данного энергоблока была демонтирована с самыми разными целями.

Однако самым важным достижением компании и страны стала ценовая политика «Газпрома»: на протяжении последних 14 лет и по сей день стоимость российского газа для Армении является нерыночной (1 000 куб. м природного газа «АрмРосгазпром» покупает за 180 долл., что намного ниже мировых и региональных цен).

Вместе с тем в стране реализован ряд проектов, призванных обеспечить устойчивость энергетической системы (см. табл. 1)⁴, тем более с учетом того, что с 2016 года предполагается прекращение работы действующего энергоблока Армянской Мецаморской АЭС.

Таблица 1

Энергетические проекты Армении

№	Проект	Мощность	Год завершения
1	Новый энергоблок Армянской АЭС	1 000 МВт	2016
2	5-й блок Разданской ТЭС	до 440 МВт	2011 (осень)
3	Модернизация Ереванской ТЭС	более 300 МВт	2010
4	Новые ГЭС ⁵	1 100 МВт	в процессе реализации
5	Возведение ветряных станций	200 МВт	работы не начаты
6	Газопровод Иран — Армения	2,3 млрд куб. м	2008

Из всех перечисленных выше проектов наибольшую стратегическую важность имеют два: газопровод Иран — Армения и новый энергоблок Армянской АЭС. Однако, несмотря на очевидные достижения, многие проблемы все еще не решены.

Газопровод Иран — Армения

Строительство газопровода Иран — Армения, который сможет обеспечивать РА природным газом в объеме до 2,3 млрд куб. м в год (что примерно равно годовому потреблению газа в стране), пока еще является самым крупным инфраструктурным проектом, реализованным после обретения независимости (стоимость проекта составляет 130 млн долл.)⁶.

Чтобы объективно оценить значение данного проекта для Армении, необходимо ответить на самый важный вопрос: для чего именно служит построенный газопровод?

⁴ См.: *Карпетян К.* Роль Армении в обеспечении энергетической безопасности Южно-Кавказского региона // «21-й век», 2008, № 4 (22). С. 23 (на армянск. яз.).

⁵ Надо отметить, что, несмотря на развитие системы малых ГЭС, основные гидроэнергетические мощности, которые должны были обеспечить рост отрасли, даже не начали строиться. Касается это двух проектов ГЭС — Лориберд и Шнох (о проектах ГЭС в Армении подробнее см.: *Hydropower Potential of Armenia* [<http://www.renewableenergyarmenia.am/>], 22 мая 2011).

⁶ См.: *Газазян А.* Газопровод Иран — Армения может стать шансом для Европы, 2 декабря 2008 // *Deutsche Welle* [<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3843202,00.html>], Май 2011.

Согласно договору, подписанному между Ереванской ТЭС и Иранской национальной компанией по экспорту газа, газопровод будет построен для налаживания взаимовыгодного энергетического обмена между двумя странами. Стоимость 1 куб. м иранского газа, из которого на Ереванской ТЭС будет произведена электроэнергия, соответствует стоимости 3 кВт·ч электроэнергии. Поставками этой электроэнергии Армения и расплачивается за полученный газ. Электроэнергию, произведенную сверх того, Ереванская ТЭС самостоятельно реализует на других рынках.

Впрочем, переговоры с иранской стороной о строительстве газопровода начались в 1994 году, когда Армения страдала от нестабильности поставок российского природного газа через территорию Грузии, и вполне вероятно, что поначалу иранский газопровод задумывался как альтернатива российскому. Однако с конца 1990-х годов ситуация в Грузии качественно изменилась, и в течение последних 10 лет поставки газа по ее территории прекращались исключительно по техническим причинам. «Газпром», ставший монополистом на армянском рынке энергоресурсов, вряд ли будет пользоваться возможностью импорта природного газа в Армению из Ирана в ущерб собственным интересам. Кроме того, иранский газ никак не может составить конкуренцию российскому, остающемуся при нынешней ценовой политике более дешевым.

Однако в 2004 году Армения и Иран все-таки подписали соглашение о строительстве газопровода; строительные работы были завершены в 2008 году.

Официальные комментарии обеих сторон по поводу предназначения газопровода касаются лишь зафиксированных в договоре положений, однако в последние годы в среде армянских экспертов и оппозиционных политиков сформировалось несколько точек зрения по этому вопросу. Можно выделить следующие.

1. Газопровод Иран — Армения может стать транзитным.
2. Иранский газ даст возможность отказаться от российского.

Ни то, ни другое не отражает реального положения дел.

- Во-первых, газопровод не может стать транзитным не только в силу своей технической слабости (пропускная способность — 2,3 млрд куб. м), но и по целому ряду географических, политических и экономических причин.

Грузия вряд ли будет покупать иранский газ, так как он дороже азербайджанского; в любом случае она могла бы получать его через территорию Азербайджана, связывающую иранскую и грузинскую газотранспортные системы.

- Во-вторых, непонятно, как иранский газ, даже транспортируясь по армянской территории в Грузию (о Турции и Азербайджане и речи быть не может из-за отсутствия сотрудничества с ними Армения), мог бы поставляться в другие государства. Как известно, Россия в иранском газе не нуждается, а Турция покупает его напрямую у Ирана (что при желании может делать и Азербайджан).

Вместе с тем в Армении бытует мнение о том, что иранский газ мог бы через территорию республики транспортироваться в Европу. Но, во-первых, ЕС не вел и не ведет никаких прямых переговоров с Ираном о покупке природного газа; во-вторых, совершенно непонятно, почему ЕС должен покупать иранское голубое топливо в Армении, а не в Турции, которая активно стремится стать посредником в налаживании ирано-европейского сотрудничества в газовой сфере; в-третьих, из Армении в ЕС не проложен ни один газопровод.

Что касается российского газа, то о практической невозможности отказа от него упоминалось выше.

Для полноценного анализа вопроса относительно выгоды иранского газа для Армении не хватает одной важной детали — данных о его цене. Армения никогда не вела

с Ираном переговоров о покупке иранского газа для внутреннего потребления; известно лишь, по какой цене приобретает его Ереванская ТЭС, экспортирующая электроэнергию в Иран взамен получаемого оттуда газа.

Таким образом, на фоне стабильных поставок российского газа использование газопровода Иран — Армения сводится лишь к энергетическому обмену между двумя государствами (как это формально и озвучено армянской и иранской сторонами).

Газопровод Иран — Армения актуален и важен для Армении еще и потому, что дает ей возможность экспортировать в ИРИ электроэнергию, потребление которой за последние 20 лет выросло здесь в 4 раза⁷.

Газопровод имеет важное стратегическое значение и с точки зрения энергетической безопасности: если поставки российского газа в Армению через территорию Грузии станут невозможны в силу каких-либо технических, политических и экономических причин, его роль значительно возрастет: он сможет обеспечить стабильное функционирование армянской экономики в форс-мажорных обстоятельствах. Но до тех пор, пока поступление российского газа в Армению осуществляется в стабильном режиме, газопровод Иран — Армения не может стать рыночной и экономической альтернативой российскому маршруту.

Атомная энергетика: закрытие старого энергоблока и строительство нового

Перезапуск второго энергоблока Армянской АЭС, осуществленный в 1995 году, решил вопрос обеспечения населения и экономики электроэнергией. Армянская АЭС производит от 30 до 40% всей электроэнергии в стране и, несмотря на стабильность работы ТЭС и крупнейшей Воротанской ГЭС⁸, является основой электроэнергетики страны.

С конца 1990-х годов вопрос повторного закрытия Армянской АЭС занимал важное место в отношениях РА с европейскими странами, которые выражали обеспокоенность по поводу ее безопасности, так как ядерный реактор станции в Мецаморе фактически является единственным перезапущенным после полной консервации.

В 2003 году армянское правительство, стремясь обеспечить стабильность поставок ядерного топлива для АЭС, а также постоянный профессиональный уход за оборудованием станции, передало ее в доверительное управление «Интер РАО ЕЭС». Несмотря на то что уже более 7 лет за безопасность Армянской АЭС отвечает крупнейшая российская компания, требования со стороны ЕС закрыть станцию по соображениям безопасности не прекращаются.

В 2007 году «Евроатом» начал официальные переговоры с Министерством энергетики Армении с целью найти приемлемые механизмы закрытия станции, однако чисто технологический подход к решению проблемы не дал возможности ответить на вопрос, что же получит Армения взамен АЭС? Ни со стороны «Евроатома», ни со стороны ЕС не поступило реальных предложений по финансированию строительства альтернативных мощностей (тепловых, гидро- и ядерных).

---

⁷ См.: Iran — Country Analyses Brief (2010) — Energy Information Administration [<http://www.eia.doe.gov/cabs/Iran/pdf.pdf>, P.11], 21 May 2011.

⁸ Обеспечивает около 8% производства электроэнергии в стране.

Европейская сторона пообещала Армении оказать максимум содействия; это заявление озвучил начальник Главного управления Еврокомиссии по внешним связям со странами Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии Х. Мингарелли во время 6-го заседания комиссии сотрудничества «Армения — ЕС» в Ереване. Он, в частности, сказал, что если правительство Армении предпримет шаги по закрытию в кратчайшие сроки Армянской АЭС, то ЕС проведет международную конференцию стран-доноров с целью изыскания необходимых для этого средств⁹. Речь фактически шла исключительно о финансировании работ по безопасному закрытию станции, но не о нахождении средств для создания новых генерирующих мощностей.

Между тем уже в 2005 году армянские официальные лица объявили, что единственной альтернативой закрытию действующего реактора будет строительство нового, что вызвало критику со стороны ЕС. Однако неготовность европейских структур предложить другие проекты и финансировать их реализацию привела к изменению позиции ЕС: в конце 2006 года посол Еврокомиссии в Грузии и Армении Т. Хольце признал оправданным желание построить новый реактор взамен действующего¹⁰.

Не исключено, что изначальная критическая позиция ЕС по отношению к строительству нового энергоблока была обусловлена возможностью Армении задействовать новые теплоэнергетические мощности, аналогичные ядерным: в 2011 году будет сдан в эксплуатацию 5-й энергоблок Разданской ТЭС мощностью 440 МВт с практически теми же параметрами, что и подлежащий закрытию ядерный энергоблок с реактором ВВЭР-440.

Кроме того, в республике реализуется ряд других проектов, которые могут компенсировать закрытие АЭС; к ним относится строительство малых и больших ГЭС, крупнейшая из которых будет возведена Арменией и Ираном на реке Аракс (ее запланированная мощность составит 400 МВт).

Но для самой Армении проблема АЭС не рассматривается с точки зрения отсутствия альтернативы (вопроса о перспективах ядерной энергетики РА после аварии на «Фукусиме» мы коснемся ниже).

29 ноября 2007 года правительство Армении одобрило стратегию вывода из эксплуатации действующего энергоблока Мецаморской АЭС. Согласно предварительному графику, с 2012-го по 2016 год планируется подготовка к лицензированию данного процесса, а в 2016—2048 годах будут проведены сами работы по выводу энергоблока из эксплуатации, безопасному сохранению, демонтажу зданий и строений и реабилитации площадки¹¹.

27 октября 2009 года в третьем окончательном чтении был принят законопроект «О строительстве в Армении нового атомного энергоблока», предусматривающий строительство нового энергоблока мощностью до 1 200 МВт.

Самой большой проблемой можно считать привлечение инвесторов для строительства нового энергоблока АЭС. С самого начала обсуждения в качестве возможных источников финансирования назывались разные страны и организации: США, Россия, Франция, Азиатский банк реконструкции и развития и т.д. По этому поводу премьер-министр Армении Т. Саркисян сказал: «Есть очень серьезная заинтересованность этим проектом. Вообще, в мире строительство атомных станций ограничено, реакторы на 10 лет уже за-

⁹ См.: ЕС намерен организовать форум доноров для сбора средств на закрытие Армянской АЭС // РИА Новости, 8 июля 2004 [<http://rian.ru/economy/20040708/629389.html>], 22 мая 2011.

¹⁰ См.: *Мовсисян Г.* Будущее Армении — в развитии ядерной энергетики // Республика Армения, 22 декабря 2006, № 093 (479).

¹¹ См.: Правительство Армении одобрило стратегию вывода Армянской АЭС из эксплуатации // ИА Регнум, 27 ноября 2007 [<http://www.armtown.com/news/ru/pan/20071129/24225/>], 26 марта 2010.

резервированы, в том числе и в России. Известно, где и кто строит, а желающих участвовать в инвестициях очень много, особенно сегодня, когда у многих инвесторов есть деньги и они не знают, в какие проекты их вкладывать»¹².

Однако в реальности никакого заметного интереса к атомному проекту Армении ни одна страна, кроме России, не выказала. Это, скорее всего, связано с тем, что сегодня видимого бизнес-интереса вокруг нового энергоблока не возникло; не решен вопрос открытия армяно-турецкой границы, а также неизвестна реальная доля финансирования проекта со стороны Армении. Кроме того, не определены источники финансирования этой доли и не уточнены до конца другие возможные факторы риска.

В этих условиях привлечь инвесторов можно следующими путями.

- Попытаться доказать, что их вложения окупятся сравнительно быстро и в не очень далекой перспективе можно будет получить доход.
- Делать упор не на экономическое, а на политическое значение проекта.

Можно с полной уверенностью утверждать, что армянская сторона преуспела именно по второму пункту, тогда как по первому у нее нет весомых аргументов.

Решению вопроса о финансировании строительства нового энергоблока весьма способствовала стратегическая заинтересованность России в укреплении своих позиций на региональном энергетическом рынке.

Электроэнергия, вырабатываемая новым энергоблоком Армянской АЭС, в дальнейшем может быть экспортирована в Турцию и Иран. На сегодняшний день РА является единственной страной региона, имеющей потенциал для подобного экспорта: установленная мощность армянской энергосистемы после строительства АЭС может достичь почти 5 000 МВт (при этом количество максимально готовой к потреблению энергии составит 1 500 МВт).

Вопрос о строительстве нового энергоблока Армянской АЭС обсуждался в ходе практически всех армяно-российских переговоров. В итоге 3 декабря 2009 года правительство Армении одобрило проект решения о создании ЗАО для строительства нового блока Мецморской АЭС. В ЗАО в равных долях вошли российская компания «Атомстройэкспорт» и армянская сторона в лице Министерства энергетики и природных ресурсов. На заседании правительства РА было объявлено, что реактор нового блока Армянской АЭС (мощностью 1 060 МВт, со сроком эксплуатации 60 лет) будет российского производства. Как заявил премьер-министр Армении Т. Саркисян, «принимается политическое решение — даем согласие на создание совместного с нашими российскими партнерами предприятия с равными долями участия»¹³.

По предварительным данным, сооружение нового энергоблока может обойтись в сумму до 5 млрд долл. Предполагалось, что, как минимум, половина работ будет финансироваться компанией «Атомстройэкспорт», а другая часть — армянской стороной.

Накануне официального визита президента России Д. Медведева в Армению, состоявшегося 20 августа 2010 года, между Министерством энергетики и природных ресурсов РА и «Росатомом» было подписано Соглашение о техническом и финансовом сотрудничестве с целью строительства нового энергоблока АЭС¹⁴. Однако уже в ходе пребывания российского президента в Армении глава «Росатома» С. Кириенко заявил, что российс-

¹² ИА «Арка», 19 октября 2009.

¹³ [<http://www.regnum.ru/news/1231523.html>].

¹⁴ Во время подписания было объявлено, что новый проект может обойтись в сумму до 5 млрд долл. (см.: Новый блок Армянской АЭС станет рекордным // Коммерсантъ, 21 августа 2010, №153 (4453)). Тут надо отметить, что это будет самый дорогой из когда-либо осуществленных проектов строительства АЭС с реактором ВВЭР-1000.

кая сторона готова финансировать только 20% работ, а для привлечения остальных средств армянская и российская стороны должны провести совместную работу для созыва конференции возможных доноров¹⁵.

Конференцию планировалось провести в конце апреля 2011 года, однако она не состоялась. Причиной послужило, скорее всего, то, что не было найдено иных сторон, заинтересованных в строительстве нового энергоблока Армянской АЭС; отсутствие инвесторов может заморозить проект на неопределенное время. Вполне очевидно, что к 2016 году (когда будет закрыт действующий реактор Мецаморской АЭС) строительство нового энергоблока АЭС завершено не будет.

На фоне провала конференции доноров и не начавшихся работ по строительству нового энергоблока заслуживает особого внимания заявление министра энергетики Армении А. Мовсисяна о том, что, пока не будет построен новый энергоблок, старый закрыт не будет¹⁶.

Следует отметить, что продление эксплуатации энергоблока еще на 5 или 10 лет вызовет серьезную критику со стороны мирового сообщества (и без того обеспокоенного катастрофой на «Фукусиме») и ЕС сможет использовать переговоры по подписанию Соглашения об ассоциированном партнерстве в качестве рычага давления на Армению в вопросе об АЭС. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в случае если к 2016 году АЭС не будет закрыта, у Армении возникнут большие проблемы в отношениях с Европой.

Эхо «Фукусимы» или его отсутствие

После аварии на японской АЭС «Фукусима» в Европе и в мире поднялась новая волна протестов против атомной энергетики. Армения, которая в 1988 году пережила разрушительное землетрясение в Спитяке, приведшее к временному закрытию (по требованию населения) Мецаморской АЭС, эти протестные настроения не поддержала.

Единственный громкий призыв о нецелесообразности строительства новой АЭС в Армении прозвучал от бывшего премьер-министра страны А. Дарбиняна, который в своем интервью (перепечатанном многими армянскими информагентствами) заявил следующее: «Даже такая технологически развитая страна, как Япония, не смогла предотвратить эту страшнейшую катастрофу, не смогла выдержать удары природной стихии. И вдруг мы на этом фоне говорим, что мы все выдержим, у нас все нормально. Не совсем понятно также, как мы собираемся давать миру гарантии безопасности, если мы не являемся собственником ни технологий, ни агрегатов»¹⁷.

В целом спокойное отношение армянского общества к проблеме безопасности атомной энергетики можно объяснить двумя основными факторами: психологическим и политическим.

Психологический. На сегодняшний день маршруты поставок энергоносителей в Армению диверсифицированы (построен новый газопровод из Ирана), а Грузия на протяжении последних 10 лет является надежной страной-транзитером российского газа (в отличие от периода начала 1990-х гг.). Однако значительная часть руководства страны и ар-

¹⁵ См.: Россия может профинансировать 20% строительства новой армянской АЭС // Radio Liberty — Armenia [http://www.azatutyun.org/articleprintview/2133108.html], 17 мая 2011.

¹⁶ См.: Армянская АЭС будет эксплуатироваться до постройки нового энергоблока — Минэнерго [http://www.atominform.ru/news4/d0761.htm], 1 мая 2011.

¹⁷ Как поступить с АЭС после Японии? — Армен Дарбинян предложил новый подход для армянской энергетики [http://news.am/rus/news/54459.html], 1 мая 2011.

мянское общество в целом склонны считать, что в условиях закрытой границы с Турцией и Азербайджаном, уязвимости маршрутов, по которым Армения получает газ из России и Ирана, а также прекращения деятельности АЭС энергетический кризис может возобновиться. Именно поэтому публикации отдельных западных СМИ, утверждающие, что Мецаморская АЭС представляет собой серьезную экологическую угрозу, не оказывают заметного влияния на армянское общество и руководство¹⁸.

Политический. В Армении существует устоявшееся мнение, что наличие на территории страны АЭС имеет важное значение не только с энергетической, но и с военно-политической точки зрения. Сейчас, когда в результате кризиса на АЭС «Фукусима» Турция и Азербайджан выступают за закрытие Мецаморской АЭС¹⁹, это мнение все больше укрепляется. При этом использование Анкарой и Баку японской катастрофы как главного аргумента для агитации против атомной энергетики Армении косвенно лишает армянское общество возможности объективно оценить весь драматизм ситуации на АЭС «Фукусима» и извлечь для себя уроки из этой трагедии. Таким образом, критика со стороны Азербайджана и Турции вызывает только рост поддержки ядерной энергетики в Армении.

Подобная позиция РА стала главным препятствием для проведения критического анализа угроз и рисков развития атомной энергетики в Армении. После аварии на «Фукусиме» официальная позиция правительства Армении осталась неизменной: ее озвучил на своей пресс-конференции 20 апреля 2011 года председатель Государственного комитета по регулированию ядерной безопасности А. Мартиросян: «До вчерашнего дня власти Армении не раз заявляли о том, что ситуация на японской Фукусиме не отразится на реализации энергетической политики республики. Программой предусмотрено строительство нового энергоблока Армянской АЭС, и он должен быть построен»²⁰.

Что касается сейсмичности Армении, то следует отметить, что она учитывалась и ранее, при возведении ныне действующего блока АЭС. В частности, начальник Центра сейсмостойкости строений МЧС Армении З. Хлгатын заявил, что «в СССР прекрасно осознавали, что Армения находится в сейсмически активной зоне, поэтому еще тогда при строительстве были учтены все особенности местности»²¹.

Однако необходимо отметить, что после распада СССР в Армении фактически так и не была сформирована национальная служба, способная взять на себя решение вопросов безопасности АЭС. Эти вопросы по-прежнему решаются главным образом российскими специалистами, силами которых в 1995 году был вновь запущен второй блок Мецаморской АЭС; они же несут ответственность и за оперативное управление станцией.

Вместо заключения

В течение последних 15 лет уровень энергетической безопасности Армении остается довольно низким, даже несмотря на то что в стране созданы новые мощности. С закрыти-

---

¹⁸ Brown P. EU Halts Aid to Armenia over Quake-zone Nuclear Plant // The Guardian, Wednesday, 2 June 2004; Lavelle M., Garthwaite J. Is Armenia's Nuclear Plant the World's Most Dangerous?, 1 April 2011 [<http://news.nationalgeographic.com/news/energy/2011/04/110412-most-dangerous-nuclear-plant-armenia/>], 1 May 2011.

¹⁹ См.: Азербайджан беспокоится по поводу АЭС в Армении [<http://www.georgiatimes.info/news/55176.html>], 1 мая 2011; Турция продолжит кампанию против Армянской АЭС [<http://www.rosbalt.ru/kavkaz/2011/03/21/830475.html>], 1 мая 2011.

²⁰ Власти Армении не намерены отказываться от строительства нового энергоблока АЭС [<http://www.panarmenian.net/rus/economy/news/67727/>], 1 мая 2011.

²¹ Армянская АЭС может выдержать землетрясение до 9 баллов — сейсмолог [<http://www.newsarmenia.ru/society/20110315/42413102.html>], 1 мая 2011.

ем действующей АЭС на теплоэнергетические мощности ляжет дополнительная нагрузка; кроме того, для их стабильной работы необходимо бесперебойное функционирование проходящего по территории Грузии и проложенного из Ирана газопроводов. И Грузия, и Иран обладают большим потенциалом внутренней дестабилизации, что на практике может привести к срыву поставок природного газа, а в условиях отсутствия в стране АЭС — к коллапсу национальной энергетической системы.

Для Армении критически важно развивать те сферы энергетики, стабильное функционирование которых напрямую не связано с ситуацией в странах региона. Такими сферами являются возобновляемые источники энергии и ядерная энергетика. Единственным объектом энергетики возобновляемых источников в Армении являются ГЭС; но, несмотря на определенные успехи в этой сфере, темпы развития гидроэнергетики оставляют желать лучшего.

Что касается ядерной энергетики, то она находится в неразрешимой ситуации, связанной с отсутствием инвесторов для строительства новой АЭС. Сохранение действующей АЭС до строительства новой может загнать Армению в тупик: отсутствие инвестиций для строительства новой атомной станции может привести к продлению работы действующего энергоблока на неопределенное время.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН

Ашот МАРКОСЯН

*доктор экономических наук, профессор,
заместитель начальника Департамента по управлению
государственным имуществом
при Правительстве Республики Армения
(Ереван, Армения)*

Макар ПЕТРОСЯН

*кандидат экономических наук,
исполнительный директор акционерного общества «МАП»
(Ереван, Армения)*

Введение

Множество исследований демонстрируют прямую зависимость между объемами производства и географическим положением страны. Для большинства показателей экономического производства характерна простая регрессионная зависимость плотности объема производства (ВВП на 1 кв. км) от географических переменных (среднегодовой температуры, среднегодового количества осадков, высоты

над уровнем моря, «жесткости» ландшафта, категории почв, выхода к морю и др.).

Означает ли это, что географические факторы определяют судьбу развития страны? Если да, то в какой степени? Если нет, то какие меры следует предпринять, чтобы обеспечить долгосрочный экономический рост? На эти и другие вопросы мы попытаемся пролить свет в данной статье.

Географически изолированные страны и их общие проблемы

Не секрет, что на развитие страны существенно влияют ее географическое положение и природные особенности. Так, в странах с благоприятными природно-климатическими условиями интенсификация сельского хозяйства обеспечивает излишки, которые могут быть использованы для расширения других сфер деятельности (например, использование сельхозпродукции для получения горючего), а также для экспорта, и, следовательно, привлечения в экономику денежных средств.

Географически изолированные страны можно подразделить на две группы — «страны, не имеющие выхода к морю» и «страны, не имеющие выхода к суше».

В настоящее время существует 43 государства, границы которых не имеют выхода к Мировому океану. Больше всего таких государств расположено в Африке (15) и в Европе (14 государств и 2 частично признанных государства); в Азии таких государств 12, в Южной Америке — 2.

Два из этих государств: Узбекистан и Лихтенштейн и сами граничат исключительно со странами, не имеющими выхода в Мировой океан. Существуют также государства, которые полностью окружены территорией другого: Сан-Марино и Ватикан — Италией, Лесото — Южно-Африканской Республикой.

Эфиопия, в которой проживает около 80 млн жителей, является крупнейшим по численности населения из государств, не имеющих выхода к Мировому океану; за ней следуют Уганда (31 млн), Непал (28 млн) и Узбекистан (27 млн).

Крупнейшими по площади из государств, не имеющих выхода к морю, являются Казахстан, Монголия, Чад, Нигер, Эфиопия и Боливия.

Отсутствие выхода к морю может создавать «островной эффект», не позволяющий получать выгоды от взаимодействия с поставщиками и рынками соседних стран. В подобной же изоляции находятся мелкие отдаленные острова, которые фактически «не имеют выхода к суше».

У географически изолированных стран гораздо выше транспортные издержки при экспорте и импорте, стоимость энергии, затраты на обслуживание текущих потребностей и, как следствие, многие другие затраты. С этим обстоятельством часто бывает связана низкая степень диверсификации экономики — специализация на производстве всего нескольких видов продукции, а также миграция высококвалифицированной рабочей силы.

Одно из неперенных условий развития стран, не имеющих выхода к морю, — реальный доступ к рынкам, чему препятствует продолжающаяся эскалация таможенных и транзитных тарифов. Сохранение тарифных пиков сильно затрудняет диверсификацию экспорта и более глубокую переработку продукции. Кроме того, для стран, лишенных выхода к морю, очень важно установление процедур беспошлинного и неквотируемого ввоза их экспортных товаров. Однако расширение доступа на рынки может быть сведено на нет нетарифными мерами регулирования, которые имеют в основном институциональный характер. Поэтому необходимо установить реалистичные, гибкие и упрощенные правила учета происхождения товаров, которые соответствовали бы производственному потенциалу стран, не имеющих выхода к морю.

Ответственность за создание эффективно функционирующих систем транзитных перевозок лежит на самих странах, не имеющих выхода к морю. Международные организации, по большому счету, могут оказывать только помощь и консультационные услуги в вопросах организации транзитных перевозок и упрощения процедур торговли, а также регулярно оценивать ход событий на региональном и субрегиональном уровнях.

Экономические потери от конфликтов и территориальных споров

Непроницаемость границ приводит к замедлению экономического роста. Однако и полное политическое взаимопонимание между странами не обязательно способствует улучшению экономических показателей. А при полном объединении двух стран положительный эффект от увеличения территории общего экономического пространства может сопровождаться замедлением развития торговли с остальным миром; слияние же соседних рынков без политической интеграции ведет лишь к незначительному ускорению экономического роста.

В случае межстрановых противоречий или внутривосточных конфликтов уже само наличие границ приводит к серьезному сокращению доходов. Ущерб может быть значительным, даже если конфликт не носит вооруженного характера. Территориальные противоречия влекут за собой высокие международные транзакционные издержки из-за незащищенности прав собственности, несогласованности действий, непрозрачности процедур, а также юридической и политической неопределенности, влияющей на поведение хозяйствующих субъектов.

Когда же конфликт приобретает форму военной конфронтации, издержки и потери значительно возрастают: речь идет не только о человеческих жизнях, но и об экономическом ущербе. Среднестатистические потери от одной гражданской войны в мире составляют около 64 млрд долл. в год, а общемировой ущерб — примерно 100 млрд долл.; эти цифры существенно превышают бюджет международных программ помощи.

По оценкам экспертов, гражданская война в соседнем государстве сокращает показатель ежегодного роста экономики страны примерно на 0,5%. И это, в частности, приводит к тому, что соседние страны увеличивают свои военные расходы на 2%¹. Кроме того, появляются беженцы и возникают перебои в функционировании основных торговых путей. Можно сказать, что при конфликте обе его стороны платят своеобразную «цену», выражающуюся в сокращении темпов роста или спаде экономики.

Закономерности концентрации экономической активности

Исследование тенденций мирового развития позволяет сформулировать несколько основных закономерностей, относящихся к экономической географии.

1. По мере развития стран увеличивается концентрация экономической активности (причем в развитых странах находятся самые густонаселенные территории). В постиндустриальной экономике резко усиливаются темпы урбанизации.
2. Сокращаются различия в уровне благосостояния сельских и городских районов (а также различия среди жителей городов). Однако в некоторых странах эта общемировая тенденция выражена не столь явно.
3. Миграция рабочей силы усиливается по направлению к «центрам урбанизации» и зонам, свободным от политических конфликтов.

---

¹ См.: Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. М.: Всемирный банк, изд-во «Весь мир», 2009.

4. Ни темпы урбанизации, ни ее связь с экономическим ростом не являются чем-то беспрецедентным. Сегодняшнее развитие подчиняется закономерностям, которые в свое время выявились в развитых государствах, переживших наплыв населения в города. Однако сегодня количество «переселенцев» значительно больше.

Усилия мирового сообщества по преодолению неблагоприятных географических условий

Сегодня Всемирный банк, Организация Объединенных Наций, государства, не имеющие выхода к морю, и страны-доноры объединили усилия в преодолении препятствий для торговли, экономического роста и развития, с которыми сталкиваются наименее развитые страны, не имеющие выхода к морю.

Начало этому процессу было положено в 2003 году принятием Алматинской программы действий², рассчитанной на 10 лет. Программа призывает страны повысить прозрачность регулирования транзитных перевозок, упростить режим пограничного контроля, а также усовершенствовать административные процедуры. Особое значение документ придает сотрудничеству в области создания эффективных систем транзитных перевозок на региональном и субрегиональном уровнях.

12—15 апреля 2010 года в Улан-Баторе состоялась очередная встреча представителей стран, не имеющих выхода к морю. В ней приняли участие около 100 делегатов из 12 государств, не имеющих выхода к морю, а также представители стран-доноров, партнеров и международных организаций³. Участвовавшие в мероприятии министры и другие высокопоставленные чиновники из Азербайджана, Афганистана, Армении, Бутана, Казахстана, Кыргызстана, Лаоса, Монголии, Непала и Таджикистана обсудили пути выполнения Алматинской программы действий.

Стоимость транспортировки и цены на продукцию

Многие страны весьма пострадали от роста цен, наблюдающегося на протяжении последних нескольких лет. Однако странам, не имеющим выхода к морю, пришлось труднее всего: возникли проблемы с экспортом, и, как следствие, уменьшились объемы торговли и темпы экономического роста. В соседних с ними странах, имеющих выход к морю, картина была несколько более благоприятной.

Один из важнейших компонентов цен на продовольствие — стоимость перевозки товаров, и по сложившейся «традиции» во многих странах с низким уровнем доходов она гораздо выше, чем в промышленно развитых. Промышленно развитые страны обеспечивают себе преимущества за счет экономии на масштабах. Что касается промышленно не-

---

² См.: «Новые вопросы и тенденции на региональном уровне: наименее развитые, не имеющие выхода к морю и островные развивающиеся страны». Доклад специального органа по наименее развитым и не имеющим выхода к морю развивающимся странам о работе его шестой сессии, ООН, Экономический и социальный совет, 1—4 сентября 2003 года, Бангкок.

³ [<http://www.world-russian.com/forum/680/18686>].

развитых стран, то основная проблема для них заключается в непредсказуемости таможенных процедур.

Стабильность и предсказуемость поставок не менее важны для торговли, чем быстрая доставка товаров к месту назначения. Задержки на таможенных границах повышают стоимость доставки и делают ситуацию мало предсказуемой. Это не менее серьезная проблема, чем слишком долгий процесс транспортировки товаров.

В странах, не имеющих выхода к морю, подобная неопределенность заставляет компании использовать более надежные, но дорогие виды транспорта (например, воздушный транспорт), либо создавать значительные запасы товаров, иногда и на целый год вперед.

Расходы на транспортировку возрастают и в силу других факторов, среди которых и существование монополий в сфере грузовых перевозок. Взимание «платы за помощь» в некоторых транспортных коридорах также представляет собой серьезную проблему. Подсчитано, что блокпосты на дорогах повышают транспортные расходы на 10%.

Упрощение и рационализация импортно-экспортных процедур могут снизить стоимость перевозки товаров, а также потребительские цены, тем самым способствуя развитию торговли, экономическому росту и притоку инвестиций. Однако подобные преобразования наталкиваются на серьезные препятствия: система транспортировки товаров контролируется влиятельными кругами, заинтересованными в сохранении существующего положения дел.

Упрощению существующей системы могло бы способствовать и снижение импортных пошлин, однако сделать это нелегко: в странах, не имеющих выхода к морю, эти поступления составляют значительную долю государственных доходов.

Сравнительный анализ результатов экономического развития стран, имеющих выход к морю и не имеющих выхода к морю

Интересно проанализировать некоторые результаты экономического развития в двух группах стран: имеющих выход к морю и не имеющих выхода к морю.

В качестве примера успешных стран, принадлежащих ко второй группе, часто приводят Люксембург или Швейцарию, чья экономика и качество жизни превосходят показатели многих государств мира. Однако их пример не является типичным, поскольку обе они расположены в центре Европы и окружены развитыми государствами, с которыми их связывают дружественные отношения. Более того, на протяжении последних столетий они не были подвержены экономическим и политическим потрясениям, чего нельзя сказать о большинстве стран этой группы, находящихся в других частях света. Европейские страны, не имеющие выхода к морю, сильно интегрированы в окружающее их «пространство», а участие в международной специализации позволило им получить максимум преимуществ. Кроме того, высокая потребительская способность соседних стран и наличие общеевропейского рынка решают все проблемы, связанные с экспортом товаров и услуг.

Для сравнительного анализа основных экономических показателей двух групп стран мы воспользовались усредненными значениями выбранных показателей для каждой из них (в расчете на одну страну), что позволяет лучше скорректировать погрешности сравнения.

Таблица 1

Некоторые показатели развития стран,
имеющих выход к морю и не имеющих выхода к морю
(в расчете на одну страну)

Показатели		Выход к морю			Справка	
		Год	Нет выхода к морю	Есть выход к морю	Среднее значение для всех стран мира	Соотношение показателей (в %)
1		2	3	4	5	6 (4/3)
Население	Численность, млн чел.	2007	12,7	60,5	36,6	476,4
	Среднегодовой прирост, %	2000—2007	1,5	1,5	1,5	100,0
	Плотность, чел./кв. км	2007	103,6	225,1	164,4	217,3
Доля населения возрастной категории 0—14 лет в общей структуре населения, %		2007	32,5	28,3	30,4	87,1
Валовый национальный доход	В млн долл.	2007	45,0	1 696,5	870,8	3 770,0
	В расчете на душу населения, в долл.	2007	5 225,2	10 626,3	7 925,8	203,4
Валовый национальный доход с учетом ППС	Абсолютная величина, млн долл.	2007	59,6	2 385,4	1 222,5	4 002,3
	Величина в расчете на душу населения, долл.	2007	6 468,8	12 180,8	9 324,8	188,3
Среднегодовой прирост ВВП в расчете на душу населения, %		2006—2007	3,8	4,3	4,1	113,2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Мужчины	2006	57,8	65,9	61,9	114,0
	Женщины	2006	62,2	70,8	66,5	113,8
Грамотность взрослого населения, в %		2005	36,0	56,4	46,2	156,7

Источник: Таблица рассчитана на основе данных работы «Доклад о мировом развитии — 2009. Новый взгляд на экономическую географию». М.: Всемирный банк, изд-во «Весь мир», 2009. С. 352—353.

В таблицах 1 и 2 представлены некоторые показатели развития, а также экономической активности анализируемых групп стран. Примечательно, что показатель доли населения в возрасте 0—14 лет во второй группе стран (см. табл. 1) превышает соответствующую цифру в первой (32,5% против 28,3%). Это еще одно свидетельство миграции рабочей силы в страны с более развитой экономической системой.

Сравнение же по статьям национального дохода, по нашему мнению, не требует излишних комментариев.

Расчетные данные табл. 2 позволяют утверждать, что средняя величина ВВП стран первой группы в 37 раз превышает средний показатель, рассчитанный для второй. Наиболее характерным, по нашему мнению, является также показатель величины внешнеторгового баланса, который для стран первой группы в 2007 году составил 10,3% по отношению к ВВП, в то время как для второй —2,7%.

Более 30 развивающихся стран (31 страна), не имеющих выхода к морю, считаются в мире недостаточно привлекательными для прямых иностранных инвестиций (ПИИ): на развитии их экономики помимо структурных недостатков отрицательно сказывается и неблагоприятное географическое положение. Правда, в результате проведения соответствующих реформ и либерализации инвестиционного режима, а также в силу благоприятных глобальных экономических условий в период 2000—2008 годов приток инвестиций в эти страны не-

Таблица 2

Некоторые показатели экономической активности стран,
имеющих выход к морю и не имеющих выхода к морю
(в расчете на одну страну)

Показатели		Выход к морю			Справка	
		Год	Нет выхода к морю	Есть выход к морю	Среднее значение для всех стран мира	Соотношение показателей (в %)
1		2	3	4	5	6 (4/3)
ВВП	Валовой объем, млн долл.	2007	48 265,5	1 770 334,6	909 300,1	3 667,9
	Среднегодовой прирост, %	2000—2007	5,1	4,5	4,8	88,2
Производительность труда в сельском хозяйстве	Добавленная стоимость в расчете на одного сельхозработника, долл., 2000 г.	1990—1992	1 703,3	4 244,0	2 973,7	249,2
		2003—2005	2 578,1	7 801,0	5 189,6	302,6
Величина добавленной стоимости, % к ВВП	Сельское хоз-во	2007	21,0	11,1	16,1	52,9
	Промышленность	2007	25,7	28,6	27,2	111,3
	Сфера услуг	2007	43,8	50,6	47,2	115,5

Таблица 2 (продолжение)

	1	2	3	4	5	6 (4/3)
Конечное потребление домашних хозяйств	Доля в ВВП, %	2007	72,6	61,8	67,2	85,1
Валовые расходы правительств на конечное потребление	Доля в ВВП, %	2007	14,5	13,9	14,2	95,9
Валовое накопление капитала	Доля в ВВП, %	2007	23,2	22,7	23,0	97,8
Внешнеторговый баланс торговли товарами и услугами	Доля в ВВП, %	2007	-10,3	-2,7	-6,5	26,2
Дефлятор ВВП, %	Среднегодовой прирост, %	2000—2003	15,5	6,4	11,0	41,3
<i>Источник:</i> Таблица рассчитана на основе данных работы «Доклад о мировом развитии — 2009. Новый взгляд на экономическую географию». С. 356—357.						

уклонно возрастал, хотя и значительно медленнее, чем в другие развивающиеся страны (см. табл. 3). А зафиксированное в 2009 году падение ПИИ на 17% (до 22 млрд долл.) было менее резким, чем в остальных странах мира.

Следует отметить, что производственный потенциал стран, не имеющих выхода к морю, весьма слабо диверсифицирован. Именно поэтому ПИИ сконцентрированы прежде всего в добывающем секторе нескольких из них, богатых природными ресурсами. Так, в 2009 году на долю одного только Казахстана приходилось 58% от общего объема ПИИ в развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю.

Данные табл. 3 свидетельствуют, как уже отмечалось, что масштаб притока инвестиций в развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, даже меньше, чем инвестиции в наименее развитые страны (2,0% против 2,5% в 2009 г.). А вот отток инвестиций из развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, в 2009 году составил 0,3% от общемировых потоков против 0,1% в 2008 году. Для наименее развитых стран этот показатель, напротив, уменьшился с 0,2% до 0,1%.

Для преодоления трудностей, обусловленных неблагоприятным географическим положением, развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, могли бы сконцентрировать внимание на высокотехнологичных отраслях, которые в меньшей степени опираются на объемы вводимых материальных ресурсов, сопряженные со значительными транспортными издержками. Охват стран, не имеющих выхода в море, региональной

Таблица 3

Потоки ПИИ по регионам мира в 2007—2009 годах (в млрд долл. и %)

Регион	Ввоз ПИИ			Вывоз ПИИ		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Все страны мира	2 100	1 771	1 114	2 268	1 929	1 101
Развитые страны	1 444	1 018	566	1 924	1 572	821
Развивающиеся страны	565	630	478	292	296	229
Африка	63	72	59	11	10	5
Латинская Америка и Карибский бассейн	164	183	117	56	82	47
Западная Азия	78	90	68	47	38	23
Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия	259	282	233	178	166	153
Юго-Восточная Европа и СНГ	91	123	70	52	61	51
Страны со слабой в структурном отношении, уязвимой и небольшой экономикой*	42,5	62,1	50,5	5,3	5,8	4,2
НРС	26	32	28	2	3	1
РСНВМ	16	26	22	4	2	3
МОРАГ	5	8	5	0	1	0
Для справки: доля от общемировых потоков ПИИ в %						
Развитые страны	68,8	57,5	50,8	84,8	81,5	74,5
Развивающиеся страны	26,9	35,6	42,9	12,9	15,4	20,8
Африка	3,0	4,1	5,3	0,5	0,5	0,5
Латинская Америка и Карибский бассейн	7,8	10,3	10,5	2,5	4,3	4,3
Западная Азия	3,7	5,1	6,1	2,1	2,0	2,1
Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия	12,3	15,9	20,9	7,9	8,6	13,9
Юго-Восточная Европа и СНГ	4,3	6,9	6,3	2,3	3,1	4,6
Страны со слабой в структурном отношении, уязвимой и небольшой экономикой*	2,0	3,5	4,5	0,2	0,3	0,4

Таблица 3 (продолжение)

Регион	Ввоз ПИИ			Вывоз ПИИ		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
НРС	1,2	1,8	2,5	0,1	0,2	0,1
РСНВМ	0,7	1,5	2,0	0,2	0,1	0,3
МОРАГ	0,3	0,4	0,4	0,0	0,0	0,0

* Без повторного счета, поскольку некоторые страны принадлежат к двум из указанных трех групп.

Сокращения: НРС — наименее развитые страны;
РСНВМ — развивающаяся страна, не имеющая выхода к морю;
МОРАГ — малые островные развивающиеся государства.

Источники: UNCTAD: *World Investment Report 2010: Investing in Low-Carbon Economy*, New York, Geneva, 2010.

интеграцией, увеличивающий емкость местных рынков, также повысил бы привлекательность их экономик для инвесторов⁴.

Развитие высокотехнологичных отраслей напрямую зависит от инвестиционного климата в стране, эффективности налоговой политики и государственной поддержки. Внедрение новых технологий и применение современных знаний требуют больше времени, чем другие отрасли экономики; сроки возврата инвестиций в данной сфере больше. Поэтому такие отрасли наиболее зависимы от прямых инвестиций, в том числе и государственных.

Некоторые закономерности экономического развития Республики Армения как результат географической изоляции

Республика Армения (РА) относится к странам, где в силу ряда причин (в том числе географической изоляции) импорт товаров и услуг значительно (в 2009 г. — почти в 4 раза) превышает их экспорт, причем за последние годы это соотношение изменилось к худшему. Более того, показатель «объем экспорта по отношению к ВВП» в течение 15 лет постоянно ухудшается. Это означает, что РА не удалось преодолеть трудности, связанные с интеграцией в мировую экономику (см. табл. 4).

В табл. 5 приведены расчеты, характеризующие динамику изменений показателей экспорта, импорта и валового внутреннего продукта в РА. Обобщенные коэффициенты, рассчитанные для определенных периодов времени, дают нам возможность сделать следующие выводы.

⁴ См.: Доклад о мировых инвестициях, 2010. Обзор. Инвестиции в низкоуглеродную экономику. Нью-Йорк — Женева: Организация Объединенных Наций, 2010. С. 18—19.

Таблица 4

Динамика показателей импорта и экспорта товаров и услуг,
чистого экспорта, среднегодового валютного курса и ВВП в РА
за 1995—2010 годы

Годы	Экспорт	Импорт	Чистый экспорт	Среднегодовое значение курса армянского драма к Доллару	ВВП, долл.	ВВП в расчете на душу населения, долл.
1995	299,5/23,3*	726,1/56,4*	-426,6/33,2*	405,9	1 286,7	395
1996	368,1/23,0	888,1/55,5	-520,0/32,5	413,4	1 599,3	492
1997	330,2/20,1	952,5/58,1	-622,3/38,0	490,8	1 638,9	506
1998	359,3/19,0	1 000,0/52,8	640,7/33,9	504,9	1 892,3	585
1999	383,1/20,8	919,1/49,8	-536,0/29,0	535,1	1 845,5	571
2000	446,9/23,4	966,2/50,5	-519,3/27,2	539,5	1 911,6	593
2001	539,6/25,1	977,6/45,4	-438,0/20,3	555,1	2 153,3	659
2002	697,6/29,4	1 107,1/46,6	-409,5/17,2	573,4	2 376,3	740
2003	903,5/32,2	1 405,9/50,1	-502,4/17,9	578,8	2 807,1	874
2004	984,9/27,5	1 513,6/42,3	-528,7/14,8	533,5	3 576,6	1 113
2005	1 336,6/27,3	1 983,8/40,5	-647,2/13,2	457,7	4 902,8	1 523
2006	1 407,6/22,0	2 328,5/36,5	-920,9/14,4	416,0	6 386,7	1 982
2007	1 152,3/12,5	3 267,8/35,5	-2 115,5/23,0	342,1	9 206,0	2 853
2008	1 057,2/9,1	4 426,1/38,0	-3 368,9/28,9	306,0	11 662,0	3 606
2009	710,4/10,8	3 321,1/38,9	-2 610,9/30,6	363,3	8 541,0	2 633
2010	1 011,4/10,8	3 782,9/40,3	-2 771,5/29,5	373,7	9 391,6	2 879
Всего	11 988,0/16,8	29 566,4/41,5	-17 578,4/24,7	461,8	71 177,7	1 375,3

* в числителе — млн долл., в знаменателе — проценты по отношению к ВВП.

И с т о ч н и к: Данные Национальной статистической службы Республики Армении.

1. Среднегодовой рост объемов импорта товаров и услуг в РА опережает среднегодовое увеличение ВВП.
2. Среднегодовой рост объемов экспорта товаров и услуг из республики значительно отстает от среднегодового увеличения ВВП.
3. Среднегодовой рост объемов чистого экспорта товаров и услуг также значительно отстает от среднегодового роста ВВП.

Таблица 5

Значения среднегодовых изменений ВВП,
экспорта и импорта товаров и услуг,
чистого экспорта в РА за 1995—2010 годы

Показатели	1995—2010 гг.		1995—2000 гг.		2001—2006 гг.		2007—2010 гг.	
	Среднегодовой рост, %	В процентах в расчете на однопроцентный среднегодовой рост ВВП	Среднегодовой рост, %	В процентах в расчете на однопроцентный среднегодовой рост ВВП	Среднегодовой рост, %	В процентах в расчете на однопроцентный среднегодовой рост ВВП	Среднегодовой рост, %	В процентах в расчете на однопроцентный среднегодовой рост ВВП
Изменение ВВП	12,33	—	5,45	—	11,05	—	18,00	—
Изменение объемов экспорта товаров и услуг	0,48	0,039	5,50	1,009	10,28	0,930	-5,60	-0,311
Изменение объемов импорта товаров и услуг	14,19	1,151	4,14	0,760	9,67	0,875	21,50	1,194
Изменение чистого экспорта товаров и услуг	-25,47	-2,066	2,98	0,547	8,74	0,791	-55,40	-3,078

Источник: Составлена на основе данных таблицы 4.

Приоритетом политики Армении на протяжении последних нескольких лет является развитие высоких технологий, а также производств, основанных на знаниях. Однако прорыва в этой области пока нет: республика в разы отстает от глобальных тенденций финансирования исследовательских работ, а доля экспортируемых ею технологий в 9 раз меньше среднемирового уровня (см. табл. 6).

Следует отметить, что Казахстан, который также входит в число стран, не имеющих выхода к морю, сумел продемонстрировать значительные успехи в области экспорта технологий.

Определенные шаги, предпринимаемые РА, свидетельствуют о понимании указанных проблем. В частности, осуществляется коренная реорганизация таможенной и налоговой служб, вводятся новые технологии управления, принимаются меры по упрощению пограничных (таможенных) процедур, внедрению электронной отчетности для хозяйствующих субъектов, сокращению времени оформления транспортной документации и др. Однако для кардинального решения всех вопросов необходимы политическая воля и действия, направленные на преодоление проблемы транспортной изоляции республики и устранение монополий в некоторых отраслях ее экономики.

Таблица 6

Развитие науки и технологий в некоторых странах мира

Страна	Научные и технические журналы, 2005	Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (% к ВВП) в 2000—2006 годах	Экспорт высоких технологий	
			млн долл. 2007	% к экспорту промышленной продукции 2007
Армения	180	0,21	9	2
Азербайджан	116	0,22	15	4
Беларусь	490	0,68	346	3
Эстония	439	1,15	840	12
Грузия	145	0,18	39	7
Иран	2 635	0,59	375	6
Казахстан	96	0,28	1 470	23
Кыргызстан	—	0,20	8	2
Латвия	134	0,69	353	7
Литва	406	0,80	1 214	11
Молдова	89	—	14	5
Российская Федерация	887	0,46	1 178	4
Таджикистан	—	0,10	—	—
Турция	7 815	0,76	328	0
Туркменистан	—	—	—	—
Украина	2 105	1,03	1 314	4
Узбекистан	157	—	—	—
Германия	44 145	2,52	155 922	14
Китай	41 596	1,42	336 988	30
Малайзия	615	0,60	64 584	52
Республика Корея	16 396	3,23	110 633	33
Сингапур	3 609	2,39	105 549	46
Великобритания	45 572	1,80	63 066	19
США	205 320	2,61	228 655	28
Весь мир	708 086	2,30	1 807 189	18

Источники: World Development Indicators 2009. Всемирный Банк. С. 314—316.

Способность наименее развитых стран к более эффективному использованию возможностей доступа к рынкам будет определяться национальными мерами, направленными на достижение международной конкурентоспособности своей продукции. Эта задача является долгосрочной и связана с решением сложных взаимосвязанных вопросов, которые невозможно урегулировать в отрыве друг от друга.

Требуются конкретные меры по содействию укреплению потенциала стран на основе развития физической и организационной инфраструктуры, грамотного использования людских ресурсов, обеспечения беспрепятственного и расширенного доступа к рынкам и правильного применения соответствующих политических инструментов с целью повышения конкурентоспособности секторов, представляющих стратегическое значение для развития торговли.

Многосторонние правила торговли, региональные соглашения должны дополнять усилия по интеграции. Кроме того, в рамках этих соглашений должны быть предусмотрены условия, способствующие приспособлению стран-участниц к более либеральным и конкурентным режимам торговли.

Вместо заключения

Торговые преференции, установленные международными организациями для обеспечения конкурентоспособности изолированных экономик на мировых рынках, поощряют неэффективность производства; не помогли и значительные перечисления в виде помощи населению этих стран. В данном случае единственной приемлемой стратегией может стать налаживание взаимоотношений с более богатой «страной-патроном» и, по крайней мере, недопущение конфликтов с соседними странами.

Несмотря на то что внутренние и внешние факторы оказывают значительное влияние на экономическое развитие стран, их нельзя считать определяющими и непреодолимыми. Успехи и провалы во многом зависят от качества «государственной машины» и от того, насколько эффективно она управляет экономическими процессами.

Эффективность управления экономическими процессами позволит нивелировать такие отрицательные факторы, как

- 1) наличие конфликта с соседней страной;
- 2) низкое качество транспортной инфраструктуры;
- 3) недостаток природных ресурсов;
- 4) высокая степень монополизации экономики, в частности в экспортно ориентированных отраслях.

Таким образом, хорошо отлаженная государственная машина помогает преодолеть последствия географической изоляции, снизить расходы до уровня, позволяющего конкурировать при экспорте товаров и услуг, создать благоприятную среду для предпринимательства, предоставить экономические свободы, а также установить конкурентные цены для приобретения собственности, в отношении которой будет обеспечена правовая защита.